

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Россия и Запад

Формирование
внешнеполитических стереотипов
в сознании российского общества
первой половины XX века

Москва
1998

Авторский коллектив:

Голубев А.В. (*введение; гл.1, раздел 1; гл.2, раздел 1; гл.3, раздел 1-2; гл.4, раздел 2*); Кудюкина М.М. (*гл.3, раздел 1*); Минаков С.Т. (*гл.3, раздел 3*); Невежин В.А. (*гл.2, раздел 1-2, гл.3, раздел 4*); Рудая Е.Н. (*гл.3, раздел 1*); Саран А.Ю. (*гл.1, раздел 2, гл.3, раздел 1*); Сенявская Е.С. (*гл.4, раздел 1*); Сергеев Е.Ю. (*гл.1, раздел 2*); Яковенко И.Г. (*гл.1, раздел 1; заключение*)

Редакционная коллегия:

Борисов Ю.С., *д.и.н.*;
Голубев А.В., *к.и.н.* (отв. редактор);
Кудюкина М.М.; Невежин В.А., *к.и.н.*

Рецензенты:

Нежинский Л.Н., *д.и.н.* (*ИРИ РАН*);
Листиков С.В., *к.и.н.* (*ИВИ РАН*)

Введение

Важное место в жизни народов любой страны занимают проблемы взаимоотношения с ближними и дальними соседями по планете. Даже для проведения политики изоляции от внешнего мира необходимо выбирать средства, адекватные задаче, а значит — иметь представление о тех, от кого намерен отгородиться. И гораздо более полные знания требуются для контактов иного рода.

Противостояние Западу — одна из устойчивых характеристик русской истории. Сложилась сильнейшая инерция такого противостояния. Оно закреплено в культуре, в массовом сознании, стало частью политической культуры. В нашей стране существуют достаточно влиятельные силы, которые стремятся представить противостояние Западу как «судьбу» России, а русскую культуру как сущность, онтологически противостоящую ценностям и духу западной цивилизации.

Наряду с этой существует и другая, доминирующая сегодня позиция. Причем она опирается не только на политическую прагматику, но и на мощную устремленность к ценностям и образу жизни, которые массовое сознание связывает с Западом. Такие настроения особенно сильны среди молодежи. В то же время в обществе живы изоляционистские настроения и целые социальные категории связывают устойчивое самоопределение во вселенной с рассматриваемым противостоянием. Россия находится на развилке. И проблема, которую условно можно обозначить как «Россия и Запад», является полем напряженной идеологической борьбы. Это означает, что она заслуживает серьезного и непредубежденного научного исследования. В зависимости от познавательных интересов, отношение России с западным миром можно исследовать в различных плоскостях.

В течение длительного времени Россия, хотя бы неосознанно, ощущала свою чуждость по отношению к Европе. Именно это ощущение рационализировал Н. Я. Данилевский в своей теории культурно-исторических типов. Возможно, сама открытость ее огромных границ вызывала подсознательное желание как-то отгородиться от враждебного мира, окружить себя своеобразной «буферной зоной» — не только в военном, но и в культурном отношении. Отсюда — настоящие

попытки представить себя центром если не мира в целом, то некоей сравнительно небольшой общности вокруг собственных границ, например, «мира православного», позднее — «мира славянского», еще позднее — «социалистического лагеря».

Противостояние Западу, как и любой актуальный исторический процесс, неизбежно мифологизируется, обрастает стереотипами. Складывается инерция восприятия и устойчивой трактовки. Однако историческая реальность всегда была гораздо сложнее, и логика исторического развития необходимо приводила к диалогу культур, диалогу, зачастую осуществлявшемуся через конфликт.

Взаимодействие России и внешнего мира, прежде всего Запада, происходит в разных материальных и духовных сферах, а интенсивность и эффективность всякого рода контактов зависит от закономерностей как внутреннего развития, так и взаимного восприятия. Восприятие культур подчинено определенным механизмам, характерным для массового сознания, в котором по-прежнему господствует древнейший тип сознания, получивший наименование мифологического. Он описан в классических трудах К.Леви-Стросса, Дж.Фрейзера, А.Ф.Лосева и других. Но, хотя изучение его основывалось на материале архаических или реликтовых обществ, этот тип сознания постоянно проявляется и в сюжетах современной истории.

Если в специализированных сферах сознания преобладает, как правило, рационалистический подход, для которого характерно следование законам логики, наличие системы доказательств, выводы, основанные на изучении *реального* мира и *реального* человека, то обыденное сознание зачастую конструирует *свой* мир, существующий и развивающийся по своим собственным законам. Абстрактные обобщения при этом нередко подменяются наглядно-чувственными ассоциациями.

Важнейшей чертой мифологизированного сознания является его авторитарный характер, исключаящий сомнения и самостоятельный поиск истины, стремление опереться на веру и эмоции, но не на знание. Подобное сознание внеисторично; оно рассматривает прошлое не как объективную реальность, а как своеобразное сырье для создания мифа, обращенного скорее к современнику. Речь идет в данном случае не столько о сознательном искажении истории,

сколько о том, почему подобные искажения легко находят точки опоры в массовом сознании.

Рациональный XX век привел к тому, что современные мифы зачастую претендуют на научность, пользуясь соответствующей терминологией, и внешне могут выглядеть достаточно рационально. Но механизм их возникновения и особенности восприятия остаются прежними, все свойства мифа сохраняются, в том числе и такое, как неспособность к развитию в соответствии с изменениями реальности.

Мифологический тип сознания всегда играл значительную роль в истории. Массовые движения самого разного типа и политической ориентации искали, сознательно или бессознательно, и находили себе опору именно в этих свойствах массового сознания. С особой отчетливостью это проявилось в политической истории XX в.¹

Внешний мир для мифологизированного сознания предстает как арена борьбы светлых и темных сил, причем все его многообразие воспринимается в черно-белом цвете. Картина мира предельно упрощена и наполнена враждующими началами — что заставляет вспомнить выводы К. Леви-Стросса о роли так называемых бинарных оппозиций в мифологии первобытного общества².

Вместе с тем необходимо учитывать определенные закономерности, близкие к законам индивидуального восприятия³. Среди них можно выделить избирательность восприятия, когда обращается внимание не на все, а лишь на некоторые проявления материальной или духовной культуры. Это вполне естественное свойство, поскольку невозможно сразу увидеть все свойства иной культуры, да и процесс познания любого объекта вряд ли можно когда-либо признать завершенным и исчерпанным. Вторым свойством восприятия является глобализация, то есть рассмотрение отдельных черт объекта в целостной системе. При этом отдельные черты культуры могут искажаться при восприятии. Наконец, третьей чертой восприятия можно считать его проективность. Восприятие происходит не на чистый лист, а на собственную культурную целостность, поэтому неизбежно совершается перенос черт и закономерностей своей культуры на иную — часто, особенно в начале контактов, видят не то, что есть, а то, что могут или хотят увидеть.

Восприятие иной культуры в значительной степени зависит от имеющейся у носителей культуры — конкретного лица, социальной группы, этноса — собственной установки, т.е. предрасположенности субъекта к определенной реакции на объект⁴. Она связана с ценностной ориентацией, что в свою очередь определяется интересами и потребностями рассматриваемого социального феномена. В рамках группы могут существовать противоположные интересы, являющиеся основой для формирования противоположных установок.

Психолог Д.Н.Узнадзе считает, что именно через установку аккумулируется социальный опыт, опосредуется воздействие внешних условий и уравниваются отношения социального объекта и среды⁵. Психологи школы Д.Н.Узнадзе и сторонники концепции «аттитюд» выделяют несколько составляющих элементов установки — эмоциональную сторону, смысловую (когнитивную) и поведенческую.

Формируется социальная установка несколькими путями: во первых, в ходе непосредственной деятельности накапливается собственный опыт. Второй путь — расширение ценностной ориентации до определения на ее основе целей деятельности. Наконец, установка формируется извне — в ходе воспитания, обучения, при идеологическом воздействии.

Установка проявляется как в ходе принятия решения, так и в процессе деятельности, в социальной оценке явлений, событий, личностей, принадлежащих к иной культуре. Эти проявления достаточно часто фиксируются в источниках разного типа, т.е. для анализа установок имеется довольно значительный исторический материал.

В зависимости от уровня развития культуры, от положения социального слоя или личности как носителей установки определяется и ее характер, основным показателем которой является экстравертность, т.е. стремление к установлению, сохранению и расширению контактов с внешним миром или интравертность — склонность к сокращению и сворачиванию таких контактов.

Восприятие чужой культуры может быть со знаком отталкивания или со знаком притяжения. Отталкивание, которое может варьироваться от игнорирования до активнейшей борьбы с иностранным влиянием, происходит как в случае становления или деградации собственной культуры, когда

более сильная чужая культура может поглотить отечественную, так и в момент подъема — на почве третьей культуры происходит отталкивание конкурента по экспансии. Притяжение во взаимовосприятии культур также возникает в двух ситуациях: когда собственная культура сильна и поглощает чужую и когда слабеющая отечественная культура сама поглощается иной культурой.

В диалоге культур взаимовосприятие проявляется на уровне стереотипов мышления. Стереотип в данном случае рассматривается как феномен общественного сознания, в котором фиксируется схематизированное представление этноса или социальной группы о внешнем мире в целом и его составных частях, отдельных сторонах жизни людей внешнего мира. Эмоциональная окрашенность стереотипа имеет оценочное значение. Стереотипы комплементарности, дружбы с другой культурой, с другим народом характерны для притяжения во взаимовосприятии, а стереотипы врага — для отталкивания. В данном случае стереотипы опираются на архетипы сознания, первые оценочные рефлексы: «опасность — отсутствие опасности» соответствуют ответу на этот вопрос. Происходит квалификация другого по принципу «свой-чужой».

Представление о других странах и народах зависит от культурных традиций, которые вырабатываются в ходе экономического, политического и других видов развития. Восприятие может быть разной степени адекватности, но в любом случае опирается на стереотипы, составляющие основу менталитета. Причем национальный менталитет не является единым, но специфичен для разных социальных слоев, имеющих собственные цели, связанные с объектом восприятия. Опора этих структур на древние слои сознания подтверждается парностью стереотипов (англофилия-англофобия, германофилия-германофобия и т.д., вплоть до установки на космополитизм или на ксенофобию).

Американский исследователь У.Липпман определил стереотипы как «упорядоченные, схематичные, детерминированные культурой «картинки мира» в голове человека, которые экономят его усилия при восприятии сложных социальных объектов и защищают его ценностные позиции и права»⁶. От представлений, формирующихся в соответствии с механизмами рационального типа сознания, которые при-

нято называть образами, стереотипы отличаются в первую очередь своей одномерностью и отсутствием обратной связи с реальностью, что и позволяет связать их с механизмами мифологического массового сознания.

Необходимо оговориться, что роль стереотипов нельзя оценивать только негативно; они выполняют важные функции, в частности, способствуют селекции и структурированию информации, поступающей извне⁷.

Роль стереотипов возрастает в кризисные эпохи, когда мозг не справляется с переработкой информации, поступающей извне. И тогда у политических лидеров — и не только у них — «возникает изначальная тенденция строить доминирующий в сознании образ-концепцию и ассимилировать в него все происходящее»⁸. С другой стороны, их влияние зависит и от личного опыта освоения действительности. Чем больший подобный опыт накоплен у каждого конкретного человека, тем менее он склонен в данной области мыслить стереотипами. Но верно и обратное: в тех областях, где личный практический опыт невелик или полностью отсутствует, иногда весь процесс мышления сводится к воспроизводству стереотипных суждений. Это в полной мере относится к представлениям «среднего человека» об иных странах, об этносах, не живущих в непосредственной близости, и т.п.

Представления об иных народах получили в науке наименование этнических представлений. Они, как правило, не просто включают в себя те или иные мнения, но и выражают эмоциональное отношение к объекту. Эти представления различаются по степени их достоверности и детализации, кроме того, различается, и иногда существенно, их эмоциональная окраска.

Этнические представления складываются исторически и зависят от ряда факторов, в частности, территориальной близости, длительности исторических связей с данным народом, характера этих связей, и др. Различные представления существовали в различных слоях общества. «Книжники», естественно, имели гораздо более детальные и обычно более достоверные представления о том или ином народе по сравнению со стереотипами, существовавшими в массовом сознании.

Этнические представления «являются органической частью духовной жизни общества, которая складывается из идей, концепций, мировоззрений и чувств, господствующих

в данное время в обществе», — пишет Н.А.Ерофеев⁹. Представления об иных этносах и культурах — неотъемлемая и принципиально важная составляющая национального самосознания, ибо именно эти представления позволяют судить о том, как данная нация видит свое место в мире, как она определяет отношение своей культуры к другим культурам, своей системы ценностей к системам ценностей иных народов.

Действительно, именно противопоставление своей общности другим всегда способствовало фиксации этнических отличий и тем самым — данной общности в целом. И этнические представления «отражают не одну, а две реальности, или, точнее, два народа — и тот, чей образ формируется в сознании другого народа, и тот, в среде которого эти представления слагаются и получают распространение»¹⁰.

Стереотипы, связанные с восприятием внешнего мира, то есть этнические или, применительно к XX веку, скорее, внешнеполитические стереотипы, формируются на основе различных источников — базового образования; впечатлений от восприятия иной культуры, например, классической литературы, живописи, музыки; средств массовой информации. И лишь для современных обществ, и то далеко не для всех, одним из основных источников информации о внешнем мире являются личные впечатления.

В истории советского общества мифологическое сознание сыграло особую роль. Уже революцию 1917 г. (включая и Февраль, и Октябрь) нельзя объяснить, не анализируя процессов, происходящих в массовом сознании. Победа революции привела к дальнейшей мифологизации массового сознания. В свое время Р.Коллингвуд подметил сходство марксистского мировосприятия с христианской эсхатологией, правда, вместо Страшного Суда в качестве переломного момента истории выступала социальная революция, означающая переход из царства тьмы в царство света¹¹.

Но особого размаха мифологизация сознания достигла в эпоху существования тоталитарного политического режима, в 1930—50-е годы. Этот режим, как и все режимы данного типа, отличался двумя особенностями. Во-первых, он стремился контролировать не только те или иные действия, но также эмоции и мысли населения. Во-вторых, подобные режимы обладают способностью создавать для себя массовую

поддержку; как отмечает американский исследователь М.Кэртис, тоталитаризм «основывается на массовой поддержке и массовых движениях в большей степени, чем на экономических и социальных группах, составляющих элиты ранних обществ»¹². Одним из основных средств достижения этого являлась мобилизация общества или его значительной части для достижения единой цели, имеющей общенациональное значение.

Уже эти особенности тоталитарных режимов указывают на их тесную связь с процессами, происходящими в массовом сознании. С ними связано возникновение этого типа режимов; с другой стороны, тоталитаризм не мог не наложить отпечаток на общественное сознание. В частности, он способствовал консервации мифологического типа сознания, на который опирался¹³.

Одновременно в качестве общенациональной цели, способствующей его легитимизации, режим выдвигал программу качественного обновления страны, включающую индустриализацию, преобразование сельского хозяйства и культурную революцию. В сущности это была программа модернизации, хотя сам термин и не употреблялся, ведущая к превращению России в индустриальное общество. Процесс модернизации сам по себе сокращал сферу мифологического сознания, по крайней мере, это происходило в других обществах. Впрочем, эти последствия модернизации проявились лишь какое-то время спустя.

В отличие от режимов авторитарных, тоталитарный режим не стремился держать массы в стороне от политики, напротив, происходила всеобщая, сознательно подталкиваемая политизация массового сознания. Уже в первые годы после революции была создана невиданная в истории система учреждений и механизмов, преследующих чисто пропагандистские цели, что позволило американскому историку П.Кенезу определить СССР как «пропагандистское государство»¹⁴. Определенная картина внешнего мира представляла собой неотъемлемую часть официальной мифологии. В полном соответствии с описанными выше механизмами мифологического сознания, она представляла мир, как арену великой борьбы между силами прогресса, олицетворяемыми в первую очередь коммунистическим и рабочим движением, и силами реакции, причем победа первых была неотвратима, как второе пришествие Христа в представлении верующих.

Вместе с тем в массовом сознании формировалась хотя и мифологизированная, но далеко не всегда совпадающая с созданной официальной пропагандой, картина внешнего мира. Задача данной монографии — проанализировать культурно-исторические предпосылки, организацию и содержание официальной пропаганды и те представления о внешнем мире (внешнеполитические стереотипы), которые формировались в различных социальных группах российского и советского общества.

Проблема взаимовосприятия культур, находящаяся на стыке истории, культурологии, социальной психологии, в отечественной историографии исследована слабо, почти нет монографий, тем более обобщающих трудов, хотя на Западе эта проблема изучается в течение многих десятилетий¹⁵. Лишь в последние годы появились отдельные работы, посвященные механизмам формирования и функционирования внешнеполитических представлений и стереотипов¹⁶, в том числе на материале российской истории¹⁷. Но что касается последнего столетия, таких работ очень мало и, за немногими исключениями, все они посвящены лишь одному аспекту проблемы — организации и функционированию официальной пропаганды¹⁸. Что касается восприятия Запада в СССР, эта проблема в отечественных исследованиях практически не затрагивалась¹⁹ (лучше других, хотя в первую очередь благодаря американским ученым, исследована проблема взаимовосприятия СССР и США²⁰). Лишь в самые последние годы сюжеты, связанные с восприятием внешнего мира, стали затрагиваться в работах, посвященных общественному сознанию²¹.

В данной монографии рассматривается процесс формирования внешнеполитических стереотипов в советском обществе в первую половину XX в. В центре — противоречивый и постепенно меняющийся образ Запада, динамику изменения которого как раз и старались показать авторы монографии.

Монография является, таким образом, первой попыткой подвести хотя бы предварительные итоги и наметить основные направления дальнейших исследований.

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА ЗАПАДА

1. Россия и Запад: возникновение образа (XI—XIX вв.)

«Образ другого» в историческом аспекте является сложным понятием, уходящим корнями в историческую реальность, в эволюцию общественного сознания на определенных поворотах мировой и отечественной истории.

Представления русских об иностранцах вообще трудно определить сколько-нибудь однозначно: они формировались в зависимости от исторической эпохи, от конкретной ситуации, от образовательного уровня и социального статуса носителей этих представлений. Если для представителей придворной знати определяющее значение имел опыт общения с иностранцами, а часто и личные впечатления от поездок за рубеж, то основная масса населения получала информацию о внешнем мире в форме слухов и легенд. «В процессе многоэтапной устной передачи события не только обрастали вымышленными подробностями, но нередко и кардинально меняли свой характер — в зависимости от представлений, симпатий и чаяний той среды, в которой распространялись слухи,» отмечает современный исследователь¹. Лишь в редких случаях носителями информации выступали очевидцы, чаще всего отставные солдаты.

В памятниках древней русской литературы, в частности, в «Повести временных лет», «заметна приверженность летописца к категории «всеобщего», без экспрессивного различения «своего» или «чужого» этносов, разделения их границами»². Подобное явление получило название «международного синкретизма» культуры³. Как отмечал Д.С.Лихачев, Русская земля мыслилась «не только во всей ее широте, но и как часть вселенной, во всяком случае — как часть христианского мира»⁴. Эта мысль хорошо иллюстрируется в знаменитом «Хождении игумена Даниила», относящемся к XII в. В этом древнейшем русском описании паломничества в Свя-

тую землю постоянно ощущается представление автора о неразрывной связи Руси как целого с тогдашним религиозным центром мира. Но уже здесь проскальзывает пренебрежительное отношение к католическому духовенству. «Начали вечерню петь на гробе [господнем — авт.] попы православные, и черноризцы, и все духовные мужи», — пишет Даниил, и тут же добавляет: «латиняне же в великом алтаре начали верещать по-своему»⁵. И уж совершенно негативные представления о католиках, которые «заблуждаются в вере и нечисто живут», отразились в «Слове» Феодосия Печерского (XI век), обращенном к великому князю Изяславу⁶.

Более того, в большинстве переводных эсхатологических произведений, распространенных в средневековой Руси, рай располагается на востоке, а ад, соответственно, на западе. Так, например, в «Слове о видении апостола Павла», чтобы попасть в ад, надо из рая лететь вниз, на запад, к основанию неба, где течет река Окион, обходящая вселенную, а уже за ней находится ад⁷.

По мнению видного историка русской церкви А.В.Карташева, причиной негативного отношения русских к Западу в целом и к католицизму в частности стало влияние Византии. По его мнению, на Руси под влиянием греков-митрополитов была воспринята крайняя форма осуждения всего латинского. Думается, однако, что здесь действовали и иные, глубинные факторы.

Характерно, что тенденции противостояния Западу в северо-восточной Руси были более заметны, чем в Киевской. Необходимо подчеркнуть, что северо-восточная Русь не была простым продолжением Киевской Руси. Наряду с элементами преемственности, здесь реализуется существенно отличная модель, представляющая один из вариантов исторического развития, избранных наследниками Киевской Руси. На юго-западе, в Волыни и Галиче сложилась другая картина, на севере, в Новгороде, реализовался третий вариант. Северо-западные области пошли по пути синтеза с Литвой и в конечном итоге северо-запад и юго-запад объединились. Исторические судьбы наследников Киева — специальная проблема. Мы только хотим подчеркнуть, что противостояние Западу не было единственно возможным вариантом развития

тую землю постоянно ощущается представление автора о неразрывной связи Руси как целого с тогдашним религиозным центром мира. Но уже здесь проскальзывает пренебрежительное отношение к католическому духовенству. «Начали вечерню петь на гробе [господнем — авт.] попы православные, и черноризцы, и все духовные мужи», — пишет Даниил, и тут же добавляет: «латиняне же в великом алтаре начали верещать по-своему»⁵. И уж совершенно негативные представления о католиках, которые «заблуждаются в вере и нечисто живут», отразились в «Слове» Феодосия Печерского (XI век), обращенном к великому князю Изяславу⁶.

Более того, в большинстве переводных эсхатологических произведений, распространенных в средневековой Руси, рай располагается на востоке, а ад, соответственно, на западе. Так, например, в «Слове о видении апостола Павла», чтобы попасть в ад, надо из рая лететь вниз, на запад, к основанию неба, где течет река Окион, обходящая вселенную, а уже за ней находится ад⁷.

По мнению видного историка русской церкви А.В.Карташева, причиной негативного отношения русских к Западу в целом и к католицизму в частности стало влияние Византии. По его мнению, на Руси под влиянием греков-митрополитов была воспринята крайняя форма осуждения всего латинского⁸. Думается, однако, что здесь действовали и иные, глубинные факторы.

Характерно, что тенденции противостояния Западу в северо-восточной Руси были более заметны, чем в Киевской. Необходимо подчеркнуть, что северо-восточная Русь не была простым продолжением Киевской Руси. Наряду с элементами преемственности, здесь реализуется существенно отличная модель, представляющая один из вариантов исторического развития, избранных наследниками Киевской Руси. На юго-западе, в Волыни и Галиче сложилась другая картина, на севере, в Новгороде, реализовался третий вариант. Северо-западные области пошли по пути синтеза с Литвой и в конечном итоге северо-запад и юго-запад объединились. Исторические судьбы наследников Киева — специальная проблема. Мы только хотим подчеркнуть, что противостояние Западу не было единственно возможным вариантом развития

событий. Новгородское государство и русские земли, вошедшие в Великое княжество Литовское, а позднее Речь Посполитую, демонстрируют совершенно иную меру включенности в Западную Европу и другие модели соотношения с Западом.

Реализованная Александром Невским стратегия союза с Ордой и противостояния Западу оказывается логичным и неизбежным продолжением утвердившейся на северо-востоке линии исторического развития. В противном случае противостояние Западу не закрепилось бы как устойчивая характеристика северо-восточной Руси.

Однако реализованная на северо-востоке историческая модель утверждается в конкурентной борьбе с другими тенденциями. А это означает, что в конкретной ситуации северо-восточного региона она представляла наиболее эффективную и перспективную стратегию построения государственности и утверждения цивилизации. В остальных регионах Киевской Руси, где сложилась другая мозаика факторов, развитие шло в направлении европейского феодализма. Там победили другие стратегии, но показательно, что модель, реализованная на северо-востоке, в конечном счете возобладавала. В течение восьми веков она оказывалась наиболее эффективной с точки зрения сохранения государственности и конкурентной борьбы за пространства и ресурсы. И надо осознать, что противостояние Западу как органический момент входило в эту стратегию исторического развития.

Таким образом объяснения, которые сводят дело к тому, что неприятие Запада пришло на Русь из Византии, то есть оказывается чем-то внешним, случайным представляются еще более неубедительными. Дело в том, что сами конфессии являются формой цивилизационного синтеза крупного этнокультурного региона. В концепции Творца самообнаруживается метальная и психологическая общность, то сущностное единство, которое объединяет племена и народы, проживающие на некоторой территории. Но у этой территории есть свои пределы, вне которых доминирует другое мироощущение и иные цивилизационные принципы.

Православие и католицизм, сложившиеся как самостоятельные конфессии, явились результатом цивилизационного

синтеза двух культурных кругов — Запада и Востока христианской Ойкумены. Причем граница между ними не являлась случайной. На карте мира достаточно регионов, в которых границы конфессий значительно смещались, прежде чем окончательно устояться: ислам утверждался на месте буддизма, кое-где католицизм ассимилировал первоначально православные территории. Иными словами, границы конфессиональных кругов тяготеют к охвату территории, на которой эта вера отвечает характеристикам ментальности, органично вписывает человека в мир, оказывается достаточно адаптивной. Последующие подвижки конфессиональных границ лишь корректируют случайности первоначального раздела территории.

С этих позиций неприятие православными католического мира, при том, что для огромной массы населения оно было иррациональным, вело к мифологизации противника, и принимало отталкивающие формы, не было ни случайным, ни бессмысленным. Показательно, что католики отвечали тем же, и в этом взаимоотторжении просматривается естественное отторжение исторической альтернативы. Несмотря на то, что в Византии сосуществовали две линии по отношению к латинянам — умеренная и фанатичная, осуждавшая даже житейское общение с ними, на Руси, как уже отмечалось, была воспринята именно вторая. Более того, крайняя форма неприятия «латины» окончательно утверждается лишь в Московии. На юго-западе и на северо-западе складывается более сложная картина, и в конечном счете целые районы исторической Киевской Руси принимают унию.

Отчуждение северо-восточной Руси от Запада особенно усилилось после татарского нашествия. В отличие от хазар, печенегов, половцев татары были восприняты как некий «бич божий», что отразилось в русских летописях. Борьба с Золотой Ордой и ее наследниками надолго определила курс русской истории. Отношения с соседними странами были прерваны. Лишь с середины XIV в. параллельно с освобождением от татарской зависимости начинается восстановление связей с Европой, прежде всего — с балканскими православными странами. Русская культура постепенно вновь включается в общеевропейские культурные процессы. Появляется, в

частности, огромное количество новых переводов церковных и светских произведений.

В 1439 г. во Флоренции состоялся церковный собор, на котором была провозглашена уния восточной и западной христианских церквей. В соборе участвовал и русский митрополит Исидор, сторонник унии. Сохранились путевые записки русских участников собора, первые русские описания Западной Европы, дошедшие до нас. Для одного из них, принадлежавшего перу спутника суздальского епископа Авраамия, характерно полное отсутствие негативного отношения к «латинству», напротив, о культуре и жизни западных стран неизвестный суздалец пишет с большим уважением, искренне, хотя и немного наивно, восхищаясь ими. Православная принадлежность автора сказалась лишь в поименном перечислении православных иерархов — участников собора, да в мимоходом сделанном, хотя и очень любопытном замечании, что уния означала «прощение» латинян греками⁹. Сам суздальский епископ оставил описание театрального представления, евангельских мистерий (зрелище «умильное и несказанным веселием исполненное»)¹⁰. Как подчеркивает Н.А.Казакова, авторы этих произведений были лишены религиозной узости и нетерпимости и с любознательностью всматривались в новый для них мир¹¹.

Однако на Руси подписание Флорентийской унии вызвало резко отрицательную реакцию. Московское государство стремилось закрепить свою политическую независимость и, в отличие от Византии, ожидавшей турецкого нашествия, не испытывало неотложной необходимости в помощи Запада. Стремление католической церкви к прозелитизму вызвало естественную, хотя, возможно, и преувеличенную реакцию отторжения. Исидор был низложен и бежал из России, а недоверие к Западу усилилось. Русская культура постепенно оказалась вновь отрезанной от Запада, но уже по идеологическим причинам.

После взятия турками в 1453 г. Константинополя, греческая православная церковь пришла в упадок. Москва явилась как бы духовной наследницей Византии, «третьим Римом». Ее новая роль была закреплена и легендой о происхождении великих князей владимирских от римского императора Авгу-

ста, и династическим браком Ивана III с Софьей Палеолог, и избранием русского митрополита, преемника Исидора, без согласия Константинополя. С конца XV в. Россия рассматривала себя как единственную защитницу православия на Востоке и от «басурман», и от «латинян».

Как отмечал видный православный богослов А.Шмеман, Флорентийская уния и падение Константинополя были восприняты в России как «апокалиптическое знамение». Рухнул авторитет греческой церкви. Но, подчеркивает А.Шмеман, «взлет национально-религиозного сознания обернулся торжеством московского самодержавия»¹². Более того, внешнеполитические успехи России, совпавшие по времени с гибелью Византии, привели к осознанию собственного превосходства. Как писал историк начала XX в., «все «свое», по мнению русских, было много выше и лучше «чужого», и они презрительно относились ко всему иноземному, откуда бы оно ни шло — с Балканского ли Востока или с Европейского Запада»¹³.

Негативную реакцию в России вызвали сообщения о распространении на Западе Реформации. Появление многочисленных «ересей» воспринималось как доказательство ничтожности католицизма как такового. Антипротестантская полемика заняла видное место в русской публицистике середины XVI в., в нее включился даже сам Иоанн IV¹⁴. С другой стороны, существенную роль в культурной изоляции России играла и позиция Запада. Деятели католической церкви в свою очередь рассматривали православие как ересь, заслуживающую лишь искоренения. Эта позиция нашла яркое отражение в произведениях иезуита Антонио Поссевино. Он имел с Иоанном Грозным и русским духовенством несколько «бесед о вере», однако, как и следовало ожидать, равноправного диалога не было, да и не могло быть, а взаимное отторжение усилилось.

К этому времени, как пишет А.Шмеман, в России проявилась тенденция отказаться от византийского наследия в пользу своего, русского православия. «Национальное утверждение Руси совершалось против Византии, но с ним отвергалось и вселенское православное наследие», — подчеркивает

он. А на увлечение Западом русских верхов церковь «ответила анафемами Западу за то, что он Запад»¹⁵.

Хотя постепенно московское общество вовлекается в более широкие контакты с неправославной Европой или, собственно, Западом, с самого начала это взаимодействие происходит сложно и свидетельствует о непростом, амбивалентном отношении. С одной стороны, Москва жестко изолируется от Запада. Если суммировать свидетельства иностранцев, можно нарисовать такую картину: границы страны, как им в нашем отечестве и положено, на замке. Выезд запрещен, пути на Запад строго охраняются. Иностранцы находятся под постоянным присмотром, фактически под домашним арестом. Любое свободное, неконтролируемое общение с ними невозможно. Во всяком случае, начиная с середины XVI в. изоляция России от Запада становится почти полной. Этому способствовал и разгром Иоанном Грозным Новгорода, который всегда служил «воротами» для западного влияния. Московское самодержавие стремилось к максимальному ограничению контактов с европейскими странами, что отмечали и западные наблюдатели, например Дж.Флетчер, который сообщает, что «бежать отсюда очень трудно, потому что граница охраняется чрезвычайно бдительно, а наказание... есть смертная казнь и конфискация всего имущества»¹⁶.

С другой стороны, налицо специфический, но все же интерес. Царь принимает послов и купцов, беседует с ними. На высшем уровне российского государства, где можно не опасаться за души подданных, налицо явный интерес к Западу, стремление разузнать о нем побольше, понять природу западноевропейской жизни, ориентироваться в ситуации.

При этом просматривается напряженное стремление подтвердить свои привычные представления. Политическая элита российского общества желает познать природу европейской жизни, но при этом она ожидает, что происходящее в Европе подтвердит исходную идеологему. С этой точки зрения показательны письма Ивана Грозного.

Так, обращаясь к польскому королю Стефану Баторию, царь пишет: «...жил ты в державе бусурманской, а вера латинская — полухристианство, а паны твои держатся иконоборческой лютеранской ереси. А ныне мы слышим, что на

твоей земле устанавливается вера арианская, а где арианская вера, там имени Христова быть не может...» А в письме Елизавете Английской содержится показательный, любимый историками пассаж: «Мы надеялись, что ты в своем государстве и сама владеешь и о государственной чести заботишься и о выгодах для государства... Но, видно, у тебя, помимо тебя, люди владеют, и не только люди, но мужики торговые... А ты пребываешь в своем девическом чину, как есть пошлая девица...»¹⁷ Другими словами, московское правительство обращает свой взор на Запад с тем, чтобы лишний раз убедиться: все правильно, Москва — Третий Рим, именно здесь мистический центр мироздания. Все же внешние земли отданы хаосу и несопоставимы с православным царством.

Судить о том, как в интересующую нас эпоху воспринимали Запад народные массы, сложнее. Можно лишь предположить, что зафиксированные в XVIII—XIX вв. представления о «латине и люторе» относятся и к гораздо более ранним временам, а также суммировать замечания иностранных путешественников, в частности, об их общении с купцами, учитывая, что в допетровской Руси культура общества была достаточно целостной. В таком случае мы получим острое неприятие и демонизацию Запада и отмечаемое иностранцами наивное убеждение в безусловном превосходстве Москвы и московских порядков, непоколебимую уверенность в святости православия как единственно спасительной веры и пагубности любого «инославия». Если царь, как об этом свидетельствуют иностранцы, мыл руки в специальной лохани после приема послов (этот обычай продержался до середины XVII в.), то архангельские купцы, торговавшие в то же самое время с иностранными купцами, шли по завершении торгов в храм и совершали службу, так сказать, в очищение от скверны.

О том, что иностранец воспринимался на Руси как «бес», что в нем не видели человека в собственном смысле, свидетельствует многое. Так, на иностранцев не распространяются нормальные нравственные нормы. В.О.Ключевский отмечает, что дипломатические приемы московских бояр повергали в отчаяние иностранных послов. Их убивала двуличность, бесцеремонность, постоянная ложь, легкость, с которой они

давали и нарушали обещания: «Если их уличали во лжи, они не краснели и на упреки отвечали усмешкой»¹⁸.

Наконец, страх и неприятие Запада обуславливались теми блоками архаики, которые сохранялись в пространстве российской ментальности. Как носитель динамического цивилизационного начала, западный человек отрицал московский космос. Мир пропитанного язычеством двоеверия не сочетался с человеком эпохи реформации. В этом отношении низовая демонизация Запада являлась закономерной реакцией. Из церковной и политической идеи самоизоляция за несколько веков превратилась в устойчивую системообразующую характеристику народной культуры. У нас есть все основания полагать, что по крайней мере до середины XVII в. отношение к Западу в Московии было единым. И позднее в простонародной фобии, определявшей восприятие всего западноевропейского, до нас доходят идеи и рефлексии допетровской Руси.

Архаическая народная ментальность демонизировала разрушительную для нее западноевропейскую культуру и всеми силами старалась самоизолировать от последней. Правительство готово было идти навстречу этой ментальности, однако необходимость модернизации общества понуждала к внедрению в самые широкие массы элементов новых технологий, знаний, образа жизни, бюрократических порядков. На этом пересечении и разжигалась фобия Запада.

Существует точка зрения, согласно которой неприятие европейской культуры определялось тем, что все нововведения оборачивались для народа дополнительными тяготами и бедствиями. Этот подход упрощает проблему. Петровские нововведения обрушились в первую очередь на дворянство и дались ему непросто. Однако дворянство тем не менее достаточно быстро приняло перемены и вошло в новую реальность. Дело в том, что для верхов российского общества перемены носили системный характер. Они были обвальными, вели к революции в культуре, образовании, к необратимому расширению кругозора. Культуре дворянства не осталось ничего, кроме как ассимилировать новое в себя. Традиционная же архаика оставалась минимально затронутой токами нового. Она мучительно воспринимала те незначительные изме-

нения, которые входили в жизнь, что вело к усилению страха и демонизации Запада.

В.О.Ключевский подчеркивает, что знания не только народных масс, но и московских бояр о политической ситуации в Европе были крайне скудными и «черпались из мутных источников». Опираясь на сравнительно поздние (середины XVII в.) сведения, он пишет: «Прусская или голландская газета, занесенная в Москву иноземным купцом, которой они верят, по выражению Мейербергера, как дельфийскому оракулу, пленный солдат, готовый всего наговорить при допросе, лишь бы выпутаться из беды, — вот почти весь круг обыкновенных источников, из которых заимствовались сведения о том, что делается в Европе»¹⁹.

Постепенно, однако, ситуация менялась. Появлялось все больше сведений об отдаленных странах, расширялись контакты с Западом, смягчались строгости в отношении иноземных послов и «гостей». Попытка выведения династии Рюриковичей не просто от византийских императоров, а от язычника Октавиана Августа свидетельствовала о том, что Россия осознавала себя частью не только православного, а всего мира. И при Борисе Годунове, и при первых Романовых делались попытки расширить связи с Западом.

Экономическая и политическая логика развития Московского царства приводит правителей Москвы к проблеме выхода на Балтику. Москва ввязывается в Ливонскую войну, которая завершается глубочайшими потрясениями. Смута начала XVII в. вылилась в распад государства. Регенерация его стоила чудовищных сил, а сама эта эпоха перевернула сознание московского человека. Польский, то есть католический, гарнизон какое-то время стоял в Кремле. Московское царство оказалось поверженным. Все это стало огромным потрясением, в том числе и для московского изоляционизма. Оказалось, что Запад владеет некоторыми жизненно важными, необходимыми для русского общества знаниями, умениями и технологиями. А успешная конкурентная борьба и само выживание государства зависит от усвоения достижений западной цивилизации.

Политическая элита московского общества сразу же делает выводы из итогов Ливонской войны и последующего раз-

вития событий. Уже Борис Годунов посылает русских молодых людей учиться на Запад, учит западной премудрости своего сына, а иностранцы с удивлением отмечают, что положение в Москве неожиданно стало меняться. Царь выписывает с Востока ученых греческих монахов, и т.д. С XVII в. Россия постепенно разворачивается лицом к Западу.

Вместе с тем в годы Смуты население России смогло лучше узнать своих западных соседей в обстоятельствах, которые отнюдь не способствовали установлению дружественных отношений между народами. Русских возмущали попытки введения польских обычаев при Лжедмитрии I, игнорирование и неуважение иностранцами православных обрядов, то есть в первую очередь недовольство вызывали не столько иностранцы сами по себе, сколько то, что они католики.

После начала широкой польско-шведской интервенции образ иностранцев трансформируется из врагов православной веры в «агарянские полки» завоевателей русской земли, грабителей²⁰. Это отрицательное отношение к выходцам из Западной Европы в массовом сознании продолжало существовать еще почти целое столетие, и только при Петре начало мучительно изживаться.

В то же время на государственном уровне не могли не осознавать, что Россия не может существовать, полностью отменяя достижения Запада, поэтому XVII век — время начала активного проникновения западного влияния, начиная с западных купцов, торгующих в российских городах и создающих конкуренцию местным купцам, строительства армии по европейскому образцу, и заканчивая проникновением польской модели просвещения, носителями которой стали в первую очередь выходцы из недавно присоединенной Украины²¹.

И все же этого было недостаточно. Французский иезуит де ла Невилль, побывавший в Москве в 1689 г., утверждал, что лишь один «московит» знает французский язык, и еще четверо — латынь²². (Для сравнения можно вспомнить другого иезуита, А.Поссевино, который во времена Иоанна IV говорил лишь о пятерых знающих латынь, причем все они были иностранцами²³.) При всей тенденциозности этих свидетельств можно согласиться, что конкретное знание языков

и реальностей европейской жизни и в XVI, и в конце XVII в. в России было очень и очень ограниченным.

Переломным моментом явилась эпоха Петра. Сначала «великое посольство»; затем регулярная отправка представителей знатных родов для обучения в страны Европы, приток иностранных специалистов и изменения в быту, последовавшие в результате царских указов, сделали свое дело. По крайней мере среди высшего дворянства обычным стало знание языков, европейское платье и образ жизни. Именно отсюда началось то расслоение русской культуры, которое сохранялось вплоть до XX столетия. Уже внук Петра Петр II знал три языка, немецкий, французский и латынь, а его сестра, Наталья Алексеевна, французский и немецкий, причем, по свидетельству современников, в совершенстве. Но предубеждение против Запада сохранялось и в этом кругу; так испанский посол при дворе Петра II в 1727 г. сообщал о наличии влиятельной придворной партии, стремящейся к тому, «чтобы выгнать отсюда всех иностранцев»²⁴. Что же касается основной массы русского населения, то в течение всего XVIII в. за пределами узкого придворного круга представления о внешнем мире были весьма и весьма туманными.

Однако историческая логика вела не только к росту информированности высших слоев. Уже в XVII в. оставаясь опасным и враждебным, Запад перестает быть ненужным и неинтересным. Он превращается в остроактуальную и амбивалентную сущность. Проходит несколько десятилетий, и Россия последовательно включается в процесс модернизации, что в данном случае означало в значительной мере вестернизацию. С этого момента и начинается собственно противостояние, которое разворачивается и оформляется в соответствии с определенной внутренней логикой.

История модернизирующихся обществ показывает, что догоняющее развитие провоцирует устойчивый конфликт и противостояние с лидером. Каждая из стран, переживших этот тип развития, хотя бы на каком-то этапе существует в остром конфликте с тем, кого она стремится догнать. Эти конфликты становятся затяжными, выливаются в войны. А во завершении войн и установлении союзнических взаимоотношений в догоняющих странах долго живут сильнейшие

антилидерские силы и настроения. Однако показательно то, что остатки этого конфликта снимаются, как только процессы модернизации завершаются и общество входит в клуб лидеров.

Иными словами, модернизация сама по себе провоцирует противостояние. Причины этого казалось бы парадоксального явления лежат в сфере культуры и заслуживают специального рассмотрения. По ряду причин противостояние оказывается самой оптимальной, наиболее комфортной и менее энергоемкой формой самоизменения и освоения иного.

Для начала надо вспомнить о том, что освоение иного, ведущее к самоизменению, неизбежно порождает глубинный внутренний конфликт. Любое социокультурное целое идет на него не по доброй воле, но под воздействием внешнего контекста. Модернизация рождает проблемы всегда и везде, в каждой клеточке общества, начиная с сознания отдельного человека. Распад традиционной целостности, социальная и культурная дифференциация, поляризация общества, рост внутренних напряжений — все это мучительно переживается на всех уровнях общества и откладывается в сознании.

В конечном счете, хотя общества сами вступают в модернизацию, побуждает их к этому глобальный исторический императив. Однако императив — вещь безличная. Изменения переживаются как следствие вмешательства, внедрения враждебных сил, разрушивших освященный традицией вековой уклад. Эти силы хорошо известны: страны и культуры, воплощающие историческую динамику.

Отсюда изначальный импульс к противостоянию. Модернизируясь, общество переживает многообразные негативные настроения по отношению к внешнему источнику мучительных процессов. Таков исходный момент задающий противостояние. Но это не все. История показывает, что конфликт и противостояние оказывается наиболее продуктивной формой культурного диалога.

Противостояние оказывается наиболее приемлемой, внутренне комфортной формой заимствования иного. Оно позволяет снимать ценностный конфликт, связанный с восприятием чужой культуры, регулировать поток инокультурной информации, осмысливать модернизацию — процесс, объективно ведущий к отказу от исторически устойчивых форм

культуры и социальности, — как дело утверждения и укрепления «устоев» и т.д.

Таким образом, противостояние выступает как универсальная характеристика модернизирующегося общества. Различия обнаруживаются скорее в формах выражения противостояния, его накале, в идеологических обоснованиях и номинациях противника «шайтаном», «мировым империализмом» или «западными плутократиями».

Русская история показывает, что чем сильнее разворачивалось противостояние, тем интенсивнее шел процесс заимствований у актуального или потенциального противника. Это касается всех значимых сфер. В технике и технологии, прежде всего военного дела, организации армии и промышленности оборонного комплекса, в сфере административной, организации науки, системы образования и т.д. Можно проследить, как со сменой ведущего противника меняется и поле преимущественного заимствования. В XVII в. в Москве чувствуется польско-литовское культурное влияние. В течение почти векового противостояния Швеции Россия пригоршнями черпает шведский военный и государственный опыт. И это совершенно естественно. Затем, на разных этапах истории Россия противостоит Пруссии, наполеоновской Франции, со временем разворачивается устойчивое русско-германское противостояние. Возьмем только один, государственно-правовой аспект. Петровская административная структура (сенат, коллегии) опирается на шведский, датский и германский опыт. Тоже можно сказать и о кондициях, предложенных Анне Иоанновне верховниками. В эпоху разворачивающейся борьбы с Наполеоном, М.М.Сперанский создает проект преобразований, в котором явно прослеживается влияние французского права. Разумеется, Россия черпает не только у наиболее актуального в данный момент противника, но и у Запада в целом, у союзников и третьих стран. Но сама ситуация заимствований диктуется конкретным противостоянием. Заметим, что далеко не всякое противостояние ведет к заимствованиям. Россия ведет бесконечные войны с Турцией, но этот стадильно отстающий противник не представляет интереса. Политическая элита страны четко осознает, у кого ей следует учиться.

Стоит отметить интересное явление — элита общества как бы входит в культуру вероятного или актуального противника. Меняется противник — меняется и ориентация (здесь можно вспомнить о том, как с разворачиванием «холодной войны» в нашей стране снижался престиж немецкого языка и рос культурный статус английского).

Парадокс освоения в противостоянии связан с тем, что заимствование у противной стороны не воспринимается как заимствование. Этот факт игнорируется культурой и не несет в себе ущерба с точки зрения самооценки. Освоение чуждого и опасного опыта представляет собой как бы тайну, которая маскируется противостоянием объекту заимствования и убирается в подсознание культуры.

Следующий, очень важный момент связан со стратегией модернизации. Освоение иного несет в себе опасность разрушения исходной культурной целостности. В ситуации противостояния культура жестко фиксирует свои базовые ценности и сохраняет их от размывания. Противостояние позволяет осуществлять одну из важнейших функций управления модернизацией на ее начальных этапах — регулирование потока инокультурного материала. Это спасает исходную целостность от превышающих потенциал ассимилирования объемов нового.

Далее, противостояние оказывается мощным мобилизующим фактором. Оно несет в себе мотивации, оправдания и обоснования крайне болезненных процессов самоизменения.

Необходимо подчеркнуть, что противостояние не сводится к заимствованиям или адаптации инокультурного материала. Оно задает саморефлексию культуры. Модернизирующееся общество постоянно сопоставляет себя с противной стороной, пытается осознать, в чем его сильные стороны, в чем слабости. В развернутой рефлексии происходит самопознание, постижение специфики собственной культуры.

Догоняющее общество постоянно формулирует и уточняет свои базовые ценности. Идет непрекращающийся процесс освоения нового, осмысления социальных и культурных изменений. Ассимилируются новые идеи, трансформируется картина мира. Все это постоянно, ежечасно увязывается с собственной спецификой, с ядром развивающейся культуры.

Вошедшее в модернизацию общество шаг за шагом вынужденно отказывается от поверхностных, частных моментов своей традиционной жизни. В этой ситуации его философам и идеологам приходится задаваться вопросом — в чем же состоит суть родной культуры. Так, в ходе модернизации происходит парадоксальный процесс — самопознания, движения от внешнего, этнографического к глубинному, сущностному. Изменяясь, культура познает себя в самых последних своих основаниях. Парадоксальная диалектика состоит в том, что самопознание оказывается моментом самоизменения. Полнее всего уходящая культура рефлексивирует себя на пороге перехода в новое качество. А самый акт самопознания оказывается формой изживания, расставания с прошлым.

В результате широких процессов культурной динамики в модернизирующемся обществе происходит постоянное изменение как образа собственной, так и образа противостоящей и одновременно настигаемой культуры. Эти изменения идут в нескольких плоскостях. С одной стороны, идет сложный, часто противоречивый процесс демифологизации другого. Объем рациональной, достоверной компоненты знаний о другом становится все больше. Наиболее баснословные мифы сменяются мифами, более пронизанными правдоподобными и соответствующими истине моментами. Происходит своеобразное движение от периферии к центру. Описание самых явных и очевидных внешнему наблюдателю слоев другого сменяется пониманием более глубоких моментов. Представление о другом постепенно преодолевает два соблазна. Изживается понимание «через себя», в котором другое предстает качественно тождественным собственному миру. В равной степени преодолевается картина «антимира», в которой иное предстает вывернутым мифологическим пространством.

Наряду с этими эволюциями гносеологического характера происходит и эмоционально нагруженная ценностная эволюция. Логика ее состоит в том, что по мере разворачивания модернизации растет напряжение в культуре и параллельно ему разворачивается противостояние и неприятие всего того, что является знаком, символом навязанных изменений, то есть противостоящей силы. Однако напряжение в культуре,

о котором шла речь, растет лишь до определенного момента. Как только исчерпывается упругая реакция и начинается пластичное изменение культуры, пик противостояния резко снимается и сменяется на противоположное отношение. Вчерашний противник предстает в образе союзника, объекта подражания.

Конечно, реальный процесс, происходящий в культуре, выглядит значительно сложнее этой схемы, поскольку культура не едина, а состоит из субкультур, из культур различных социальных групп. В модернизирующихся обществах отдельные группы остро различаются по культурным ориентациям, и это различие прежде всего выражается мерой вовлеченности в новую динамическую культуру. Поэтому отдельные слои общества в разные сроки проходят кривую противостояние/примирение с символом динамики. Все же общество в целом исчерпывает противостояние тогда, когда большая часть его проходит пик модернизационной трансформации. Тогда завершается раскол общества, разделение его на два мира — «западников» и «почвенников», а противники нового образуют узкую группу маргиналов.

Картина Запада, которая формируется в вестернизирующемся обществе, задается чрезвычайно сложным суммирующим процессом. Одна из наиболее ярких особенностей России состоит в том, что противостояние и неприятие Запада существует здесь изначально. Причем неприятие стало предельным как раз к началу модернизации. Модернизация в России длится более трех веков. Идет она в высшей степени мучительно, противоречиво, характеризуется рывками вперед и попятными движениями, чрезвычайно медленной, растянутой на поколения ассимиляцией сравнительно небольших порций нового. Каждая группа общества, втянутая в интенсивный процесс самоизменения, стремится остановить его, законсервировать ситуацию, пустить часы назад. Не случайно в российском развитии можно обнаружить циклический или пульсирующий процесс изживания фобии и мистификации Запада. И прежде всего эта цикличность связана с движением динамической европейской культуры вширь и вглубь социокультурного целого.

Первая половина XIX в. — время могучего влияния французской революции на страны Европы и Америки, на Россию. При этом Россия некоторое время претендовала на то, чтобы вытсупать в качестве «противоядия» этому влиянию. Для российской политической элиты Европа в конце XVIII — первой половине XIX в. оставалась источником смут и опасных революционных идей, в то время как самодержавная Россия представлялась островом стабильности²⁵. Любые новые веяния объяснялись прежде всего «влиянием порочного Запада», ибо в России, по словам управляющего Третьим отделением Л.В. Дубельта, народ «оттого умен, что тих, а тих оттого, что не свободен» и потому в России «мир, тишина, трудолюбие и подчиненность»²⁶.

Вместе с тем наполеоновские войны, особенно война 1812 г. и последовавший за ней заграничный поход русской армии, в значительной степени изменили восприятие странами и народами образа друг друга. Так, знакомство многих лучших представителей русского общества с жизнью Европы оказало заметное влияние на внутривнутриполитическое развитие страны, а героическая кампания 1812 г. резко повысила интерес к России как ее союзников, например, Великобритании, так и недавних противников, в частности Франции.

Западная Европа быстро шла по пути промышленного развития с соответствующими переменами в социальной и политической жизни. Россия в эпоху Александра I, и особенно в правление Николая I, лишь вступила в период длительного кризиса старого строя.

Теория самоорганизации позволяет рассматривать всякую культуру как ориентированное на самоподдержание системное целое. Или, иными словами — живой организм. С расколом единой средневековой, в России сложились две отличавшиеся по своей природе культуры. Одним из важнейших различителей являлось отношение к инокультурным заимствованиям и Западу в целом.

Средневековая народная культура изначально наделена минимальным резервом адаптации постсредневековых идей и технологий. Очевидная для верхов общества необходимость модернизации России лежала за пределами архаического сознания. В отличие от крестьянской, культура образо-

ванного общества имела определенный резерв адаптации. И хотя заимствования были безусловно болезненны, для вошедшей в модернизацию культуры верхов они были не только не смертельны, но и необходимы.

В течение XVIII в. в России складывается культура, для которой модернизация и вестернизация входят в системообразующие характеристики. Эта культура была ориентирована на медленное освоение западноевропейского материала. Любое перекрытие каналов коммуникации Восток-Запад означало бы жесточайшее кислородное голодание и коллапс городской культуры России.

Верхи, или включившаяся в вестернизацию часть общества, должны были знать и понимать европейскую реальность. Такое понимание не грозило, по крайней мере в обозримой перспективе, социальными потрясениями, не уничтожало ментальность и мир человека. Далее, для понимания существовали определенные гносеологические ресурсы. Поэтому, по мере сил и возможностей, шаг за шагом, мир образованного общества России продвигался в понимании и уточнении образа Запада.

В образе, формировавшемся в культуре образованного общества, утверждается рациональная доминанта. Речь идет именно о доминанте. На разных этапах русской истории те или иные моменты в модели Запада могли быть недостоверны, баснословны или ошибочны. Одни иллюзии могли замещаться другими. И, более того, на каких-то этапах фрагменты достоверного знания могли отступать под напором мифологизации и заблуждений. Тем не менее, самая логика модернизации обуславливала последовательное утверждение рационального видения. Образ Запада последовательно разворачивался, наполнялся плотью и кровью, все более актуализировался.

С этим связано раздемонизирование Запада. Он становился все более понятным и менее амбивалентным. Осваивая новую культуру, русский человек вращался в рациональную ментальность, из пространства которой Запад представлялся всего-навсего другой культурой, имеющей свои преимущества и недостатки. В ходе такой трансформации преодолевалось манихейское видение мира. Сам Запад дробился

на разные, не тождественные миры. В этой перспективе образ России обретал свое нормальное место. Изживался комплекс «третьего Рима». Россия представляла как один из элементов общемирового концерта наций и цивилизаций.

Совершенно иной была установка, доминировавшая в народной культуре. Понимание Запада, в любых его формах и проявлениях, было прежде всего не нужно. Степень мифологизации представлений о внешнем мире напрямую зависела от отсутствия информации, которое, в свою очередь, было связано не только с недостаточными возможностями ее получения, но зачастую и с отсутствием интереса. Неоднократно отмечалось, что крестьяне, составлявшие подавляющее большинство населения страны, «к истории других народов относятся равнодушно и не любят слушать про них чтение»²⁷. Это же относилось и к современным им внешнеполитическим сюжетам. Так, А.Н.Энгельгардт в своих известнейших «Письмах из деревни» в 70-е годы XIX в. писал: «Крестьяне, по крайней мере нашей местности, до крайности невежественны в вопросах религиозных, политических, экономических, юридических...» И далее он приводит ряд курьезных представлений, бытовавших среди крестьян, об Англии или Германии²⁸. Но даже в этих представлениях тем не менее прослеживаются определенные тенденции; например, «англичанка» выступает как правило в качестве враждебной для России силы — отражение убеждений, бытовавших в это время среди российской политической элиты. Например, обращаясь к войне за освобождение братьев-славян, этнограф С.Лурье указывает, что в соответствии с народными представлениями война шла собственно «не с Турцией а со стоящей за ее спиной «англичанкой», и возникла война из-за того, что та не захотела принять православную веру»²⁹.

Традиционный субъект не только не видел, не осознавал мотивов, двигавших его к постижению городской (по преимуществу западной) культуры. Такое понимание было невозможным. Гносеологический потенциал традиционной культуры был сущностно неадекватен проблеме понимания постсредневекового мира. В народной культуре образ Запада складывается в рамках фольклорно-мифологического сознания. Мифологическое сознание позволяет более или менее

адекватно понимать и ориентироваться в устойчивой традиционной реальности. Мир урбанистической цивилизации оказывался напрочь непостижимым для человека средневековой культуры. Мотивы поведения, природа человеческих отношений, логика культуры нового времени не схватываются архаическим сознанием.

Стремление постичь иное культурное пространство пугало. Оно несло в себе опасность как в силу органической изоляционистской установки традиционной культуры, так и в соответствии с многовековой традицией отторжения «латины и люторы».

Наконец, такое стремление несло в себе буквально смертельную опасность для традиционной культуры. Тысячекратно повторенный опыт свидетельствовал, что человек, пошедший по пути понимания культуры большого общества, «умирал» для традиционного мира, уходил в мир города.

По всему этому, в народной культуре утверждается установка на мифологизацию и демонизацию Запада и всего того, что связано с ним. Народная культура порождает фобии, страх, табуирует культуру нового времени. Вхождение в мир урбанистической культуры — путь к вечной гибели. Ее мир — мир оборотней и вампиров, искаженное пространство, в котором добро и зло, ложь и истина, норма и преступление — все наоборот.

На этом этапе модернизации народная культура лишена внутренних ресурсов адаптации нового и ассимиляции элементов качественно иного. Прямое столкновение рождает в ней пароксизм схлопывания и отторжения. Однако такое положение вещей не вечно. Вначале новое будет усваиваться, но «поневоле», на фоне страха и неприятия. Постепенно традиционный человек осознает смысл понимания иного. Его собственное сознание перейдет потенциальный барьер органического неприятия. Внутри народной культуры созреют социальные, ментальные и идеологические предпосылки для движения по пути рационального постижения Запада. Культура народных масс пройдет, хотя и с опозданием на два века, тот же путь, что и культура так называемого «общества».

Надо сказать, что описываемый нами феномен устойчивого неприятия идущей от Запада культуры патриархальными массами долгое время оставался не осознанным теоретически. Это особенно интересно, поскольку для современников событий и само явление, и масштаб его были самоочевидными — тому существует масса разнообразных свидетельств. Однако историки и социологи, как правило, ограничивались дежурными упоминаниями рассматриваемого нами, не вдаваясь в детали, и явно стараясь обойти вопрос о масштабах и природе явления. Важнейший феномен истории российской культуры оставался за гранью теоретической рефлексии. И это не случайно: наука, а вслед за ней и общество, которое сделало модернизацию приоритетной целью, с трудом осознавали «неудобные» моменты исторической реальности.

Сегодня положение начинает меняться. В качестве примера можно сослаться на очерк, в котором не только фиксируется само явление отторжения античной по своему генезису культуры Запада, но и определяются его истоки, которые заданы спецификой становления православия у славян. По мнению автора, «исследования последних лет показывают, что античное наследие воспринималось в славянском мире вплоть до XVI—XVII вв. как наследие язычества, вредное и опасное для правоверных христиан». Касаясь рецепции элементов античной образованности в послепетровской России, автор пишет о «сопротивлении народной культуры, долгое время воспринимавшей античное наследие как языческую блажь царя-Антихриста»³⁰.

Про западную культуру достоверно известно было следующее — она другая, чуждая родной и привычной, непостижимая. Далее, она наделена огромной силой. Она наступает и наступает, отвоевывая себе новые пространства на Святой Руси. И каждый ее шаг несет гибель и разрушение традиционного мира. В сознании средневекового человека существовал образ суммирующий все эти коннотации смертельной опасности, хаоса и гибели. Традиционный человек твердо знал — за всем этим стоит Дьявол. Образ Рогатого, Плешивого, апокалиптические ассоциации прочно срастаются с миром городской культуры. Демонизируя эту культуру и ее непосредственный источник, Запад, народная культура ох-

раняет себя от распада. Концепция Дьявола позволяла объяснить страшный и непонятный мир, наделить его соответствующей негативной ценностью, мобилизовать людей на убеждение от смертельной опасности.

В рамках такого видения мира европейской культуры все становилось на свои места и находило объяснения. Невиданная, диковинная власть людей города над силами природы — колдовская, дьявольская. Такая власть оплачивается гибелью души. По свидетельству современника, пожилые крестьяне в конце XIX в. верили, что если стать спиной к паровозу, наклониться и посмотреть на него между своих ног, то можно увидеть души мертвецов, которые тянут паровоз³².

В природе мифологического сознания лежит симметричная модель мира/антимира. В соответствии с нею, «иной» мир понимается как вывернутая наизнанку модель родной культуры. Классической иллюстрацией этого стереотипа трактовки служат слова персонажа пьесы А.Н.Островского, рассказывающего о неправославном мире: «И все судьи у них в ихних странах, тоже все неправедные; так им, милая девушка, и в просьбах пишут: «Суди меня, судья неправедный»³³.

Одновременно в образе иностранца в XVIII—XIX вв. отражалось стремление к десакрализации, демифологизации иной культуры, убеждение в том, что русские обладают чем-то, что выше учености, хитрости, богатства. «Обнаруживая превосходство, испытывали смешанные чувства — и уважение и зависть, стремились с помощью иронии слегка принизить образ чужого и уверить себя, что русский человек не хуже» — отмечает современный исследователь³³.

Итак, две культуры Российского общества — ориентированная на модернизацию и ориентированная на самоизоляцию — полярны по общекультурным доминантам в отношении Запада. Если одна по мере сил пытается постичь, то другая — отменить.

К тому же два образа Запада разительно отличались по механизмам функционирования и каналам распространения. По словам М.Блока, в традиционном обществе правил «Старик Наслышка»³⁴. Изустная передача была гарантом подлинности и достоверности. Традиционная культура отсекала рациональные, лежащие за пределами понимания, моменты

и привносила свои, фантастические трактовки. Относительно вещей, которые лежат за пределом непосредственного кругозора, традиционная культура знает единственную верификационную процедуру, которая состоит в сличении предложенного с устоявшейся мифологией. О том, что из этого получалось, свидетельствует следующий эпизод: в 1839 г. в народе распространился слух, что наследник женится на дочери султана и на радостях будет сожжено три губернии...³⁵

Совершенно иначе функционирует и верифицируется образ Запада в большой культуре. Книги, газеты и журналы, отечественные и переводные романы, иностранные издания, поездки за рубеж, беседы с проживавшими в России иностранцами задают совершенно иное поле формирования и функционирования образа. В этом пространстве также живет устная коммуникация — слухи, рассказы, личные свидетельства. Но здесь они дополняют и уточняют образ, позволяют компенсировать цензурные ограничения. Образ Запада строится в диалоге всего общества, а сам этот диалог происходит в пространстве рационального сознания. Этот образ также не свободен от ошибок и заблуждений, но природа рационального дискурса обрекает его на движение по пути постижения истины о другом, и одновременно — по пути понимания исторических и культурных альтернатив русской культуры.

Мы можем указать на еще одну особенность образа Запада в большой культуре. Он множественен. В этих трактовках нет той гомогенности и качественной однородности образа, которая присуща народной культуре. Разные источники задают различные представления и модели понимания. И уже в сознании отдельного субъекта формируется собственный, результирующий образ. В этом смысле обобщенный образ Запада представляет собой абстракцию. Скорее можно говорить о пакете доминирующих трактовок, которые начинаются где-то в заоблачной выси элиты российского общества, ветвятся в зависимости от уровня культуры и политических позиций.

Так, в принципиальных дискуссиях о путях развития России, столь характерных для русской общественной мысли XIX в., он служил аргументом как для либералов, так и для их идейных противников. Например, парламентский строй и конституционная монархия Великобритании часто представ-

лялись как идеальный образец будущего государственного строя России³⁶. С другой стороны, такой теоретик консерватизма как К.П.Победоносцев, относясь к политическому строю Англии, её общественной жизни с откровенным притетом, предпочитая английский вариант прочим европейским, доказывал при этом, что для России английский образец, возникший в совершенно иных, исключительных условиях, неприменим³⁷.

Между двумя полюсами российской культуры существовал некоторый промежуточный слой, описанный в творчестве Н.С.Лескова или в рассказах А.П.Чехова. Дворян, мелкое чиновничество, городское мещанство, население предместий, низы города — все эти социальные категории синкретичны по своим основаниям. Не слишком задумываясь, они стихийно, на ощупь соединяли элементы традиционной культуры с элементами новоевропейской, городской. Этот слой общества совершал важнейшую работу по интегрированию культуры в единое целое. Он переводил на язык народных масс идеи и представления нового века. Через этот слой в народную жизнь проникали новые ценности, образцы, модели поведения. Возможно, трагедия России состояла в том, что этот промежуточный слой общества был слишком малочислен. Здесь также складывается свой образ Запада и западной культуры. Он мифологизирован и наивен, иногда комичен (вспомним «Апполона Полведерского» в «Левше» Лескова или образ лакея Видоплясова из «Села Степанчиково» Ф.М.Достоевского), но, по отношению к патриархально-изоляционистскому, имеет одно безусловное достоинство. Для людей, представлявших низовую культуру города, Запад, то есть урбанистическая культура, — естественное, обжитое пространство, лишенное всяческих пугающих коннотаций.

В этой связи имеет смысл посмотреть, кто из иностранцев непосредственно жил бок о бок с русскими, в первую очередь в городах. Реально российское общество знало немцев — масса немцев жила в Санкт-Петербурге и по всей стране (колонисты, инженеры, предприниматели). Немец был некоторой чувственно постигаемой реальностью, данной в ощущение непосредственно или известной через близких соседей, родных, знакомых. Немца знали так же, как на вос-

токе страны знали китайца. В России, особенно на юге и западе, жила масса поляков — но поляк воспринимался как «свой-чужой». Это не оговорка. Поляки были подданными батюшки-царя, но носителями чуждой культуры и ментальности. Существует масса свидетельств подобного восприятия поляков³⁸. Традиционно в России жили французы. Во второй половине XIX в. появилось сравнительно много бельгийцев. Это было связано с высокой активностью бельгийского капитала в России. Гораздо меньше было англичан. Говоря о низовой культуре города можно с некоторой уверенностью предполагать, что образ Запада был достаточно дифференцирован — в нем выделялись немцы, австрийцы, французы, англичане, бельгийцы. Еще, где-то совсем далеко, была Америка (САСШ). Жизнь бок о бок, общение с неизбежно обрусевшими, но не утрачивающими своей природы выходцами из Западной Европы, работали на формирование реальных представлений и размывание мифологических интерпретаций.

Впрочем, и тут образ иностранца сохранял некоторые традиционно негативные черты. Можно обратиться к так называемому идеологическому (или антинигилистическому) роману, представленному в произведениях В.В.Крестовского или Н.С.Лескова. Отрицательные персонажи, силы, несущие опасность чистосердечному русскому человеку, фатально оказываются иноземцами — немцами, поляками и т.д. Рефлексы традиционной ксенофобии проникали в низовые, бульварные жанры литературы³⁹.

В пореформенной России, однако, описанная выше ситуация постепенно менялась. Внутри народной культуры зреют социальные, ментальные и идеологические предпосылки для движения по пути рационального постижения европейской по своей природе культуры города.

С середины XIX в. на культуру народных масс постоянно воздействует два фактора. Прежде всего это новые, нетрадиционные элементы в системе хозяйства, социальных отношениях, в быту и культуре. С отменой крепостного права рухнул барьер, отделявший патриархальный крестьянский космос от мира вестернизирующегося города и барской усадьбы. Новые навыки, знания и умения подводили крестьянина

к ментальному и психологическому барьеру, за которым городская жизнь и природа отношений в рамках урбанистической цивилизации утрачивает параметры иррационального и опасного, становится постижимым. Второй фактор был связан с социальным и имущественным статусом человека. Вторжение рыночных отношений необратимо вело к тому, что верность традиционной культуре оборачивалась маргинализацией, вела к обнищанию, в лучшем случае гарантировала прозябание, в то время как освоение новых моделей жизни обеспечивало рост доходов, перемещение вверх по социальной лестнице сельской общины⁴⁰.

Новые идеи, и это совершенно естественно, утверждаются в молодом поколении. С межгенерационным расслоением в деревне связаны процессы разложения большой семьи. Царское правительство поддерживало патриархальную семью и законодательно ограничивало возможности раздела имущества и выделения молодых, но это не могло остановить объективный процесс. Если для людей старшего поколения письменная культура практически оказывалась не нужна, а потребности исчерпывались курсом церковно-приходской школы, то молодые начинают осознавать смысл письменной культуры и «учености» не как блажь, а как прагматическую ценность. Эта доминанта поведения последовательно разворачивается с третьей четверти XIX в. На смену патриархальной иерархии, которая задает высший статус старшего как знатока и интерпретатора традиции, утверждается приоритет нового человека как знатока утвердившейся реальности. Новый, посттрадиционный субъект выигрывает социально и экономически, и никакая традиция, никакие апелляции к исконному не в силах что-либо изменить.

Далее, постепенно рушится гносеологический барьер, препятствовавший пониманию культуры города. После овладения некоторым минимумом знаний и представлений — навыками письма, понимания «казенных» бумаг, юридического оформления купли-продажи, азов экономических отношений — рушится барьер, препятствующий постижению иной реальности. На месте чистого традиционалиста появляется человек, способный двигаться в глубь городской цивилизации. Навык чтения приносит в крестьянскую среду газе-

ту. На место «Старика Наслышки» приходит массовая культура нового времени.

Вместе взятое, это вело к неизбежному изменению ментальности. Отдаленным, стратегическим следствием такого изменения было изживание противостояния деревня-город. На первых стадиях этого процесса образ города начинал «смещаться» в сознании крестьян. Город оставался амбивалентным, но тревожные, дьявольские коннотации и культурные смыслы постепенно приглушались и утрачивали свою актуальность. А смыслы и положенности, связанные с понятиями желанного, полезного и необходимого выявлялись и завоевывали сознание. Однако мифологизированный образ Запада был лишь одним из имен Города и в этом смысле — ипостасью данного противостояния.

Выше описана общая логика процесса. Реальность была гораздо более трагичной и противоречивой. Главная проблема выростала из культурной и социальной дифференциации, которая вела к расслоению и расколу российской деревни. Освоение новой, городской по своей природе культуры оказалось выгодным. Традиция была не в силах бороться с этим обстоятельством. По мере включения деревни в модернизационные по своему характеру процессы разворачивания рыночных отношений, такие категории, как зажиточный, крепкий хозяин и, наконец, кулак, все более тесно корреспондируют с фигурой социального персонажа пережившего рамки традиционной культуры и энергично осваивающего реалии эпохи — кредит, логику рыночных отношений, умение оценивать и организовывать сельский труд в соответствии с абстракцией рубля. Если такой крестьянин не уходил в город, что случалось достаточно редко, то превращался в кулака.

Далее, логика экономических отношений задавала следующую диспозицию: объектом его эксплуатации неизбежно становятся традиционно ориентированные, не освоившие новых премудростей жители села. А поскольку традиционная культура базировалась на принципе уравнительности, то наиболее продвинутый и вестернизированный крестьянин превращается в объект ненависти со стороны массы патриархальных аутсайдеров.

Так рождается новое, трагическое противоречие. Крестьянский мир переживает раскол и распадается надвое. Одна его часть избирает освоение нового. Другая переживает чувство распада космоса и испытывает острейшую потребность вернуться к исходной простоте традиционного мира. Социальное расслоение эксплицирует собой распад традиционной культуры.

Однако процессы распада затронули лишь один из секторов сельского мира. Огромная его часть сохранилась нетронутой. Она активизируется в ответ на действие деструктивных тенденций. А эта активизация задала собой следующий — советский — виток отечественной истории.

2. Россия и Запад в 1900-1917 гг.

На протяжении 1900-1917 гг. в России происходили политические изменения, вызвавшие к жизни новые идеологические доминанты, которыми отныне руководствовались основные социальные группы. В первую очередь эти идеологические установки были связаны с внутрироссийскими проблемами: переходом от абсолютизма к режиму ограниченной монархии, появлением парламентаризма и политических свобод, возникновением партий и общественных организаций.

В то же время вопросы внешней политики в эти десятилетия сохраняют актуальность для многих россиян. И хотя изменения в восприятии других стран и народов происходили постоянно, в динамике представлений о внешнем мире, и прежде всего о Западе, необходимо, с нашей точки зрения, выделить два периода: 1900-1914 и 1914-1917 гг.

В политической элите России 1900-1917 гг. существовали различные ориентации — проанглийская, прогерманская, профранцузская. Это задавалось уже на высшем уровне — так, Николай II равно хорошо владел английским, немецким и французским языками, свободно общаясь с представителями этих культур, тем более, что родственные отношения связывали его с англичанами и немцами. Впрочем А.П.Извольский, министр иностранных дел с 1906 по 1910 гг., от-

мечал «чувство недоброжелательства, которое царь питал к Англии»⁴¹.

Что касается Германии, то здесь многое определялось активностью императора Вильгельма II, при личных встречах с которым русский царь зачастую не мог противостоять давлению «кузена Вилли» и соглашался на решения, выгодные Берлину. Неудивительно, что царское окружение должно было прилагать серьезные усилия для нейтрализации подобных кулуарных договоренностей. Примером может служить печально известное русско-германское соглашение от 24 июля 1905 г., фактически сводившее на нет союз России и Франции. Только совместные настояния дяди царя великого князя Николая Николаевича, министра иностранных дел В.Н.Ламсдорфа и председателя Комитета министров С.Ю.Витте прелотворили вступление соглашения в силу⁴².

Для достижения своих целей Вильгельм II использовал психологические методы формирования эмоциональной установки у русского царя. Если на первых порах он относился несколько свысока к Николаю II, чем вызывал устойчивую антипатию и желание отказываться, то вскоре сменил тон и занял, по словам С.Ю.Витте, позицию «в некотором роде младшего к старшему»⁴³, а это вызывало комплементарное отношение собеседника и ответные уступки.

Впрочем, кроме психологических предпосылок для такой установки имелись также и идеологические мотивы. «Я твердо убежден, — писал Николай II в 1909 г. Вильгельму II, — что Россия и Германия должны сплотиться как можно теснее и образовать оплот для поддержки мира и монархических учреждений»⁴⁴.

Правда, в отношении Франции российский император также имел достаточно гибкую установку. О причинах этого Вильгельм II вполне определенно высказался еще в 1904 г. «Он [Николай II — авт.] по отношению к галлам — из-за займов — слишком бесхребетен»⁴⁵. Впрочем, убеждения царя формировались по преимуществу на основании собственного опыта и достаточно адекватно отражали ценностную ориентацию его личности.

Вообще члены семьи Романовых отличались различными внешнеполитическими взглядами. Хотя императрицу Алек-

сандру Федоровну постоянно обвиняли в германофильстве, великий князь Александр Михайлович отметил в своем дневнике периода I мировой войны: «Из всех обвинений, которые высказывались по адресу Императрицы, ее обвинения в германофильстве вызывали во мне наиболее сильный протест... Воспитанная своим отцом герцогом Гессен-Дармштадским в ненависти к Вильгельму II, Александра Федоровна, после России, больше всего восхищалась Англией [в которой она долго жила перед переездом в Россию — авт.]»⁴⁶. Постоянно жил в Англии и брат автора воспоминаний — великий князь Михаил Михайлович. Мать императора Мария Федоровна так же проводила много времени в Англии и не испытывала большой любви к немцам. По свидетельству А.П.Извольского, ее «неприятнь... к Германии и ко всему немецкому была столь велика, что когда она отправлялась к своему отцу, то всегда пользовалась собственной яхтой, чтобы не касаться германской территории»⁴⁷.

Профранцузская ориентация была присуща многим родственникам российского императора. Двоюродный брат Николая II великий князь Николай Михайлович был настолько увлечен французской культурой, что «в Париже чувствовал себя как дома»⁴⁸.

Интересный случай бинаправленной установки можно наблюдать у С.Ю.Витте, бывшего сторонником союза России как с Францией, так и с Германией. Он имел тесные связи с финансовыми кругами обеих стран, а одно время даже добивался своего назначения послом в Париж⁴⁹.

После царского манифеста 17 октября 1905 г. и изменения политического режима в России серьезную роль в политической жизни стала играть Государственная Дума, в которой преобладали сторонники проантантовской ориентации. Лидеры первого состава Думы кадет П.Н.Милюков и октябрист А.И.Гучков дружно выступали против «германской опасности». Антиавстрийскую и антигерманскую позицию занял и новый премьер-министр П.А.Столыпин, выдвинувший своего зятя С.Д.Сазонова на должность заместителя министра иностранных дел. Эта группа выражала взгляды значительной части российских предпринимателей.

Им противостояла прогерманская группировка, в которую входил, в частности, депутат Думы В.М.Пуришкевич. Прогерманской ориентации придерживалась и часть министров, членов Государственного совета, а также придворных кругов — П.Н.Дурново, И.Л.Горемыкин, Р.Р.Розен, Б.В.Штюрмер и другие. Свою позицию они пропагандировали на страницах «Гражданина» и «Нового времени», отмечая необходимость для России содействия «немецкого бронированного кулака» в поисках защиты от «английских козней».

Установки политической элиты во многом определяли и ориентированность всего российского общества, но при этом следует подчеркнуть, что и у элиты и в обществе в эти годы сохранялась *многополярность* внешнеполитических установок, которые в ряде случаев формировались на проективной основе. Как отмечал Г.П.Федотов, «конкретность воплощения, пусть обманчивая, дает силы жить и бороться с действительностью отрицаемой. Отсюда старые восторги русских консерваторов перед Германией, либералов перед Англией, социалистов перед неведомой им Новой Зеландией или Францией эпохи революции»⁵⁰.

Определенным ограничителем для распространения информации о внешнем мире в обществе служила цензура. Длинные списки запрещенной для распространения литературы рассылались министерством внутренних дел по губерниям и там приобретали законную силу в виде губернаторских циркуляров об отмене или наложении ареста на печатные произведения. Среди названий часто встречаются журналы «Весь мир», «Вестник знания», книги российских и иностранных авторов на исторические темы и о современном положении в зарубежных странах⁵¹. Кроме того, списки «Прессы подлежащей изъятию» получали и все почтовые учреждения Российской империи, что позволяло конфисковывать у подписчиков «Всемирный вестник», «Мир божий», «Новую жизнь», «Восток» и другие издания⁵².

Другим мощным ограничителем на пути информации о внешнем мире был невысокий уровень грамотности населения — по официальным данным в начале XX в. лишь 21% подданных российского императора имели хотя бы начальный уровень образования⁵³. Причем эти люди были распрос-

транены по территории страны отнюдь не равномерно, а концентрировались в городах (13% населения), по преимуществу в 19 крупнейших. Высок был уровень грамотности в таких национальных регионах России как Финляндия и Польша⁵⁴. Не случайно во время русско-японской войны, по сведениям германского императора, «призванные запасные крайне неохотно покидали свои дома, не желая сражаться в стране, о существовании которой они даже и не знали»⁵⁵.

Вместе с тем, несмотря на различного рода барьеры, достаточно часто проявлялось деятельное участие России и ее граждан в жизни международного сообщества. Например, 8 июня 1914 г. помощник начальника Орловского губернского жандармского управления сообщает о следующем международном событии: «Четырех испанцев судили в Мадриде за мошенничество. Оттуда были шантажные письма содержателю ювелирного магазина в Ливнах [*уездный центр Орловской губ. — авт.*] Я.Иваницкому. [Было обеспечено] содействие испанскому правительству и французской полиции»⁵⁶.

Активное участие международных авантюристов в освоении российского рынка к тому времени уже имело свою историю, еще в 1904 г. почтовым конторам России предписывалось «получаемые из-за границы в письмах... «временные билеты», приглашающие к подписке на иностранные лотереи и рекламы об этих лотереях, заказные бланки и конверты для отправки за границу заказов воспрещены законом ко ввозу в Россию... конфискуются ввиду ограждения доверчивых и неопытных людей от соблазна и эксплуатации. [Письма] препровождать к губернатору»⁵⁷.

Определенный вклад в формирование внешнеполитических установок вносили и представители иностранных держав. Так, германский император Вильгельм II был шефом 85-го пехотного Выборгского полка, живо интересовался своими подшефными и даже протезировал им перед российским императором⁵⁸. Естественно предположить возникновение симпатии в отношении Германии у личного состава этого полка, ведь по крайней мере офицеры полка ощущали на себе покровительство августейшей особы. Кроме того Вильгельм II оказывал содействие как выходцам из Германии, в частности, Остен-Сакенам, так и людям, проявляв-

шим теплые чувства к его стране — А.П.Извольскому, М.Радзивилл и др.⁵⁹ Занимался он и «контрпропагандой», борясь с антигерманской пропагандой в России, разворачивавшейся английскими и французскими фирмами, борющимися с конкурентами. Германский император не раз советовал Николаю II «поменьше верить им и сверх того дать им пинка, чтобы они слетели в Неву»⁶⁰.

Особое место в восприятии русскими Запада занимали Соединенные Штаты Америки. В российском общественном сознании постепенно утверждалась мысль о близости исторических судеб России и Америки. Иллюстрацией могут служить строчки из «Колокола» А.И.Герцена, который еще в 1858 г. высказался на этот счет следующим образом: «Обе страны преизбытствуют силами, пластицизмом, духом организации, настойчивостью, не знающей препятствий; обе бедны прошедшим, обе начинают вполне с разрывом традиций, обе расплываются на бесконечных долинах, отыскивая свои границы, обе с разных сторон доходят через страшные пространства, помечая везде свой путь городами, селами, колониями, до берегов Тихого океана, этого «Средиземного моря будущего»⁶¹.

К началу XX в. упоминания российско-американской «похожести» приобретают заметный субъективный оттенок, который хорошо виден, например, в наблюдениях врача П.И.Попова, основанных на двадцатитрехлетнем пребывании в США: «Мы, русские, охотно останавливаемся на наших заатлантических друзьях; говорят, между нами и американцами много сходного. И нас, и их природа щедро наделила своими дарами; и у нас, и у них бездна плодородной земли, степей, каменного угля, железа и благородных металлов. Да и натуры-то, говорят, у нас сходные: простота, доброта, ширь и здравый смысл — отличительные черты и русского, и янки»⁶².

В качестве демонстрации оборотной стороны медали, кроме полярной противоположности политических режимов со всеми вытекающими отсюда моментами, российские наблюдатели начала XX в. обращали внимание прежде всего на предельный утилитаризм, прагматизм и рационализм американской культуры и образа жизни, отличавшие жителей Но-

вого Света не только от россиян, но и от европейцев. «В эстетическом отношении Соединенные Штаты далеко ниже европейских стран, — подчеркивал уже знакомый нам П.И.Попов, — в Штатах и до сих пор *полезное* предпочитается *прекрасному*, как это необходимо должно было быть в первый период заселения обширной страны, занятой дикими и воинственными краснокожими. Фантазия и ум американцев направляются не к созданию артистических произведений, а к изобретению бесчисленных машин и приспособлений всякого рода, начиная от машинки для чистки картофеля и кончая грандиозными мостами, равных которым нет нигде»⁶³.

Невиданные темпы урбанизации, характерные для Америки 1900-х годов, вызывали у наших соотечественников скорее сожаление, чем одобрение, ведь широкое развитие городской инфраструктуры, по мнению россиян, не позволяло американцам сосредоточиться на создании шедевров культуры. Характерно в этом смысле еще одно наблюдение П.И.Попова: «Их жизнь не течет спокойно, а быстро несется, как курьерский поезд, *on rapid transit plan*, по их характерному выражению; где тут созерцать и воспроизводить прекрасное? Вот почему у американцев пока еще нет первоклассных оригинальных представителей наук и искусств»⁶⁴.

Необычным для россиян казался также принцип равенства социальных возможностей жителей США, который входил в острое противоречие с традиционно-иерархической системой ценностных ориентиров подданных Николая II. При этом отсутствие дискриминации по расовому, национальному и половому признакам воспринималось в России как исключительно американский феномен, который трудно, если вообще возможно, перенести на родную почву⁶⁵.

Даже в такой традиционный для русского национального характера компонент, как патриотизм, американцы, согласно наблюдениям посетивших заокеанскую республику гостей из нашей страны, вкладывали совершенно иной по сравнению с россиянами смысл: «В наше чувство любви к Родине входят главным образом воспоминания о прошлом. Их же патриотизм покоится на доверии к настоящему и надежде на будущее». И далее: «Американец благодарен своей родине за то, что она предоставляет ему огромное поле деятельности,

неисчислимы природные богатства, учреждения, которые дают всем равные шансы добиться своего и покровительствуют смелым игрокам в жизни. Отсюда вытекает активное чувство общего интереса, солидный, крепкий, общественный дух, патриотизм — не созерцательный и мистический, но практический и деятельный»⁶⁶.

Другой распространенной чертой русского восприятия США являлась идеализация социально-экономических и политических фактов, определявших условия существования американской нации, объяснявшаяся недостатком информации в периодических изданиях. Правда, кроме литературы и прессы к 1914 г. появляется еще один важный источник сведений о жизни в Новом Свете, который, однако, только усиливал мифологизацию образа Америки в сознании широких слоев населения Российской империи. Мы имеем в виду кинематограф с преобладанием в экспортном варианте комедийных и приключенческих лент (любопытно подчеркнуть в связи с этим, что посещение звездами Голливуда Мэри Пикфорд и Дугласом Фербенксом уже Советской России в 1927 г. вызвало небывалый энтузиазм зрителей)⁶⁷.

Здесь уместно привести мнение известного сторонника сближения России и США, профессора Санкт-Петербургского университета И.Х.Озерова, отраженное в книге, написанной под впечатлением неоднократных поездок за океан. «Итак, в Америке культура мысли, а затем развитие самостоятельности — культура характеров: людей здесь учат действовать, лепить новые формы жизни, класть на жизнь яркий, смелый отпечаток собственной личности, здесь все — творцы, все художники, и простор для живого творчества жизни и смелости мысли»⁶⁸.

Источники свидетельствуют, что практически во всех слоях русского общества начала XX в. от крестьянства до дворянской и разночинной интеллигенции господствовало представление об Америке как о «земле обетованной», последнем прибежище гонимых и преследуемых людей со всего света. Не случайно в 1909-1912 гг. резко выросла эмиграция из России в США, причем основными путями ее осуществления наряду с традиционным трансатлантическим стал и трансти-

хоокеанский (массовый выезд бывших крестьян, работавших на постройке КВЖД, в Калифорнию и на Гавайи)⁶⁹.

Определенную роль в формировании образа США — «Нового Иерусалима» сыграла гуманитарная помощь России, оказанная различными благотворительными организациями при молчаливой поддержке администрации США во время голода 1891 г.⁷⁰

Каким же представлялся типичный американец нашим соотечественникам в начале XX в.? Анализ высказываний путешественников из России, побывавших в США, позволяет сделать вывод, что их внимание привлекли три образа, которые, казалось, давали возможность современникам понять «душу» граждан Америки: «Мне хотелось показать русскому читателю, — подчеркивает, например, П.И.Попов, — что самые оригинальные типы американского народа — *политикан, агент и репортер* [*курсив наш — авт.*], — так сказать, проникают всю его жизнь [*так в тексте — авт.*] и служат выразителями воли, потребностей и идей не отдельных классов или слоев, а целого народа; на них лежит печать американского гения более рельефно, чем на представителях каких-либо других профессий или религий»⁷¹.

Что касается первого из представленных символов американского образа жизни, то перманентное участие всего, за редким исключением, населения США в избирательных кампаниях на разных уровнях представительной демократии резко контрастировало с робкими начальными опытами формирования вертикали выборной законодательной власти под «отеческой» опекой самодержавия в России.

Второй тип хорошо вписывался в процесс коммерциализации, который в рассматриваемый период охватил все социальные структуры Америки, хотя, как отмечали русские авторы, было бы упрощением думать об американцах как о людях, «поглощенных только долларом и наживой» или, другими словами, «неразрывно связанных со своим, будто бы, божеством — всемогущим долларом»⁷².

Наконец, практически все наблюдатели подчеркивали особую роль прессы в повседневной жизни населения США. Так, если в России в 1902 г. увидели свет 800 периодических изданий, а в высококультурной Великобритании — более

9500, то в Америке их количество превысило 21300 наименований⁷³. Страсть американцев к чтению периодики отмечали не только российские, но и европейские авторы⁷⁴. Подтверждая сделанный вывод, сошлемся на следующее высказывание: «В какую бы часть Соединенных Штатов вы ни отправились, везде вы встретите газету на первом плане. Действительно, с раннего утра до поздней ночи здесь приходится видеть американцев, старых и юных, мужчин и женщин, богатых и бедных, читающих всевозможные газеты и журналы»⁷⁵.

Именно в массовом распространении периодических изданий, содержащих разнообразную информацию о «домашних» реалиях и событиях за пределами США, видели наши соотечественники свидетельство образованности (точнее, уровня грамотности), любознательности и материального достатка жителей Нового Света, несопоставимых по степени развитости с аналогичными характеристиками подавляющей части русского народа.

Переходя к другому аспекту интересующей нас проблемы, а именно, особенностям восприятия США различными слоями российского общества, подчеркнем, что по мере движения, так сказать, от «верхов» к «низам» идеализация и мифологизация образа Америки приобретали все более ярко выраженный характер.

В частности, среди достаточно узкого круга придворных и представителей высшей имперской бюрократии господствовало убеждение о некой «аномальности», «неестественности» американского пути развития, который рано или поздно должен завершиться катастрофой — распадом США на отдельные государства (как это произошло в период гражданской войны 1861-1865 гг.) и вхождением их территорий в сферы влияния мировых держав⁷⁶. Вполне понятно, что ни о каком восприятии элементов американского опыта в социально-политической и, за исключением немногих чисто технологических нововведений, хозяйственной сферах, по мнению российской элиты, и речи быть не могло.

Кроме того, противодействие экспансии царской России на Дальнем Востоке со стороны Соединенных Штатов и особенно японофильская позиция, занятая Вашингтоном в ходе войны 1904-1905 гг., добавили «черной краски» в гамму

восприятия Америки верхами российского общества, которые к 1914 г., как уже отмечалось, оказались фактически расколотыми в своих симпатиях между странами Антанты и Германией.

Совсем неоднозначная картина восприятия заокеанской республики наблюдалась в среде российской интеллигенции. Если для представителей образованных кругов Польши, Финляндии, Прибалтийских губерний, в определенной степени Украины и Белоруссии, образ США ассоциировался с идеалами свободы и равенства, воплощенными на американской земле эмигрантами из Европы, то собственно великорусская интеллигенция, продолжая мифологизировать многие аспекты жизни в Новом Свете, все же, как правило, противопоставляла недостижимую для американцев глубину отечественной духовной культуры передовым образцам новой индустриальной цивилизации, которые тем не менее следовало бы взять за модель экономического будущего России⁷⁷.

В подтверждение сказанному стоит обратиться к очеркам и путевым заметкам В.Г.Короленко, В.Г.Богораза, А.М.Горького, посетивших США в конце XIX — начале XX вв., или к стихотворению А.Блока «Новая Америка» (1913 г.) Знакомясь с этими произведениями, невольно испытываешь смешанное чувство разочарования бездуховностью, прагматизмом, космополитизмом американцев и уважения к разумному, целесообразному устройству их жизни на основе последних достижений технической мысли.

Указанная двойственность образа Америки в сознании российских интеллигентов видна, например, в следующей метафоре С.Есенина, употребленной им при описании эмиграции из Старого Света в США: «Европа курит и выбрасывает окурки, Америка подбирает окурки, но из них вырастает нечто великолепное»⁷⁸.

Любопытно, что сами американцы признавали неоднозначность образа типичного жителя Соединенных Штатов, в котором могли присутствовать одновременно скардность и бесшабашность, холодный прагматизм и сентиментальный альтруизм, религиозный фанатизм и широчайшая толерантность в вопросах веры, патриотизм и космополитизм Стремясь нарисовать такой образ, известный научный и обще-

ственный деятель США, президент Колумбийского университета Николас Батлер, совершивший лекционное турне по ряду европейских государств в 1915 г., отмечал: «Типичный американец — это тот, кто... живет жизнью доброго гражданина и соседа, кто законопослушен и всем сердцем верит в институты своей страны, а также в основополагающие принципы, на которых они созданы, кто согласовывает свою личную и общественную деятельность со здравым смыслом, кто дорожит высокими идеалами и кто стремится воспитывать своих детей для полезной жизни и служения стране»⁷⁹.

Что касается простого народа, то у неграмотных или малообразованных россиян в начале XX в. большое распространение получили слухи о простоте и легкости быстрого обогащения в Америке, где каждому желающему найдется свободный участок земли или рабочее место на предприятии⁸⁰. При этом крестьяне, ремесленники, мелкие торговцы или рабочие, стремившиеся вырваться из нищеты и обеспечить достойное существование себе и своим детям, практически не представляли или просто не хотели задуматься о трудностях адаптации к жизни в чуждой для них социокультурной среде, будь то плантации на Гавайских островах или «каменные джунгли» Нью-Йорка. Политические преследования, отсутствие демократических свобод, полное бесправие обывателя перед лицом всесильной имперской бюрократической машины создавали дополнительные стимулы для эмиграции за океан. Характерно поэтому, что после Февральской революции российские консульства в США оказались буквально завалены прошениями бывших подданных Николая II о содействии им при возвращении на Родину.

На протяжении рассматриваемого периода российское общество самоидентифицировало себя главным образом с европейской культурой. Естественна поэтому тенденция европоцентризма, проявляющаяся в восприятии внешнего мира. С этой точки зрения, все народы делились на цивилизованные, то есть усвоившие нормы западноевропейской культуры, и нецивилизованные. «Цивилизованные» народы были призваны нести свет своей, «истинной», цивилизации всем остальным. Такое деление народов часто сочеталось с расовым подходом, постепенно трансформируясь в идеологию

«миссии (бремена) белого человека», всемирной задачей которого являлось просвещение желтой и черной рас. Именно об этом «общем деле» писал своему американскому корреспонденту, организатору Всемирной выставки в Сент-Луисе Д.Френсису редактор «Нового времени» А.С.Суворин в письме от 15 марта 1904 г.⁸¹

Стереотип «миссии белого человека» был близок россиянам начала XX в., на протяжении нескольких столетий осуществлявших колонизацию территорий, населенных самыми различными этносами. Столкновение на Дальнем Востоке с новым противником — Японией — обусловило перенос акцента на общую для европейцев «желтую угрозу». События показали, что особенно выгодно это было не столько для России, сколько для Германии. Вильгельм II не случайно заявил о себе, как об «авторе картины «желтая опасность»⁸². Впрочем, и в России хватало сторонников этой точки зрения: издатели газеты «Родина» А.А. и Н.А.Каспари, подводя итоги 1903 г., отмечали, что «желтая раса мало-помалу просыпается от своей вековой спячки» и прямо указывали на «опасность нашествия желтой расы, которую необходимо... остановить в ее движении»⁸³. При этом предполагалось качественное отставание монголоидов от европейцев и говорилось о негативном характере активности жителей Азии. Так, в словах газеты «Новое время», описывающей начало русско-японской войны, явственно слышатся нотки презрения. «Азиаты показали себя азиатами. Они даже не сумели соблюсти внешние приличия»⁸⁴.

С другой стороны, как минимум с конца XVIII в., российская политическая элита воспринимала внешний мир (прежде всего Запад) как источник политических смут и революций. Для Николая II с его самодержавно-монархическим мышлением характерна именно эта точка зрения. Поэтому всякие политические перемены он воспринимает не как переход к новой, может быть, лучшей политической системе, а как хаос, разрушение порядка. Например, касаясь положения в Иране, российский император писал в 1907 г. «о соседней стране, находящейся на грани революции и анархии», для него эти два понятия почти слиты. А в каче-

стве альтернативы Николай II объявляет «мир и порядок», возможные только при сохранении монархии⁸⁵.

Самодержавие Николай II рассматривал как выразителя воли народа и считал для себя необходимым всячески поддерживать эту связь. Касаясь положения на Балканах в 1909 г., он писал Вильгельму II: «Ты можешь себе представить, в каком затруднительном положении я бы очутился, если бы... мне пришлось выбирать между голосом моей совети и разгорячившимися страстями моего народа»⁸⁶.

Летом 1914 г., в период международного кризиса, связанного с убийством австрийского эрцгерцога Франца-Фердинанда, в переписке императоров вновь возникает тот же сюжет: «Австрия объявила войну [*Сербии — авт.*]. Война эта возбудила такое глубокое негодование в моей стране: будет очень трудной задачей успокоить здесь воинственное настроение»⁸⁷.

С одной стороны, народ здесь представлен как единое целое, что вполне естественно для монарха, воспринимающего жителей страны в первую очередь как своих подданных, с другой же, русский император явно эксплуатирует стереотип «глас народа», перекладывая ответственность за собственный внешнеполитический курс на тот самый народ, чей голос, по поговорке, означает глас божий (*vox populi — vox dei*). Позднее он поясняет позицию подданных: «Они [*малые народы Балкан — авт.*] принадлежат к славянской расе и исповедуют ту же религию, что и мы. Вот почему национальное чувство России так всецело на их стороне»⁸⁸.

* * *

Период военных действий явился временем наиболее тесного и массового контакта различных культур. Противники искажают образы друг друга, придавая им карикатурно-отталкивающие черты, однако получаемый реальный опыт, как это не парадоксально, обогащает довоенные представления об иной культуре, делая их более адекватными⁸⁹. Характерно, в частности, восприятие Японии и ее военной мощи в 1900-1903 гг. и после поражения России в русско-японской войне. Если вначале во всех кругах общества царила уверенность в полном превосходстве России, то после поражения

меняется и восприятие Японии, становясь уважительно-опасливым. А с началом первой мировой войны вновь меняется установка восприятия в отношении Японии, которая на этот раз становится союзницей России. Соответственно она воспринимается теперь как дружественная страна.

С другой стороны, летом 1914 г. резко усиливается германофобия, что влияет и на особенности восприятия противника. Оно упрощается до уровня архетипа «свой-чужой», «друг-враг», хотя справедливости ради, необходимо отметить, что и до войны существовали определенные предпосылки германофобии среди россиян в идеологической, политической, экономической сферах.

Прежде всего негативное отношение к немцам развивалось как реакция на деятельность различных националистических германских обществ, развернувших на рубеже столетий интенсивную пропагандистскую кампанию под лозунгами создания на российской территории германоязычного пояса немецких поселений от Балтики через Украину до Азовского моря. Речь идет прежде всего о геополитических проектах Пангерманского союза, которые находили реальное отражение на картах, издававшихся в Берлине и изображавших западные губернии царской России как территории, насильственно включенные в состав Германской империи в результате грядущего передела мира.

В этой связи следует упомянуть закон о двойном подданстве, вступивший в действие 1 января 1914 г. на территории Германии. По этому юридическому акту все этнические немцы, независимо от страны проживания, получили возможность обратиться с прошением о предоставлении им второго, германского подданства, что, естественно, не могло не вызвать болезненной реакции в отношении их статуса в России.

Определенный вклад в идеологическое обоснование германофобии сделала и русская православная церковь, которая рассматривала баптистское и штундистское, а также униатское движения в южных и западных губерниях империи, распространявшиеся среди не только немецких колонистов, но и представителей других национальностей, как подрыв своего влияния и экспансию чуждых религиозных концессий на территорию с традиционно православным населением.

Говоря о причинах политического характера, отметим растущее недовольство и критику действий Германии и Австро-Венгрии на Балканах со стороны большинства российских государственных и общественных деятелей, усилившихся после аннексии Боснии и Герцеговины в 1908 г. Квинтэссенцией опасений в отношении «онемечивания братьев-славян» стала фраза премьер-министра И.Л.Горемыкина, придерживавшегося ранее скорей прогерманской ориентации, произнесенная им в августе 1914 г.: «Мы ведем войну не только против Германской империи, но против германства вообще»⁹⁰.

Наконец, среди экономических предпосылок германофобии можно выделить тенденцию к решению наиболее острого вопроса довоенной России — аграрного — за счет земельной собственности процветающих хозяйств немецких колонистов. Именно эти земли, наряду с крестьянской общинной собственностью, представляли собой последний резерв или, по хорошо известному выражению В.И.Ленина, «последний клапан» самодержавия в условиях хронического малоземелья и аграрного перенаселения русской деревни. Впервые о возможности такого решения аграрного вопроса было заявлено в 1909 г., когда Государственная Дума усилиями депутатов-националистов приняла закон об ограничении прав земельной собственности для колонистов на территории некоторых губерний.

Начало войны дало толчок для развития еще по крайней мере трех других факторов, усиливавших антигерманские настроения в России. Это, во-первых, пропагандистские усилия союзников по Антанте, преследовавших цель добиться абсолютной изоляции Германии, Австро-Венгрии, Турции и Болгарии для разрушения их экономического потенциала⁹¹. Также следует отметить воздействие неблагоприятной для русской армии военно-политической ситуации весной-летом 1915 г. на массовое сознание и общественную психологию в тылу, что нашло наиболее яркое проявление в майских погромах, которые прокатились волной по некоторым городам главным образом европейской части империи. Так, в Москве 27-28 мая разъяренная, пьяная толпа городских обывателей громила предприятия, магазины и дома лиц с

немецкими фамилиями при полном бездействии полиции. В результате было убито 3 и ранено более ста человек, далеко не всегда этнических немцев, а зачастую просто попавших под горячую руку иностранцев и евреев. В-третьих, необходимо указать на рост количества германских и австро-венгерских военнопленных на российской территории, которые физически испытывали на себе все ужасы жизни во враждебной, этносоциальной среде. Согласно довольно противоречивым данным статистики к декабрю 1917 г., то есть времени фактического выхода России из войны, в русском плену находилось до 2 млн. солдат и офицеров противника. К этой цифре следует приплюсовать также около 250 тыс. гражданских лиц, интернированных царскими властями⁹². Судьба этих людей была особенно трагична, поскольку на их долю выпали тяжелые испытания сначала в годы мировой, а затем и гражданской войн, не позволивших им возвратиться домой вплоть до 1918-1921 гг.

Неблагоприятная ситуация складывалась для этнических немцев в политической сфере. Уже в первые дни войны были распущены их общественные объединения и союзы, прежде всего в Прибалтике, где они обладали значительной собственностью и контролировали частные школы. После 1 апреля 1915 г. на территории России закрылись все без исключения немецкие гимназии.

Что касается процессов в идеологической и культурной областях, то общим сигналом к началу интенсивной антигерманской пропаганды стала речь Николая II, произнесенная им 4 августа 1914 г. перед гласными Московской городской думы. Немедленным результатом выступления царя явился погром, учиненный толпой в германском посольстве на следующий день при полном невмешательстве полиции.

С этого времени газеты и журналы начали оголтелую агитацию под германофобскими лозунгами, которые обосновывались «тевтонской опасностью» и жестокостями немцев в отношении населения оккупированных территорий, а позднее и военнопленных.

Уже в августе-сентябре 1914 г. правительство ввело серию мер по искоренению германского влияния на культурную жизнь страны. Прежде всего были переименованы многие

населенные пункты, носившие до войны немецкие названия. Примером для всей России в этом отношении стала столица, которая из Санкт-Петербурга превратилась в Петроград. На улицах городов и деревень, в общественных местах и на собраниях запрещалась немецкая речь, причем нарушители подвергались штрафу в сумме до 3 тыс. руб. или трехмесячному тюремному заключению. Дело дошло до того, что исполнение музыкальных сочинений таких классиков мирового значения, как Й.-С.Бах или Й.Штраус считалось непатриотичным поступком.

Следующим шагом в ряду ограничений стало закрытие весной 1915 г. всех немецкоязычных газет и конфискация книг, издаваемых для нужд этнических немцев.

Вот образец распространенного среди российского общества и армии представления о противнике в начальный период войны: «Иго немецкое внесет в ряды угнетенных такие злобу и рознь, которые навсегда разъединят узы крови, веры, культуры. В этом ведь и секрет немецкого могущества, к этому и готовили эту озверевшую нацию — сеять ужас и рознь. Немецкая сила в слабости не столько физической, сколько духовной. Способ, которым немцы добивались господства, всегда один и тот же — они оскотинивали пораженных. И достигали они такой цели привитием яда злости»⁹³.

Распространению германофобских настроений в широких слоях русского общества способствовали выступления на страницах книг и периодики представителей научной и творческой интеллигенции. Общим для них являлось противопоставление глубинной, традиционной духовности славян внешней, бездумной, немецкой «машинно-истребительной» цивилизации. «... Германцы усвоили общеевропейскую культуру постольку же, поскольку дикарь усвоил себе обращение с усовершенствованным огнестрельным оружием, — писал, например, профессор Саратовского университета В.Г.Бируков. — Как в этом последнем случае надо ожидать в результате одного зла, так и от применения германцами их внешней культуры получается то же самое. Налицо культура техники, орудий истребления, правильно распланированных улиц и садовых дорожек, но нет культуры духа, и нет вместе с тем того злодеяния, какого не могли бы совершить германцы»⁹⁴.

В подобном же духе высказывался известный русский демограф и статистик профессор В.В.Есипов: «Скажем только вообще, что сколько нам ни приходилось бывать в Германии, мы каждый год видели одно и то же: материальной, технической, так сказать «денежной» культуры, пожалуй, в этой стране было много, но духовная ее культура в массе населения не только не повысилась, но даже значительно понизилась»⁹⁵.

При всей пропагандистской окраске сочинений этих и многих других авторов, переживших плен или пребывание на территории противника в качестве интернированных лиц, хорошо заметно стремление подчеркнуть нравственное «одичание» подданных Вильгельма II и Франца-Иосифа, культ грубого насилия и национального превосходства, столь характерный для общественного мнения воевавших против России держав. В этом отношении типична точка зрения двух русских сестер милосердия, попавших в плен после отступления царской армии из Восточной Пруссии: «Очутившись и живя среди немцев в таких обстоятельствах, когда все наносное отпадает, и человек проявляет свою настоящую ценность, мы как никогда постигли, что это люди другой породы, с совершенно чуждым нам мировоззрением и душевным складом»⁹⁶.

Источники свидетельствуют о воинствующем неприятии русскими интеллектуалами германо-австрийской культуры в первые годы войны: «Мы должны и обязаны заплатить им [т.е. немцам — авт.] еще худшей монетой в смысле полного культурного отречения от них, абсолютного разграничения нашего и вашего — славянского мира и тевтонского», — подчеркивал один из русских журналистов, возвратившихся домой из плена. Его мнение звучит категорично: «Примирения не может быть никогда, во веки веков»⁹⁷.

Не столь резко, а скорее горько прозвучало на этом фоне признание великого К.С.Станиславского, которого война застала на чужбине: «Мысленно прощаемся мы с так сурово обошедшейся с нами Германией. И не чувство злобы у меня на душе к этой стране, где у меня было столько друзей по моему искусству, но чувство жалости, что вырастила она у себя целую породу людей с каменными сердцами»⁹⁸.

Настроения центра отражались и в провинции. Известны многочисленные случаи задержаний и арестов граждан Германии и Австро-Венгрии в качестве «военнопленных» с последующей высылкой их из страны, даже если они и прожили долгие годы в России, обзавелись собственностью и ни в чем предосудительном замечены не были. Оставшиеся находились под строгим надзором жандармерии, которая фиксировала все их контакты. Так, унтер-офицер дополнительного штата Орловского губернского жандармского управления Проняков доносил своему начальнику 10 февраля 1915 г.: «Орел, 2-я Никитская, 64 живет германско-подданная... Проживают большей частью немцы, которые часто оттуда и уезжают, на место их приезжают новые лица. Три дня назад из дома вышел утром кадет Орловского Бахтина кадетского корпуса с книгами»⁹⁹.

Особый контроль был установлен за русскими подданными, побывавшими в Германии. Помощник начальника Орловского жандармского управления требовал 20 апреля 1915 г. «установить негласное наблюдение за Н.Ф. Мосолковой [*которая направлялась из Гамбурга на родину в Болхов, уездный город Орловской губ. — авт.*] Брат ее обучался в немецкой семинарии, подготовил себя к проповедческой деятельности...»¹⁰⁰

Отражая усиление антигерманских настроений, соответствующую форму принимала и неприязнь народа к элите. Арестованная в Карачеве Брянского уезда Орловской губернии Прасковья Дракина показала на допросе в уездном жандармском управлении в декабре 1914 г.: «Наследник престола незаконнорожденный от германского принца. Дочь государя разъезжала по России с немецким принцем, который снял все планы и секреты, бросил царевну и уехал в Германию и наверняка теперь бьет русских солдат»¹⁰¹. Подобные настроения приводили к распространению многочисленных слухов о «шпионстве» императрицы и ее окружения. С этим власти пытались бороться, в частности, в конце 1915 г. через начальников почтово-телеграфных округов прошел циркуляр об изъятии из обращения открыток с совместным изображением Николая и Вильгельма¹⁰².

Сохраняющаяся у некоторых российских подданных прогерманская ориентация в условиях войны воспринималась уже нетерпимо. Жандармский вахмистр дополнительного штата доносит летом 1915 г. своему начальнику: «Преподаватель гимназии А.В.Миловзоров... к немцам относится очень любезно, но не с целью неуважения русского правительства, а вообще находит в немецком народе больше вежливости и аккуратности, чем вызвано распространение ругательных листов по отношению Миловзорова...»¹⁰³.

Однако часть населения отказывается принять милитаристские внешнеполитические установки. Некий Иван Михайлович из Орловской губернии пишет своему корреспонденту в конце 1914 г. в письме, перехваченном службой перлюстрации: «Победа необходима нам «для экономического поднятия» [*так в тексте — авт.*]... и для развития общественной жизни. Ну а разве Германии, не правительству, а стране, народу — разве победа не несет экономической свободы, экономического прогресса, а с ним и прогресса общества, и здесь и там победа нужна... Пусть на необходимости победы твердят националисты и либералы...»¹⁰⁴.

Характерно, что периодами наиболее сильного проявления антигерманских настроений в российском обществе стали осень 1914 и весна-лето 1915 гг., то есть месяцы самых тяжелых поражений царской армии. В гораздо меньшей степени проявления германофобии отмечались в июле 1917 г. при провале последнего наступления русской армии, хотя в некоторых городах повторилась ситуация мая 1915 г.¹⁰⁵

Подчеркнем, что практически все социальные слои Российской империи преследовали определенные интересы в этой кампании. Дворянство опасалось перспективы эвентуального перехода своей земельной собственности в руки колонистов и богатых немецкоговорящих горожан, в большом количестве скупавших имения перед войной. Предприниматели испытывали серьезную конкуренцию со стороны деловитых, оборотистых немцев, которым было проще получить кредиты западных банков и наладить товарообмен с Европой. Крестьяне рассчитывали поживиться за счет раздела земельных владений крупных собственников вообще, и преуспевающих этнических немцев в частности. Что же касается

рабочих и представителей городских низов, то они всегда были готовы принять участие в акциях под лозунгом «Грабь награбленное». Даже русскую интеллигенцию, традиционно весьма толерантную в отношении вопросов национальной культуры, как показано выше, захватила волна шовинизма и борьбы с «машинно-истребительной цивилизацией Германии».

Есть смысл отдельно остановиться на характере, формах и результатах воздействия германо-австрийской культуры на российских военнопленных, процесс трансформации их мировоззрения и психологии, который во многом предопределил мотивы и образ действий миллионов российских граждан, вернувшихся на Родину после длительного пребывания в неволе.

Влияние фактора военнопленных на социально-политические процессы периода войны и революций определялось прежде всего тем, что Россия понесла наиболее тяжелые потери по количеству убитых в сражениях, умерших от ран, болезней и голода, искалеченных солдат и офицеров в сравнении с другими воевавшими странами. Аналогичная картина наблюдается и в отношении военнопленных. Так, согласно неполным данным, за весь период войны (до 1 января 1918 г.) в плену оказалось около 3,4 млн солдат и свыше 14 тыс. офицеров и классных чинов, что составило 21,2% общего числа мобилизованных россиян. При этом более 99% пленных содержались в лагерях на территории Германии и Австро-Венгрии (соответственно 42,14% и 56,9%)¹⁰⁶.

С точки зрения возрастного и социального состава военнопленных из России, а также их образовательного уровня, типичной фигурой являлся либо неграмотный, либо малограмотный крестьянин 25-39 лет¹⁰⁷. Первые большие группы их стали поступать в отведенные места содержания после сражений в Восточной Пруссии, Галиции и Польше осенью 1914 г. Однако основной контингент составили военнослужащие царской армии, захваченные в плен немцами и австрийцами в ходе весенне-летнего наступления 1915 г. на Восточном фронте.

Большинство пленных вынуждены были провести за колючей проволокой в лагерных бараках три-четыре года жизни, испытывая постоянное воздействие германо-австрийской

пропагандистской машины. О целях подобного «промыывания мозгов» недвусмысленно заявлялось составителями сборника писем пленных, вышедшего в Берлине на русском языке: «Воспитать русских военнопленных на новых началах европейской цивилизации», или другими словами, «сделать пленных друзьями Германии и почитателями германской культуры, вызвав у них восхищение ею и даже зависть при сравнении со своей бедной и сумбурной Родиной»¹⁰⁸.

Правящие круги центральных держав пытались одновременно решить несколько задач: во-первых, морально обезоружить пленных, сочетая жестокие наказания за нарушение лагерного режима с предоставлением льгот тем из заключенных, кто покорно воспринимал требования лагерной администрации и добросовестно отработывал мизерный продуктовый паек; во-вторых, восстановить пошатнувшуюся репутацию «цивилизованной страны» в глазах мировой общественности, обеспокоенной сообщениями о зверствах в отношении пленных; в-третьих, и это особенно важно, повлиять на состояние умов противника путем стимулирования среди пленных пораженческих настроений, пропаганды скорейшего выхода России из войны и заключения сепаратного мира с державами Четверного союза.

Существовало несколько каналов идеологического и психологического воздействия на российских военнопленных.

Прежде всего следует упомянуть организацию лагерных библиотек (около 95 в Германии, Австро-Венгрии и в местах содержания пленных на оккупированных германо-австрийскими войсками территориях¹⁰⁹), создание коллективов художественной самодеятельности в виде певческих хоров, инструментальных ансамблей, любительских театров, проведение занятий по агрономии, иностранным языкам и другим предметам, деятельность спортивных кружков (преимущественно для офицеров), а также показ кинофильмов с помощью передвижных установок¹¹⁰.

Примерно с середины 1915 г. начинается использование еще одного канала воздействия на умы и души пленных, а именно, выпуск и распространение среди них специальных периодических изданий, в которых наряду с военной информацией, подававшейся в прогермано-австрийском духе,

достаточно много места уделялось очеркам, рисовавшим силу, богатство и культурное величие центрально-европейских империй. «Насколько я мог заметить, — отмечал в мемуарах один из побывавших в плену очевидцев, — задачей газеты [имеется в виду одно из таких периодических изданий под названием «Русский вестник» — авт.] было подорвать у военнопленных всякую веру в возможную победу союзников и ослепить их сиянием германской культуры и могущества. Первая задача имела не только пропагандистский, но и административный характер. Подтачивание веры в победу союзников действовало угнетающе, создавало в уме пленного полную растерянность и беспросветность, делало его еще более забитым и беззащитным»¹¹¹.

Не только периодика, но и брошюры таинственного издательства «Родная речь» заполняли полки лагерных библиотек. В более чем 70 выпусках с логотипом «Родной речи» указывался московский адрес: Кривоарбатский пер., д.3. Однако содержание некоторых из них явно указывало на то, что брошюры печатаются где-то в Германии.

Хотя большинство книжечек, выпущенных «Родной речью» для «духовного просвещения» военнопленных, представляло собой произведения классиков русской литературы — И.В.Тургенева, Л.Н.Толстого, А.Е.Салтыкова-Щедрина, А.П.Чехова, М.Горького и других, а также известных историков, например, В.О.Ключевского, попадались и эссе неведомых авторов с красноречивыми заголовками типа: «В царстве стали» — о техническом прогрессе и завидном положении рабочих на предприятиях Круппа, или «Откуда богатство Англии» — с критикой политики Великобритании, а также «Германская интеллигенция и война» — о мудрой позиции германской интеллигенции по отношению к первой мировой войне¹¹².

Еще одним важнейшим средством идеологической обработки россиян на чужбине являлась социалистическая и националистическая пропаганда, всемерно поощряемая германско-австрийским командованием.

Наиболее активную работу в этом направлении проводили члены заграничной организации социалистов-революционеров, которые распространяли среди пленных издавав-

шийся в Женеве под редакцией В.Чернова журнал «На чужбине». Всего на протяжении 1916-1917 гг. было напечатано 16 номеров против одного выпуска большевистского издания «В плену», датированного февралем 1917 г.¹¹³

Эсеровский журнал содержал резкую критику в адрес царского правительства, союзников России, а также призывы к переустройству государства на социалистических принципах после заключения сепаратного мира с Германией и Австро-Венгрией.

Если эсеры обладали своеобразной «монополией» на снабжение россиян, находившихся в неволе, периодическими изданиями, то «Бернская социал-демократическая комиссия интеллектуальной помощи военнопленным», созданная в марте 1915 г. Комитетом заграничных организаций РСДРП(б), доминировала в сфере обеспечения книгами лагерных библиотек, что подтверждается многочисленными обращениями пленных на имя председателя Комиссии Г.Л.Шкловского.¹¹⁴

Вполне понятно, что пропаганда скорейшего выхода империи из войны, сопровождавшаяся нападками на партнеров России по Антанте, была на руку центральным державам, тем более учитывая широкую агитацию эсеров и большевиков среди находившихся рядом с русскими пленными англичан, французов, бельгийцев и представителей других национальностей.

Националистическая пропаганда среди военнопленных особенно усилилась со второй половины 1915 — первой половины 1916 г. Этому во многом способствовало принятое германо-австрийским командованием решение размещать их в лагерях по национальному признаку. По свидетельству очевидцев, наибольшую активность в разжигании национальной розни проявляли организации типа «Союза вызволения Украины», пользовавшиеся всемерной поддержкой комендатур¹¹⁵.

Наконец, следует указать и на такое невинное на первый взгляд средство «промывания мозгов» пленных, как проведение регулярных богослужений в лагерях с санкции администрации. Используя, говоря словами одного из побывавших в плену «единственное утешение для заключенных»¹¹⁶, власти подвергали проповеди тщательной цензуре, принуждая специально отобранных священнослужителей призывать к всеобщему

му полюбобвному миру и провозглашать здравицы в честь коронованных особ не только России, но и ее противников¹¹⁷.

Успеху воздействия на военнопленных пропагандистской машины противника во многом способствовало отсутствие государственной программы помощи соотечественникам на чужбине, наподобие тех, которые осуществляли другие державы Антанты. Весьма характерно в этой связи заявление одного из высокопоставленных немецких генералов, сделанное им в рейхстаге: «Россия о своих солдатах, находящихся в плену, не заботится и совершенно безразлична к их судьбе»¹¹⁸.

Это ставило военнопленных россиян в тяжелое, безвыходное положение, вызывая у многих отчаяние, озлобленность и стремление «поквитаться» с предателями, засевшими в тылу. Особенно тягостной представлялось им борьба за выживание на фоне относительного благоприятного существования в лагерях пленных из держав Антанты. Характерно в этой связи мнение одного из русских пленных: «Самая жизнь среди союзников лучше всех книг доказывает, насколько наше государство отстало от своих соседей, и как такое правительство заботится о своем народе»¹¹⁹. Другой прошедший плен очевидец вспоминал: «К французам и англичанам приезжали представители Красного Креста, дипломатические агенты. Все они могли беседовать с пленными с глазу на глаз. Только русские пленные (отчасти и сербские) занимали особое положение, их никто не защищал»¹²⁰.

По мере ухудшения ситуации на фронте и в тылу узники германо-австрийских лагерей все настойчивее стремились разобраться в причинах бедственного положения России, отыскать виновников и определить степень их ответственности за неуспешную для страны, так надоевшую всем войну. В первое время под влиянием настроений, связанных с осознанием угрозы для Отчизны со стороны Германии, а также горячих симпатий к братьям-славянам «политически неразвитая мысль», как писал участник тех далеких событий, «естественно, шла у солдат по линии наименьшего сопротивления, обращаясь прежде всего к немцам: это они заняли у нас лучшие места в государстве, это они составили заговор, чтобы нас окончательно поработить»¹²¹. Постепенно, однако, акценты начинают смещаться: от яростных обвинений в

адрес германцев и австрийцев к обличению корыстных союзников, стремившихся за счет России достигнуть своих целей.

По мере усиления идеологического и пропагандистского воздействия противника на российскую армию, включая военнопленных, происходила трансформация восприятия солдатами и офицерами германо-австрийской культуры в целом, хотя, конечно, нижние чины придавали большее значение упорядоченности и отлаженности повседневно-бытовой стороны фронтовой жизни немцев или австрийцев. Сопоставление ситуации дома и у противника проводилось явно не в пользу России. Вот мнение человека, совершившего побег из кратковременного плена: «Бяда, хорошо живут, черти. Окопы у них бетонные, как в горницах чисто, тепло, светло. Пища, что тебе в ресторанах. У каждого солдата своя миска, две тарелки, серебряная ложка, вилка, нож. Во флягах дорогие вина. Выпьешь глоток — кровь по жилам так и заиграет. Примуса для варки супа. Чай не пьют вовсе, только один кофий да какаву. Кофий нальют в стакан, а на дне кусков пять сахара лежит. Станешь пить с сахаром — боишься, чтобы язык не проглотить. И где нам супротив немцев сдюжить. Никогда не сдюжить! Солдат у него сыт, обут, одет, вымыт, и думы у солдата хорошие. У нас что? Никакого порядку нету, народ только мают»¹²².

Влияние германо-австрийской пропаганды вкупе со слухами о предательстве придворного окружения царя, разочарование и усталость широких слоев общества, а также мрачные перспективы скорейшего окончания войны вызвали к концу 1916 г. появление случаев массового дезертирства новобранцев, добровольной сдачи в плен целых подразделений российской армии и братания с противником на передовой¹²³.

Февральская революция явилась первым шагом по прекращению германофобии в России. В апреле 1917 г. Бременное правительство провозгласило равноправие граждан независимо от национальной принадлежности и вероисповедания. Вскоре возобновился выпуск периодических изданий на немецком языке, а в сохранившихся к этому времени местах компактного проживания этнических немцев началась лихорадочная деятельность по организации Всероссийского Союза граждан немецкой национальности, во главе которого

стояли менониты. Результатом явилось проведение в Москве 20-22 апреля того же года «Совещания колонистов и сельских хозяев», которое приветствовало деятельность новых демократических властей России и высказалось за подготовку съезда немецкоговорящих граждан¹²⁴. Однако сделать это до прихода к власти большевиков так и не удалось.

Весной-летом 1917 г. значительное количество колонистов предприняло попытки возвратиться в места своего исконного проживания, откуда они были депортированы в 1915-1916 гг. Однако и Временное, и большевистское правительства весьма сдержанно отнеслись к призывам лидеров этнических немцев пересмотреть прежние распоряжения царских властей о выселении колонистов и горожан германо-австрийского происхождения¹²⁵.

Во время войны меняется отношение и к нейтральным странам. Российское почтовое ведомство по настоянию союзного бюро в Париже рассылает по своим отделениям директиву о задержке отправления частных телеграмм «в Норвегию, Швецию, Персию, Китай — на 2 суток, в Грецию — на 5 суток, Испанию — 2 суток, для остальных нейтральных стран — 18 часов»¹²⁶. Понятно, что эта мера требовалась для того, чтобы вероятные шпионские донесения успели устареть с военно-оперативной точки зрения, однако обращает на себя внимание разная степень недоверия к гражданам разных стран.

Таким образом в 1900-1917 гг. в России господствовали полицентричные представления о внешнем мире, что до начала войны определило сосуществование как позитивных, так и негативных установок в отношении Запада. В середине 1914 г. явный перевес получает антигерманская установка, однако к 1917 г. она в какой-то мере уступает место недовольству политикой союзных России Англии и Франции.

* * *

В конце XIX — начале XX века Россия переживала нарастающий модернизационный кризис. Культурная и стадийная неоднородность общества не только тормозила модернизацию страны, ставшую к тому времени объективной необходимостью, но и способствовала углублению пропасти между динамически и статически ориентированными полюсами

общественного целого. Большая часть населения не готова была принять тот вариант модернизации, который предлагала политическая элита, ориентированная на западные модели.

В этой ситуации формирующаяся внесистемная лево-радикальная контрэлита нащупала идеологическое обоснование и социальные возможности, позволявшие все же реализовать назревшие задачи очередного этапа модернизации, однако в совершенно ином, отличном от традиционного, идеологическом, культурном и политическом контексте.

Февральская и Октябрьская революции одновременно являлись реакцией традиционной культуры на верхушечную модернизацию и вместе с тем — своеобразным «скачком» в ее динамике, приведшим в конечном счете к тому, что модернизационные процессы оказались вписанными в среду традиционного сознания¹²⁷, что всецело относилось и к изменению механизмов и стереотипов восприятия других, прежде всего западных, стран.

Глава II

СИСТЕМА ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРОПАГАНДЫ В СССР

1. Формирование системы внешнеполитической пропаганды в 1920-30-е гг.

В 1920-30-е годы в СССР была создана развернутая система учреждений и механизмов, главной целью которой было формирование у широких масс соответствующей картины мира, частично отражающей реальность, частично мифологизированной, но главное — отвечающей конкретным, меняющимся в течение времени целям режима.

Как отмечал американский исследователь П.Кенез, советское государство больше, чем любое другое государство в истории, уделяло внимание пропаганде. По его мнению, успеху в этой области способствовал дореволюционный пропагандистский опыт большевиков, их организационные возможности и способность политической системы изолировать население от альтернативных идей и нежелательной информации. При этом большевики, как подчеркивает Кенез, в отличие от фашистских режимов в Германии и Италии, не создавали особо изоцированной «системы промывания мозгов», зато их идеология носила действительно всеобъемлющий характер, охватывала все стороны человеческой жизни, формировала единый взгляд на мир и обладала несомненной «мессианской составляющей»¹.

Пропагандистская работа, в том числе «на местах», и до революции составляла сильную сторону большевиков. Н.Н.Суханов так характеризовал их деятельность в 1917 г.: «Они были в массах. у станков повседневно, постоянно. Десятки больших и малых ораторов выступали в Петербурге на заводах и в казармах каждый божий день. Они стали своими, потому что всегда были тут — руководя и в мелочах, и в важном всей жизнью завода и казармы. Они стали единственной надеждой хотя бы потому, что, будучи своими, были щедры на посулы и на сладкие, хоть и незатейливые сказки»².

О роли пропаганды для самого выживания советского режима писал в 1927 г. польский посланник в СССР: «Большевики показали миру, какой великой силой является мудро и энергично проводимая пропаганда. Непропорционально малая гостка людей правит большими и богатыми землями, имеющими более чем стомиллионное население...»¹.

Соответствующие представления о внешнем мире, то есть о других социумах, странах, народах, составляли неотъемлемую часть официальной мифологии. При этом необходимо учитывать, что официальная пропаганда была не только причиной, но следствием мифологизированного восприятия мира, так как в воображении своих создателей она *вполне соответствовала реальности*, претендуя на то, чтобы продемонстрировать и разъяснить массам не столько внешнюю сторону отдельных процессов, происходивших в мире, сколько их глубинную взаимосвязь, причины, особенности, тенденции. Лишь постепенно, по мере эрозии соответствующей мифологии, целостную картину мира сменял набор, иногда случайный, привычных, далеких от реальности стереотипов, а позднее и прямая сознательная фальсификация.

Эволюция сталинского режима, которая сопровождалась репрессиями, происходила параллельно с формированием системы органов партийно-политической пропаганды в СССР.

По переписи населения 1939 г. собственно «пропагандистов» числилось лишь 13 тыс. чел. (из общего числа занятых около 80 млн), т.е. 0,15%. В таких сферах, как просвещение, наука, искусство, печать было занято около 3,2 млн чел., в государственных учреждениях, партийных и общественных организациях (без учета РККА и НКВД) — более 2,4 млн чел.⁴

Политико-пропагандистской работой в армейских частях в 1940 г. занималось более 70 тыс. человек (в том числе — свыше 40 тыс. чел. вновь назначенных в 1938-1939 гг.), т.е. в три раза больше, чем в 1937 г. При этом к высшему звену (полковые комиссары и выше) принадлежало 1780 чел., старшему (старшие политруки и батальонные комиссары) — 22500 чел., среднему (младшие политруки и политруки) — 45900 чел.⁵ Для сравнения, численность командно-начальст-

вующего состава РККА (включая ВВС) на 1 января 1941 г. составляла 540 тыс. чел.⁶

Для пропаганды достижений советского строя и коммунистической идеологии широко использовались около 45 тысяч писателей, журналистов, редакторов, а также свыше 100 тысяч человек, принадлежавших к «прочему культурно-политико-просветительскому персоналу», десятки тысяч «работников искусства» были призваны участвовать в этой нелегкой и по-своему опасной деятельности⁷.

Понятно, что большинство вошедших в вышеперечисленные категории людей были задействованы в организации пропаганды в стране. По отношению к общему числу имевших занятия, не говоря уже о всем населении СССР, они составляли лишь несколько процентов. Вместе с тем их социальная значимость измерялась отнюдь не численностью.

В течение 1920-30-х гг. сложилась достаточно разветвленная система организации пропаганды. Уже в июне 1920 г. в структуре ЦК РКП(б) появился отдел агитационно-пропагандистской работы (АПО) во главе с секретарем ЦК И.В.Сталиным. Позднее этот пост занимали А.С.Бубнов, С.И.Сырцов, В.Г.Кнорин и др.

АПО вменялось в обязанность объединить и контролировать пропагандистскую работу всех ведомств — Наркомпроса, Госиздата, Политуправления РККА и т.д. По положению об АПО, утвержденному в ноябре 1921 г., его структура выглядела следующим образом — коллегия, в которую входили представители отделов ЦК, Наркомпроса, Политуправления РККА, ЦК комсомола и др. и четыре подотдела — агитационный, пропагандистский, печати, нацменьшинств⁸.

Почти одновременно с АПО в системе Наркомпроса был создан так называемый Главполитпросвет. Он существовал в качестве главка наркомата, но одновременно находился под постоянным контролем АПО, а его руководство назначалось Политбюро ЦК. Главполитпросвет, в отличие от АПО, должен был заниматься идейно-политическим воспитанием беспартийных масс. На практике он занимался и системой партийного просвещения (коммунистические университеты, сопартишколы и т.д.) Руководителем Главполитпросвета в 1920-1930 гг. была Н.К.Крупская. В 1930 г. Главполитпросвет

был преобразован в сектор массовой работы Наркомпроса. АПО в этом году был реорганизован, в частности разделен на два самостоятельных отдела — культуры и пропаганды, агитации и массовых кампаний⁹. Видимо, к тому времени передача функций *государственного* органа *партийному* воспринималась как должное. Впрочем и после этого идея *государственного* органа пропаганды продолжала существовать. Так, в ходе обсуждения тезисов доклада В.М.Молотова на XVIII съезде весной 1939 г. был внесен ряд предложений о создании при Совнаркоме СССР Комитета по делам политпросветработы (Главполитпросвета)¹⁰.

К концу 1930-х гг. завершился важный этап формирования жесткой иерархической структуры управления пропагандистской деятельностью в рамках всей страны. По решению XVIII съезда ВКП(б) в начале августа 1939 г. было создано Управление пропаганды и агитации ЦК (УПА) во главе с членом Политбюро секретарем ЦК А.А.Ждановым. Он занимал видное место в высшей партийной элите. Будучи членом Политбюро с 1939 г., Жданов одновременно (с 1934 г.) входил в Оргбюро, Секретариат ЦК ВКП(б), являлся первым секретарем Ленинградского областного и городского комитетов партии. В ноябре 1938 г. — начале сентября 1940 г. он возглавлял последовательно отдел агитации и пропаганды, а затем — Управление пропаганды и агитации ЦК. Сталин в «ближнем кругу» называл его «надзирателем по идеологии»¹¹. Немаловажным было и то, что А.А.Жданов являлся с июля 1940 г. членом Главного Военного Совета, а с апреля 1941 г. — Комитета Обороны и, следовательно, находился в курсе дел, касавшихся боевой, технической и политико-пропагандистской подготовки Красной Армии.

По воспоминаниям Н.С.Хрущева, Жданов на ответственных заседаниях, в частности, на Пленумах ЦК, фиксировал неудачные обороты речи выступавших, а затем докладывал о подобных промахах самому Сталину. «Наверху», т.е. в сталинском окружении, сложилось мнение, что он якобы не отличался особым рвением: если поручат решение того или иного вопроса — сделает, а не поручат — «не надо». В остальном же, по мнению Хрущева, Жданов был очень обаятельным и веселым человеком¹².

Короткую уничтожающую характеристику этому «обаятельному человеку» дал В.И.Вернадский: «мелкая бездарная фигура, особенно после Кирова»¹³.

В тесном контакте со Ждановым действовал А.С.Щербаков. В 1934-1936 гг. Щербаков являлся оргсекретарем Союза советских писателей и приобрел некоторый практический опыт по руководству «инженерами человеческих душ», однако не поладил с М.Горьким. «Литература для него — чужое, второстепенное дело. Он оптимист, но кажется только потому, что не любит беспокоить себя», — писал Горький о Щербакове в декабре 1935 г.¹⁴ В результате Щербаков был послан на партийную работу в Ленинград, а затем в Сибирь и Донецк. С 1938 г. А.С.Щербаков — во главе столичной городской и областной организации ВКП(б), хотя еще до нового назначения на него имелись «показания» о «связи с врагами народа»¹⁵. С 1939 г. он — член Оргбюро, с февраля 1941 г. — секретарь ЦК и кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б).

А.С.Щербаков лично принимал участие в разного рода идеологических кампаниях и «проработках». Сталинский «экономический советник» академик Е.С.Варга, ставший объектом подобной «проработки», дал Щербакову следующую характеристику: «один из худших представителей самовластной бюрократии»¹⁶.

С мая 1941 г. А.С.Щербаков осуществлял общее наблюдение за работой Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б).

Механизм выдвижения кандидатур на ответственные посты, обеспечивавшие безотказное действие пропагандистской машины, был отработан с 20-х гг. и проходил под контролем ЦК и лично Сталина. Однако для такого рода деятельности, помимо партийных функционеров, требовалось привлекать и уцелевших после репрессий видных представителей интеллектуальной элиты (как изящно выразился председатель правления ВОКС В.С.Кеменов, перешедших «живыми из 19-го столетия»¹⁷), которых вождь приближал к себе в качестве главных советников по основным вопросам внутренней и внешней политики. В подобных случаях Сталин действовал настолько тонко, что привлечение к сотрудничеству таких людей превращалось в «приручение».

В рамках Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), которое перманентно разрасталось как структурно, так и по количеству работавших в нем людей, функционировал целый ряд отделов и секторов, осуществлявших повседневный партийно-политический надзор за просвещением, наукой, искусством, печатью в стране в целом. В сентябре 1940 г. начальником УПА был назначен Г.Ф.Александров. Он прошел нередкий для эпохи 20-40-х гг. путь от простого беспризорника до академика. Г.Ф.Александров закончил Коммунистический университет преподавателей общественных наук (КУПОН), в разные годы преподавал на философском факультете Московского института истории, философии и литературы им. Н.Г.Чернышевского (ИФЛИ), исполнял обязанности декана, заведовал кафедрой истории философии, философским отделением ИФЛИ, редакционно-издательским отделом Коминтерна. Г.Ф.Александров являлся секретарем парткома ИФЛИ, заместителем начальника, наконец, начальником УПА. Знавшие его по ИФЛИ люди по-разному оценивали личность Г.Ф.Александрова. По мнению одних, Александров, несмотря на влияние на него «заразы «правительственного цинизма», сохранил какие-то человеческие чувства. Другие более безапелляционны в своих суждениях: начальник УПА якобы являлся «типичным представителем партийно-руководящей научной элиты времен сталинизма». Более академичными выглядят суждения по данному поводу Ю.П.Шарапова. По его мнению, Г.Ф.Александров, «с одной стороны, был изломан, искорежен эпохой тоталитаризма, а с другой — верно служил этому монстру на протяжении многих лет». Александров не получил специального образования, не знал иностранных языков, не был начитанным человеком, что, однако, не помешало ему стать доктором философских наук¹⁸.

Ближайшими помощниками Г.Ф.Александрова по УПА являлись Д.А.Поликарпов (с августа 1939 г. — заведующий отделом культурно-просветительских учреждений, заместитель, а с сентября 1940 г. — первый заместитель начальника УПА) и А.А.Пузин (с августа 1939 г. — начальник отдела агитации, с ноября 1940 г. — редактор журнала «Большевистская печать»)¹⁹.

Печать и средства массовой информации в стране играли огромную роль в организации пропаганды. Уже в 1919 г. в РСФСР и на Украине издавалось около 800 губернских и уездных газет, а ежедневный общий тираж таких центральных изданий как «Правда», «Известия», «Беднота» превышал 1 млн экз. В 1932 г. в стране выходило свыше 7,5 тыс. газет и более 2 тыс. журналов. В 1940 г. издавалось примерно 8,8 тыс. газет с разовым тиражом 38,4 млн экз.²⁰ Во всех крупных газетах был, разумеется, международный отдел²¹. В 1930-1938 г., по инициативе М.Горького, выходило специализированное издание «За рубежом».

27 сентября 1940 г. в ведение ЦК был передан из ОГИЗа Госполитиздат, который получил наименование «Политиздат при ЦК ВКП(б)»²². Как и деятельность издательств, работа центральных, республиканских, местных органов большевистской печати, газет и журналов общественных организаций (ВЦСПС, ВЛКСМ, Осоавиахим и др.), постоянно курировались партийными структурами. Помимо этого органы цензуры во главе с Главлитом осуществляли повседневный политико-идеологический контроль практически над всей печатной продукцией.

Главное управление по делам литературы и издательства при Наркомпросе РСФСР (Главлит) было создано декретом СНК в июне 1922 г. В его функции входила предварительная цензура всех частных, кооперативных, общественных издательств. От цензуры были освобождены издания Коминтерна, партийная печать, издания Госиздата, Главполитпросвета, труды Российской Академии наук. Полномочия Главлита постоянно расширялись, в 1930 г. он был реорганизован, а в июне 1931 г. было принято новое положение о Главлите, в соответствии с которым его функции были расширены. Возглавлял Главлит в 1922-1930 гг. старый большевик, бывший член коллегии Наркомпроса, видный деятель Пролеткульта П.И.Лебедев-Полянский, впоследствии профессор МГУ, главный редактор «Литературной энциклопедии», академик²³. В 1938 г. начальником Главлита был назначен Н.Г.Садчиков. Впечатления от личной беседы с ним зафиксировал в своем дневнике 9 февраля 1938 г. академик В.И.Вернадский. Садчиков, в частности, был уверен, что

«Манчестер Гардиан» — «английский реакционный журнал». По данному поводу Вернадский иронически заметил в упомянутой дневниковой записи: «И в руках этих гоголевских типов — проникновение к нам свободной мысли!»²⁴.

Большое распространение получило радиовещание, главным образом — трансляции по проводной сети. В 1931 г. был создан Всесоюзный комитет по радиовещанию. В 1932 г. в СССР действовали 53 радиостанции. Быстро росло число радиоточек — 32 тыс. в 1928 г., около 2 млн в 1932 г., 5,8 млн в 1941 г. Кроме того в 1941 г. в СССР было около 1 млн радиоприемников²⁵. Сложилась целая система центральных, республиканских и местных программ с общим объемом радиовещания около 400 часов в сутки²⁶. Впоследствии, уже в ходе войны против СССР даже Гитлер был вынужден констатировать, что нацистская пропаганда не смогла взять на вооружение такое «идеальное средство», как радиотрансляционная сеть, которая давала «компетентным органам возможность контролировать содержание радиопередач», в то время как Советы вовремя оценили его значение²⁷.

Помимо этого в рамках Всесоюзного радиокомитета функционировал Иностранный отдел (отдел Инорадио). Вещанием на зарубежные страны постоянно занималось в тот период около 150 чел.²⁸

Видную роль в организации советской пропаганды как внутри страны, так и за рубежом играло Телеграфное Агентство Советского Союза (ТАСС) при СНК СССР. На 1940 г. штатное расписание ТАСС включало 761 чел.²⁹

Следующим звеном пропагандистской структуры являлись отделы пропаганды и агитации, отделы печати ЦК компартий союзных республик, крайкомов и обкомов, городские и районные отделы пропаганды и агитации. Один из секретарей республиканских и местных партийных комитетов занимался исключительно идеологической работой. В 1940 г. ЦК ВКП(б) предпринял еще один шаг в сторону ужесточения политического контроля за лекционной работой на местах. 4 октября на Секретариате, а 21 ноября на Оргбюро ЦК рассматривался вопрос о состоянии лекционной работы в стране. В результате Оргбюро приняло решение, согласно которому вся эта работа отныне целиком стала направляться

и руководиться местными партийными органами под контролем отделов пропаганды и агитации обкомов, крайкомов и ЦК компартий союзных республик. Данное постановление распространялось на все организации, занимавшиеся лекционной деятельностью (в том числе профсоюзные). Поскольку до этого лекционная работа проводилась без должного партийного контроля, что нередко приводило к «дискредитирующим советскую пропаганду выступлениям», категорически запрещалось допускать к ней лиц, «не имеющих на то специальных поручений или разрешений» (посредников—антрепренеров)³⁰.

Партийно-пропагандистская работа в РККА координировалась Политическим управлением (с сентября 1940 г. — Главным управлением политической пропаганды) Красной Армии. До сентября 1940 г. этот орган возглавлял один из сталинских «выдвиженцев» Л.З.Мехлис. В 1922 г. он стал секретарем Сталина, который в свою очередь был избран тогда же генеральным секретарем большевистской партии. В 1927-1930 гг. Мехлис учился в Институте красной профессуры, затем являлся главным редактором газеты «Правда». Именно он с помощью центрального печатного органа ЦК ВКП(б) развернул небывалую кампанию по возвеличиванию Сталина, его «гениального руководства». В 1937 г. Мехлис был назначен начальником ПУРККА, в 1938 г. вошел в состав Оргбюро ЦК. По воспоминаниям Б.Бажанова, работавшего в 1923-1928 гг. помощником Сталина, Л.З.Мехлис лишь создавал «себе удобную маску «идейного коммуниста», на самом деле являясь подлинным приспособленцем. Его не смущали никакие сталинские преступления. Будучи «настоящим сталинцем — ни перед чем не отступающим», с началом войны против Германии Мехлис вновь возглавил ГУППКА, и, как писал Б.Бажанов, стал «неукротимым пожирателем красноармейских жизней»³¹. Н.С.Хрущев, который знал Л.З.Мехлиса по совместной работе в газете «Правда», дал ему следующую весьма оригинальную характеристику: «это был воистину честнейший человек, но кое в чем сумасшедший»³².

В сентябре 1940 г. начальником ГУППКА был назначен А.И.Запорожец. ПУРККА (ГУППКА) действовало на правах

военного отдела ЦК ВКП(б), который сосредоточивал в своих руках все партийно-политическое руководство в Красной Армии. В его распоряжении имелась мощная издательская база. Всего в 1941 г. в Красной Армии выходило 15 журналов с разовым общим тиражом 600 тыс. экз., в том числе печатный орган ГУППКА «Политучеба красноармейца»³³. Последний начал выходить по решению ЦК ВКП(б) с февраля 1939 г. и предназначался для групповодов (руководителей) политических занятий³⁴. К 1 января 1940 г. тираж журнала достиг 115 тыс. экз., т.е. составлял почти одну пятую часть от тиража всех выпускавшихся в РККА журналов³⁵.

Армейская печать играла большую роль в политико-пропагандистской работе. Помимо центральных журналов («Политучеба красноармейца», «Пропагандист Красной Армии») и газет («Красная звезда», «Боевая подготовка») в 1940 г. издавалось 18 окружных газет. В апреле 1939 г. по решению ЦК ВКП(б) стали создаваться армейские газеты. Их число в 1941 г. достигло 15 (в 1940 г. — 11). Всего же накануне войны с Германией в Красной Армии выходило около 500 газет соединений и учебных заведений. В армейских газетах в 1940 г. работало свыше 2 тыс. политработников и командиров³⁶.

Уже в 1920-е годы пропаганда была ориентирована на создание «правильной» картины мира. Задача эта облегчалась тем, что еще в первые годы Советской власти возникла партийно-государственная монополия на средства массовой информации. Но в этот период позитивные, лишенные идеологической окраски знания об окружающем мире рассматривались как важная часть общего образования и культуры, и в этом качестве — как средство успешного строительства социализма.

Принимались меры по ужесточению контроля за деятельностью иностранных корреспондентов в СССР. В течение 1920-х годов на них пытались влиять косвенно, через систему льгот и привилегий³⁷. В конце 1920-х ситуация изменилась. «Ранее озабоченность Советского правительства отношениями с Западом давала журналистам некоторую степень свободы. В 1929, однако, Советы продемонстрировали свою решимость скрывать собственные экономические проблемы, отказав в возвратной визе Полю Шефферу из «Берлинер

Тагеблатт» из-за его критических статей», — отмечает американский исследователь Дж.Краул³⁸. Подобные меры в годы, когда Москва становилась все более интересным и престижным местом для корреспондентов ведущих информационных агентств, производили нужное впечатление. Впрочем, у советских властей были и другие, более утонченные, способы повлиять на западных журналистов. Так, в марте 1933 г. руководитель отдела печати НКВД К.Уманский собрал аккредитованных в Москве корреспондентов и намекнул, что только те, кто не будет упоминать в своих материалах о голоде в СССР, получают информацию о процессе «Метро Виккерс». Так как это было событием дня, то, как выразился один корреспондент, отказаться от этой информации было «профессиональным самоубийством», и все заявили о желании сотрудничать³⁹. Существовала и цензура сообщений западных корреспондентов из Москвы, являвшаяся в общем довольно неэффективной мерой. В мае 1939 г., сразу после прихода В.М.Молотова на пост наркома иностранных дел, она была отменена, хотя всего лишь на несколько месяцев, по представлению отдела печати НКВД⁴⁰. Очевидно, новый нарком стремился создать о себе благоприятное впечатление на Западе. После начала второй мировой войны эта практика была восстановлена и сохранялась в течение многих лет.

Ужесточение идеологического контроля, конечно же, наиболее явно сказалось на положении советских средств массовой информации. Проявлявшееся в 1920-е годы стремление дать объективную картину внешнего мира, попытки использовать западные достижения в промышленности или сельском хозяйстве в качестве примера для подражания, порой вызывали нежелательные для существующего режима оценки и сравнения. Так, крестьянин из Орловской губернии в январе 1927 года писал в «Крестьянскую газету»: «Америка придет к социализму по другим рельсам, а именно: при такой высокой культурной образованности и достигшей неслыханной технике, хотя и пишут, что там давят тиски рабочий класс, но, обратно, читали, что там работают по всем отраслям машины, а рабочие управляют ими. А рабочий класс живет, пользуется всевозможным комфортом роскоши, что наши буржуи...»⁴¹. Весной 1928 г. на собрании

московских безработных в числе прочих была подана в президиум такая записка: «Во Франции и Германии свобода слова и печати, у нас этого нет. Так, где же социализм? Там, где воля, свобода и печать, или у нас в диктатуре ВКП(б)...»⁴².

Не удивительно, что в конце 1920-х годов система международной информации стала быстро идеологизироваться. Место прежних, часто складывавшихся стихийно и лишенных идеологической окраски стереотипов занимали идеологемы, «возвышающие собственные идеологические и политические ценности и культивировавшие чувство враждебности к «чужим» идеологическим и политическим ценностям»⁴³.

Практика отбора информации подвергалась резкой критике за «безыдейность», недостаточное включение материала в определенную идеологическую схему. «Политические пикантности и пустяки продолжали, хотя и нечасто, и в небольшом количестве, пробиваться на страницы наших газет и в двадцатые годы... Было признано: такое положение больше терпеть нельзя. Нужно политизировать информацию. Поставить ее на службу самым насущным вопросам эпохи», — вспоминал один из первых советских журналистов-международников Н.Г.Пальгунов, впоследствии заведующий отделом печати МИД и генеральный директор ТАСС⁴⁴. По его мнению, «последней каплей», переполнившей чашу терпения политического руководства, явилось освещение советской прессой процесса подготовки и подписания «пакта Бриана-Келлога» в 1928 г.

Опасность искаженного и одностороннего восприятия и освещения международных событий осознавалась уже тогда. Г.В.Чичерин, еще остававшийся на посту наркома иностранных дел, в июне 1929 г. в письме И.В.Сталину характеризовал освещение ситуации за рубежом в советской прессе как «возмутительнейшую ерунду», и добавлял, что ложная информация из Китая привела к ошибкам 1927 г., а ложная информация из Германии «принесет еще несравненно больший вред»⁴⁵. Но никакого результата это письмо не возымело.

Необходимо подчеркнуть, что ужесточение идеологического контроля над отбором международной информации происходило параллельно с ростом напряженности в отношениях с Западом. Время от времени в советской прессе

разворачивались кампании, посвященные угрозе новой войны с «капиталистическим окружением». Вопрос о «военных тревогах» заслуживает отдельного рассмотрения⁴⁶; тем не менее большинство исследователей сходятся на том, что, помимо внутривластных причин для разворачивания подобных кампаний, в первую очередь необходимости «сокрушения» внутрипартийной оппозиции, на советское руководство влияла вполне реальная обеспокоенность, связанная с преувеличенно пессимистической оценкой международной ситуации⁴⁷.

Позднее, впрочем, было признано, что «военные тревоги» конца 20-х годов были необоснованны, свидетельством чего является пресловутый «Краткий курс истории ВКП(б)». В главе, посвященной периоду 1926-1929 гг., вообще отсутствует раздел о международной ситуации. По поводу роста напряженности в отношениях с Западом было сказано лишь, что «империалистические правительства принимали все возможные меры, чтобы произвести новый нажим на СССР, внести замешательство, сорвать или, по крайней мере, затормозить дело индустриализации СССР» и что это «создавало дополнительные трудности для Советской власти». Подобная характеристика составляет очевидный контраст с заявлениями конца 1920-х годов⁴⁸.

В августе 1930 г. английский дипломат в письме, направленном в Форин Офис, пересказал свою беседу с К.Уманским. Последний, в ответ на вопрос, действительно ли советское правительство верит в угрозу западной интервенции, дал развернутый ответ, из которого следовало, что эта угроза по его мнению была достаточно серьезной. «Советские опасения не столь нелепы, как мы, кажется, думаем, — писал английский дипломат. — Он [Уманский — авт.] не имел в виду, что иностранные правительства сознательно готовят военное нападение на Советский Союз, которое однажды произойдет. *Советская пресса, несомненно, пишет именно это, но причина в том, что объяснить ситуацию массам можно лишь, крайне упростив ее [курсив наш — авт.]*» На самом деле, по мнению Уманского, определенные враждебные СССР группы, в первую очередь представители эмиграции, существовавшие в разных странах, могли путем провокаций

создать такую обстановку напряженности, когда, по его выражению, «пушки начнут стрелять сами»⁴⁹.

На состоявшемся в июне 1930 г. XVI съезде ВКП(б) речь шла о дальнейшем возрастании угрозы военного нападения на СССР и необходимости в связи с этим всесторонней, в том числе идеологической, подготовки к войне. Оценки и решения съезда послужили толчком к дальнейшему усилению внимания к системе внешнеполитической информации и ужесточению контроля над ней.

В резолюциях состоявшегося в июле 1930 г. 2 Всеармейского агитационно-пропагандистского совещания подчеркивалось, что слабое отражение международных вопросов является серьезнейшим недостатком содержания политических занятий. «Значительно шире и глубже должны быть поставлены вопросы международного положения, экономического кризиса капитализма, мирового революционного движения, ибо этого требует необходимость усиления интернационального воспитания бойцов в РККА»⁵⁰.

В августе 1930 г., также отталкиваясь от решений XVI съезда, агитационно-пропагандистский отдел ЦК ВКП(б) провел совещание редакторов центральных газет по вопросу постановки иностранной информации в печати. В принятом постановлении отмечалось возрастание интереса трудящихся к международной информации и ставилась задача обеспечивать «интернациональное воспитание трудящихся в духе солидарности с борьбой международного пролетариата и внедрение в их сознание правильного понимания процессов внутри мирового капитализма». Для этого требовалось «в максимальной мере использовать те возможности в области углубленного показа отрицательных сторон капиталистической системы и условий революционной борьбы рабочих и колониальных и полуколониальных народов, которые представляет *широко, систематически поставленная, надлежащим образом комментированная и обработанная внешняя информация* [курсив наш — авт.]»⁵¹.

Однако, по мнению авторов постановления, в данный момент состояние внешнеполитической информации оставалось совершенно неудовлетворительным. Ей уделялось мало места, изложение не всегда учитывало уровень читателей, а

главное, «освещение отдельных фактов международной политики и интернациональной классовой борьбы носит преимущественно отрывочный характер и не увязывается со всей системой крупных процессов, происходящих в капиталистических странах»⁵². В числе мер, предложенных совещанием, были такие, как подготовка квалифицированных коммунистических кадров журналистов-международников, политизация работы корреспондентов ТАСС за границей, укрепление связей с Коминтерном, Профинтерном, иностранными компартиями и др.

Усиливались как цензура, так и централизация в области средств массовой информации (впрочем, как и в других областях). В плане работы ВОКС на 1929-30 годы необходимость этого мотивировалась следующим образом: «Во всех областях, в которых соприкасается социалистическое государство с капиталистическим миром, оно выработало особые формы взаимоотношения с ним». Документ разъяснял, что речь идет о монополии внешней торговли и централизованном характере дипломатических отношений. По аналогии и в области культурных связей необходима подобная монополия: «Всесоюзное Общество культурных связей с заграницей должно явиться призмой, отражающей за границей те области культурной жизни народов Союза, которые нам полезно показывать под углом наших политических задач... В виду невозможности допустить безконтрольное проникновение из-за границы спорных или чуждых культурных течений, таким фильтрующим и контролирующим органом должен являться ВОКС»⁵³. И впоследствии на протяжении 1930-1940-х годов руководство ВОКС неоднократно претендовало, впрочем, без особого успеха, на монополию в этой области. В частности председатель ВОКС В.С.Кеменов в декабре 1940 г. в обширной докладной записке, направленной секретарям ЦК ВКП(б) А.А.Жданову и Г.М.Маленкову, негативно оценил деятельность всех прочих учреждений и организаций, причастных к культурной пропаганде за рубежом, и в очередной раз предложил предоставить ВОКС монополию в этой области⁵⁴. Очевидно, что установление более жесткого контроля над всеми сторонами жизни советского общества, в том числе и в области внешнеполитической информации и пропа-

ганды, отвечало не только идеологии и общим интересам режима, но и чисто бюрократическим аппетитам отдельных ведомств.

Специальное постановление ЦК ВКП(б) в ноябре 1934 г. объявило ТАСС «центральным информационным органом Союза ССР», наделив его «исключительным правом а) распространения за границей информации о Союзе ССР; б) распространения в пределах Союза иностранной и общесоюзной информации»⁵⁵. Правда, справедливости ради надо отметить, что монополия ТАСС на практике не была абсолютной, по крайней мере, в отношении пункта «а)»: распространением за границей информации о жизни в СССР, в том числе и после принятия постановления, занимались и ВОКС, и Литературное агентство, входившее в объединение «Международная книга» при наркомате внешней торговли, и ряд других организаций, причем все они весьма ревниво относились друг к другу. Тем не менее важна сама тенденция.

Помимо Главлита, своеобразным органом цензуры в области внешнеполитической пропаганды являлся Наркомат иностранных дел и его отдел печати. В 1937-1939 гг. туда регулярно присылали на просмотр гранки очередных номеров журнала «Коммунистический интернационал». В 1939 г. практически все центральные газеты (кроме «Правды») стали передавать туда же внешнеполитические материалы для одобрения⁵⁶.

Постепенно советская печать превращалась, по образному выражению английского историка Дж.Хэслама, «в тщательно отделанную призму, сквозь которую русские поглядывали на внешний мир»⁵⁷. Уже в 1935 г., выступая на заседании Президиума Правления Союза советских писателей, С.П.Третьяков, неоднократно бывавший за границей, выпустивший книги очерков о Чехословакии и Китае, утверждал: «мы не знаем за границу. Газеты, в силу своей специфичности, некоторого клокотирования событий, которое газетам свойственно, создают иное впечатление о загранице, в частности, загранице враждебной...»⁵⁸.

В конечном итоге возобладал подход, суть которого через несколько лет достаточно откровенно сформулировал на заседании Совинформбюро в январе 1944 г. А.С.Щербаков, бывший тогда кандидатом в члены Политбюро и начальником Главного политического управления Советской Армии:

«Основным принципом всей нашей работы должно быть такое железное правило, от которого не отступать и которое неукоснительно проводить, это правило такое — использовать газеты, журналы, радио, чорта, дьявола, сатану, кого угодно, но в интересах нашего советского дела и ни в коем случае не позволять, чтобы тебя использовали»⁵⁹.

Официозный характер советской прессы был очевиден, и это привело к довольно парадоксальным попыткам политического руководства «организовать» по крайней мере внешне «независимые» издания. В этом качестве в 1934 г. по инициативе М.М.Литвинова был основан «Журналь де Моску» (на французском языке). Для этого издания видные сотрудники НКВД, часто по указанию самого Литвинова, писали статьи на внешнеполитические темы⁶⁰. Издание было закрыто в мае 1939 г. после отставки Литвинова, но уже в октябре того же года ЦК ВКП(б) постановило «расширить иностранный отдел газеты «Труд», используя его для широкого не официозного освещения советского общественного мнения по международным вопросам в различных его оттенках»⁶¹. Эта практика продолжалась и в 1940-е годы⁶².

Усиливался контроль не только за органами печати. В 1924-1925 гг. обратили внимание на «угрозу идеологическому воспитанию рабочих и крестьян нашей страны, которая шла со стороны иностранной кинопродукции». В результате «были усилены меры, преграждавшие проникновение вредных, идеологически и политически, заграничных кинофильмов на экраны советских кинотеатров». Уже к июлю 1924 г. к прокату в СССР было запрещено 216 кинофильмов⁶³. С конца 1925 г. ужесточилась политика в области радиовещания. Критические отзывы радиослушателей пересылались для расследования в ОГПУ. В 1932 г. по рекомендации ЦК были ликвидированы радиогазеты, в 1937 радиокомитет запретил радиопереклички. С 1935 г. практиковалось централизованное снабжение текстами радиопередач, для чего была создана специальная редакция микрофонных материалов. Все подготовленные тексты заранее предъявлялись для получения визы⁶⁴.

Тем не менее радиовещание продолжало вызывать нарекания «с политической точки зрения». Объективность информации уже ни в коей мере не являлась достоинством.

Факты часто заменялись идеологемами, далекими от реальности. Так, на пленуме ЦК в феврале 1937 г. представитель Комиссии партийного контроля критиковал редакцию все-союзного радио за то, в частности, что в материалах, посвященных Германии, много говорилось о внешней политике фашизма и недостаточно — о трудностях в экономике, «о враждебном к фашизму внутреннем общественном мнении, о нарастании сил, противостоящих фашизму»⁶⁵. Нет необходимости разъяснять, что о «нарастании сил, противостоящих фашизму» в Германии 1937 года говорить не приходится. Не удивительно, что делегаты с мест в ходе того же пленума жаловались на низкий уровень внешнеполитической пропаганды⁶⁶.

Постепенно усиливалось расхождение между тем, что знала и понимала политическая элита, и что предназначалось «для широких масс». Даже представители высшего партийного руководства стремились в своих выступлениях всячески избегать «идеологически невыдержанных» заявлений.

Выступая 1 августа 1940 г. на VII сессии Верховного Совета СССР, первый секретарь МК и МГК ВКП(б) А.С.Щербаков заявил, говоря о присоединении к СССР прибалтийских стран: «Капиталистам удалось на время сыграть на национальном недоверии латышских, эстляндских и финских крестьян и мелких хозяйчиков к великоруссам, удалось на время посеять рознь между ними и нами на почве этого недоверия» (речь в данном случае шла о событиях 1918-1920 г.) Эта, казалось бы, во многом отвечающая реальности и политически «правильная» фраза в стенограмме, предназначенной для публикации, была тем не менее вычеркнута. Рукой Щербакова вместо нее была вписана следующая фраза: «Буржуазные политиканы, запродавшие себя с потрохами иностранной империалистической буржуазии, захватившие власть над трудовым народом Литвы, Латвии и Эстонии при помощи иностранных штыков — пытались обманывать свой народ и весь мир болтовней о «демократии» и «независимости»...»⁶⁷. Таким образом важная мысль о «национальном недоверии» к русским со стороны населения прибалтийских республик (хотя бы в результате злокозненной политики капиталистов) была изъята из печатного текста и заменена общей и достаточно бессодержательной фразой.

В цитированном выше постановлении совещания редакторов центральных газет 1930 г. единственный пункт, который, как указывалось в тексте, не предназначался для публикации, всего лишь упоминал о самом существовании информации «для служебного пользования»⁶⁸. Постепенно в практику входили различного рода закрытые обзоры и сводки.

Вопросы внешнеполитической пропаганды и информации решались на весьма высоком уровне. Так, в повестку дня заседаний Секретариата ЦК только за первую половину 1930 г. были включены вопросы об издании газеты «За рубежом», о корреспондентах ТАСС в Варшаве, Риме, Женеве, Хельсинки, Токио, о Главлите (по этому вопросу основным докладчиком выступал А.С.Бубнов, содокладчиком Г.Ягода)⁶⁹, и др. Гнедин в своем интервью вспоминает, что в первой половине 1930-х годов, будучи заместителем заведующего иностранного отдела «Известий», он был вызван на ночное заседание Политбюро, где «давались директивы относительно какой-то важной внешнеполитической передовой, которую мне предстояло писать для «Известий»⁷⁰.

В подготовке внешнеполитических статей принимали участие не только журналисты, но и руководители НКВД. Как вспоминал видный советский дипломат Н.В.Новиков, «руководство Наркоминдела требовало, чтобы в этой [*пропагандистской — авт.*] работе непосредственное участие принимали сотрудники наркомата, люди всесторонне информированные и способные правильно ориентировать своих читателей и слушателей»⁷¹.

Использование внешнеполитической информации носило порой сугубо «прикладной» характер. Например, в октябре 1930 г. по поводу просьбы 350 польских семейств о разрешении на выезд в Польшу, что было, естественно, расценено как «антисоветская демонстрация», Польское бюро агитационно-пропагандистского отдела ЦК ВКП(б) подчеркнуло, что для предотвращения повторения подобных случаев, газеты, издававшиеся для польского населения СССР, «впредь должны систематически и более углубленно освещать положение бедноты и среднего крестьянства в фашистской Польше»⁷².

И тем не менее система внешнеполитической пропаганды не избежала участи практически всех «подсистем» советской

государственной машины. Постоянно подвергался «чисткам» аппарат ЦК. Среди государственных органов важная роль в этой системе принадлежала Наркомату иностранных дел и его отделу печати. По подсчетам американского исследователя Т.Улдрикса, из числа ведущих работников наркомата 44% определенно стали жертвами террора, 18% просто исчезли в годы «ежовщины», о 8% ничего не известно, 14% либо эмигрировали, либо умерли естественной смертью. И лишь 16% сохранили свои должности⁷³. Отдел печати был основательно «вычищен» после прихода в Наркоминдел В.М.Молотова весной 1939 г. Среди прочих был арестован и его заведующий Е.А.Гнедин. Как вспоминает журналист-международник Д.Ф.Краминон, перед отбытием в Швецию в октябре 1939 г. он был на инструктаже в отделе скандинавских стран и в отделе печати. «Среди «скандинавов» не оказалось никого, кто работал бы в Стокгольме, и они не могли поделиться со мной опытом. Отдел печати совсем недавно возглавил профессор философии, который имел очень смутное представление о печати вообще и совсем никакого о шведской, в чем он признался мне с обаятельной откровенностью»⁷⁴.

Столь же жесткому разгрому подвергся и ВОКС, в значительной мере способствовавший созданию за рубежом позитивного образа СССР. После ареста и казни председателя ВОКС с 1934 по 1937 годы А.Я.Аросева, его участь разделило большинство ответственных сотрудников. В результате на совещании, посвященном «ликвидации последствий аросевщины», в октябре 1937 г. предлагалось создать специальную должность контролера исходящей почты на иностранных языках, так как новые заведующие отделами языков не знали, и почту, следовательно, контролировать не могли⁷⁵.

Потенциально каждый представитель военной элиты, в том числе пропагандистских органов РККА мог оказаться в числе «врагов» либо их «пособников». Так произошло, например, с заместителем А.И.Запорожца армейским комиссаром 2-го ранга В.Н.Борисовым. В июле 1941 г. «выяснилось» (не без прямого участия Л.З.Мехлиса), что Борисов скрывал компрометирующие его сведения (он служил в белой армии, подвергался аресту ВЧК, наконец, его отец являлся священнослужителем). За это «преступление» бывший замес-

титель начальника ГУППКА Военной коллегией Верховного суда СССР был приговорен к 5 годам лагерей с лишением воинского звания⁷⁶. В начале войны с Германией был подготовлен «компромат» и на начальника ГУППКА А.И.Запорожца, но по счастливому стечению обстоятельств ему не было дано хода.

В подобных условиях на первый план выходило не наличие профессиональных навыков (хотя и они были необходимы), а способность адаптироваться в условиях перманентных «проработок» и «чисток». Как и другие люди, занимавшие в сталинскую эпоху ответственные посты в различных учреждениях и организациях, представители пропагандистских структур были вынуждены действовать по принципу (в западной историографии он назван «синдромом трех «у»: «угадать», «угодить», «уцелеть»⁷⁷). Как подчеркивал В.И.Вернадский, выбор людей, составлявших опору диктатуры, как никогда ранее, определялся «благонадежностью»⁷⁸. Большинство из них вряд ли могло глубоко размышлять о причинах частой смены идеологических лозунгов и зигзагов внешнеполитического курса руководства СССР в 1939-1941 гг., которые наиболее явственно стали проявляться с момента начала сближения с нацистской Германией.

Все это, с одной стороны, резко ухудшило имедж Советского Союза за рубежом, а с другой — существенно осложнило работу учреждений и ведомств, ответственных за формирование «правильной» картины мира в сознании советского общества.

Какую же картину мира пыталась формировать официальная пропаганда 1920-30-х годов? Она складывалась из набора довольно устойчивых стереотипов, которые в момент своего возникновения в какой-то степени отражали подлинную ситуацию, но скоро оторвались от постоянно изменяющейся реальности. Характерно, что этот набор, созданный еще до войны, с незначительными изменениями сохранялся и в пропаганде первой половины 1980-х годов.

Наиболее характерной ее чертой являлось представление о том, что СССР является одним из основных мировых «центров притяжения». Англия и Америка, как говорил И.В.Сталин на XIV съезде в 1925 г., выступали в качестве такого центра для буржуазных правительств, а СССР — для

рабочих Запада и революционеров Востока⁷⁹. Одновременно создавался образ СССР как позитивной альтернативы Западу. «Среди этих бушующих волн экономических потрясений и военно-политических катастроф СССР стоит отдельно, как утес, продолжая свое дело социалистического строительства и борьбы за сохранение мира. Если там, в капиталистических странах, все еще бушует экономический кризис, то в СССР продолжается подъем как в области промышленности, так и в области сельского хозяйства», — заявил Сталин на XVII съезде ВКП(б) в январе 1934 г.⁸⁰

Расчет в пропаганде делался главным образом на то, что в общественном сознании найдет отклик утверждение об исключительности первого в мире «социалистического» государства, которое имеет перспективу превращения в «мировую республику» после уничтожения «капиталистического окружения»⁸¹. Но само наличие «капиталистического окружения» обуславливало необходимость перманентной внутренней мобилизации в стране и поддержания в общественном сознании постоянной готовности к войне.

В условиях экономического кризиса 1929-1933 гг. советская печать широко освещала действительно имевшие место факты резкого ухудшения положения широких масс, роста безработицы и социальной напряженности, массового разорения крестьянских хозяйств. Впрочем, уже тогда желаемое часто выдавалось за действительное; так, в своей речи на XVII съезде И.В.Сталин приводил данные о том, что с 1933 г. в развитых капиталистических странах начался, по сравнению с 1930-32 гг., постепенный рост производства, и тут же, через несколько абзацев, утверждал, что «в настоящее время не существует таких данных, прямых или косвенных, которые бы говорили о наступающем подъеме промышленности в капиталистических странах»⁸².

Эта тема развивалась всеми органами печати, в том числе и предназначенных для подготовленных читателей. Так, в редакционной статье «Год великих сдвигов» в журнале «Коммунистический интернационал» подчеркивалось, что «капитализм нигде не сумел создать предпосылок для новой капиталистической стабилизации. Нигде и перспективы на новую стабилизацию не видно. Наоборот, обострение обще-

го кризиса капитализма шло непрерывно и было обусловлено глубоким потрясением всей капиталистической системы, созреванием революционного кризиса в капиталистических странах, могучим ростом СССР, развертыванием антиимпериалистического движения в колониях, сужением рынков сбыта и борьбой за рынки, углублением империалистических противоречий и сужением маневроспособности капитализма. Поэтому даже временный рост промышленной продукции (который, кстати сказать, в некоторых ведущих капиталистических странах стагнирует) не задержал процесса углубления общего кризиса капитализма»⁸³.

На рубеже 1920-30-х годов, в ситуации, когда на Западе набирали силу фашистские движения, обострялась международная обстановка, многие представители либеральной западной интеллигенции действительно видели в СССР образ новой цивилизации. Об этом говорили приезжающие в страну Б.Шоу, Т.Драйзер, супруги Веббы, выпустившие огромный двухтомный труд общим объемом свыше 1200 страниц под названием «Советский коммунизм — новая цивилизация?»⁸⁴ Вопросительный знак в заглавии «снялся» всем содержанием книги, в которой шла речь о советской конституции, советском человеке как гражданине, производителе и потребителе, плановом характере экономики и т.д. В конце Веббы делали вывод, что Советский Союз действительно является и новой цивилизацией, и реальной альтернативой Западу. Нужно отдать должное советским организациям, таким, как полпредство в Лондоне, НКВД, Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС) и др., которые охотно снабжали Веббов старательно подобранной информацией. Не случайно советский полпред в Великобритании И.М.Майский отметил, что «такой итог, несмотря на все сделанные авторами оговорки, в обстановке 30-х годов являлся большой идеологической победой Советской страны»⁸⁵. Труд Веббов неоднократно переиздавался в Англии, был переведен и на русский язык, однако впоследствии и русское, и английские издания оказались в спецхранах. Очевидно, сыграли роль упомянутые Майским «оговорки», то есть стремление по возможности объективно, на основе не

только официальной советской статистики, но также анализа и личных впечатлений, оценить советскую действительность.

Советские средства массовой информации постоянно ссылались на подобные издания и благоприятные для СССР высказывания, подкрепляя таким образом положения официальной пропаганды. К 15-й годовщине революции вышла книга «Глазами иностранцев» объемом свыше 700 стр. с обширной вступительной статьей К. Радека. В нее вошли очерки и отрывки из книг свыше ста зарубежных авторов, которые, по словам составителя, «признают, что Октябрьская революция явилась тем великим историческим этапом, который кладет начало новой человеческой эре», и даже те, кто «неправильно оценивает отдельные этапы этого единого и неуклонного на протяжении пятнадцати лет процесса, не могут отрицать, что СССР — единственная страна, где есть жизнь, где рождается новый человек, где куется новое будущее»⁸⁶. Подобных изданий (хотя, возможно, и не столь объемистых) в эти годы было немало⁸⁷.

Постепенно ситуация в странах Запада стабилизировалась, но тезис о постоянном ухудшении положения трудящихся (к нему было лишь добавлено определение «относительное») и нарастании классовой борьбы остался, догматизировался и воспроизводился при каждом удобном случае, постепенно заменив собой идею «мировой революции». Любопытно, что еще в 1940-е гг. западные исследователи на материалах советской прессы изучали соотношение между словами-символами «мировой революции» и «внереволуционной» национальной символикой за период с 1918 г. по 1943 г. Если в лозунгах 1920 г. количество символов «мировой революции» более, чем в 10 раз, превосходило число национальных символов, то с 1929 г. четко прослеживается рост удельного веса национальной символики, с 1931 г. — непрерывное падение интереса к «мировой революции». К 1943 г. все, что связано с мировой революцией, в советской пропаганде практически сошло на нет»⁸⁸.

Преувеличивалась роль СССР в международной политике. На самом деле в 1930-е годы даже в европейских делах западные страны предпочитали скорее игнорировать СССР, чем видеть в нем основного соперника. Ситуация стала ме-

няться по мере нарастания фашистской угрозы, но и тогда потенциальные возможности СССР как союзника на Западе склонны были преуменьшать. Несомненно существовавшие в политике капиталистических стран антисоветские тенденции никогда не были определяющими именно из-за невысокого мнения о реальном весе СССР. Советская же пропаганда постоянно подчеркивала решающее влияние Советского Союза на всю систему международных отношений.

«Советский Союз превратился в могучую социалистическую державу, оказывающую огромное воздействие на весь ход международного развития», — утверждалось в брошюре, изданной Наркоматом обороны и предназначенной для системы марксистско-ленинской учебы командного состава⁸⁹. В.М.Молотов, выступая по поводу ратификации печально известного «пакта Молотова-Риббентропа», доказывал, что «в настоящее время уже нельзя решать важные вопросы международных отношений» без активного участия СССР. «Всякие потуги обойти Советский Союз и решить подобные вопросы за спиной Советского Союза должны окончиться провалом», — заключал он⁹⁰.

Неадекватное представление о роли СССР в мире сопровождалось возникновением своеобразной иллюзии превосходства в отношении достижений советской культуры. В 1920-е годы в официальной пропаганде довольно часто встречались утверждения о культурной отсталости Советской России и необходимости догнать в этом отношении Запад. Об этом неоднократно говорил В.И.Ленин. Максим Горький в 1930 г. предлагал работавшему тогда в Париже Н.Валентинову написать очерки французского быта и так подчеркивал важность своей просьбы: «Очерки европейского быта нам крайне важны. Быт наш тяжек, нездоров, полон азиатских наслоений. Нужно его чистить и чистить. Корректуру в него может внести знание Европы и европейской жизни»⁹¹. Но уже в 30-е годы ситуация резко меняется.

Признавая определенную отсталость культуры материальной, официальная пропаганда основной упор стала делать на успехах в области культуры вообще, и политической культуры в частности. К.Е.Ворошилов, выступая на 1 съезде колхозников-ударников в феврале 1933 г., говоря о политике в

области культуры, провозгласил: «Мы достигли в этом отношении огромных успехов, говорю без всякого преувеличения. Вряд ли найдется много таких крестьян в Европе и Америке, которые бы вышли на трибуну и без единой запиночки произносили длинные хорошие речи о строительстве новой жизни, нового человеческого общества. Политически мы достигли очень больших высот. Политически мы выросли, но материальная культура у нас еще очень слаба. Она может *вырасти до уровня нашей духовной культуры* [курсив наш — авт.] только через социалистический организованный труд, только через создание все новых и новых материальных ценностей»⁹².

Прошло еще некоторое время, и в одном из служебных документов ВОКС 1938 года появилось утверждение, что советская пропаганда недооценивает успехи советской культуры. «Из всех многочисленных и разнообразных областей культурной жизни, в которых СССР благодаря своим непрерывным новым завоеваниям и достижениям бесспорно идет впереди всех зарубежных стран, нужно назвать раньше всего театральное искусство, кинематографию, музыку, народное творчество, литературу, педагогику и медицину», — безапелляционно подытоживал автор документа⁹³.

Советская пропаганда не упускала ни одного случая, чтобы подчеркнуть те или иные негативные черты западного образа жизни, иногда по самому неожиданному поводу. Так, в пособии по игре в шахматы утверждалось, что «за границей, в капиталистических странах шахматы доступны главным образом лишь образованным людям, а рабочий класс и крестьянство пока не имеют доступа в шахматные кружки. Буржуазным правительствам политически невыгодно, чтобы угнетенный народ занимался шахматами и на их базе создавал свои классовые организации»⁹⁴. Неудивительно, что, по подсчетам западных исследователей, в газете «Московские новости», например, соотношение благоприятных и неблагоприятных статей, посвященных другим странам, в 1938-1939 гг. было 69 к 328.⁹⁵

С середины 30-х годов во внешнеполитической пропаганде появляются новые, антифашистские мотивы. Первоначально они возникли как реакция на антисоветскую кампа-

нию, развернутую в Германии после прихода Гитлера к власти. В декабре 1935 г. М.М.Литвинов подал на имя Сталина секретную записку, в которой предлагал «дать нашей прессе директиву об открытии систематической контркампании против германского фашизма и фашистов»⁹⁶. Интенсивность этой кампании то ослабевала, то усиливалась в зависимости от ситуации (особенно резкие повороты в советской пропаганде происходили после начала второй мировой войны). Тем не менее именно это направление пропаганды оказало заметное воздействие на общественное сознание, что подтверждается многочисленными свидетельствами

2. Синдром «наступательной войны» в пропаганде начала 1940-х гг.

В последние годы разворачивается и все более активизируется дискуссия о том, к какой именно войне готовились Сталин и советское руководство. Наиболее характерным моментом этой дискуссии является то, что постепенно преодолевается навязывавшееся десятилетиями «единомыслие» во взглядах на возникновение и начало советско-германской войны, которое опиралось на тенденциозную сталинскую трактовку событий. Создались условия для беспристрастного изучения подлинных архивных документов, в том числе — введенных в научный оборот в первой половине 90-х гг. Их всесторонний анализ позволил некоторым историкам предположить, что Сталин и руководство СССР с мая 1941 г. начали активную подготовку к наступательной войне⁹⁷. Подобная точка зрения вызывает возражения оппонентов, и это вполне объяснимое и в конечном счете нормальное явление, если иметь в виду подлинно научный спор, тем более, что известные к настоящему времени факты об истинных замыслах Сталина и большевистского руководства, относящиеся к маю-июню 1941 г., крайне противоречивы, трактуются порой с прямо противоположных позиций и требуют дополнительного трезвого и скрупулезного анализа.

В первую очередь это относится к текстам сталинских выступлений по случаю выпуска слушателей военных академий РККА 5 мая 1941 г.⁹⁸

Этим выступлениям предшествовало секретное заседание Политбюро ЦК ВКП(б) 4 мая 1941 г. На нем обсуждался вопрос «Об усилении работы советских центральных и местных органов». В принятом постановлении подчеркивалось, что их координация служит поднятию авторитета «советских органов в современной *напряженной международной обстановке*» [курсив мой — авт.]

В соответствии с этой задачей Политбюро единогласно постановило назначить И.В.Сталина Председателем Совета Народных Комиссаров СССР. «По настоянию» Политбюро, он оставался первым секретарем ЦК ВКП(б), и, поскольку не мог уже «уделять достаточно времени работе по Секретариату ЦК», его заместителем по Секретариату стал А.А.Жданов.

В.М.Молотов, являвшийся до этого Председателем СНК, был назначен заместителем Сталина и «руководителем внешней политики СССР», оставаясь на посту Народного Комиссара по иностранным делам. Жданов освобождался от обязанностей «наблюдения за Управлением пропаганды и агитации ЦК ВКП(б)» (УПА), а на его место назначался А.С.Щербаков, ставший секретарем ЦК и руководителем УПА. Щербаков сохранял за собой посты первого секретаря Московского обкома и горкома ВКП(б)⁹⁹. К этому можно добавить, что наряду с делами по Секретариату Жданов практически замещал Сталина и в Оргбюро ЦК ВКП(б).

6 мая Политбюро утвердило проекты Указов Президиума Верховного Совета СССР об освобождении В.М.Молотова от обязанностей Председателя СНК СССР и о назначении на его место Сталина¹⁰⁰. В тот же день Указы были приняты, а затем опубликованы¹⁰¹.

Формулировка первого из названных указов была весьма примечательной. Из нее следовало, что ввиду неоднократных заявлений В.М. Молотова о трудности совмещения им обязанностей Председателя СНК и наркома иностранных дел, его просьба была, наконец, удовлетворена. Следует отметить явное отличие данной формулировки от той, которая зафиксирована в постановлении Политбюро от 4 мая. В то же

время третий из вышеупомянутых указов Президиума Верховного Совета СССР, опубликованных 7 мая, фактически дезавуировал то, что утверждалось в первом, поскольку, оставаясь во главе внешнеполитического ведомства, Молотов был все же назначен заместителем Сталина по СНК.

Вечером 5 мая 1941 г. Сталин выступил с сорокаминутной речью перед выпускниками военных академий на торжественном собрании, а затем, после торжественной части, на приеме произнес знаменитую реплику, вокруг которой ведутся беспрестанные споры. Присутствовавший на торжествах сотрудник наркомата обороны СССР К.Семенов так зафиксировал в своих записях упомянутую реплику: «3-е выступление товарища Сталина на приеме. Выступает генерал-майор танковых войск. Провозглашает тост за мирную сталинскую внешнюю политику.

Тов. Сталин: Разрешите внести поправку. Мирная политика обеспечивала мир нашей стране. Мирная политика дело хорошее. Мы до поры до времени проводили линию на оборону — до тех пор, пока не перевооружили нашу армию, не снабдили армию современными средствами борьбы. А теперь, когда мы нашу армию реконструировали, насытили техникой для современного боя, когда мы стали сильны — теперь надо перейти от обороны *к наступлению*.

Проводя оборону нашей страны, мы обязаны действовать *наступательным образом*. От обороны перейти *к военной политике наступательных действий*. Нам необходимо перестроить наше воспитание, нашу пропаганду, агитацию, нашу печать *в наступательном духе*. Красная Армия есть современная армия, а современная армия — *армия наступательная*» [курсив мой — авт.]¹⁰².

Призывы Сталина о переходе к «военной политике наступательных действий», о необходимости перестройки всей советской пропаганды «в наступательном духе» врезались в память очевидцев и современников событий, что зафиксировано в ряде источников.

Возможность для перехода к наступательной политике, если судить по сталинским высказываниям 5 мая 1941 г., уже создалась. Во-первых, согласно собственным убеждениям Сталина, подхваченным пропагандистами, любая война, ко-

торуую вели и будут вести большевики, по определению является справедливой, ибо имеет конечной целью сокрушение «капиталистического окружения»¹⁰³.

Во-вторых, обстановка была подходящей, поскольку после поражения Франции и захвата ряда европейских государств Гитлер воевал «под флагом покорения других народов». Лозунги германской армии «захватнические», и она, как предсказывал Сталин в своей речи 5 мая 1941 г., пользуясь этими лозунгами, уже «не будет иметь успеха»¹⁰⁴.

Наконец, в-третьих, создались и благоприятные условия для перехода к активным наступательным действиям (об этом свидетельствует вся риторика речи Сталина перед выпускниками военных академий).

Знаменательна реакция Сталина на предложенный 5 мая 1941 г. тост за «мирную сталинскую внешнюю политику». Само по себе это определение было одним из самых распространенных на майских торжествах 1941 г. Оно вошло в праздничные приказы наркома обороны и наркома Военно-Морского Флота СССР. На приеме в честь участников военного парада вечером 2 мая ее провозгласил (причем в присутствии Сталина) С.К.Тимошенко¹⁰⁵. Вообще, советская пропаганда на все лады восхваляла «сталинскую мирную внешнюю политику», позволявшую СССР официально оставаться вне войны, и в то же время дававшую солидные территориальные приращения, полученные в 1939-1940 гг.¹⁰⁶ То, что Сталин во всеуслышание объявил о намерении отказаться от нее и перейти «от обороны к наступлению» не было простой риторикой, а означало лишь одно: сигнал к повороту во всей политике в сторону активных действий, направленных главным образом против Германии.

Исследователи практически единодушны в том, что сталинская речь 5 мая 1941 г. имела ярко выраженную антигерманскую направленность. В ней недвусмысленно признавалось, что именно немцы стали инициаторами войны («Германия начинала войну...») и виновны в ее расширении («германская армия ведет войну под лозунгом покорения других стран...»)¹⁰⁷. Подобное признание коренным образом отличалось от прежних заявлений руководства СССР, звучавших неоднократно, начиная с сентября 1939 г., в выступ-

лениях В.М.Молотова, а также в советской пропаганде. Тогда «поджигателями войны» называли Англию и Францию.

Сталинский призыв о необходимости перехода к «военной политике наступательных действий» и соответствующей перестройке советской пропаганды не остался пустым звуком. Он немедленно был расценен как прямое указание к действию.

В частности, после сталинского указания о необходимости перестройки воспитания, пропаганды, агитации и печати в стране в наступательном духе, прозвучавшего 5 мая 1941 г., началась активная работа по претворению его в жизнь. Основные вопросы, возникавшие в ходе разворачивавшейся пропагандистской кампании в духе «военной политики наступательных действий» обсуждались на заседаниях Оргбюро, Секретариата, а также в Управлении пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), в отделе печати Народного комиссариата иностранных дел, Главном управлении политической пропаганды Красной Армии (ГУППКА). Вся кампания велась под непосредственным руководством секретарей ЦК ВКП(б) А.А.Жданова и А.С.Щербакова.

Судя по публичным выступлениям А.А.Жданова и до 5 мая 1941 г., и после, он являлся, так же, как и Сталин, приверженцем наступательной военной тактики. На партийном активе Ленинграда и Ленинградской области 20 ноября 1940 г. Жданов подчеркивал необходимость обратить особое внимание на новые тенденции в ходе боевых действий между Германией и ее противниками на Западе и, прежде всего, учитывать «опыт современного *наступления* [*курсив мой — авт.*] со всеми его ударными средствами и формами в виде прорыва танков, механизированных дивизий, налетов авиации, парашютных десантов...»¹⁰⁸.

Несомненно, А.А.Жданов и А.С.Щербаков, будучи одними из наиболее близких к Сталину людей, обладали исчерпывающей информацией относительно того, как именно должна разворачиваться новая пропагандистская кампания, корректируя ее ход в зависимости от быстро менявшейся обстановки внутри страны и на международной арене.

Эта кампания самым непосредственным образом затронула деятельность УПА ЦК ВКП(б). Начальник УПА Г.Ф.Александров был хорошо осведомлен о содержании речи Сталина 5

мая 1941 г. и даже ознакомил с ее содержанием доцентов и аспирантов ИФЛИ, где вел тогда преподавательскую работу¹⁰⁹. Именно Александрову было поручено составление первого варианта проекта общей директивы ЦК «О задачах пропаганды на ближайшее время». Он также давал указания по содержанию аналогичного проекта директивы ГУППКА.

Ближайшими помощниками Г.Ф.Александрова по УПА являлись Д.А.Поликарпов и А.А.Пузин. Они участвовали в составлении проектов решений Секретариата и Оргбюро ЦК ВКП(б), некоторые из которых, принятые после 5 мая 1941 г., напрямую были связаны с пропагандистским обеспечением подготовки наступательной войны.

К этой же деятельности был привлечен отдел печати НКВД во главе с Н.Г.Пальгуновым¹¹⁰.

Важным шагом на пути практического воплощения сталинских указаний 5 мая 1941 г. в области пропаганды явились меры по перестройке средств массовой информации. Периодическая печать всегда была в руках большевистского руководства одним из важнейших инструментов пропаганды и агитации. Даже Гитлер был вынужден отдавать должное большевистскому руководству, которое унифицировало всю прессу в СССР. Ведь оказавшись под политическим контролем, периодическая печать, по мнению фюрера, становилась огромной пропагандистской силой¹¹¹.

Отлаженный механизм пропагандистской машины в начале мая 1941 г. оказался объектом пристальной опеки со стороны ЦК ВКП(б). 8 мая 1941 г. в 14 часов в ЦК состоялось совещание А.С.Щербакова с редакторами центральных газет («Правда», «Известия», «Красная звезда», «Труд») и ряда журналов¹¹².

На другой день после этого совещания в центральных советских газетах появилось «Опровержение ТАСС», касавшееся сообщений зарубежных информационных агентств о концентрации крупных воинских соединений Красной Армии на западных границах СССР. В «Опровержении» пересказывалась переданная японским агентством информация о переброске советских войск с Дальнего Востока и из Средней Азии, о передаче в распоряжение Киевского особого военного округа 2700 боевых самолетов, об усилении военноморских флотов на Черном и Каспийском морях.

ТАСС категорически отрицал «это подозрительно крикливое сообщение», утверждая, что никакой концентрации крупных военных сил Советского Союза на его западных границах нет и не предвидится¹¹³.

В тот день, когда «Опровержение ТАСС» опубликовала советская печать, распоряжением начальника штаба Одесского военного округа генерал-майора М.В.Захарова вооружение, боевая техника и имущество НЗ были переведены в состояние, «готовое к немедленному использованию»¹¹⁴. Не случайно после появления газет с этим опровержением в воинских частях, переброшенных к границе с Румынией, его содержание вызвало недоумение красноармейцев, дислоцировавшихся в данном районе. Они задавали на политинформациях вопрос: «Как связать это с действительностью?» Ответ политрука одного из соединений прозвучал безапелляционно: «Все эти заявления и пакты пишутся для цивильных, но мы-то должны понимать, что нас сюда послали не к теще на блины. Мы знаем, кто наш враг, и с честью выполним любую поставленную перед нами партией задачу»¹¹⁵.

Между тем в Москве продолжалась работа по организации перестройки советской пропаганды в духе наступательной войны. В записной книжке А.С.Щербакова отмечено, что вечером того же дня, когда в советских газетах появилось упомянутое «Опровержение», секретарь ЦК ВКП(б) имел встречу с представителями ТАСС. Он записал для памяти, что следовало к 19 часам 9 мая вызвать нужных людей и подготовить обсуждение вопросов повестки дня¹¹⁶.

Ученые, занимающиеся исследованиями в области истории тоталитарных режимов, отмечали наличие сложного процесса приведения языка деловых документов, которым пользовались функционеры, в соответствие с политическими реальностями и генеральными указаниями высшего руководства. Выделено по крайней мере три признака подобного процесса: подражание в письменном языке высшему руководству либо непосредственному начальству; применение расхожих формулировок и шаблонных фраз; наконец, лаконичный, сугубо деловой стиль текстов¹¹⁷.

Со всей очевидностью все эти языковые особенности проявились в письменных документах, сохранившихся в ар-

хивах и связанных в той или иной степени с пропагандистским обеспечением подготовки к наступательной войне.

В качестве иллюстрации можно привести тезисы А.С.Щербакова к совещанию 8 мая 1941 г. с представителями средств массовой информации¹¹⁸. Сравнение их с записями сталинских выступлений перед выпускниками военных академий позволяет сделать однозначный вывод: речь Сталина, а также реплика на банкете 5 мая явились основой, своеобразной моделью при составлении упомянутых тезисов. Сталин говорил тогда, имея в виду причины поражения Франции и побед Германии в 1939-1941 гг., что французы и их союзники англичане с пренебрежением относились к военным, военно-технической мыслью во Франции не двигалась вперед, наконец, она потеряла своих союзников¹¹⁹. Соответственно, среди тезисов А.С.Щербакова обнаруживаем следующие: «Борьба с зазнайством, успокоенностью, косностью (см. опыт Франции)»; «Игнорирование армии, ее командного состава. Перестали уважать». Секретарь ЦК ВКП(б) также наметил публикацию в периодической печати статей и обзоров «о плохих союзниках».

Как упоминалось выше, характеризуя состояние германской армии к весне 1941 г., Сталин утверждал, что считать ее «непобедимой» нет никаких оснований, напоирая на проявление в ней первых признаков «хвастовства, самодовольства, зазнайства». Он утверждал также, что германская военная мысль не шла вперед, проводил аналогии между захватническими войнами Наполеона I, окончившимися плачевно для французского императора, и операциями армии Германии, которая сменила лозунг «освобождения от цепей Версаля» на лозунг «покорения других стран». Кроме того, Сталин указывал на опасность ведения войны на два фронта, сопоставляя кампании Пруссии против Франции 1870-1871 гг. и борьбу Германии против ее противников в 1914-1918 гг.¹²⁰

В несколько модернизированном стиле все эти сталинские мысли отражены в тезисах А.С.Щербакова 8 мая 1941 г.: «Самодовольство»; «Зазнайство, самодовольство, леность военно-технической мысли»; «Смена лозунгов»; «Миф о непобедимости» (причем целый раздел тезисов озаглавлен «Разоблачение мифа о непобедимости», а для его освещения, по

мнению Щербакова, в прессе следовало помещать статьи и обзоры, в том числе и о Наполеоне I); «Два фронта»; «Войны Германии на два фронта».

Естественно, в своих тезисах А.С.Щербаков постарался адекватно передать сталинскую мысль о завершении перестройки Красной Армии, ее перевооружении и оснащении современной военной техникой, а также об извлечении ею опыта из советско-финской войны, и из боевых действий Германии против западных союзников в 1940-1941 гг. Об этом можно судить на основании следующих использованных в упомянутом документе формулировок: «Армия перестроена и реорганизована на основе учета опыта войны»; «Освещение героев, овладевших техникой (опыт финской войны)»; «Линия Мажино, линия Маннергейма».

Наконец Щербаков, очевидно, получив дополнительные устные директивы от Сталина, но, совершенно точно, с учетом сделанного последним конкретного указания о необходимости перестройки пропаганды в наступательном духе, фиксирует это в своих тезисах. Первый, наиболее важный их раздел озаглавлен: «Воспитание армии и народа». Он открывается следующей формулировкой: «Лозунг — *наступательной войны*. *Основную статью* [курсив мой — авт.] (журнал)».

В третьем разделе тезисов находим следующую формулировку: «Лозунг обороны, лозунг наступления. Готовить политику войны». Ясно, что данная формулировка полностью вытекала из сталинской антитезы «оборона — наступление», прозвучавшей в приводившемся тосте на приеме 5 мая 1941 г. А.С.Щербаков, опираясь на эту антитезу, акцентировал внимание именно на смене оборонительных лозунгов на наступательные в контексте подготовки к войне.

Секретарь ЦК ВКП(б), отвечавший за идеологическую работу, прекрасно понимал, что необходимо держать в тайне сам факт начавшейся пропагандистской кампании по обеспечению «лозунга наступательной войны». Формулируя указания, предназначенные для руководителей средств массовой информации, он, в частности, зафиксировал в своих тезисах механизм подготовки материалов по разоблачению «мифа о непобедимости» германской армии: «Осторожно, не драз-

нить, повода не давать, аналогии и намеки, но систематически, капля по капле».

Интересно, что в первоначальном, рукописном наброске данного пункта второго раздела тезисов А.С.Щербаков сформулировал основную мысль более конкретно: «Осторожно, *гусей* не дразнить, повода не давать, аналогии и намеки, но систематически, капля по капле (*как известно*, [вода] *камень долбит*)» (курсивом выделены слова, вычеркнутые А.С.Щербаковым из рукописи и отсутствующие в машинписном варианте тезисов).

Таким образом, в тезисах А.С.Щербакова отразились практически все уровни «приведения языка в соответствие с политическими реальностями».

В свете приведенных свидетельств есть возможность оценить, насколько объективной являлась информация о событиях, произошедших в Москве после Первомайских праздников, которая содержалась в донесении Ф.Шуленбурга в МИД Германии от 12 мая. С одной стороны, он совершенно верно указал на факт принятия на себя Сталиным поста Председателя Совета Народных Комиссаров СССР как на «событие чрезвычайной важности». Во многом соответствовало действительности и убеждение Шуленбурга в том, что данный шаг был вызван внешнеполитическими причинами.

С другой стороны, трудно согласиться со следующим выводом германского посла: якобы переоценка международного положения, исходя из побед вермахта в Югославии и Греции, заставила Сталина отойти от прежней политики, «приведшей к отчужденности в отношениях с Германией». Совершенно противоречат истине в свете приведенных нами фактов о начавшейся в условиях строжайшей конспирации пропагандистской подготовке к наступательной войне утверждения Шуленбурга о неких «манifestациях» СССР (в их числе названо и пресловутое «Опровержение ТАСС» от 9 мая!), рассчитанных «на ослабление напряженности» в советско-германских отношениях и даже «на создание в будущем лучшей атмосферы» в них¹²¹.

Не меньшее значение, чем периодической печати, большевистское руководство и лично Сталин уделяли кинематографии. Не случайно вслед за редакторами центральных газет

и журналов, сотрудниками ТАСС конкретные указания со стороны ЦК ВКП(б) по развертыванию новой пропагандистской кампании в стране получили и кинематографисты.

Произошло это во время совещания в ЦК ВКП(б) по вопросам художественной кинематографии. О совещании известно достаточно много, его ход рассматривался в научных публикациях¹²². Однако есть возможность дополнить уже имеющиеся факты и акцентировать внимание на некоторых поднимавшихся на нем вопросах, напрямую касающихся рассматриваемой нами проблемы.

В записной книжке секретаря ЦК ВКП(б) А.С.Щербакова отмечено: «14 мая (Среда). Совещание по кино. Людей, число их. Открывает т.Жданов»¹²³.

В августе 1940 г. Жданов, по постановлению Политбюро, возглавил Комиссию по предварительному просмотру и выпуску на экраны новых кинофильмов, куда помимо него вошли секретари ЦК ВКП(б) А.А.Андреев, Г.М.Маленков и заместитель наркома иностранных дел А.Я.Вышинский¹²⁴. В марте 1941 г. А.А.Жданов высказал мысль о необходимости собрать в ЦК ВКП(б) деятелей кино «и выяснить, как ведется среди них политвоспитание, кто их там воспитывает, кто их направляет»¹²⁵. В середине мая 1941 г. это предложение было воплощено в жизнь.

Приведенная выше заметка для памяти, сделанная А.С.Щербаковым и касавшаяся подбора и количества «людей» на совещании по вопросам художественной кинематографии (оно проходило 14-15 мая 1941 г.), свидетельствует о той важности, которая придавалась этому совещанию в ЦК ВКП(б). Было приглашено 54 видных и наиболее известных кинорежиссеров, сценаристов, актеров, операторов, руководителей крупнейших киностудий страны, а также 27 «работников пропаганды и печати» (так они названы в сохранившемся списке участников). Эта группа состояла из представителей Управления пропаганды и агитации, отделов ЦК, МК и МГК ВКП(б), ЦК ВЛКСМ, ГУППКА, СНК СССР, руководства Комитета по делам кинематографии при СНК СССР, редакторов газет «Правда», «Известия», «Комсомольская правда»¹²⁶. Следовательно, на двух представителей кинематографии приходился один «работник пропаганды и пе-

чати», что предвещало постановку большевистским руководством перед участниками форума политически важных задач.

Открывая совещание, Жданов считал необходимым подчеркнуть, что кино имеет большое значение, «как важнейшее из видов искусства и наиболее острое орудие политического воспитания и просвещения масс,» тем более, что «современная эпоха, современный период» налагали на советский кинематограф «особые обязанности в связи с войной», а также в связи с «задачами в области строительства коммунистического общества» и конкретными установками, которые прозвучали на XVIII партийной конференции.

Между тем выступавшие в прениях кинематографисты сосредоточивали внимание на вопросах, главным образом касавшихся внутреннего развития советского кино, апеллируя к представителю высшей партийной инстанции со своими претензиями и жалобами на неблагоприятное положение вещей.

Именно поэтому в заключительном слове, уже 15 мая, А.А.Жданов акцентировал внимание на разъяснении вопроса о том, какие новые проблемы стоят перед советской пропагандой, а также уточнил, к какой именно войне следует готовиться всему народу и кинематографистам в частности. Ссылаясь на Сталина, он подчеркнул, что «большевик и революционер тот, кто умеет ломать старые традиции и строить новые». Данный сталинский тезис Жданов напрямую связал с задачами, которые следовало «развернуть в идеологической области». Он констатировал: положение СССР как единственной страны социализма, когда было необходимо готовить народ «к любым неожиданностям», обязывало «сделать вывод из этого, а мы [*т.е. участники совещания — авт.*] не делаем». А.А.Жданов пояснил, что необходимо проведение «практических мероприятий по линии пропаганды и по линии идеологических вещей».

Он обрисовал присутствовавшим на совещании в ЦК ВКП(б) «генеральную линию» большевистского руководства на международной арене: она сочетала независимость, самостоятельность действий и, вместе с тем, предполагала расширение «фронта социализма, всегда и всюду тогда, когда нам обстоятельства позволяют». Здесь же секретарем ЦК были приведены наглядные примеры в подтверждение данной

мысли: он предложил вспомнить события 1939-1940 гг., когда к СССР были присоединены Прибалтика, Западная Украина и Западная Белоруссия, Бессарабия, Северная Буковина.

«Вы отчетливо понимаете, — доверительно сообщал Жданов своей аудитории, — что если обстоятельства нам позволят, то мы и дальше будем расширять фронт социализма». В этой связи им была сформулирована коренная задача: следовало прививать народу непримиримость к «врагам социализма», готовность нанести «смертельный удар любой буржуазной стране или любой буржуазной коалиции», а главное — воспитывать людей «в духе активного, боевого, *воинственного наступления*» [курсив мой — авт.]. Решение данной задачи возлагалось, по словам Жданова, и на кинематографистов, которые, как и другие советские граждане, понимали «проблему нашего дальнейшего развития», прекрасно отдавая себе отчет, что, «конечно, столкновение между нами и буржуазным миром будет и мы обязаны кончить его в пользу социализма». Последний из приведенных пассажей заключительного слова на совещании в ЦК ВКП(б) по вопросам художественной кинематографии вызвал, судя по стенограмме, аплодисменты¹²⁷.

На этом же совещании был затронут, в частности, и вопрос о том, какие именно черты характера нужно воспитывать у советских людей в связи с необходимостью их подготовки к «воинственному наступлению». А.С.Щербаков отметил по данному поводу, что среди молодежи имеются «нежелательные» настроения: «прошлого не анализировать, вперед не смотреть, а жить как трава растет». Между тем, продолжал он, кинематограф отнюдь не способствовал пресечению подобных настроений. Особенно возмущение у А.С.Щербакова вызывало то, что эти настроения и отражающие их кинофильмы преобладают в такой момент, «когда мы весь народ должны держать в состоянии мобилизационной готовности»¹²⁸ Примечательно, что в его вышеупомянутых тезисах к совещанию с редакторами центральных газет и журналов (8 мая 1941 г.) в разделе «Воспитание армии и народа» формулировалась следующая задача: « Во всех статьях, очерках (об армии, колхозе, заводе, школе, молодежи), оборонном спектакле, фильме — о выносливости, о готовности, *против тепличности*» [курсив мой — авт.]¹²⁹.

На совещании в ЦК ВКП(б) по вопросам художественной кинематографии А.А.Жданов в заключительном слове выразил эту основную мысль более конкретно: «У нас некоторые люди воспитываются в тепличной обстановке, им будет трудно воевать». Имея в виду, очевидно, кинофильм «Сердца четырех», который, как отмечалось на совещании, по идеологическим соображениям не был разрешен к показу, Жданов заявил: «Мы сами любим посмеяться, мы не апостолы, но мы считаем, что труд и задачи, которые перед нами стоят, обязывают... чтобы этот смех не превратился в самоцель». «Может быть, мы через пару лет *будем смеяться по-иному*» [*курсив мой — авт.*]¹³⁰.

Итак, Жданов и Щербаков в весьма определенных выражениях высказались по поводу тех черт характера, которые, по их мнению, не должны были быть присущими советскому человеку, а тем более большевику.

Сравнивая выступление Жданова перед кинематографистами с речью Сталина перед выпускниками военных академий, нельзя не отметить «доверительную» манеру обращения к аудитории, которую «соратник» перенял у «вождя». Кроме того, А.А.Жданов уже не впервые использовал сталинский тезис о необходимости «расширения фронта социализма». Возможно, он информировал Сталина о ходе работы совещания по вопросам художественной кинематографии — 14 и 15 мая Жданов был в числе посетителей сталинского кабинета в Кремле¹³¹.

Вслед за Ждановым и Щербаковым, трактовавшими сталинские указания о необходимости подготовки к наступательной войне в устных выступлениях, подобного рода обязанность взял на себя М.И.Калинин. К тому времени Калинин являлся членом Политбюро, занимая пост председателя Президиума Верховного Совета СССР. 20 мая 1941 г. он выступил с докладом о международном положении на партийно-комсомольском собрании работников служебного аппарата Президиума Верховного Совета СССР¹³².

Сохранившиеся тезисы позволяют выявить истоки некоторых основных положений речи Калинина перед сотрудниками аппарата Президиума Верховного Совета СССР. Его замечания о том, что «большевики — не пацифисты», что «нельзя безотчетно упиваться миром»¹³³, несомненно, выте-

кали из соответствующих сталинских указаний на сей счет, высказанных в 1938 г. на совещании пропагандистов и агитаторов Москвы и Ленинграда. На этом совещании, посвященном выходу в свет «Краткого курса истории ВКП(б)», Сталин заявил, что является неверным представление о большевиках как о пацифистах, «которые вздыхают о мире» и «начинают братья за оружие только в том случае, если на них напали». Большевики, продолжал он, «*сами будут нападать*, если война справедливая, если обстановка подходящая, если условия благоприятствуют...». Далее следовал очевидный для Сталина вывод: «*То, что мы сейчас кричим об обороне — это вуаль, вуаль*» [курсив мой — авт.]¹³⁴.

20 мая 1941 г. М.И.Калинин констатировал: СССР сумел «серьезно потеснить капиталистический мир» и ведет «наступательную политику против капитализма»¹³⁵. Данные утверждения также вытекают из сталинских выступлений (9 сентября 1940 г. и 5 мая 1941 г.) Добавим к этому, что и А.А.Жданов в начале июня 1941 г. утверждал: «Мы уже вступили на путь наступательной политики»¹³⁶.

А.М.Некрич при анализе содержания вышеупомянутой речи М.И.Калинина, к сожалению, допустил передержку. Историк писал: «Калинин, *в отличие от Сталина* [курсив мой — авт.], откровенно говорит теперь [т.е. 20 мая 1941 г. — авт.], что Германия ведет завоевательную войну»¹³⁷. Между тем совершенно ясно, что «всесоюзный староста» сделал заявление о завоевательном характере внешней политики нацистов не «в отличие», а, так же, как и А.А.Жданов, *вслед за Сталиным*. Достаточно напомнить в данной связи чеканные сталинские фразы из речи перед выпускниками военных академий 5 мая 1941 г.: «.Германия уже воюет под флагом покорения других народов» или: «Германская армия не будет иметь успеха под лозунгами захватнической, завоевательной войны»¹³⁸.

Вышеупомянутые выступления А.А.Жданова, А.С.Щербакова и М.И.Калинина нацеливали на поворот в пропаганде в духе подготовки именно к наступательной войне. Представляется, что те, к кому непосредственно были адресованы эти указания и призывы, в полном соответствии с «основной задачей момента» восприняли их и ответили немедленными практическими действиями.

10 мая 1941 г. исполняющий обязанности заведующего отделом печати НКВД Н.Г.Пальгунов направил в Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) свои «Предложения о мероприятиях по освещению международного положения». Этот документ с грифом «Секретно» снабжен собственноручной пометой Н.Г. Пальгунова: «Срочно с нарочным», причем она для убедительности дважды подчеркнута красным карандашом¹³⁹.

Примечательно, что в этом документе, составленном на другой день после публикации упомянутого «Опровержения ТАСС», формулировалась следующая задача: «Поведение советской печати *не должно давать какого-либо повода для выводов, будто в данный момент имеются какие-либо изменения в состоянии советско-германских отношениях* [курсив мой — авт.], и тем менее повода для каких бы то ни было дипломатических представлений». Это вполне согласуется с одним из тезисов А.С.Щербакова к совещанию 8 мая 1941 г. — «не дразнить и не давать повода»¹⁴⁰, подразумевавшим сохранение внешних «приличий» в отношениях с Германией и нацеленным на то, чтобы лишить германскую сторону предлога для выдвижения претензий. Понимание заведующим отделом печати НКВД «основной задачи момента» проявилось и в том, каким образом он представлял себе способы разоблачения «мифа о непобедимости германской армии». Основная работа в данном направлении, отмечал Н.Г.Пальгунов, должна проводиться менее доступной немцам советской местной печатью — областными, городскими и районными газетами. Он, несомненно, исходил из установки А.С.Щербакова, данной 8 мая 1941 г.: в качестве основного инструмента для решения данной задачи использовать не только центральную печать, но и местную, причем, как отмечалось в одном из тезисов секретаря ЦК ВКП(б), в местной печати можно было действовать «несколько свободнее»¹⁴¹.

Думается, подобная тактика была избрана не случайно. Подписка для иностранцев на советские краевые, областные и районные газеты (кроме особо оговоренных) на 1941 г. была запрещена Главлитом¹⁴². Столь крутая мера диктовалась необходимостью пресечения попадания за границу (в том числе и в Германию) информации о дислокации воинс-

ких частей Красной Армии, размещении крупнейших промышленных и оборонных предприятий на территории СССР и других данных, составлявших государственную и военную тайну. Подобная утечка информации происходила ввиду того, что органы цензуры на местах фактически не справлялись со своими основными обязанностями. В создавшихся условиях Управлению пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) и Главлиту легче было вообще отказать иностранным (в том числе и германским) подписчикам в получении советских краевых, областных и районных газет, чем проследить за тем, чтобы секретные сведения не проникли за границу.

Именно областные, районные и городские газеты, подчеркивал Н.Г.Пальгунов в вышеупомянутых «Предложениях», *«не затрагивая прямо и непосредственно Германию [курсив мой — авт.]* должны разрушить своими выступлениями всякие представления о «непобедимости германского оружия», показать, что германские победы обусловлены в значительной мере не «всепобеждающей силой» германской армии и германской военной техники, а военной и политической слабостью противников Германии»¹⁴³. Нельзя не отметить в данной связи особой изощренности ума исполняющего обязанности заведующего отделом печати НКВД: порекомендовать разоблачение «мифа о непобедимости германской армии», не упоминая самой Германии вряд ли смог бы непосвященный человек. И его вовсе не волновало, как могли понять подобную задачу редакторы местных советских газет, не столь хорошо информированные, как сам Н.Г.Пальгунов.

Пальгунов предлагал также опубликовать в «Красной звезде» «серию статей с объективным военно-теоретическим разбором отдельных операций, проведенных германской армией в 1939-1941 гг., особо подчеркивающих тактические и стратегические слабости и промахи противников Германии»¹⁴⁴. Скорее всего, данное предложение вытекало из тезиса А.С.Щербакова в разделе «Разоблачение мифа о непобедимости»: «В «Красной звезде» — свободнее [писать] об опыте войны (Тобрук, итоги балканской войны, Мажино и др.)»¹⁴⁵.

Заведующий отделом печати несколько «оживил» выдвинутый Щербаковым «лозунг наступательной войны». Он, в частности, подчеркивал: для «максимально широкого разъяс-

нения в массах особенностей международной обстановки» следовало предложить пресс-бюро газеты «Правда» разослать «в течение *ближайшего полумесяца* [курсив мой — авт.] областным, городским и районным газетам» ряд материалов для публикации, и среди них — статью о различии «между советской политикой мира и пацифизмом мелких буржуа и социал-предателей». Она, по мысли Н.Г.Пальгунова, должна была основываться на материалах докладов Сталина и Молотова 1939-1940 гг., опираться на «Краткий курс истории ВКП(б)», а также на ленинское положение, суть которого сводилась к следующему: «говорить нам, что мы должны вести войну только оборонительную, когда над нами занесен нож... значит повторять старые, давно потерявшие смысл фразы мелкого буржуазного пацифизма»¹⁴⁶. В другом месте своих «Предложений» заведующий отделом печати более категоричен: «Областная и районная печать должна отказаться от описания ужасов войны, совершаемого в пацифистском стиле, показать, что при *известных обстоятельствах нужна наступательная тактика*» [курсив мой — авт.]¹⁴⁷.

Вышеприведенные цитаты из письма Н.Г.Пальгунова особенно показательны. Судя по воспоминаниям знавших его по совместной работе заведующего иностранным отделом газеты «Труд» З.С.Шейниса и известного писателя И.Эренбурга, Пальгунову была присуща осторожность, причем осторожность «на грани фантастики». Например, будучи еще корреспондентом ТАСС во Франции, Н.Г.Пальгунов любую информацию передавал в Москву не от своего собственного имени, а с обязательной ссылкой на какой-либо источник. В НКВД ходил анекдот: даже о том, что Париже дождь, Пальгунов сообщал, ссылаясь на сообщение французской газеты «Тан». После возвращения из Парижа в Москву Эренбург написал стихи о трагической судьбе побежденной нацистами Франции. Однако их отказывались публиковать. Тогда писатель обратился к Н.Г.Пальгунову как к заведующему отделом печати НКВД. Тот никак не мог поверить, читая лирическое стихотворение Эренбурга, что упоминавшееся в нем слово «явор» означает всего-лишь дерево, разновидность клена. При этом Пальгунов вопрошал: «Вы понимаете, какая на мне ответственность?»¹⁴⁸.

Подобная осторожность заведующего отделом печати НКВД, однако, была вполне обоснованна. По образному выражению С.З.Шейниса, Пальгунов, подобно своим предшественникам, буквально «ходил по лезвию ножа»¹⁴⁹ — как упоминалось выше, судьбы его предшественников, работавших в этом отделе, сложились печально, если не сказать трагически.

В любом случае трудно представить, что инициатива мероприятий, направленных на пропагандистское обеспечение «лозунга наступательной войны» и перечисленных в «Предложениях» Н.Г.Пальгунова, происходила от него лично. Вероятнее всего, документ был составлен им после соответствующих указаний, полученных на совещаниях в ЦК ВКП(б) 8-9 мая 1941 г., которые проводил Щербаков.

Добавим к этому, что впоследствии, в годы войны, Н.Г.Пальгунов возглавил ТАСС — лишнее доказательство правильности его действий в последние предвоенные недели и доверия к нему высшего партийного руководства.

Помимо упомянутого письма Н.Г.Пальгунова сохранился и другой характерный документ, являющийся скорее всего откликом на выступление А.С.Щербакова 8 мая 1941 г. Речь идет о докладной записке Д.А.Поликарпова и А.А.Пузина, составленной между 8 и 15 мая 1941 г.¹⁵⁰ На первом листе документа имеется помета: «В архив» и подпись А.Н.Крапивина, помощника секретаря ЦК ВКП (б) А.С.Щербакова, что дает веские основания предположить: докладная записка была адресована Щербакову. Она составлена после ознакомления с планами публикаций центральных газет: «Правда» (15 мая — 15 июня 1941 г.), «Известия» (май-июнь), «Красная звезда» (май-август), а также информационных обзоров ТАСС и статей для центральной и местной печати, тексты которых приложены к записке¹⁵¹. В записке, в частности, подчеркивалось, что представленные редакциями газет планы статей и обзоров «нуждаются еще в серьезной доработке»¹⁵².

Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) и отдел печати НКВД взяли на себя основную работу по перестройке публикаций в периодической печати в духе наступательной войны. В это время в УПА под эгидой его начальника Г.Ф.Александрова началась работа по составлению проекта директивы ЦК ВКП(б) «О задачах пропаганды на ближай-

шее время», который готовился по поручению А.А.Жданова и А.С.Щербакова. В первом варианте этого документа подчеркивалось, что Управление пропаганды и агитации вместе с отделом печати НКВД должны были заниматься просмотром и утверждением статей, предназначенных для публикации в газетах. В проекте постановления ЦК ВКП(б), представленном Г.Ф.Александровым, предусматривалось в центральной и местной, в открытой и закрытой периодической печати публиковать соответствующие материалы, «правильно ориентирующие трудящихся, личный состав Красной Армии в современной обстановке». Он просил утвердить представленный УПА ЦК ВКП(б) план публикаций на внешнеполитические и военные темы и поручить этому Управлению, а также отделу печати НКВД «просмотр и утверждение статей, предназначенных для опубликования в газетах»¹⁵³.

Примечательно, что один из тезисов выступления А.С.Щербакова 8 мая 1941 г. («борьба с зазнайством, успокоенностью, косностью») интерпретировался редколлекцией «Красной звезды» точно так же, как трактовал его заведующий отделом печати НКВД. В представленном Управлению пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) плане статей на май-август 1941 г. к разделу «Военно-исторические статьи» имелся следующий комментарий: «Показать слабость и неподготовленность к войне французской армии, бездарность и ошибки французского командования, как основные причины «побед» Германии».

Аналогичные формулировки можно встретить и в плане статей «Известий» на май-июнь 1941 г., также направленном в УПА. В разделе «Военные обзоры» читаем: «Балканская кампания германской армии (задача: показать слабость сил греческих и югославских и, отсюда, — как естественный вывод читателя — преувеличенность разглагольствований германской печати о «крупных победах» на Балканах)»¹⁵⁴.

Выше уже подчеркивалось, что в своих тезисах А.С.Щербаков нацеливал редакторов центральных газет и журналов на пропаганду качественно нового «лозунга наступательной войны». Неудивительно, что и в «Предложениях» Н.Г.Пальгунова, и в докладной записке Д.А.Поликарпова и А.А.Пузина проводится именно эта мысль: советская пропаганда должна быть направлена на подготовку наступательной войны.

Например, имея в виду представленный редколлегией газеты «Известия» план публикации статей на май-июнь 1941 г., Поликарпов и Пузин подчеркивали, что в этом плане, в частности, «отсутствуют темы о воспитании нашей армии и народа *в духе наступательных военных действий* [курсив мой — авт.]...»¹⁵⁵.

В день закрытия совещания в ЦК ВКП(б) по вопросам художественной кинематографии в газете «Известия», план публикаций которой, как было показано выше, не удовлетворил поначалу сотрудников УПА ЦК ВКП(б), появилась передовая статья, свидетельствующая, во-первых, об учете редколлегией критических замечаний, и, во-вторых, подчеркивавшая, какие именно качества должны быть присущи народу в обстановке, когда шла подготовка к наступательной войне. Она получила претенциозный заголовок: «Драгоценные черты большевистского характера»¹⁵⁶. В статье приводилась многозначительная цитата со ссылкой на Сталина: «Победа революции никогда не приходит сама. Ее надо подготовить и завоевать». Далее подчеркивались, что большевики «нацеливали и вели массы на великие штурмы, в которых выковывался боевой, революционный, *наступательный* дух воинов пролетарской армии». И резюме: «Этот воинствующий, *наступательный* характер борьбы, боевой дух коммунистической партии воспринял и развивает в себе советский народ... Активный, *наступательный*, воинственный дух ощущается всюду, где действуют, борются, творят советские люди». Статья заканчивалась многозначительным выводом, не оставлявшим сомнения в направленности начавшейся пропагандистской кампании: «Сознательную активность, идейную силу, глубокую преданность делу Ленина-Сталина, воинственность и непреклонность перед трудностями, готовность к наступлению на любые препятствия и к преодолению их — эти драгоценные черты характера *с успехом воспитывает партия большевиков* в советском народе» [курсив везде мой — авт.]

Как видим, довольно недвусмысленные и откровенные формулировки в духе «лозунга наступательной войны» стали позволять себе, очевидно, получив соответствующие указания «сверху», «Известия», где, по выражению Щербакова,

следовало подавать пропагандистские материалы даже «осторожнее», чем в «Правде»¹⁵⁷.

24 мая 1941 г. был подписан в печать очередной номер журнала Главного управления политической пропаганды Красной Армии (ГУППКА) «Политучеба красноармейца». Здесь, как и в «Известиях», редколлегия дала передовую статью, сходную по содержанию, но несущую большую конкретность в заголовке: «Воспитывать большевистские черты характера».

Преамбула передовицы существенно отличалась от прежних осторожных и часто довольно безликих материалов, помещавшихся на первых страницах журнала: «Преданность родине, твердость и настойчивость в достижении полной победы над врагами, **активный, наступательный дух** — эти замечательные большевистские черты характера воплощались в героические действия воинов Красной Армии и обеспечивали разгром многочисленных врагов нашей родины». В подтверждение этого приводились примеры боев и походов 1938-1940 гг.: у озера Хасан, у реки Халхин-Гол, «освободительный поход» в Западную Украину и Западную Белоруссию, штурм линии Маннергейма, где «бойцы и командиры показали **несокрушимую силу наступления Красной Армии**». РККА, писали авторы передовой статьи журнала «Политучеба красноармейца», «воспитана и закалена на идейной основе марксизма-ленинизма, на опыте борьбы большевистской партии, показывающем, что большевики выходят победителями из всех испытаний потому, что они **твердо держатся наступательной тактики**, не боятся препятствий, а смело преодолевают их».

Исходя из вышесказанного, в журнале формулировалась следующая сверхзадача: «**Всей политико-воспитательной работе необходимо придать боевой, наступательный характер**, пронизать ее сталинской принципиальностью и идейностью... Успех политических занятий необходимо оценивать прежде всего по тому, насколько они действительно воспитывают большевистские черты характера в каждом красноармейце и младшем командире... Политорганы, командиры и политработники обязаны быстро устранить все недочеты воспитательной работы, вскрытые инспекторской проверкой, и **всемерно усилить работу с каждым красноармейцем и**

младшим командиром в духе постоянной готовности к наступательным боям за дело коммунизма» [курсив везде мой — авт.]¹⁵⁸.

Итоги инспекторской проверки политико-пропагандистской работы в РККА, о которой упоминается в статье, были подведены на заседании Главного Военного Совета 14 мая 1941 г., в тот же день, когда А.А.Жданов и А.С.Щербаков открывали совещание по вопросам художественной кинематографии. Подобное совпадение, думается, вовсе не случайно, а может лишний раз свидетельствовать о скоординированных действиях большевистского руководства по развертыванию пропагандистской кампании в духе наступательной войны.

На заседании ГВС 14 мая присутствовали: секретари ЦК ВКП(б) А.А.Жданов и Г.М.Маленков, представители наркомата обороны С.К.Тимошенко, С.М.Буденный, Г.К.Жуков, Г.И.Кулик, К.А.Мерецков, Б.М.Шапошников. Доклад по первому вопросу повестки дня (об итогах инспекторской проверки политзанятий в частях Красной Армии) сделал начальник Главного управления политической пропаганды Красной Армии А.И.Запорожец.

В результате обсуждения доклада А.И.Запорожца, ему было поручено, с учетом обмена мнениями, «разработать и представить к очередному заседанию ГВС проект директивы», в которой сделать основной упор «на поднятие боевой воспитательной работы»¹⁵⁹.

Таким образом после сталинских выступлений 5 мая 1941 г. подготовка пропагандистских директив в духе наступательной войны шла на двух уровнях: в УПА ЦК ВКП(б) (где разрабатывался проект постановления «О задачах пропаганды на ближайшее время») и в ГУППКА (где составлялись проекты директив «О задачах политической пропаганды в Красной Армии на ближайшее время», «Об очередных задачах партийно-политической работы в Красной Армии», «О политических занятиях с красноармейцами и младшими командирами на летний период 1941 г.», «О марксистско-ленинской учебе начальствующего состава Красной Армии», а также текст доклада «Современное международное положение и внешняя политика СССР»)¹⁶⁰.

Из представителей средств массовой информации, активно включившихся, согласно указанию «сверху» в кампанию

по пропагандистской подготовке наступательной войны, следует особо отметить В.В.Вишневого. Являясь членом редколлегии журнала «Знамя», он возглавлял одновременно так называемую оборонную комиссию Союза Советских писателей. Вишневский принимал участие в кампании 1939-1940 гг. против Финляндии, в походе Красной Армии в Бессарабию летом 1940 г. Судя по его дневниковым записям 1939-1941 гг., он был горячим сторонником упреждающего удара по Германии.

Его дневниковая запись от 13 мая 1941 г. свидетельствует о знакомстве с содержанием сталинской речи перед выпускниками военных академий. Эта запись интересна тем, что отражает размышления хорошо информированного человека (по роду своей деятельности председателя оборонной комиссии ССП и члена редколлегии «оборонного» журнала «Знамя» Вишневский бывал на закрытых совещаниях в ГУП-ПКА, в редакции газеты «Правда», на приеме у заместителя наркома обороны маршала К.Е.Ворошилова и т.д. и т.п.) о перспективах СССР на будущее в международном плане. В.В.Вишневский был уверен тогда: именно СССР должен начать «борьбу с Германией», «против фашизма, против опаснейшего военного соседа, — во имя революционизирования Европы и, конечно, Азии». Вишневский сделал ироническое замечание в адрес «чудаков», полагавших, что компромисс «с фашизмом», начало которому положил пакт Риббентропа-Молотова, приведет к сдаче позиций Советским Союзом.

Здесь же писатель отметил как важное событие выступление Сталина «на таджикском вечере», где речь шла «о Ленине, о новой идеологии, о братстве народов, о губительной и мертвой идеологии расизма», ссылаясь на отражение этой речи «в статьях «Правды»¹⁶¹.

Эта речь была произнесена на торжественном приеме по случаю завершения декады таджикского искусства в Москве, в годовщину со дня рождения Ленина, 22 апреля 1941 г. и полностью опубликована лишь в 1991 г. В ней Сталин, в частности, подчеркнул, что именно Ленин «противопоставил старой идеологии, заключавшейся в том, что одна раса возвышается до небес, а другие народы принижаются и угнетаются, этой старой идеологии, являющейся мертвой, не име-

ющей будущности, противопоставил новую идеологию — идеологию дружбы народов, заключающуюся в том, что все народы равноправны»¹⁶².

Параллельно с составлением в мае-июне 1941 г. пропагандистских материалов для личного состава Красной Армии предпринимались первые практические мероприятия по обеспечению поворота пропаганды, исходя из сталинских указаний, о переходе к «новой политике наступательных действий». Они не остались незамеченными со стороны немцев. Германская агентура докладывала, что пропагандистская и воспитательная работа в частях Красной Армии ведется в наступательном духе, нацеливает на военные действия против Германии с целью освобождения европейских стран от ее оккупации, а это, в свою очередь, должно было стимулировать революционные процессы в Европе, смену «буржуазных правительств» на советские и просоветские. В июне 1941 г. информация такого рода, наряду с данными о переброске к границе новых частей Красной Армии, о подготовке СССР к мобилизации, развертывании военно-патриотической работы, продолжала поступать в Берлин¹⁶³. Начиная с мая 1941 г., из радиосообщений Москвы на германских солдат повеяло «враждебным духом», чего они ранее не отмечали¹⁶⁴.

Как показывает анализ директивных материалов, готовившихся в мае-июне 1941 г., работа над ними велась спешно, что является лишним доказательством ее важности. Наряду с подготовкой проектов директив на уровне ГУППКА разрабатывались документы, предназначенные для непосредственного исполнения на уровне управлений политической пропаганды армий прикрытия (например, находившейся на острие возможного наступления в сторону Люблина 5-ой армии).

Эти источники не содержат и намек на необходимость готовиться исключительно к обороне. Наоборот, везде и всюду директивные пропагандистские материалы мая-июня 1941 г. акцентировали внимание (и этот акцент усиливался тем, что их авторы дублировали одни и те же положения и тезисы в различных документах), что СССР в создавшейся ситуации должен и обязан взять на себя инициативу первого удара, начать наступательную войну с целью дальнейшего расширения «границ социализма». При этом всячески пре-

увеличивалась возможность осуществления Красной Армией подобного замысла и преуменьшалась боевая мощь вермахта. Подчеркивалось, что РККА является не инструментом мира, а инструментом войны, активной внешней политики Советского Союза, подвергались осуждению имевшие место «пацифистские» тенденции.

Отметалось поднимавшееся на щит в пропаганде конца 30-х гг. основополагающее положение: «Если враг осмелится напасть, то СССР ответит двойным ударом на удар агрессора». В проектах пропагандистских директивных документов, составленных в духе сталинского указания о переходе к «военной политике наступательных действий», на первый план выдвигалась необходимость нанесения именно Красной Армией упреждающего удара¹⁶⁵.

С первых часов германского нападения на Советский Союз обстоятельства сложились для Красной Армии и всего народа совсем не так, как представляли себе будущую войну Сталин, руководство Генштаба, пропагандистские органы большевистской партии и Вооруженных Сил. Под натиском врага приходилось стремительно отступать в глубь советской территории, а это вызывало негативную реакцию прежде всего тех, кто еще весной 1941 г. настойчиво внушал, что необходимо готовиться к наступательной войне, которая к тому же будет вестись на чужой территории.

И.Х.Баграмян описывал в своих мемуарах ход заседания военного совета Юго-Западного фронта после получения из Москвы приказа о наступлении на Люблин с целью овладеть этим польским городом к 24 июня 1941 г. В ответ на аргументированное мнение начальника штаба фронта генерал-лейтенанта М.А.Пуркаева о том, что поставленная задача в условиях, когда враг сам быстро продвигается вперед, просто невыполнима, член военного совета корпусной комиссар Н.Н.Вашугин с возмущением парировал его. «А вы подумали, — вопрошал он М.А.Пуркаева, — какой моральный ущерб нанесет тот факт, что мы, *воспитывавшие Красную Армию в высоком наступательном духе* [курсив мой — авт.], с первых дней войны перейдем к пассивной обороне...»¹⁶⁶.

ДИНАМИКА ОБРАЗА ЗАПАДА В 1917-1945 ГГ.

1. Советская Россия и Запад в 1920-е годы

В октябре 1917 г. произошла полная смена политической элиты, изменение социально-классовой структуры общества, целей деятельности и структуры государства, в определенной степени изменились взаимоотношения политической надстройки и народа. Все это повлекло перемены и в восприятии внешнего мира, смену господствующих установок в отношении его.

Представления о внешнем мире, как известно, складываются на основе нескольких информационных блоков¹. Один из них — «историософский» — предполагает наличие сведений об истории и культуре того или иного государства. Здесь возможности для самостоятельного получения и освоения достаточно объективной информации сохранялись. Классическая культура Запада не только не запрещалась, но даже, хотя и с существенными изъятиями, активно пропагандировалась; сохранялись музеи, библиотеки, использовалась литература, вышедшая до революции и в первые послереволюционные годы. Фрагментарность массовых представлений об истории, политических традициях, миропонимании, свойственном иным культурам, в какой-то степени компенсировала художественная литература.

Второй важнейший блок — «политико-информационный» — составляют сведения о политической, социальной, культурной современной жизни других стран. Именно эти сведения должны были играть определяющую роль в создании адекватной картины современного мира. Однако оба основных канала получения информации, относящейся к данному блоку, а именно система образования и средства массовой коммуникации, находились под жестким политико-идеологическим контролем.

Альтернативных каналов получения информации почти не существовало. Лишь незначительная часть «политически благонадежных» советских граждан могла выезжать за рубеж, причем как правило речь шла о служебных командировках.

Частные поездки были строго ограничены; так, например, для членов ВКП(б) требовалось получить последовательно разрешение партийной ячейки, затем уездного или районного комитета, губернского комитета и в качестве окончательной инстанции — одного из 9 крупнейших обкомов, ЦК компартии союзной республики или ЦК ВКП(б)².

Сейчас принято говорить о трех основных стратах, по-разному воспринимающих внешнеполитическую информацию. Это — политическая и интеллектуальная элиты и массы³. Деление основано на двух критериях — уровне доступа к информации, зависящем как от возможности, так и желания получить ее, и способности данной страты влиять на формирование внешнеполитических представлений в обществе в целом.

При всей условности этого деления его можно принять за основу, хотя и с одной существенной оговоркой. Если политическую и интеллектуальную элиты выделить не так уж трудно — здесь критерием служит роль представителей этих страт в процессе принятия решений, и они отличаются определенной степенью гомогенности, то «массы» распадаются на множество самых различных социальных групп и слоев. По отношению к внешнеполитической информации, однако, можно выделить лишь одну группу — ту часть общества, которая проявляет в той или иной форме политическую активность⁴. Эту неустойчивую, с размытыми границами страту можно условно определить как «общественность». В нее входят люди, не принадлежащие ни к политической, ни к интеллектуальной элитам, которые в силу различных обстоятельств имеют как определенные возможности доступа к внешнеполитической информации и стремление их использовать, так и некоторое влияние на формирование общественного мнения. Это — низовые функционеры политических партий и движений (в СССР — низший слой функционеров ВКП(б/), общественных организаций, профсоюзов, часть интеллигенции, из которой формировались кадры пропагандистов, и т.д.

Разные социальные группы, помимо прочего, различаются уровнем мифологизации своих представлений о внешнем мире. Как правило, политическая, и в еще большей степени интеллектуальная элиты в целом отличаются рациональным

подходом, в то время как «общественность» и массы в основном используют готовые стереотипы. В советском обществе, однако, картина была несколько иной. Уровень мифологизации был высок во всех странах, в частности и в политическом руководстве.

Люди, пришедшие к власти в 1917 г., были выходцами из различных слоев общества, в том числе из тех, которые обычно не участвуют в формировании политической элиты. Они принесли с собой устоявшиеся представления и стереотипы, характерные для этих слоев, сохраняя при этом старые связи и контакты, испытывая определенное влияние привычной социальной среды.

Верхушку новой элиты составили профессиональные революционеры, которых, при всех личных различиях, объединял далекий от нормального жизненный опыт — тюрьмы, ссылки, подполье, эмиграция. Участие в революционном движении, требовавшее многим пожертвовать, вырабатывало определенный тип мышления. Еще Н.А.Бердяев подчеркивал, что истинным революционером может считаться тот, «кто в каждом совершаемом им акте относит его к целому, ко всему обществу, подчиняет его центральной и целостной идее»⁵. И далее: для коммуниста «мир резко разделяется на два противоположных лагеря — Ормузда и Аримана, царство света и царство тьмы без всяких оттенков. Это почти манихейский дуализм, который при этом обыкновенно пользуется монистической доктриной»⁶.

У той части большевистской элиты, которая прошла эмиграцию, представления о Западе были достаточно разносторонними и адекватными, хотя и у них существовала определенная аберрация восприятия, связанная с наличием «центральной идеи» — идеи революции, часто заставлявшей принимать желаемое за действительное. Но в 1930-х гг. именно эта часть большевиков оказалась вытесненной из высших эшелонов партии. Старые большевики как таковые еще могли занимать те или иные высокие посты (например, В.М.Молотов). Но бывших политэмигрантов не было ни в Политбюро, ни на ключевых постах в правительстве. Единственным и вполне объяснимым исключением был М.М.Литвинов. Более того, в декабре 1931 г. в беседе с не-

мецким писателем Э.Людвигом Сталин (сделав, правда, исключение для Ленина) заявил, что большевики, не уезжавшие в эмиграцию, «конечно, имели возможность принести больше пользы для революции, чем находившиеся за границей эмигранты», и добавил, что из 70 членов ЦК не более трех-четырех жили в эмиграции. Впрочем, по его мнению, «пребывание за границей вовсе не имеет решающего значения для изучения европейской экономики, техники, кадров рабочего движения, литературы всякого рода...»⁷.

Подготавливая социалистическую революцию в России, большевики меньше всего думали о месте новой России в системе международных отношений. Это объяснялось их установкой на неизбежность распространения революции на другие, более развитые в промышленном отношении, страны. Свою задачу они видели в придании русской революции такого размаха, который создал бы наилучшие условия для ожидаемой мировой революции⁸. Будущую внешнюю политику они формулировали так: «В союзе с революционерами передовых стран и со всеми угнетенными народами против всяких и всех империалистов»⁹. И с этой точки зрения, кстати, Германия, с которой Россия находилась в тот момент в состоянии войны, была большевикам ближе и предпочтительнее, чем союзная Англия, поскольку в отличие от более-менее благополучной, приближавшейся к победе Англии, в проигрывавшей войну Германии общественная обстановка была более взрывоопасной. «В Германии уже кипит настроение пролетарской массы»¹⁰, — писал Ленин.

Понятия «международные отношения», «внешняя политика» воспринимались как часть старого мира, который должен был уйти в небытие. Ожидалось (по выражению В.И.Ленина) скорое появление «новых, высших форм человеческого общежития»¹¹.

Приход к власти и необходимость решения практических, в том числе и внешнеполитических, задач не изменили менталитета российских большевиков, особенно в области международных отношений. Наоборот, теперь их грандиозные теоретические идеи получали шанс на практическую реализацию. Не имея детальных представлений о месте нового государства в системе международных отношений, они те-

перь на практике ставили перед собой международную задачу такой величины, на которую не решилось бы ни одна политическая сила с самой разработанной теоретической программой — новое государство создавалось как пример для рабочих и сознательных крестьян всех стран и как государство рабочих и крестьян всего мира.

Сразу после июльского кризиса 1917 г. В.И. Ленин сформулировал свое видение общества следующим образом: «Весь мир делится на два лагеря: «мы», трудящиеся, и «они», эксплуататоры»¹². После победы революции эта полемическая формула превращалась в идеологическое обоснование нового общества, которое должно было быть создано. В условиях жестокой борьбы за власть и выживание, которая проходила на фоне тяжелейшей войны, приучившей людей к бескомпромисности и насилию, не было возможности и времени расцвечивать эту черно-белую картину цветными полутонами. Понятие «мы»-трудящиеся стало трансформироваться в понятие «мы» — государство рабочих и крестьян. XX век, начавшийся первой мировой войной, к этому моменту уже приучил мировое общественное сознание к контрастному восприятию мира по принципу «свой-чужой», «союзник-враг». Но союзником победившего в своей стране пролетариата мог стать, по убеждениям большевиков, только пролетариат, добившийся победы в других странах. И, таким образом, понятие «они-эксплуататоры» в сложившихся условиях начинало трансформироваться в понятие «они — государства буржуазии», то есть весь остальной мир.

Ярким примером того, как большевики понимали задачи внешней политики нового государства в тот момент стало «дело Локкарта». Оно ясно показало, как идеологический тезис «мы-они» влиял на внешнеполитические шаги правительства большевиков.

В 1918 г. в помещениях английских миссий в Петрограде и в Москве были произведены обыски и аресты британцев во главе с Р.Б. Локкартом. Им было предъявлено обвинение в подготовке заговора с целью «свержения Рабоче-Крестьянской власти» и нанесения «смертельного удара не только русской, но и международной социалистической революции»¹³. Для большевиков это дело было не столько внешне-

политической акцией, сколько аргументом в конфликте, который становился основным конфликтом текущего века. Они этого и не скрывали. Представитель ВЧК Я.Х.Петерс, оправдывая свои действия, пояснял в печати, что из-за «условности буржуазного международного права пролетарская революция, наиболее ярко и ценно отраженная в Советской России, была бессильна бороться» с международным империализмом. А свою задачу Петерс, как и все большевистское руководство в тот момент, видел прежде всего в том, чтобы возглавить эту борьбу и «во что бы то ни стало добыть для населения России и международного пролетариата материал, характеризующий приемы и способы, которыми не гнушаются» союзные и прочие буржуазные правительства в своем неприятии новой власти и нового общества¹⁴.

Таким образом, с «делом Локкарта» тезис «мы-они» вышел на международную арену. Постепенно он занял там прочное место и подмял под себя все остальные типы международных конфликтов и противоречий, нанеся неизгладимый отпечаток на общественное сознание.

Однако надежды большевиков на расширение социалистической революции не оправдывались. Революция 1918 г. в Германии потерпела поражение. Советская власть, установленная в Венгрии, Литве, Латвии, Эстонии в 1918-1919 гг. не удержалась. «Советизация» Польши в ходе польско-советской войны 1920-1921 годов не удалась. И все же надежды на мировую революцию продолжали существовать.

Один из сценариев «мировой революции» был развернут в тезисах доклада Г.Зиновьева на пленуме ЦК РКП(б) 22 сентября 1923 г., в которых, в частности, говорилось о перспективах советизации Германии¹⁵.

В это время большевистское руководство последовательно готовило партию к быстрой победе коммунистов в Германии. 26 сентября всем губкомам рассылается закрытое письмо ЦК о «близости и неизбежности германской революции,» завершающееся словами: «только победа германской революции приблизит коммунизм»¹⁶. 18 октября следует новое послание «Германия накануне великих боев». В нем говорится о частых нападениях на советско-польской границе, убийствах мирных граждан и пограничников, далее следует

прозрачный намек: «Не оставляет сомнения, что республика наша будет втянута в войну против своей воли. Объединение Советской Германии с СССР будет последним ударом по капитализму и неизбежно приведет скоро к рабоче-крестьянской революции в других странах Европы и всего мира»¹⁷.

Но, одновременно с этим, с начала 20-х гг. в среде советского руководства начинает формулироваться идея о необходимости сосуществования в течение длительного времени государства рабочих и крестьян и буржуазных стран, то есть о создании послевоенной системы международных отношений с участием Советской России.

Решение этой проблемы началось с осуществления двусторонних контактов между советским государством и рядом капиталистических стран, прежде всего с правительством Великобритании, занимавшей в то время ведущие позиции на международной арене. Переговоры между Советской Россией и Великобританией начались в первой половине 1920 г. после того, как VII съезд Советов принял резолюцию о необходимости нормализации отношений с капиталистическими государствами, а Верховный совет Антанты принял решение о снятии блокады с Советского государства и расширении контактов с ним. Эти переговоры были заявлены как торговые, хотя обе стороны связывали с ними решение целого комплекса экономических и политических проблем¹⁸. К сожалению, не было достигнуто какого-либо действенного компромисса, способного оказать влияние на развитие экономики, политики или общественного сознания. Наоборот, во взаимном восприятии обеих стран к этому моменту окончательно сформировалось то видение друг друга в черно-белых красках, которое сохранится и в последующие годы. В 1918 г. на заседаниях британского кабинета министров еще могло прозвучать (во всяком случае со стороны тех, кто знал Россию и интересовался ей), что большевики — это просто люди, которые стремятся заключить сепаратный мир с Германией (а не классовые враги)¹⁹. К началу 20-х гг. подобные оценки становятся невозможными. А советское руководство лишний раз получает возможность подтвердить свои давние утверждения о том, что капиталистическое окружение не может не быть враждебным к государству рабочих и крестьян.

ян, и, как писал Г.В.Чичерин в одном из своих писем, делает «из этого необходимые выводы»²⁰.

Подобный стиль взаимоотношений советского государства с западными странами накладывал соответствующий отпечаток на международную ситуацию в целом. Именно поэтому с большим трудом достигнутое англо-советское торговое соглашение с момента своего подписания в 1921 г. столкнулось с серьезными трудностями при его практической реализации и не принесло того результата, которого от него ожидали.

К сожалению, подобный ход развития получил свое продолжение и на международных конференциях первой половины 20-х гг., и прежде всего на Генуэзской конференции в апреле 1922 г.

Генуэзская конференция имела совершенно особое значение с точки зрения создания системы международных отношений с участием Советской России. На нее возлагали большие надежды. Советский представитель в Лондоне Клышко, в частности, писал в одном из своих писем Чичерину, что английская сторона вообще рассматривает готовящуюся конференцию в Генуе как вторую Парижскую конференцию²¹, то есть конференцию, которая подвела итоги первой мировой войны и в результате которой была создана послевоенная система международных отношений.

В нашей литературе Генуэзская конференция всегда рассматривалась как успех советской дипломатии. Но с точки зрения создания послевоенной системы международных отношений итоги этой конференции, к сожалению, надо рассматривать как провал. Тот шанс, который мог бы направить развитие событий в XX в. совершенно в иное русло, не был использован ни капиталистическими странами, ни советским государством.

Причины неудачи Генуэзской конференции, как и последовавших за ней Гагской и Лозаннской конференций 1922-1923 гг., связаны с тем, что советское руководство по-прежнему рассматривало свои контакты с внешним миром как вынужденный тактический ход в ожидании мировой революции. Как писал Г.В.Чичерин одному из советских представителей за рубежом летом 1921 г., «при нынешнем общем положении, при борьбе Советской Республики с капиталистическим государством».

тическим окружением верховным принципом является само-сохранение Советской Республики как цитадели революции. Ради этого верховного принципа приходится идти на договоры с буржуазными государствами, в которых наши принципы не осуществляются... Мы руководствуемся... интересами мировой революции»²².

Новое поколение политических лидеров, выдвинувшееся в годы гражданской войны, уже в начале своей карьеры приобрело «устойчивый конфронтационный стереотип массовой психологии, не подвергавший сомнению факт военной угрозы стране, а потому – необходимости военной организации и дисциплины во всех социальных структурах»²³. Можно привести этому множество примеров. В 1921 г. М.Н.Тухачевский писал В.И.Ленину о так называемой «милиционной системе» и делал вывод: «нам никакого дела нет до того, какая армия выгоднее в мирное время, так как такого времени у нас не будет». Сходные настроения были распространены и позднее. Например, К.Е.Ворошилов в конце 20-х годов постоянно подчеркивал, что «война снова надвигается на Европу, надвигается на весь мир»²⁴, предотвратить войну «возможно лишь победой мирового пролетариата... Наша задача заключается в том, чтобы оттянуть этот момент нападения на возможно долгий срок»²⁵.

Уже в этот период развития страны можно проследить рост ксенофобии, ставшей на несколько десятилетий существенной характеристикой советской политической культуры.

Для этого поколения советской политической элиты не было свойственно стремление к всемирным масштабам; напротив, они предпочитали концентрироваться на конкретных, сиюминутных проблемах. В качестве примера можно привести отрывок из письма Г.В.Чичерина И.В.Сталину в июне 1929 г.: «Афганские посланники много лет настойчиво доказывали, что Аманулла не удержится без надежных частей, для которых нужны наши субсидии. А политбюро – глухая стена. Мало того, когда речь шла об одном только шоссе, т.Калинин заявил, что надо сначала провести шоссе в Московской губернии. Мировой стык между СССР и британской империей казался ему менее важным, чем Коломна

и Бронницы. Вот национальная ограниченность. Проморгали, проморгали. А какой козырь давала в руки история!»²⁶.

У этого поколения лидеров общие представления о внешнем мире сводились к нескольким марксистским формулам и общим стереотипам. Тот же Чичерин так характеризовал их: «Буддийские деревянные мельницы молитв, то есть механически пережевывающие заученные мнимореволюционные формулы товарищи...»²⁷. Но и это поколение в значительной мере было вытеснено в ходе репрессий 1930-х гг. Сменившие их «выдвиженцы» совсем уже не были обременены ни теоретическими знаниями, ни общим образованием, ни представлениями о реальном мире.

Существенную роль играло то, что подавляющее большинство лиц, входивших в политическую элиту 1920-30-х гг., в том числе и в состав высшего политического руководства, не владело иностранными языками и, следовательно, не могло использовать иностранную прессу или сообщения радио. В 20-е гг., впрочем, эти источники в какой-то степени заменяла эмигрантская пресса, издающаяся на русском языке.

Однако с середины 1920-х гг. круг людей, имевших доступ к подобного рода информации резко сокращается. Например, если в 1922-23 г. чтение «контрреволюционной литературы» разрешалось всем сотрудникам «Правды», то в 1924-25 г. для этого требовалось уже специальное разрешение ответственного секретаря редакции М.И.Ульяновой²⁸. В 1926 г. информационный отдел ОГПУ направил письмо за подписью заместителя председателя ОГПУ Г.Г.Ягоды на имя секретаря ЦК Молотова, в котором приводились следующие данные. Только через НКВД в СССР выписывалось 1134 экземпляра эмигрантской прессы. Например, «Социалистический вестник» выписывали 240-300 ведомств и лиц. К тому же большинство командированных за границу также покупали его (по сведениям ОГПУ — до 500 экз.) В письме утверждалось, что ряд заграничных белоэмигрантских изданий вообще существовал только благодаря их распространению в СССР по завышенным расценкам. Предлагалось издать секретный циркуляр с запрещением членам партии покупать эти издания, создать комиссию для установления порядка

ознакомления с ними, а количество выписываемой в СССР эмигрантской прессы сократить до 25 экз.²⁹

Вскоре, в январе 1927 г., подписка на белоэмигрантскую прессу была запрещена³⁰. До этого момента официально эмигрантскую прессу могли выписывать любые организации и лица. На практике, однако, когда информационный отдел ЦК ВКП(б) в связи с запрещением подписки запросил списки подписчиков, которые уже успели оформить ее в конце 1926 г., в ответах с мест подчеркивалось, что подписывались на эти издания лишь партийные комитеты, начиная с районных³¹.

Вместо эмигрантских изданий в крупнейшие парткомы было решено рассылать специальные обзоры, подготовленные информационным отделом ЦК, причем количество парткомов, имеющих право на их получение, постоянно сокращалось. Так, заместитель заведующего информационным отделом ЦК в октябре 1929 г. в докладной записке на имя секретаря ЦК Л.М.Кагановича перечислял 36 парткомов и 4 другие организации (в том числе ОГПУ), которые просили присылать им обзоры эмигрантской прессы. Составитель записки, однако, рекомендовал рассылать обзор лишь в 16 парткомов и 3 организации; затем кто-то (возможно, сам Каганович, или один из его помощников) карандашом вычеркнул из списка 5 парткомов и 2 организации. Таким образом количество адресатов сократилось с 40 до 12.³²

Постепенно подобные обзоры и сводки «для служебного пользования» стали получать все большее распространение, однако их содержание зачастую мало чем отличалось от материалов, публикуемых официальной советской прессой.

В 1927 г. по поводу содержания пробных обзоров были получены любопытные отзывы важнейших должностных лиц и организаций. Если в отзыве ОГПУ, подписанном Г.Г.Ягодой, говорилось о желательности использования лишь статей, имеющих политическое значение, и предлагалось не включать в обзоры любые «сообщения сенсационного характера» как «совершенно не отвечающие действительности», то нарком финансов Н.П.Брюханов, напротив, полагал, что есть смысл публиковать наиболее характерные «хроникерские и хронические выдумки» о событиях в СССР, так как

«в них подчас удачнее всего отражаются чаяния и вождедения белой эмиграции». Своеобразную точку в этой мини-дискуссии поставил заведующий отделом печати ЦК С.И.Гусев, решительно указавший: «Белогвардейское вранье не помещать»³³. Нет необходимости пояснять, что в разряд «белогвардейского вранья» можно было отнести любую информацию, противоречащую официальной.

Обычно именно интеллектуальная элита вырабатывает основные представления о внешнем мире, которые затем воспринимаются, адаптируются и используются политической элитой. В советской истории, однако, происходил скорее обратный процесс — интеллектуалы вынуждены были перенимать представления и установки политического руководства, причем часто — под сильным нажимом. Вместе с тем часть интеллектуальной элиты, получившая образование до революции, в течение длительного времени сохраняла старые, достаточно адекватные представления о мире. Конечно, в годы революции и гражданской войны резко сократилось поступление новой информации о жизни Запада. И даже частичное, неполное возобновление привычных контактов в начале 1920-х гг. приветствовалось представителями интеллигенции.

К.И.Чуковский в марте 1921 г. писал в своем дневнике: «...Сегодня все утро читал Нью-Йоркскую «Nation» и Лондонское «Nation & Athenaeum». Читал с упоением: какой культурный стиль — всемирная широта интересов...

И главное: как сблизилась все части мира: англичане пишут о французах, французы откликаются, вмешиваются греки — все нации туго сплетены, цивилизация становится широкой и единой. Как будто меня вытащили из лужи и окунули в океан». И далее: «Я вызвал духа, которого уже не могу вернуть в склянку. Я вдруг после огромного перерыва прочитал «Times» — и весь мир нахлынул на меня»³⁴.

И личный опыт, и привычка к рациональному осмыслению информации, и любые возможности для получения информации, что называется, из первых рук, вели к тому, что официальная пропаганда оказывала относительно незначительное влияние на эту социальную группу, особенно в 20-е гг., когда сохранялась, хотя и очень относительная, открытость советского общества. Академик И.П.Павлов, напри-

мер, в 1923 г., побывав в ряде стран Европы и США, писал: «Я не вижу того, что бы указывало на возможность мировой революции. Никаких признаков революции в крупнейших державах: Франции, Англии, Америке...»³⁵.

Новая власть относилась к интеллигенции, тем более до-революционной, с откровенным недоверием. В июне 1922 г. Политбюро приняло постановление, где, в частности, говорилось: «...Установить, что ни один съезд или Всероссийское совещание спецов (врачей, агрономов, инженеров, адвокатов и проч.) не может созываться без соответствующего на то разрешения НКВД... Поручить ГПУ через аппарат Наркомвнудела произвести с 10.VI перерегистрацию всех обществ и союзов (научных, религиозных, академических и проч.) и не допускать открытия новых обществ и союзов без соответствующей регистрации ГПУ. Незарегистрированные общества и союзы объявить нелегальными и подлежащими немедленной ликвидации...»³⁶. Особенно ужесточилась политика в отношении старой интеллигенции в конце 1920-х гг. Как заявил летом 1928 г. выступая на VI конгрессе Коминтерна Д.З.Мануильский, «сотрудничество коммунистов и «спецов» в условиях нэпа — всего лишь сотрудничество, которое бывает между всадником и лошадыю»³⁷.

Высшее руководство отдавало себе отчет в том, что необходима ускоренная подготовка кадров новых, советских специалистов. Одним из вариантов решения этой проблемы стала организация так называемых рабочих факультетов и коммунистических университетов.

В 1921 г. был открыт Институт красной профессуры, существовавший до начала 1930-х гг. В 1921 г. в ИКП было 105 слушателей, в 1931 г. — около 1000. Они изучали три иностранных языка, латынь, читали новейшую литературу, но особое внимание уделялось работам основоположников марксизма. «ИКП скорее был похож на бюрократизированный марксистский кружок, чем на высшую школу», — замечает современный исследователь³⁸.

Особенно сложно было подготовить кадры для дипломатической или любой другой работы, имеющей отношение к контактам с внешним миром. Как писал в секретариат ЦК в мае 1928 г. генеральный секретарь Профинтерна

С.А.Лозовский, «Профинтерн ощущает недостаток в работниках, причем резервуар, из которого Профинтерн обычно черпал этих работников, крайне ограничен. Ответственные и технические работники Профинтерна подбирались под углом зрения знания языков, но языки обычно знали или товарищи, побывавшие за границей, или те, которые по условиям своего воспитания могли научиться иностранным языкам. Оба эта резервуара иссякли... Существует предрассудок, что работать в международном профдвижении можно только лишь зная иностранные языки. Это неверно. Конечно знание языков облегчает работу, но можно работать и без знания иностранных языков. Нужно, главным образом, иметь голову, а язык — дело наживное»³⁹.

Подобные взгляды на проблему подготовки кадров разделялись большинством советского руководства. Например, в июне 1930 г. секретариат ЦК утвердил положение об организации годовых курсов для подготовки руководящих работников Наркомата иностранных дел. При этом от кандидатов требовался партстаж не менее 10 лет, желательно — рабочее происхождение и опыт руководящей партийно-советской работы областного масштаба. Образование или знание иностранных языков в расчет вообще не принимались⁴⁰.

Вместе с тем было бы явным упрощением жестко противопоставлять взгляды на внешний мир представителей «старой» и «новой» интеллигенции. Например, некоторые теоретические рассуждения слушателя Института красной профессуры И.И.Литвинова, сохранившиеся в его дневнике за 1922 г., перекликаются с выводами И.П.Павлова, основанными на личном опыте: «Образованные народы, привыкшие критически мыслить и сознавать ответственность за каждый свой поступок, стадному чувству не так подвержены... И революция для них поэтому, как и еще по многим причинам, теперь почти немислима. То, что было возможно в России, в Западной Европе, особенно в Англии, и Америке невозможно. И этим объясняется отсутствие революции на Западе, несмотря на страшную войну и на значительные страдания масс»⁴¹.

Трудно сказать, насколько подобные взгляды были характерны для «новой» интеллигенции, хотя, по свидетельству самого

Литвинова, он «в последнее время не встретил почти ни одного коммуниста с мозгами, который не согласился бы со мною»⁴².

И тот же Литвинов, впоследствии, в 1933 г. отказавшийся возвратиться из Англии в СССР, анализируя сообщения прессы, приходит к выводу: «Правительство РСФСР несомненно самое прочное в мире... Во Франции назревает большой конфликт... в Англии, даже в Англии, убит маршал Вильсон и в Ирландии — гражданская война. Как долго продержится Ллойд Джордж — неизвестно. В Соединенных Штатах грандиознейшие забастовки. В Польше кавардак... Самое прочное правительство в мире — это Советское»⁴³.

Подобные представления, в целом достаточно близкие к истине, были широко распространены во всех слоях общества, постепенно превращаясь в стереотипы, которые тиражировались — в еще более упрощенной форме — массовой пропагандой и становились составной частью общественного сознания, взглядами «маленького» человека, рядового обывателя.

Основным источником получения внешнеполитической информации служили, конечно, газеты. Однако для крестьян, составлявших большинство населения, они далеко не всегда были доступны. Не говоря уже о том, что уровень грамотности был низким, газеты до мелких населенных пунктов нередко просто не доходили совсем или поступали с большим опозданием. Докладчики из городов также, как правило, выступали лишь в деревнях, где были сельсоветы. Крестьяне Костромской губ. в 1928 г. жаловались, что «не осведомлены о международном положении, не получаем целыми годами соответствующих докладов и разъяснений... Газеты приносятся в сельсовет, который обслуживает 12 селений в радиусе пяти верст... Просим нашу центральную власть, не найдется ли возможность сделать распоряжение периодически разъяснять нам о международном положении»⁴⁴. В этих условиях информация о внешнем мире часто поступала из вторых рук, когда последние новости обсуждались во время поездок крестьян на рынок, разговоров с горожанами-отпускниками, демобилизованными красноармейцами, получавшими представление о международном положении на политзанятиях. Естественно, что в условиях, когда для многих крестьян внешний мир начинался не за границами стра-

ны, а за околицей деревни, информация часто искажалась, порождала массу слухов, осмысливалась с точки зрения уже имевшихся у крестьян представлений, включавших в себя и историческую память, и опыт предшествующих лет. Неудивительно, что Политуправление Красной Армии постоянно подчеркивало, что новобранцы, большинство которых составляла деревенская молодежь, имели весьма смутное представление о последних международных событиях⁴⁵.

Впрочем, постоянные усилия власти по организации пропаганды приносили свои плоды. Английский публицист, лейборист Ч.Р.Бэкстон, побывавший в 1920 г. в СССР, писал: «...[У хозяина] был еще сын Сергей, но он в то время сражался в далеком Архангельске с англичанами. Никто не интересовался, с кем он воюет, ибо давно уже все так спуталось, что никто ничего не понимал. Внешние события доходили до деревни в крайне извращенном виде, и во всем чувствовалась путаница»⁴⁶. Прошло два года, и немецкий журналист К.Росс вынес совсем иные впечатления: «Услышав, что я из Германии, крестьяне забросали меня вопросами... Моментально завязывается беседа о партиях в Германии, о Генуе, о договоре между Германией и Россией, о помощи Антанты... Восемь лет войны и революции сыграли свою роль. Крестьянин стал другим»⁴⁷.

Интерес к международным событиям искусственно подогревался и стимулировался организованными кампаниями солидарности с трудящимися Запада и Востока, митингами протеста, на которых выносились резолюции, осуждавшие те или иные мероприятия империалистических правительств и т.д. Эффект «личного участия» достигался с помощью сбора средств для западных рабочих, причем целью подобного рода кампаний было еще и скрытое формирование представлений о тяжелой жизни западных рабочих по сравнению с условиями в советском государстве. Например, летом 1920 г. в Мононастырской волости Землянского уезда Воронежской губернии была проведена «Неделя поддержки шведских рабочих посредством агитации и добровольных пожертвований»⁴⁸. Сбор средств шел в деревнях, имевших «бедственно-печальный вид»⁴⁹.

Следует отметить, что представления об уровне жизни населения зарубежных стран, действительно, были далеки от реальности. Жители крупных городов могли составить собственное мнение, встречая, хотя бы на улицах, членов различных иностранных делегаций, причем их вид приводил к сомнению: «Свои деньги отослали Англии, — пишет молодая москвичка в 1926 г., — которая, я больше, чем уверена, не нуждается в этом. Они приезжают сюда одеты, что нэпманы, значит, есть чем питаться»⁵⁰. Крестьянские же представления формировались в основном с помощью газетных статей. Впрочем, они также часто противоречили официальной точке зрения о тяжелой доле трудящихся.

В связи с укреплением международного положения СССР в середине 20-х гг. газеты большое внимание уделяли описанию передового хозяйства западных стран. Эти материалы создали у крестьян представление о совершенно ином уровне жизни по сравнению с Россией, когда в доме у любого американского крестьянина «чисто, есть пианино, скрипка, много употребляют мяса, эти крестьяне гораздо богаче наших буржуев»⁵¹. Рассказы о немыслимом для российского крестьянина богатстве, о «счастливых странах» вопреки замыслам авторов подобных публикаций, приводили не к желанию создать подобное хозяйство в России, а, скорее, стремление переехать. Так, прочитав в газете «Правда» описание Дании, «группа сибирских крестьян, самая культурная и старательная в своем селе, решила незамедлительно переселиться в эту Данию, хотя бы с тем, чтобы жить там в батраках»⁵².

Своеобразным отражением представлений населения о богатстве западных стран стало распространение убеждения, что этот уровень жизни формируется, помимо прочего и за счет российского крестьянства, изытия у него хлеба для продажи за границу: «В Англии нашей рожью с сахаром откармливают скот»⁵³.

В 20-е годы и пропаганда, и советское руководство подчеркивали необходимость использования иностранных специалистов. Так, нарком земледелия РСФСР Н.А.Кубяк в мае 1928 г. сообщил о том, что «сделали попытку нескольких американцев, работающих в крупных хозяйствах, пригласить и, может быть, вместе с тракторами их импортируем» и подчеркнул: «Что мы можем обойтись без них, это мы должны отбросить»⁵⁴.

Рассуждения о необходимости использования иностранных специалистов для развития промышленности и передового сельского хозяйства в свою очередь породили настроения о готовности Запада оказать помощь СССР. По свидетельству П.А.Заломова, побывавшего в деревне в начале 1925 г., «об иностранцах сложилось у некоторых самое нелепое представление как о благодетелях, которые спят и видят, как помочь русскому крестьянину, а советская власть не позволяет»⁵⁵.

Если в деревнях в основном разговоры шли о материальном благополучии западных рабочих и крестьян, то горожане, читая газетные публикации, нередко приходили к выводу о том, что на Западе существовал более демократичный политический режим, чем в СССР. Среди высказываний московских безработных о международных делах осенью 1927 г. были зафиксированы утверждения, что в «демократических странах имеются разные политические партии, там свобода слова и печати, а у нас этого нет»⁵⁶.

В то же время постоянное подчеркивание классовых противоречий, противопоставление «безумной роскоши», духа наживы «расфранченной черни имериалистической цивилизации»⁵⁷ тяжелому положению пролетариата не могло не создать впечатление о капиталистических странах как о мире, раздираемом внутренними противоречиями, стоящем на грани революции.

Пропаганда международной солидарности пролетариата, постоянная публикация материалов о революционных настроениях в Европе естественно приводили к переоценке революционного потенциала западного пролетариата, ожиданию скорой мировой революции и недоумению, почему не принимаются меры для ее ускорения. Документы свидетельствуют, что многие партячейки после прослушивания докладов об экономическом положении Европы выносили резолюции типа: «Принимая во внимание наличие кризиса и предпосылку к революции, просить Коминтерн объединить мировой пролетариат и скорее свергнуть мировую буржуазию»⁵⁸. Настроения, что СССР должен оказать военную помощь для ускорения мировой революции и послать Красную армию в Германию, Китай, Польшу и даже Англию, чтобы поддержать бастующих шахтеров, прослеживаются на протяжении всех 20-х гг. Тема пролетарской солидарности возни-

кала постоянно; в газетах регулярно печатались резолюции митингов протеста по поводу репрессий в «странах капитала». Наиболее действенной эта пропаганда оказывалась тогда, когда она носила персонифицированный характер. Например, публикация статей о Н.Сакко и Б.Ванцетти вызвала горячее сочувствие к ним. Очень характерно в этом смысле письмо служащего из Москвы, адресованное И.В.Сталину: «Читая сегодня за 6 августа газету «Правда», я болен всем своим телом за судьбу наших братьев тт. Сакко и Ванцетти. Я хочу вас спросить: какое имеет право этот цивилизованный хам — не Фуллер⁵⁹, а хуже — расправляться с нашими товарищами-братьями, за которых стоит весь мир... Неужели наши рабочие фабрик, заводов и разных предприятий Америки не заткнут грязной в нефти паклей рот буржуазии, невозможно же такое тиранство, совершенно незаслуженное и недоказанное со стороны цивилизованного государства как Америка... Я просто передаю вам свое человеческое чувство, а также хочу передать и чувство людей, с которыми я говорил о наглости Фуллера... Может быть, наши протесты напугают их. Правда, хотя мы их не видели, этих людей [*Сакко и Ванцетти — авт.*], но все-таки жалко... Я еще хочу сказать, неужели нельзя также рабочим, служащим Дедхемской тюрьмы освободить своих же братьев, сорвали бы крышу или запоры буржуазии, ведь они у них слабы»⁶⁰. В этом письме, как в зеркале, отразился основной набор внешнеполитических стереотипов того времени: о силе международной пролетарской солидарности, о глубоких противоречиях между буржуазией и пролетариатом и готовности западных рабочих к революции, о высоком «цивилизационном» уровне США.

Косвенным доказательством веры населения в действенность рабочей взаимопомощи может служить попытка оказать давление на советское правительство, апеллируя к мировому пролетариату: «Тов. Молотов, если вы не примете меры, то мы, беднота, будем писать за границу письма, и пуцай заграничный пролетариат читает, как нам здесь беднякам живется»⁶¹.

Интерес населения к международной обстановке резко повышался, когда в стране оживлялись «военные тревоги», например, в 1927 г. В январе проходила XV московская партконференция, выступая на которой Н.И.Бухарин подчер-

кнул враждебность стран Запада и заявил, что «у нас нет гарантий, что на нас не нападут. Борьба между нами и империалистами перешла в более высокую фазу, чем раньше»⁶². Еще более определенно высказался К.Е.Ворошилов: «Мы не должны забывать, что находимся накануне войны, и что война эта далеко не игрушка»⁶³. Военные ожидания, спровоцированные этими выступлениями, выявили те проблемы, которые больше всего волновали население, и позволяют расширить представление о восприятии Запада в массовом сознании.

Население страны в первую очередь интересовало, кто станет главным противником СССР в предстоящей войне, причины войны, сравнение боеспособности воюющих армий, позиция мирового пролетариата в войне.

В полном соответствии с официальной пропагандой того времени основным врагом СССР представлялась Англия: «Английское правительство в лице Чемберлена, Болдуина и Черчилля, как псы, сорвавшиеся с цепи, хотят задушить ход нашей социалистической революции»⁶⁴, — заявлялось в одной из типичных резолюций.

Это представление о роли Англии было достаточно традиционным, как до, так и после революции. В.И.Ленин еще в марте 1917 г. писал, что «злейшего врага хуже английских империалистов русская пролетарская революция не имеет»⁶⁵. Опыт первых лет Советской власти, особенно гражданской войны, а также переговоры начала 1920-х гг. окончательно убедили советское руководство в том, что Англия является их главным противником на международной арене.

В мае 1923 г. были зафиксированы слухи о войне: «Говорят, как будто бы война с Англией уже началась и частично проводится мобилизация... Рабочая масса относится к этим слухам неуверенно, но выступление Англии на Совроссию [так в тексте — авт.] ожидают и враждебно относятся к посягателям на советскую страну»⁶⁶.

Особенно усилились антианглийские настроения в конце 1920-хх гг. В июле 1927 г. корреспондент английской «Дэйли Экспресс» сообщал из Москвы: «Русские официальные лица убеждены, что Великобритания не только двигает фигуры на международной шахматной доске, но что британская консервативная партия планирует и организует крушение Рос-

сии — не крушение коммунизма, а крушение России»⁶⁷. Во введении к брошюре тех лет, посвященной внешней политике Германии, специально оговаривалось, что в ней «речь идет о позиции буржуазной Германии *в конфликте между Советским Союзом и британским империализмом* [курсив наш — авт.]»⁶⁸.

В средствах массовой информации отрицательный образ Англии усиливался благодаря яркой эмоциональной окраске. Например, в «Правде» было опубликовано стихотворение А.Безыменского, точно отражавшее официальное представление об Англии:

*Британия — поработитель мира!
Британия! — вот наш злоеущий враг.
Не та Британия, что в шахтах, на заводах,
На фабриках, полях, на верфях, кораблях,
Придавленная тяжкою пятою,
Несет другим свой черный черствый труд
И гложет уголь вместо хлеба.
Британия безмозглых королей,
Британия в порфире и цилиндре,
Британия с железным пузом банков,
Британия дредноутов и пуль,
Британия карминных губ и крови,
Британия фокстротов и плетей,
Британия гнусавенькой молитвы
На трупах казненных во имя короля.
Британия неистовых насилий,
Британия мерзавцев и убийц
Во фраках, с тросточкой,
С крестом и лживым словом
Она! Она!
Она наш дикий враг»⁶⁹.*

В то же время представление населения о потенциальном противнике не ограничивалось Великобританией и часто было достаточно расплывчатым: конкретная страна или не называлась совсем, или упоминались такие страны как Польша, Литва (в основном в западных районах СССР), страны, которым СССР не выплатил царские долги, или просто «западные империалисты», «капиталистический мир». Характерно, что в перечне потенциальных противников практически никогда не встречалась Германия. Наоборот, Германия интересуется как недавний противник Англии и,

соответственно, вероятный союзник в грядущей войне. Часто задавались вопросы: «На какую сторону переходит Германия и намерена ли она через свою территорию пропускать войска? Результаты смотра красных фронтовиков в Германии? Есть ли тайный военный договор между СССР и Германией?»⁷⁰.

СССР, как правило, рассматривался в массовом сознании как объект нападения. Вслед за официальной пропагандой начало войны связывалось с враждебной позицией Запада, стремлением буржуазии уничтожить завоевания социалистической революции. С этой точки зрения Запад представлял как враждебная сила, которая внимательно следит за развитием событий в СССР и готова воспользоваться первым удобным случаем для нападения. Например, в Смоленской губ. было зафиксировано мнение о том, что внутрипартийная борьба (с троцкистской оппозицией) наносит ущерб стране в первую очередь потому, что ослабляет ее боеготовность: «Спором внутри партии воспользуется международная буржуазия»⁷¹.

Существовала и другая точка зрения о причинах войны. Крестьянство пыталось объяснить возможное столкновение с точки зрения экономических интересов западных стран — необходимости вернуть царские долги. «Англия нападает на нас потому, что на ее долю выпадает большая часть царских долгов. Если бы мы уплатили, то они не напали бы на нас»⁷². Это естественно. Война затрагивала хозяйственные интересы населения, поэтому и объяснение пытались найти не в абстрактных представлениях о политическом противостоянии двух систем, а в более понятных экономических отношениях. Следовательно, по распространенному мнению, войны можно избежать, «откупившись» от Запада. На собраниях обсуждались предложения «дать концессии капиталистам», сдать им золотые прииски, бакинские промыслы и т.п.⁷³

Характерно, что в крестьянской среде не было распространено высказываний, неоднократно отмеченных в городах, о том, что враждебная позиция западных стран спровоцирована поддержкой СССР мирового революционного движения.

Представления о техническом превосходстве Запада естественно рождали неуверенность в боеспособности Красной Армии. Ходили слухи о новом вооружении западных армий, об «аэропланах с ядовитыми бомбами», которые управляются

по радио. И все же, по мнению многих, несмотря на превосходство в вооружении, буржуазия не сможет победить СССР, так как ей не позволит пролетариат.

Вопрос о том, какую позицию займет в случае войны пролетариат западных стран, волновал многих. Идея мировой революции и возможность экспорта революции продолжала быть широко распространена. С этих позиций возможная война, даже если ее и позволит начать западный пролетариат, окажется легкой для СССР, так как в ходе ее будет освобожден угнетенный рабочий класс, армию-освободительницу «будут встречать с красными флагами, особенно наши соседи: Польша, Румыния, Болгария»⁷⁴. Высказывалось мнение, что в войну СССР выгодно вступить до разгрома революции в Китае, так как в этом случае СССР поддержат сотни тысяч революционеров.

Однако начинали появляться и сомнения в безоговорочной международной солидарности трудящихся, в революционности западного пролетариата: «Мы английским рабочим отчисляли свои последние гроши, а теперь они никакой помощи в трудную минуту не оказывают», «хотя бы демонстрации рабочие делали, что ли, а раз молчат рабочие — это буржуазии на руку»⁷⁵.

Необходимо отметить, что на оценку возможного противника СССР в войне влияла сложная внутривосточная ситуация, проявившаяся в 1927 г. И часть крестьянства, и часть городского населения — прежде всего интеллигенция — связывали с войной надежды на освобождение от советской власти, поэтому Англия рассматривалась как союзник, а не как враг. Противники коммунистов надеялись на поддержку Запада в случае крестьянских восстаний: «Советские угрозы для нас пустяки, иностранцы стремятся помочь крестьянам, если сейчас будет забастовка крестьян, иностранцы двинутся к нам на помощь»⁷⁶. Особенно заметными эти настроения «антипролетарской международной солидарности» были в пограничных районах, причем в качестве наиболее вероятного союзника рассматривались соседние страны: Польша во главе с Пилсудским, Япония.

Появлялись антисоветские листовки с «международными» лозунгами: «Да здравствует разрыв англо-советских отношений; Со всей решимостью за Англией на борьбу с СССР; Да

здравствуют русские белогвардейцы, проживающие в Англии и борющиеся за восстановление русского царизма; Как не готовьтесь к войне и побеждению империализма, но все равно, красная свора, великие массы и друзья на стороне капитала» и т.д.⁷⁷

Подобные настроения фиксировались в рабочей, крестьянской, интеллигентской среде. Например, врач из Ленинграда в 1927 г. предлагал: «Нужно призывать всю интеллигенцию, верную рускому народу и Святой России, на помощь капиталистическому миру. Нужно призывать иностранную интеллигенцию к военной борьбе с большевиками»⁷⁸.

Тесная связь представлений о внешнем мире с внутривнутриполитической ситуацией в стране характерна для 20-х гг. Массовое сознание как бы пыталось приспособить информацию о внешнем мире к своим нуждам, сделать ее понятной, адекватной традиционным представлениям. Характерно, что, по видимому, уровень усвоения основных событий внутренней и внешней политики был примерно одинаков. Не случайно столь распространены были сравнения государственных деятелей СССР с теми западными лидерами, которые были «на слуху». Например, обычным было сопоставление Троцкого с Пилсудским или Чан Кайши.

Некоторые реалии и имена западных государственных деятелей в 20-е годы прочно вошли в обыденное сознание. В высказываниях и письмах постоянно встречаются упоминания тех или иных имен, как правило с яркой эмоциональной окраской, типа «Я бы Чемберлену не пожелал жить такой жизнью, как у меня...», сравнения с жизнью в других странах: «мужик хуже английской свиньи давится ржаным хлебом»⁷⁹ и т.д.

Таким образом, можно говорить о том, что в российском обществе в 20-е гг. складывается достаточно устойчивый образ внешнего мира, на формирование которого сильное влияние оказывали как идеологизированная официальная пропаганда, так и традиционное мировоззрение. При этом Запад в основном воспринимался как сила, враждебная советскому государству, и оценивался — положительно или отрицательно — с точки зрения взаимоотношений с новой властью.

2. Внешнеполитические стереотипы советского общества 1930-х годов

Как уже отмечалось, общественное сознание советской эпохи отличалось мифологичностью, и в полном соответствии с особенностями этого типа сознания внешний мир воспринимался как опасная, неосвоенная, «темная зона», отделенная четкой границей от мира «своего», привычного, освоенного. Образ границы (в первую очередь, конечно, в обыденном смысле) являлся важной составляющей массового сознания тех лет. Разумеется, актуальность этого образа на рациональном уровне подкреплялась как пропагандистскими стереотипами о враждебности «капиталистического окружения» вообще, так и повседневной необходимостью «держать границу на замке» — не только для «входа», но и для «выхода». И все же сакральный характер государственной границы как грани двух, абсолютно различных, миров, явственно прослеживается не только в массовом сознании, но и в сознании представителей политической элиты. Так, в черновых записях видного партийного деятеля А.С.Щербакова о поездке в Европу в 1935 г. описание переезда границы сопровождается следующей фразой: «Разница огромная, разница во всем, в большом и малом»⁸⁰. Подобных примеров можно привести много.

Это ощущение подкреплялось все возрастающей закрытостью советского общества, которая, не являясь, конечно, абсолютной, в 1930-е годы достигла все же достаточно высокого уровня.

Был ужесточен контроль над заграничными командировками. Так, в мае 1934 г. существующая комиссия по выездам из представителей Орграспредотдела ЦК, ЦКК и ОГПУ была ликвидирована постановлением Политбюро и образована комиссия ЦК в составе А.А.Жданова (председатель), заместителя председателя Совнаркома В.И.Межлаука, заместителя председателя Комиссии партийного контроля Н.И.Ежова, заведующего Особым сектором ЦК А.Н.Поскребышева, заместителя председателя ОГПУ Я.С.Агранова. Всем наркоматам, центральным и местным организациям запрещалось отправлять за границу представителей, группы или делегации без санкции комиссии, причем та должна была «решать воп-

рос о командировках за границу не только с точки зрения политической благонадежности, но и с точки зрения деловой целесообразности»⁸¹.

В декабре 1934 г. в связи с отбытием Жданова в Ленинград председателем комиссии был назначен Ежов. Порядок работы комиссии, установленный в 1937 г. — сначала рассмотрение на комиссии по личному докладу соответствующего наркома с заключением НКВД, затем утверждение на Политбюро. В апреле 1937 г. был утвержден новый состав комиссии — секретарь ЦК А.А.Андреев, А.С.Агранов, А.Н.Поскребышев. Состав комиссии менялся и позднее. В мае 1937 г. было установлено, что все командированные «обязаны являться в Комиссию по выездам для получения инструкции как себя держать с иностранцами за границей»⁸².

На протяжении 20-30-х гг. СССР посетили всего 100 тыс. иностранцев, т.е. примерно 5 тыс. человек в год⁸³. При этом принимались меры, чтобы ограничить общение с ними не только рядовых советских граждан, но и тех, кто должен был заниматься иностранцами «по долгу службы». Например, в ноябре 1940 г. на предложение руководства Всесоюзного общества культурной связи (ВОКС) взять на себя работу с иностранными корреспондентами последовал следующий ответ начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г.Ф.Александрова: «Зам.наркоминдела тов.Вышинский считает нецелесообразным развивать широкое знакомство и общение иностранных корреспондентов с советскими гражданами. Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) поддерживает соображения тов.Вышинского»⁸⁴. Даже в годы войны, когда существовала антигитлеровская коалиция, эта позиция не изменилась. Выступая на заседании Совинформбюро в январе 1944 года секретарь ЦК, руководитель Совинформбюро А.С.Щербаков заявил: «Мы предупреждали товарищей и хочу еще раз сделать предупреждение, что всякого рода встречи, беседы, советы должны быть только с разрешения и ведома руководства [*курсив мой — авт.*]»⁸⁵.

Кроме того, к началу 30-х гг. в СССР находилось примерно 20-30 тыс. иностранных специалистов и рабочих, а также политэмигрантов. Но их круг общения был ограничен. Как вспоминал известный впоследствии советский разведчик

Л.Треппер, «иностранные коммунисты, учившиеся в Москве, жили своим, очень замкнутым мирком. Нам нечасто представлялась возможность попутешествовать и пообщаться с русским населением»⁸⁶. По прибытии в Москву их предупреждали о необходимости быть бдительными в отношении советских граждан и «не смешиваться» с ними, так как те могли «оказаться шпионами и саботажниками»⁸⁷. Характерно, что в середине 30-х гг. иностранным коммунистам запрещено было вести партийную работу в ВКП(б). К тому же иностранцы большей частью концентрировались в нескольких крупных промышленных центрах и в масштабах страны не могли служить достаточно существенным источником альтернативной информации.

Таким образом, официальная пропаганда, независимо от того как оценивали потребители ее достоверность, оставалась для большинства населения основным источником сведений о внешнем мире. Незнание (в лучшем случае, поверхностное, недостаточное знание) Запада было характерно и для советской политической элиты 1930-х гг., пожалуй, даже в большей степени, чем для элиты 20-х. Заметно снизился уровень образования — с декабря 1934 по февраль 1941 г. в составе Политбюро ЦК ВКП(б) не было ни одного человека с законченным высшим образованием. Еще более разительная картина открывалась на других «этажах» управления. По данным ЦК, в 1937 г. среди секретарей обкомов высшее образование имели 15,7%, низшее 70,4%; у секретарей окружкомов соответственно — 16,1 и 77,4%; у секретарей горкомов — 9,7 и 60,6%; райкомов — 12,1 и 80,3%⁸⁸. При этом по сравнению с первыми послереволюционными годами заметно снизилась доля получивших гуманитарное, юридическое, экономическое образование. Большей частью представители нового поколения руководства имели техническое (28,3%), военное (25%), партийное (15%) образование⁸⁹. Сохранялись и даже порой усиливались элементы мифологического сознания, зато прагматизм, характерный для политических элит других стран, вызывал у советских представителей критические оценки. Так, А.Я.Аросев, видный советский дипломат, после приема у леди Астор в Англии в июле 1935 г. записал

в дневнике: «Они делают политику без крупицы идеи, как повар варит суп и соображает, какие лучше специи положить»⁹⁰.

Сущностной характеристикой советской политической элиты 1930-х гг. было в лучшем случае недоверие к внешнему миру. Так, К.Е.Ворошилов на февральско-мартовском Пленуме ЦК 1937 г. заявил: «Весь мир против нас», и добавил, имея в виду «классовых врагов», — «количественно — это все, что не СССР, качественно — это все то, что не коммунист...»⁹¹.

Впоследствии уже сам факт пребывания за границей стал рассматриваться как порочащий человека. На встрече с руководством Института мирового хозяйства и мировой политики председатель КПК, впоследствии нарком внутренних дел Н.И.Ежов «сказал, что не доверяет политэмигрантам и побывавшим за границей»⁹². Выступая на февральско-мартовском пленуме ЦК, Л.М.Каганович, имея в виду вернувшихся в СССР, многократно проверенных сотрудников КВЖД, говорил: «Конечно, плохо, неправильно делать заключение, что все приехавшие — плохие люди, но, к сожалению, страшно много шпионов среди них»⁹³.

Постепенно складывалась система, ограничивающая доступ даже для многих членов Политбюро к механизму принятия важнейших внешнеполитических решений и информации.

Сохранилась дневниковая запись М.И.Калинина об одном из заседаний Политбюро в августе 1920 г., на котором обсуждался вопрос об очередном британском ультиматуме советскому правительству по поводу войны с Польшей. Характерен как состав участников заседания, так и общая атмосфера. Присутствовали члены Политбюро Л.Д.Троцкий, который вел заседание, Н.Н.Крестинский, кандидаты в члены Политбюро Н.И.Бухарин, Г.Е.Зиновьев и сам Калинин, а также нарком иностранных дел Г.В.Чичерин, его заместитель Л.М.Карахан и К.Радек. Велась оживленная дискуссия, Троцкий редактировал текст ноты английскому правительству, Зиновьев, под его диктовку, записывал, а Радек возражал всем остальным по поводу возможной позиции Англии⁹⁴.

В 30-е годы ситуация кардинально изменилась. Известно, что в апреле 1937 г. Политбюро по инициативе Сталина опросом приняло важнейшее постановление «О подготовке вопросов для Политбюро ЦК ВКП(б)»: «1. В целях подго-

товки для Политбюро, а в случае особой срочности — и для разрешения — вопросов секретного характера, в том числе и вопросов внешней политики, создать при Политбюро ЦК ВКП(б) постоянную комиссию в составе т.т. Сталина, Молотова, Ворошилова, Кагановича Л. и Ежова.

2. В целях успешной подготовки для Политбюро срочных текущих вопросов хозяйственного характера создать при Политбюро ЦК ВКП(б) постоянную комиссию в составе тт. Молотова, Сталина, Чубаря, Микояна и Кагановича Л.»⁹⁵.

Как отмечает О.В.Хлевнюк, с большей долей вероятности можно предположить, что после репрессий в Политбюро комиссии, созданные в апреле 1937 г., фактически объединились и действовали как «пятерка»: Сталин, Молотов, Ворошилов, Каганович, Микоян⁹⁶. Факт реального существования руководящей группы подтверждают и более поздние свидетельства Молотова. «В Политбюро, — рассказывал он в 1973 г., — всегда есть руководящая группа. Скажем, при Сталине в нее не входили ни Калинин, ни Рудзутак, ни Косиор, ни Андреев». Однако, добавил Молотов, «материалы по тому или иному делу рассылались членам Политбюро. Перед войной получали разведданные»⁹⁷. Впрочем, судя по мемуарам Н.С.Хрущева, он, будучи членом Политбюро и руководителем крупнейшей, притом пограничной союзной республики — Украины — практически не интересовался происходящим за границами СССР, а всю информацию черпал не столько из разведданных, сколько из обзоров западной прессы или разговоров с коллегами по Политбюро, определявшими внешнюю политику. Наряду с другими «избранными» Хрущев в свое время получил книгу Гитлера «Майн Кампф», переведенную «для служебного пользования», однако «не мог ее читать, потому что меня буквально выворачивало; не мог спокойно смотреть на такие бредни, мне стало противно, не хватало терпения, и я ее бросил недочитавши»⁹⁸. Впрочем, в этом Хрущев был не одинок. Как вспоминал генерал армии М.А.Гареев, ему приходилось встречаться с ответственными сотрудниками, работавшими перед войной в НКВД и Генштабе, которые признавались, что никогда полностью не читали и не принимали всерьез рассуждений фюрера в этой книге⁹⁹.

По свидетельству Е.А.Гнедина, возглавлявшего в 1937-1939 гг. отдел печати НКВД, в наркомат и ЦК ВКП(б) «был прислан перечень членов Политбюро, которым *можно посылать ежедневную сводку наиболее интересных телеграмм иностранных корреспондентов* [курсив мой — авт.]. Таким образом далеко не все члены Политбюро и правительства получали полную информацию. Что же касается руководящих дипломатических работников, вплоть до заведующих отделами НКВД, то они были лишены элементарной информации»¹⁰⁰. Сам Гнедин получал материал для своих, предназначенных для сведения «верхов», сводок, слушая радиоприемник, стоявший в его служебном кабинете.

Как писал Н.С.Хрущев, в 1930-е годы «придерживались такого правила — говорить человеку только то, что его касается. Тут дело государственное, поэтому чем меньше об этом люди знают, тем лучше»¹⁰¹. И если, скажем, нарком иностранных дел М.М.Литвинов, выступая на февральско-мартовском пленуме ЦК 1937 г. высоко оценил внешнеполитическую информацию, которую НКВД поставлял руководству НКВД¹⁰², то другой нарком, Н.Г.Кузнецов, применительно к событиям 1939 г. вспоминал, что «наступление наших войск на Польшу и переход границы после нападения немцев на Польшу в сентябре 1939 года произошли даже без извещения меня об этом... Я с возмущением заявил об этом Молотову, сказав, что если мне не доверяют, то я не могу быть на этой должности. Он в ответ предложил мне читать сообщения ТАСС, которые приказал посылать мне с этого дня. Но разве это дело — наркому Военно-Морского Флота узнавать о крупных военных и политических (особенно военных) событиях, которые его касаются, из иностранных источников?!»¹⁰³.

Впрочем, и те члены Политбюро, которые входили в пресловутую «пятерку», имели весьма приблизительные представления о Западе. В свое время Чичерин предлагал Сталину: «как хорошо бы было, если бы Вы, товарищ Сталин, изменив наружность, поехали на некоторое время за границу с переводчиком настоящим, не тенденциозным. Вы бы увидели действительность»¹⁰⁴. Сталин, как известно, тогда за границу не поехал.

Как вспоминал Хрущев, к моменту смерти Сталина из высшего руководства «только Молотов был приобщен к кон-

тактам с представителями капиталистических государств»¹⁰⁵. Но в 30-е гг. и Молотов, бывший с 1930 г. Председателем Совнаркома, а с 1939 г. — наркомом иностранных дел, не был знатоком Запада. Напротив, как писал в Берлин весной 1940 г. немецкий посол фон Шуленбург, «Молотов, который пока никогда не был за границей, испытывает большие затруднения при общении с иностранцами»¹⁰⁶.

Постепенно представления о Западе, в том числе и у наиболее информированной части советской политической элиты, становились все более далекими от реальности. Любые сообщения иностранной прессы, почерпнутые в основном из специально подготовленных обзоров и сводок «для служебного пользования», воспринимались через призму господствующих стереотипов. Так, в черновых записях А.С.Щербакова, относящихся к началу 1930-х гг, так характеризуется ситуация в Великобритании: «Предстоит суровая зима. Бандитизм, грабежи увеличиваются. Расправа английских полисменов при помощи английских дубинок будет расти, потому что люди не хотят спокойно умирать с голоду среди роскоши и богатства. Но самое тяжелое будущее ждет молодежь, которая все глубже и глубже опускается на дно нищеты...»¹⁰⁷. Впрочем, и сами эти обзоры заставляли желать лучшего; так, в закрытых (они готовились ежедневно в количестве всего 24 экз.) информационных сводках Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС), в частности, за май-июнь 1935 г., основное место занимали краткие пересказы сообщений западной печати о различных проявлениях «кризиса капитализма» и нарастании революционных настроений, а также об успехах советской культуры. Лишь изредка встречались нейтральные сообщения о новостях культурной жизни. Никаких материалов, существенно дополнявших сообщения советской прессы или критически оценивавших советскую действительность, в данных сводках не было¹⁰⁸.

Даже личные впечатления подвергались воздействию уже усвоенных стереотипов. Тот же Щербаков, возглавлявший в качестве секретаря Союза писателей советскую делегацию на Международном писательском конгрессе в 1935 г., в своих заметках подчеркивал одно и то же — «Ни одного трактора и автомобиля на дорогах Польши... Вена умирающий город...

Вена — как паук сосет соки маленькой страны и все же не хватает. И Вена теряет свое прошлое величие, увядает и умирает... Дух революции не убит, мы его чувствовали на каждом шагу... Эти люди [*безработные в Вене — авт.*] озлоблены... они ждут не дождутся подходящего случая взяться за оружие»¹⁰⁹. В черновых, не предназначенных для печати, записях видного советского дипломата, председателя Всесоюзного общества культурной связи с заграницей А.Я.Аросева о поездке в Англию в том же году можно найти утверждение, что положение рабочих там ужаснее, чем во времена Энгельса¹¹⁰. А ведь в 1935 г. международный экономический кризис был уже позади, начинался постепенный подъем экономики ведущих стран Запада, стабилизировалась социально-политическая ситуация.

Конечно, мифологизацию внешнеполитических представлений советской политической элиты не стоит преувеличивать. Так, несмотря на заверения советской пропаганды о приближающейся победе революции в странах Запада, охваченных тяжелым кризисом, советское руководство все более испытывало скептицизм относительно ее ближайших перспектив.

Еще в 1932 г. М.И.Калинин оптимистично утверждал: «Стабилизация [*капитализма — авт.*] оказалась короче, чем можно было ожидать: накопление революционной энергии идет бешеным темпом и события как разбушевавшаяся волна вновь одно набегают на другое»¹¹¹. Однако в марте 1934 г. тот же Калинин, выступая перед делегацией иностранных рабочих, заявил буквально следующее: «Можете рассказать и то, что я вам сейчас рассказал открыто перед всеми. Калинин сказал, что им [*пролетариям Запада — авт.*] не хочется ставить свои головы на баррикады, им хочется миром завоевать власть, как-нибудь обойти буржуазию»¹¹².

В ожидании задерживающейся мировой революции приходилось сосредоточиться на внутренних проблемах. Но в этой ситуации будущая война оказывалась уже не потенциальной возможностью для расширения революции, а реальной опасностью для режима. Уже в июле 1930 г., во время встречи с делегацией трудящихся г.Луганска, К.Е.Ворошилов говорил: «Наше правительство и партия считают, что войну нам начинать в настоящий момент, и нам именно начинать —

совершенно невозможно. Это было бы, во-первых, нарушением всей нашей принципиальной установки в отношении наших международных дел, с одной стороны, а с другой стороны это было бы незаслуженным подарком для капиталистов... Если война сочинится большая, тогда вообще наша пятилетка полетит вверх тормашками и, кроме того, мы можем развязать руки тем силам, которые стремятся войну организовать и которых мы парализовали на протяжении многих лет»¹¹³.

Подобных высказываний можно привести много. Конечно, их можно расценивать как обычную пропаганду, но, судя по всему, опасения, что «пятилетка полетит вверх тормашками», да и сам советский режим в результате войны может пасть, были достаточно искренними. В «сводках о настроениях» конца 1920-х гг. постоянно отмечались распространенные высказывания типа «Ничего не пожалею, последнюю корову отдам, лишь бы уничтожить эту проклятую власть... Мы дождемся того момента, когда будет война и когда дадут нам в руки винтовки, тогда власть будет в наших руках»¹¹⁴. Очевидной была и военная слабость СССР.

По воспоминаниям Кагановича, никто иной как Сталин внес в резолюцию объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) в октябре 1927 г. «О директивах по составлению пятилетнего плана» следующий пункт: «Учитывая возможность военного нападения со стороны капиталистических государств на пролетарское государство, необходимо при разработке пятилетнего плана уделить максимальное внимание быстрейшему развитию тех отраслей народного хозяйства вообще и промышленности в частности, на которые выпадает главная роль в деле обеспечения обороны и хозяйственной устойчивости страны в военное время»¹¹⁵.

Опасность войны подчеркивалась постоянно. В черновых тезисах М.И.Калинина о международном положении в 1928 г. содержится любопытная фраза: «Вслед за моральной изоляцией идет подготовка [*далее зачеркнуто «к прямой войне» — авт.*] если не к прямой войне, то по крайней мере к экономической блокаде»¹¹⁶. В апреле 1930 г. в беседе с выпускниками военно-политической академии К.Е.Ворошилов заявлял: «Международное положение в настоящий момент. Характеризуется прежде всего тем, что война, которую мы с вами

давно ожидали, о которой говорили, долго говорили, она теперь в воздухе носится; она сейчас больше, чем когда-либо вероятно... События меняются так быстро, атмосфера так накалена, «моральная», так называемая, подготовка мировой буржуазии в буквальном смысле этого слова проведена уже так серьезно и основательно... Не исключена возможность, что против нас выступят в любой момент»¹¹⁷.

Иногда начало будущей войны рисовалось советским лидерам во всех подробностях. В черновых записях С.М.Кирова, посвященных процессу «Промпартии», содержится следующее утверждение: «30 год. Интервенция должна была начаться выступлением Румынии под предлогом придирки, например, к пограничному инциденту с последующим формальным объявлением войны Польшей и выступлением лимитрофов... Англия должна была поддержать интервенцию своим флотом: а) на Черном море, имея целью отрезать кавказ[ские] нефтяные месторождения и б) в Финском заливе в операциях против Ленинграда»¹¹⁸.

Пожалуй, говоря о менталитете советского руководства тех лет, трудно найти более удачную формулировку, чем та, что содержится в одном из неопубликованных выступлений М.И.Калинина в ноябре 1934 г.: «Вот, товарищи, зарубите себе на носу, что пролетарии Советского Союза находятся в осажденной крепости, а в соответствии с этим и режим Советского Союза должен соответствовать крепостному режиму»¹¹⁹.

Убеждение советских лидеров в реальности военной угрозы воспринималось и прочно усваивалось молодым поколением советской политической элиты. О живучести этих стереотипов говорит следующий факт — Б.Н.Пономарев, бывший секретарь ЦК, кандидат в члены Политбюро с 1972 по 1986 г., который в 30-е годы учился и работал в Институте красной профессуры, а с 1937 г. в Коминтерне, на научной конференции, посвященной международным отношениям в годы второй мировой войны, *в феврале 1995 г.*, заявил буквально следующее: «Опасность войны не снята и на Западе есть силы, которые не могут смириться с существованием такой свободной и независимой страны как наша»¹²⁰.

Вместе с тем к середине 1930-х гг. советское руководство, в отличие от широких масс населения, уже отказалось от

иллюзий относительно поддержки западного пролетариата в случае войны против СССР, и это лишь усиливало их опасения относительно будущей войны.

Если в 1930 г., в обстановке мирового экономического кризиса С.М.Киров записывал: «Союзники наши вне СССР с каждым днем увеличиваются ибо видят пример и выход в социалистической революции»¹²¹, то уже в 1933 г. в черновых записях М.И.Калинина содержится следующее любопытное признание: «пролетарии Запада нас поддерживают, но слабо»¹²². Он же, выступая перед членами иностранных рабочих делегаций, прибывших в Москву на празднование 1 мая 1934 г., заявил: «Мы каждый день ждем нападения от буржуазии, в первую очередь английской, мы не уверены, что английский пролетариат наденет намордник на буржуазию»¹²³. Еще более откровенно он высказался на подобной встрече в ноябре того же года: «Товарищи, я не знаю, ведь вы же разумные люди, ведь вы же должны понять, что против Советского Союза ошетинился весь буржуазный мир... Ведь мы же не можем надеяться, что вы нас поддержите. Что вы нам сочувствуете, что вы, так сказать, морально будете поддерживать — в этом я не сомневаюсь, но ведь ваше моральное сочувствие имеет очень малое значение...»¹²⁴.

Необходимо отметить, что и Калинин, и многие другие представители советского высшего руководства, даже после прихода к власти в Германии Гитлера, видели основного противника именно в Англии.

Вообще Англия занимала особое место в представлениях о мире большинства сталинского руководства. Она, как правило, упоминалась чаще других европейских государств. На декабрьском пленуме ЦК 1936 г. Сталин подчеркивал, что оппозиция планировала «восстановить частную инициативу в промышленности и открыть ворота иностранному капиталу, особенно английскому»¹²⁵. Характерна оговорка, которую сделал на том же пленуме нарком внутренних дел Н.И.Ежов, говоря о связях Каменева с французским послом: «они пытались вести переговоры с английскими [имелось в виду «французскими» — авт.] правительственными кругами»¹²⁶. Председатель Совнаркома В.М.Молотов в 1935 г. заявил

Ф.Ф.Раскольникову «твердым, не допускающим возражения тоном»: «Наш главный враг — Англия»¹²⁷.

Другими словами для большинства советских лидеров Англия в 20-30-е гг. играла примерно ту же роль, что США после второй мировой войны. Известно высказывание Сталина в марте 1935 г. в беседе с лордом-хранителем печати А.Иденем о том, что если бы «этот маленький остров сказал Германии: не дам тебе ни денег, ни сырья, ни металла — мир в Европе был бы обеспечен»¹²⁸. По мнению Калинина, высказанному им в ноябре 1936 г., Англии достаточно было «шевелнуть пальцем сочувствия» республиканской Испании, как положение там изменилось бы к лучшему¹²⁹.

Подобное отношение к Англии было, с одной стороны, традиционным. В течение XIX в. в русском общественном сознании образ «туманного Альбиона» постепенно трансформировался в образ «коварного Альбиона» (этот процесс прослеживает, в частности, Н.А.Ерофеев¹³⁰). О том, что Англия является не только сильнейшей мировой державой, но и главным, извечным врагом России, можно было прочитать в статьях К.П.Победоносцева, мемуарах С.Ю.Витте и А.П.Извольского¹³¹. О том же неоднократно упоминал В.И.Ленин. Опыт первых лет Советской власти, особенно гражданской войны, окончательно убедил советское руководство в том, что Англия является их главным противником на международной арене. Эти представления, о которых подробнее говорилось в предыдущем разделе, в полной мере перешли и в 30-е гг. Впрочем, наиболее откровенно и явно антианглийские настроения проявлялись в высказываниях советского руководства уже в первые годы второй мировой войны, в 1939-41 гг.¹³²

В воспоминаниях советских деятелей, относящихся уже к послевоенному времени, постоянно подчеркивалось ощущение фашистской угрозы во второй половине 30-х гг. Как писал известный авиаконструктор А.С.Яковлев, «Мы всегда чувствовали, что наиболее возможным противником в будущей войне окажется гитлеровская Германия»¹³³. Подобные высказывания встречаются и у Кагановича: «Вопрос состоит в том, что мы все были под властью идей наступления на Советскую власть. **Фашизм** наступает. **Фашизм** ведет антикоммунистическую линию. Еще были во власти того, что

борьба идет внутри страны, и борьба эта может кончиться восстанием, гражданской войной. Так оно и было бы. Так и было бы. И **фашизм** победил бы наверняка, потому что раскол внесла бы гражданская война [*курсив мой — авт.*]»¹³⁴. Однако здесь мы, повидимому, имеем дело с сознательной или невольной аберрацией памяти; судя по всему, ближе к истине советский разведчик Л.Трепшер, который приводит в своих воспоминаниях следующее высказывание начальника Главного разведывательного управления РККА в 1924-1938 гг. Я.К.Берзина: «Здесь все время рассуждают о нацистской угрозе, но представляют ее себе как нечто весьма отдаленное»¹³⁵.

Если внимательно изучить выступления, статьи, беседы, черновые записи советских лидеров того времени, складывается впечатление, что чем больше внимания уделяли они политике Англии, ее роли в подготовке войны против СССР, чем сильнее проявлялась их склонность видеть «руку Лондона» во всех мировых и европейских кризисах, тем равнодушнее они относились к фашистской опасности, зачастую (до 1933 г.) просто не упоминая о ней, а после 1933 г., даже говоря об агрессивной политике Гитлера, по-прежнему особо выделяли позицию Англии. Так, председатель ВЦСПС Н.М.Шверник, выступая на пленуме Исполнительного комитета международного движения за мир в марте 1938 г. заявил: «При прямом попустительстве ряда правительств демократических государств, являющихся членами Лиги Наций и даже **при непосредственной поддержке британского правительства** [*курсив мой — авт.*], на глазах всего цивилизованного человечества германские, итальянские и японские захватчики совершают злодейские дела»¹³⁶. Текст этого выступления был позднее собственноручно исправлен и рекомендован к печати секретарем ЦК А.А.Ждановым. Еще более афористично выразил подобную мысль в мае 1936 г. М.И.Калинин: «Сила фашизма не в Берлине, сила фашизма не в Риме, сила фашизма в Лондоне и даже не в самом Лондоне, а в пяти лондонских банках»¹³⁷.

С другой стороны, те советские лидеры, кто не склонен был особо подчеркивать негативную роль Англии, оказались более восприимчивы к угрозе фашизма. Пример — С.М.Киров, в речах и выступлениях которого в 1930-1934 гг. Англия

(в различном контексте) упоминается гораздо реже, чем США или даже Франция. Зато еще в июле 1930 г. в речи, посвященной итогам XVI съезда ВКП(б), он утверждал: «...накануне фашистского переворота Германия, фактически уже попавшая под фашистскую диктатуру в последнее время»¹³⁸. Конечно, было бы явным преувеличением говорить о наличии фракций в Политбюро или даже различных внешнеполитических ориентациях советских лидеров, но определенные нюансы в их восприятии Запада несомненно существовали.

Массовые репрессии, обрушившиеся на политическую элиту в конце 30-х гг., привели к заметному снижению ее интеллектуального потенциала. Как отмечал в своем дневнике по поводу XVIII съезда партии весной 1939 г. выдающийся русский ученый В.И.Вернадский, «люди думают по трафаретам. Говорят, что нужно. Может быть, цензуровали? — но бездарность и при ее наличии. Это заставляет сомневаться в будущем большевистской партии. Во что она превратится?» И далее: «Резкое падение духовной силы коммунистической партии, ее явно более низкое умственное, моральное и идейное положение в окружающей среде, чем средний уровень моей среды — в ее широком проявлении — создает чувство неуверенности в прочности создавшегося положения»¹³⁹.

Снижение общего уровня советской политической элиты шло параллельно с ростом международной напряженности. Не соответствующие реальности внешнеполитические стереотипы, сформировавшиеся в конце 20-х — 30-е гг., в полной мере проявили себя в кризисной ситуации 1939-1941 гг. и стали одной из важных причин внешнеполитических просчетов советского руководства.

В некотором отношении интеллектуальная элита находилась, с точки зрения доступа к информации, даже в лучшем положении, чем политическая. Играло роль знание языков, позволявшее читать иностранную прессу и слушать радио. Так, в дневниках академика В.И.Вернадского постоянно содержатся упоминания о прочитанных им материалах западной прессы. «Получая каждый день кучу иностранных газет (а владею английским, немецким и французским, начал изучать испанский и итальянский), ясно вижу, как обостряется международная обстановка», — записывал в своем дневнике

«красный профессор» А.Г.Соловьев, представитель уже нового поколения интеллектуальной элиты, работавший в 30-х гг. в Институте мирового хозяйства и мировой политики¹⁴⁰.

Важное значение имела и привычка к аналитическому мышлению, тем более что значительную часть интеллектуальной элиты составляли представители старой интеллигенции, имевшие, как правило, солидное образование, большой запас знаний, представлений, внешнеполитических стереотипов, проверенных в свое время и личным опытом. Конечно, постепенно эти знания и представления устаревали, теряли связь с реальностью, а новая информация не всегда была адекватной.

Наконец, виднейшие представители интеллектуальной элиты в точном смысле этого слова сохраняли высокий уровень независимости мышления, ясный и критический взгляд на мир, свободный (или почти свободный) от воздействия официальной пропаганды. Академик И.П.Павлов, например, в 1934 г. писал председателю Совнаркома В.М.Молотову: «Вы сеете по культурному миру не революции, а с огромным успехом фашизм»¹⁴¹.

И все же идеи научного и справедливого переустройства общества не могли не иметь определенной привлекательности в глазах интеллигенции, даже критически относящейся к советской реальности или политике. В том же письме Молотову И.П.Павлов предсказывал, что «могучий англосаксонский отдел», то есть США и Англия, «воплотит-таки в жизнь *ядро социализма* [*курсив мой — авт.*]: лозунг — труд как первую обязанность и главное достоинство человека и как основу человеческих отношений, обеспечивающую соответствующее существование каждого, — и достигнет этого с сохранением всех дорогих, стоивших больших жертв и большого времени, приобретений культурного человечества»¹⁴².

Выше цитировались критические оценки, содержащиеся в дневнике В.И.Вернадского. Но и он, анализируя происходящее, приходил к выводу, что «идейно и Франция, и Англия также мало выражают демократию, как и СССР, и, может быть, до известной степени Германия... Свободы мысли и личности больше у западных демократий — но социалистическое (и анархическое) отрицание правильности соб-

ственности на орудия производства не может быть отрицаемо в реальной демократии»¹⁴³. Р.Куллэ, впоследствии репрессированный, записал в дневнике в июне 1932 г.: «Если сопоставить то, чего *хотят* большевики, с тем, чего хотят идеологи буржуазного мира, и особенно белоэмиграция, то двух мнений быть не может относительно исторического оправдания большевиков...» (Впрочем, далее Куллэ добавляет, что «в действительности у наших насильников все выходит гораздо хуже, вульгарнее, циничнее и грубее, чем у буржуазных жандармов»)¹⁴⁴.

Подобные высказывания в определенной мере подкреплялись реальностью. 30-е годы были не лучшими для стран Запада; заметно ухудшилось положение интеллигенции или, используя западный термин, «лиц свободных профессий». В сложном положении оказалась наука. А.Я.Аросев, посетивший Англию одновременно с академиком И.П.Павловым, писал, что на последнего произвела большое впечатление безработица среди английских ученых¹⁴⁵. Нельзя не отметить, что исследования самого Павлова в СССР получали приоритетное финансирование.

Если даже такой представитель старой интеллигенции как Вернадский, в свое время видный деятель кадетской партии и член Государственного совета в 1906-1911 гг., осознавая наличие в СССР «полицейского режима и террора», одновременно подчеркивал, что «в идеологии положительное здесь», что в «демократиях оно [*т.е. положительное — авт.*] проявляется не в тех группах, которые ведут и делают политику»¹⁴⁶, то в еще большей степени подобные взгляды были характерны для нового поколения интеллектуальной элиты, сформировавшегося уже после революции. С самого начала их сознание было мифологизированным, образование догматическим и односторонним. Конечно, постепенно многие из них смогли преодолеть наиболее неадекватные стереотипы, хотя бы в области, связанной с их профессиональными интересами, но на это потребовалось длительное время.

В качестве примера можно привести известного советского писателя Вс.В.Вишневского. Он, как и Вернадский, имел возможность регулярно читать иностранную прессу и слушать радио, в его записных книжках содержатся многочис-

ленные рассуждения о международной ситуации и перспективах ее развития. Порой Вишневский приходит к интересным и неожиданным выводам, но характерно для него и иное. «Все время читаю иностранную прессу, книги о Европе. Хочется как можно глубже войти в суть европ[ейской] войны, разобраться в шансах сторон, наметить возможные варианты». И тут же: «Курс ВКП(б) на стр.317 дает освещение причин войны... Насильственные захваты указаны в Курсе ВКП(б)... Последние речи Молотова в новой обстановке, после изучения ряда документов и пр., дают указания на встречную агрессию со стороны Англии и Франции. Война эта — схватка главных конкурирующих мировых держав...» (запись от 4 апреля 1940 г.)¹⁴⁷.

Как уже отмечалось, для мифологизированного сознания вообще характерен глобальный взгляд на мир. Вот как видит ближайшее будущее Вишневский: «Классический мир «демократий» безусловно разрушается. Может быть, так и нужно: соединяются, централизуясь, огромные коллективы наций, размалывая «феодальное» дробление на мелкие страны. Еще шаг, останется 4-5 главнейших систем, еще шаг и в новых великих битвах исчезнут две, три; еще шаг (век, два) и мир станет универсальной организацией». С этой точки зрения гибель 10 млн. людей в первой мировой войне для Вишневского «ничтожная плата за сдвиги, за прогресс, за уничтожение неск[ольких] империй, за Октябрь, за прояснение сознания у народа» (запись от 17 апреля 1940 г.)¹⁴⁸.

Было бы упрощением сводить подобное восприятие мира к результатам воздействия марксистской идеологии. Конечно, она приучала мыслить «глобально», «всемирно-исторически», но приведенные рассуждения находятся, скорее, в русле своеобразной утопической геополитики. Сам Вишневский пишет об этом так: «Конечно, нам только кажется, что идет борьба классов. Идет и общечеловеческая сложная эволюция: это механизация, централизация общества, атеизация и пр. Мы хотим добиться решения гл[авных] проблем по своему образцу» (запись от 30 апреля 1940 г.)¹⁴⁹.

Представители и старого, и нового поколения интеллектуальной элиты сходились во взглядах там, где речь шла о государственных интересах России (СССР). Так, присоеди-

нение западных областей Украины и Белоруссии в 1939 г. одни рассматривали как возможность распространения социализма на новые территории, другие же — как восстановление законных границ и интересов России. В.И.Вернадский, в частности, записывал в октябре 1939 г.: «...политика Сталина-Молотова реальная, и мне кажется правильной государственно русской»¹⁵⁰.

Другой объединяющей темой была, несомненно, антифашистская, и в меньшей степени антинемецкая. Жива еще была память о первой мировой войне, о германской интервенции 1918 г. Даже те, кто не являлся сторонником сталинской системы, рассматривали ее как меньшее зло по сравнению с гитлеровской. Это было характерно для значительной части западной элиты, это было характерно и для советского общества. Политическое руководство учитывало и использовало эти настроения; так, Н.И.Бухарин в заявлении для участников февральско-мартовского Пленума ЦК 1937 г. подчеркивал, что он «в свое время (говоря с глазу на глаз) сагитировал академика Ивана Петровича Павлова прежде всего на нашей внешней политике (и в значительной степени на антифашистских антигерманских тонах)»¹⁵¹.

Вопрос о существовании в СССР 1930-х гг. «общественного мнения» — вопрос по меньшей мере дискуссионный. Правда, советское руководство, Сталин, в частности, любило порой сослаться на него в ходе международных переговоров, но, тем не менее, правильнее было бы говорить не об «общественном мнении», которое не могло сформироваться там, где не было условий для свободной дискуссии хотя бы в ограниченных рамках, а в лучшем случае об «общественных настроениях». И все же общественность не могла не реагировать на происходящее в мире.

Слой «общественности», включавший в себя и большую часть интеллигенции, лишенной доступа к альтернативным источникам информации, и слой низших партийных функционеров, и различного рода «актив», служили своеобразным связующим звеном между политическим руководством и массами, инструментом «массовой мобилизации». Уровень подготовки большинства представителей данной страты был невысок. Так, по данным Всесоюзной переписи населения

1939 г., среди руководителей районного и городского звена высшее образование имели 4%, а среднее 42,3%; среди различных категорий интеллигенции высшее образование имели от 15,4% (писатели, журналисты, редакторы) до 5,1% («прочие работники искусства»). Особняком стояли научные работники и преподаватели вузов, среди которых высшее образование имели 84,2%. Зато выделялась категория «пропагандистов», в которой среднее образование имели 49%, а высшее — 7,8%¹⁵².

Как правило, основной вклад этой страты в формирование представлений о внешнем мире заключался в дальнейшем упрощении и без того уже упрощенных стереотипов. Хорошим примером могут служить выступления на I съезде колхозников в феврале 1933 г.

Бригадир из белорусского колхоза А.Л.Цвирко, в частности, говорил о жизни населения Западной Белоруссии: «эти наши братья находятся совсем в другой стране, они поработаны и если они позволяют себе сказать о том, что им хочется жить так же, как живут их братья в Советском Союзе — их за это сажают в тюрьмы. Они не имеют на что купить фунт хлеба...»¹⁵³,

Еще более показательное выступление И.А.Усманова из татарского колхоза. Он рассказал о письме, полученном колхозниками из Америки, от американских рабочих, которые жаловались на то, что «их выселяют из квартир, что у них миллионы безработных и сотни тысяч людей голодают»¹⁵⁴. Любопытно, что сам Усманов не знал не только английского, но и русского языка (выступал с помощью переводчика).

Именно представители данного социального слоя на бесчисленных митингах и собраниях составляли стандартные резолюции на международные темы, которые оказывались так разительно схожи в разных частях страны¹⁵⁵. Рядовые пропагандисты являлись опорой развернутой пропагандистской машины. Примером такого пропагандиста являлся школьник Б.Морозов, который в начале 1941 г. писал А.И.Микояну, что «рассказывал неграмотным соседям о международном положении нашей страны, о войне в Абиссинии, Испании, Китае и Хасане, конфликте в районе озера Буир-Нур в МНР, об англо-франко-советских переговорах,

договоре о ненападении с Германией, о пактах взаимопомощи с Прибалтийскими странами, о II мировой войне и вообще об империалистических войнах...»¹⁵⁶. И слушатели, которые по своему социальному статусу и образу жизни мало отличались от этого слоя, в первую очередь у него и заимствовали большую часть своих внешнеполитических представлений.

Одним из самых распространенных стереотипов было представление о «враждебном капиталистическом окружении». Как вспоминал К.М.Симонов, «мы были предвоенным поколением, мы знали, что предстоит война. Сначала она рисовалась как война вообще с капиталистическим миром — в какой форме, в какой коалиции, трудно было предсказать; нам угрожали даже непосредственные соседи...»¹⁵⁷. Известный британский славист Б.Пэрс, побывавший в СССР в 1935 г., записал высказывание случайного собеседника: «Я прошел две войны, — сказал мне старый солдат, — и теперь придется пройти еще одну; конечно, это будет Германия и Япония и, возможно, Польша, и, я бы сказал, очень вероятно, что Италия тоже...»¹⁵⁸. Представление о постоянной внешней угрозе порой трансформировалось в своеобразную ксенофобию. Тот же Симонов в поэме «Ледовое побоище», написанной в 1937 и опубликованной в начале 1938 г., так (устаами Александра Невского) сформулировал отношение к иностранцам (в данном случае немцам):

*Они влезают к нам под кровлю,
За каждым прячутся кустом,
Где не с мечами — там с торговлей,
Где не с торговлей — там с крестом*¹⁵⁹.

Крайней формой ксенофобии была шпиномания, свойственная отнюдь не только «обывателям». Например, сотрудник НКВД, наблюдавший за работниками Коминтерна и иностранными коммунистами, захваченный немцами в плен в 1941 г., был убежден в существовании всеобъемлющего заговора и доказывал изумленным офицерам абвера, что значительное число видных деятелей советского режима были немецкими агентами¹⁶⁰.

Постоянно фиксировались преувеличенные представления о масштабе революционных настроений, остроте соци-

ально-экономического кризиса в капиталистических странах¹⁶¹. Иностранцы, посещавшие Советский Союз, особенно глубинные районы, порой, независимо от их взглядов, социальной и партийной принадлежности, автоматически воспринимались не только как друзья СССР, но и как революционеры. Так, членов делегации, посетившей в 1930 г. адыгейский колхоз, приняли в его почетные члены, и заверили, что «в любой переключке мы первыми назовем ваши имена и скажем, что вы откомандированы нашим колхозом в европейские и американские страны на революционную работу»¹⁶².

Часто даже личное (пусть и поверхностное) знакомство с жизнью Запада не влияло на эти представления. Например, по свидетельству английского журналиста и политического деятеля Э.Хьюза, во время его поездки в СССР в 1930 г. у команды парохода «Сибиряков», который курсировал между Лондоном и Ленинградом, поддержка русской революции «соединялась с полным незнанием того, что происходило тогда в Англии и Западной Европе»¹⁶³.

Порой особенности советского быта как бы проецировались на жизнь других стран. Так, немецкому журналисту А.Кестлеру во время его пребывания в Москве задали вопрос: «Когда вы ушли из буржуазной прессы, отобрали ли у вас продуктовую карточку и выселили ли вас из вашей комнаты?» Были и другие вопросы, в частности, «сколько в среднем французских рабочих семей погибает ежедневно от голода а) в сельской местности и б) в городах?»¹⁶⁴.

Наряду с этим сохранялись и противоположные, столь же упрощенные стереотипы — представление о Западе как о счастливом, богатом мире, где решены (или вскоре будут решены) все проблемы. Этот позитивный образ существовал в разных слоях общества. Временами, когда большие массы людей оказывались за пределами страны, он получал реальное подтверждение — это произошло во время заграничного похода русской армии в 1813 г., в годы первой, а затем второй мировой войны.

Сохранялись устойчивые стереотипы о высоком уровне жизни на Западе. Например, в сентябре 1935 г. некий советский инженер в беседе с иностранным корреспондентом (по свидетельству переводчика ВОКС) доказывал, что «за грани-

цей, очевидно, очень хорошо живется и все баснословно дешеве, т.к. наши русские, едущие туда в командировку и приезжающие обратно, все прекрасно одеты и даже привозят с собой велосипед и патефон!»¹⁶⁵. О том, что отношение многих к США было позитивным и граничило с восхищением, ссылаясь на личные впечатления, писал Ф. Баргхорн, работавший в те годы в посольстве США в СССР¹⁶⁶. Но этот позитивный образ Запада тускнел и терял свою притягательность, по крайней мере, в предвоенные годы, по мере воздействия пропаганды, стабилизации внутреннего положения и относительного роста уровня жизни, наконец, просто смены поколений.

Подавляющее большинство населения страны принимало чисто пассивное участие в формировании внешнеполитических стереотипов — за ними, в сущности, оставалось лишь неосознанное право выбора между различными мифологемами. Одни из них прочно укоренялись в массовом сознании, другие не оказывали на него никакого (или почти никакого) воздействия. Значительная часть населения имела о внешнем мире лишь самое отдаленное представление. Не лишне напомнить, что к 1939 г. грамотных в стране было 81,2%, лиц со средним образованием — 7,8%, с высшим — 0,6%¹⁶⁷. Вместе с тем многие источники отмечали даже в самых глухих деревнях реальный, хотя зачастую неудовлетворенный, интерес к международным событиям¹⁶⁸.

Усилия режима по политизации и просвещению масс приносили свои плоды, но, как говорил в 1936 г. командующий Белорусским военным округом И.П. Уборевич, значительную часть новобранцев последнего призыва составляли люди, «которые не знают, кто такой Сталин, кто такой Гитлер, где Запад, где Восток, что такое социализм»¹⁶⁹. Впрочем, армия сама по себе становилась важным каналом политического образования. Это касалось и представлений о внешнем мире. Как писал в 1931 г. после посещения Перекопской дивизии Матэ Залка, чуть ли не ежедневно проходили «после отбоя и ужина — митинги. В резолюции говорится о восьми неграх, о казненном секретаре Китайской компартии, о запрещенных спартакиадах в Германии, об успехах Красной армии Китая и об испанской революции...»¹⁷⁰.

Подводя итоги, можно заметить, что на данном этапе речь может идти лишь об основных тенденциях в формировании внешнеполитических стереотипов. Если в США уже в 1935 г., в Великобритании в 1937-м, во Франции — в 1939-м начали работу институты Гэллапа, проводившие регулярные опросы общественного мнения, в том числе и по вопросам внешней политики, в СССР ничего подобного не было. Сводки «о настроениях», составленные ОГПУ или партийными органами, представляли собой достаточно случайные выборки, не дающие сколько-нибудь убедительной статистики, да и объективность их порой вызывает сомнения. Тем не менее можно прийти к выводу, что в сознании советского общества 30-х гг. складывалась неадекватная в целом картина внешнего мира, в первую очередь Запада. Наиболее заметным искажением являлась распространенная во всех слоях советского общества недооценка уровня западной цивилизации, привлекательности ее ценностей, потенциальной способности капитализма к трансформации. Явно переоценивалась как степень готовности народных масс к революции, так и степень враждебности правящих кругов Запада к СССР.

Одновременно сохраняла свою привлекательность идея технического прогресса по западному образцу. Традиционный для массового сознания негативный образ Запада расслаивается, и из него выделяется актуальная ценность — технология.

Новый, переосмысленный образ технологии выражается в широком спектре явлений культуры, искусства, образа жизни. Детский журнал печатал на обложке фотографии мощных немецких генераторов с указанием их мощности и завода-изготовителя. Массовым тиражом была издана книга И.Ильфа и Е.Петрова «Одноэтажная Америка», снабженная массой фотографий и пронизанная своеобразным технологическим энтузиазмом.

К концу 1930-х годов большинство населения в той или иной степени восприняло стереотипы официальной пропаганды. Как вспоминает Л.К.Шкаренков, служивший в 1940-1941 гг. в РККА, «я был в курсе всех международных событий, давал их оценки, которые вроде бы и самостоятельны, но не расходятся с основными положениями официальной пропаганды»¹⁷¹. О том же писал и В.М.Зензинов, опублико-

вавший в 1944 г. несколько сотен писем, найденных у убитых в Финляндии в 1939-1940 гг. красноармейцев: «Все советское население было искренне убеждено, что нападающей стороной явилась Финляндия, натравленная на Советский Союз империалистическими правительствами Англии и Франции, и что Советский Союз только оборонялся. Так думала Красная Армия и так думало все советское население»¹⁷².

Официальная пропаганда, несомненно, оказывала заметное влияние на массовое сознание, а растущая изоляция общества, все в большей степени сопровождавшаяся ростом подозрительности и шпиономании, сокращала возможности получения объективной информации. Но все же Запад оставался многоликим, причем его разные, иногда прямо противоположные, ипостаси сосуществовали не только в общественном сознании, но и в сознании отдельных людей.

3. Советская военная элита 1920-30-х гг. и Запад

Проблемы, связанные с историей формирования, деятельности, эволюции взглядов советской военной элиты неоднократно привлекали внимание западных исследователей. Достаточно в этой связи вспомнить фундаментальный и ставший классическим научный труд Дж.Эриксона¹⁷³. Однако и эта, и другие работы, посвященные советской военной элите¹⁷⁴, не останавливались специально на ее социально-политической роли. Кроме того авторам приходилось использовать неравноценные по информативности и достоверности источники, что влекло за собой далеко не всегда верные политические и социокультурные характеристики советской военной элиты, ее отдельных представителей, оценку их поведения, деятельности, значимости. Отечественные исследователи практически не уделяли внимания этим вопросам.

Изучение реального отношения советской военной элиты к внешнему миру затруднено тем, что нарастающая, особенно с середины 20-х годов, тенденция к тотальной идеологизации и политизации общественной жизни в СССР быстро сужала возможности для выработки и распространения самостоятельных суждений, в той или иной мере противоречивших официальной политической «генеральной линии».

Для той части советской военной элиты, которая способна была в силу уровня образованности и культуры, происхождения и политической ангажированности обнаруживать собственные мнения и попытки их реализации, а это были, как правило, выходцы из среды старого кадрового офицерского корпуса русской армии, оказавшиеся в Красной Армии, возникла необходимость с особой осторожностью проявлять свои внешнеполитические настроения, симпатии, антипатии и позиции. Поэтому далеко не всегда отношение к «внешнему миру» как таковое встречается в более или менее четких формах, с полной мерой определенности. Чаще всего — это полунамекы, оговорки, своеобразные жесты, нюансы поведения и высказываний и проч., что, с одной стороны, оставляет широкие возможности для толкования, с другой — требует довольно подробно рассматривать исторический контекст событий в целях более ясного и определенного «прочтения» позиции той или иной личности, представляющей советскую военную элиту или ее часть.

После окончания гражданской войны лидерами советской военной элиты считались Л.Троцкий, М.Тухачевский, С.Каменев, С.Буденный, М.Фрунзе, а также И.Уборевич, А.Егоров, А.Брусиллов, Г.Котовский, А.Свечин, Н.Соллогуб, А.Корк, П.Лебедев. Также упоминались имена героев гражданской войны П.Дыбенко, В.Блюхера, В.Примакова, В.Путны, Я.Фабрициуса и др. Энциклопедический словарь «Гранат» в 1927 г. включил в состав «вождей Красной Армии» Л.Троцкого, М.Тухачевского, С.Каменева, М.Фрунзе, И.Вазетиса, П.Дыбенко, Г.Котовского, В.Чапаева (уже покойного), Ф.Раскольниковца, С.Буденного, К.Ворошилова, Н.Муралова, В.Лазаревича, А.Векмана¹⁷⁵.

В состав советской военной элиты необходимо включить и представителей военной профессуры — бывших генералов А.Зайончковского, В.Новицкого, А.Незнамова, К.Величко, А.Верховского и др.

Характерной чертой старого кадрового офицерства была его аполитичность. «Вообще раньше было трудно сказать, каких политических убеждений офицер, — говорил адмирал А.Колчак, — так как такого вопроса до войны просто не существовало. Если бы кто-нибудь из офицеров спросил тог-

да: «К какой партии вы принадлежите?», то вероятно, он ответил бы: «Ни к какой партии не принадлежу и политикой не занимаюсь». Каждый из нас смотрел так, что правительство может быть каким угодно, но что Россия может существовать при любой форме правления»¹⁷⁶. М.Алафузо, в 20-30-е годы занимавший должности начальника штаба различных военных округов и начальника отделов в Генеральном штабе РККА, в 1918 г. бывший в Красной Армии сотрудником штаба армии, рассуждал так: «Работать с красными я пошел не добровольно, а по приказанию начальника Академии Генерального штаба Андогского... «Вам, — говорил он, — слушателям старшего курса академии, необходим стаж работы в крупных штабах. Все равно — у белых или у красных... Не скрою, я сочувствую белым, — говорил М.Алафузо, — но никогда не пойду на подлость. Я не хочу вмешиваться в политику. У нас в штабе поработал совсем немного, а уже чувствую, что становлюсь патриотом армии... Я честный офицер русской армии и верен своему слову, а тем более клятве. Не изменю...»¹⁷⁷. Политически нейтральная позиция военного профессионала была присуща многим представителям советской военной элиты в 1920 — начале 30-х гг. Генерал А.Свечин еще в 1919 г. писал: «Белая, серая или красная армия — это все дело вкусов организаторов вооруженных сил. Красная милиция может быть в такой же степени, как может быть красный хлеб»¹⁷⁸. Известно, что С.Каменев, И.Вацетис, П.Лебедев, А.Корк, Б.Шапошников, А.Свечин, Д.Карбышев, А.Василевский, А.Кук, Н.Петин и многие другие представители советской военной элиты долгое время не являлись членами партии, демонстрируя свой политический индифферентизм.

Для большей части советской военной элиты из числа бывших офицеров была характерна погруженность в профессионально-корпоративную замкнутость, в традиции и привычки (хорошие и дурные), сложившиеся в офицерских кругах с незапамятных времен. Проводившиеся в начале 20-х годов среди командного состава Западного фронта опросы бывших офицеров показали, что очень многие не знали и не читали Конституцию РСФСР. «Нашелся бывший офицер, до службы учащийся, послуживший в свое время у Колчака,

который на вопрос о разнице между белой и красной армиями ответил, что белые носят погоны, а красные — нарукавные знаки»¹⁷⁹. «Очень часто были слышны разговоры о чинопроизводстве, — характеризует современник настроения бывших офицеров, находившихся в штабе Западного фронта, — о том, что можно было бы быть уже поручиком, если бы не помешала революция. Многие командиры Красной Армии упорно делили себя на «павлонов», «александронов», «алексеевцев» и т.д., смотря по училищу, какое пришлось окончить. Даже канты гвардейских полков нашивались на гимнастерках»¹⁸⁰.

Как вспоминал впоследствии А.И.Деникин, «русское кадровое офицерство в большинстве разделяло монархические убеждения»¹⁸¹. В связи с такой оценкой становятся понятны и «откровения» выдающихся командиров Красной Армии, пришедших в ее состав из рядов кадрового офицерства армии царской. «Я был и остался монархистом, — убеждал своего приятеля, известного барона П.Врангеля, генерал С.Одинцов. — Таких, как я, у большевиков сейчас много. По нашему убеждению — исход один — от анархии к монархии... В политике не может быть сантиментальностей и цель оправдывает средства»¹⁸². «Мы убежденные монархисты, — так пересказывал признания командования 1-й Революционной армии, в том числе М.Тухачевского, его приятель и однополчанин капитан лейб-гвардии Семеновского полка барон Б.Энгельгардт, в 1918 г. служивший в штабе М.Тухачевского, — но не восстанем и не будем восставать против Советской власти потому, что раз она держится, значит народ еще недостаточно хочет царя. Социалистов, кричащих об учредительном собрании, мы ненавидим не меньше, чем их ненавидят большевики. Мы не можем их бить самостоятельно, мы будем их уничтожать, помогая большевикам. А там, если судьбе будет угодно, мы с большевиками рассчитаемся»¹⁸³. В этом «откровении» в сущности раскрывается тайна неосознанного полностью и многими идеологически «недопустимого», но внутренне глубоко естественного, органичного и логичного альянса монархистов и большевиков.

Судя по свидетельствам современников, монархистами по своим убеждениям были также В.Альтфатер (Главком Воен-

но-морских сил Советской республики)¹⁸⁴, начальник штаба фронта, комкор Н.Петин¹⁸⁵, профессор, бывший генерал А.Свечин, который в свою очередь полагал, что генерал А.Зайончковский «по методам своего мышления представляет собой реакционера 80-х гг., восьмидесятника с головы до ног, и ни одной крупинки он не уступил ни Октябрьской революции, ни марксизму, ни всему нашему марксистскому окружению»¹⁸⁶.

Что касается другой части советской военной элиты, вышедшей из младших офицеров военного времени, унтер-офицеров, рядовых, из числа революционных деятелей, то после окончания гражданской войны под влиянием превратностей судьбы убеждения многих многократно менялись.

Сравнительно небольшая часть сохранила твердость прежних революционных убеждений с остатками романтизма, например В.Путна, В.Примаков, Д.Шмидт и др. Они были полностью деморализованы после «разгрома троцкизма» в конце 20-х гг.

Многочисленная группа бывших офицеров, преимущественно в младших чинах, примкнула к революции в расчете на быструю военную карьеру. Об одном из них, А.Верховском, так отзывался глава партии октябристов А.Гучков: «Он не был сторонником революции, а был профитером революции. Ему казалось, что можно не мелкий свой карьеризм удовлетворить, а сыграть большую роль. Ему казалось, что если он к этой революционной стихии подойдет, то сумеет ее вовремя захватить и на этой волне продвинуться»¹⁸⁷. Крушение военно-политической карьеры после отставки с поста военного министра Временного правительства, а затем Октябрьская революция, гражданская война, служба в Красной Армии сделали его человеком политически и идеологически совершенно деморализованным, а для советского политического и военного руководства — вульгарно-лояльным и удобным для всевозможных манипуляций. Целый ряд представителей советской военной элиты имел сходную политическую судьбу. В их числе бывшие эсеры, послушно расставшиеся со своей принадлежностью к этой партии, перешедшие к большевикам и к 20-м гг. вполне сложившиеся как «оппортунисты» — И.Белов, Я.Фишман, Ю.Саблин, С.Белицкий, Д.Великанов, Г.Гай, Н.Ефимов, В.Триандофил-

лов, А.Егоров, Р.Эйдеман (эсер-максималист), М.Левандовский (эсер-максималист), И.Грязнов. Характерным представителем этой группы был, как выразился генерал А.Будберг, «штабс-капитан Седякин — из бывших мордобоев сделавшийся в марте [1917 г. — авт.] ярым революционером, а затем перекинувшийся к большевикам»¹⁸⁸. Подобные военачальники были, как правило, политически послушными, памятуя о «пятнах» на их революционной биографии. Вряд ли от них можно было ожидать откровений или неосторожных высказываний в отношении внешнего мира, в коих могли бы проявиться сколько-нибудь отличные от «генеральной линии» мысли, идеи или оценки.

Сравнительно небольшую группу в советской военной элите составили бывшие офицеры, перешедшие в Красную Армию из белых или иных «антисоветских» армий в годы гражданской войны, такие, как Н.Какурин. Естественно, в своем поведении они также вынуждены были демонстрировать и демонстрировали свою политическую лояльность, подчас занимая даже крайне «революционные» позиции по тем или иным вопросам.

Как уже отмечалось, советская военная элита 20-30-х гг. не представляла собой сколько-нибудь однородного целого, и с учетом этого обстоятельства имеет смысл вычленить и рассмотреть определенные группировки внутри самой военной элиты. Естественно начать с той ее части, которая после окончания гражданской войны занимала официально доминирующие позиции: Главком вооруженных сил республики, затем СССР полковник Генштаба С.Каменев, начальник Штаба РККА генерал-майор П.Лебедев, его заместители, начальники основных управлений Штаба РККА полковники Б.Шапошников, В.Гарф, генерал-майор В.Барановский и др.

В военной элите Красной Армии уже в 20-е гг. сложилось широко распространенное мнение, что подлинным лидером был «талантливый, но в тени, начштаба П.П.Лебедев, слышавший «Борисом Годуновым» при Федоре Иоанновиче» — С.Каменеве¹⁸⁹.

Военный профессионал высокого класса, националист по политическому мировоззрению, пришедший в Красную Армию по поручению «правых» для контрреволюционной дея-

тельности, П.Лебедев вскоре втянулся в работу и превратился в добросовестного военного специалиста, полностью порвав со своими прежними единомышленниками. В политических высказываниях был крайне осторожен, придерживался в целом консервативных взглядов, с отголосками старых, еще дореволюционных франкофильских и антантофильских симпатий. Лебедев был откровенным сторонником оборонительной доктрины Красной Армии, и в то же время послушным техническим исполнителем идей и политических решений своего политического руководства, в частности председателя РВСР Л.Троцкого. Некоторые представления о его отношении к внешнему миру дают воспоминания генерала Нокса, относящиеся к 1915 г. Упрекая союзников в том, что они взвалили на Россию основную тяжесть войны, «маленький Лебедев, горячий патриот... бросил следующую фразу: «Из всех союзников России легче всего заключить сепаратный мир. Правда, она при этом может потерять Польшу, но Польша России совсем не нужна. России придется заплатить контрибуцию, но через 20 лет после этого Россия восстановит все свои силы...»¹⁹⁰. Эти мимоходом брошенные соображения делают понятным готовность будущего начальника Штаба РККА служить большевистской власти, и вести деловые переговоры с начальником штаба Рейхсвера генералом фон Хассе в 1921 г. о советско-германском сотрудничестве. Б.Шапошников, с 1919 г. руководивший неоднократно и Оперативным управлением Штаба РККА, и Штабом РККА, и Генеральным Штабом Красной Армии, как и П.Лебедев, был известен своими великодержавными, националистическими убеждениями.

Фигурой, как бы символизирующей и Красную Армию, и ее элиту, и ее гибель в 1936-1938 гг., лидером № 1, был, безусловно, М.Тухачевский. Получив во время своего блестящего марша к Варшаве и катастрофического поражения у ее стен летом 1920 г. общеевропейскую известность, авторитет несомненно талантливого и лучшего «революционного генерала» равно как и сомнительную репутацию «красного Наполеона», М.Тухачевский обрел по разным причинам и мотивам популярность и в среде советской военной элиты,

представители которой, впрочем, подчас полярно-противоположно относились к его личности.

Весьма ценными представляются свидетельства французского лейтенанта Р. Рура (писавшего под псевдонимом П. Фервак) о взглядах на внешний мир подпоручика русской гвардии М. Тухачевского, с которым его свела судьба в интернациональном лагере для военнопленных в крепости Ингольштадт в 1916 г., ибо они дают нам представления о еще незашифрованных семантикой новых социальных, идеологических и политических реалий идейно-культурных позициях Тухачевского. Они, совершенно очевидно, оказались позднее заложенными во внешнеполитические (и вообще политические) настроения, взгляды одного из «вождей Красной Армии». Ситуация своеобразного «диалога культур», в которой невольно оказался военнопленный М. Тухачевский, провоцировала его на «откровения».

Декларируя свою горячую приверженность «языческому, дохристианскому» прошлому России, эпатажируя своих приятелей-французов, М. Тухачевский отвергал христианство¹⁹¹. Цепочка «евреи-христианство-социализм», лежащая, по мнению М. Тухачевского, в основе «западной цивилизации», разрушала, как ему казалось, «коренные» ценности России, спасительно концентрировавшиеся в формуле «деспотического самодержавия»¹⁹². Именно это «разрушительное начало» представлялось гвардии подпоручику сущностью западной цивилизации, зиждившейся на деньгах, капитале. Суть противоречий между Россией и Западом Тухачевский видел в разности фундаментальных цивилизационно-культурных основ: для России — «духовная», религиозно воплощавшаяся в харизматической личности, в «деспоте»; для Запада, «западной цивилизации» — материальные ценности, культ денег. Нижеследующие рассуждения Тухачевского, весьма существенные для понимания его поступков и позиции во время и после революции, демонстрируют его подход к разрешению этого цивилизационно-культурного противоречия.

М. Тухачевский, в частности, утверждал: «Не важно, как мы реализуем наш идеал: пропагандой или оружием! Если Ленин будет способен освободить Россию от хлама старых прерассудков, деевропеизировать ее, я за ним пойду. Но

нужно, чтобы он превратил ее в «чистую доску» и мы свободно устремимся в варварство... Мы встряхнем Россию, как грязный ковер, а затем мы встряхнем весь мир... С марксистскими формулами, перемешанными с перепевами демократии, мы возмутим мир! Права народов находятся в их распоряжении! Вот он, магический ключ, который откроет России ворота Востока и закроет их для англичан... Так и только так мы сможем овладеть Константинополем. Новая религия нам необходима. Между марксизмом и христианством я выбираю марксизм. Под знаменем марксизма мы скорее, чем с нашим крестом, войдем в Византию и вновь освятим Святую Софию»¹⁹³.

В сущности, в этих высказываниях молодого подпоручика отражались и традиционно-великодержавные геополитические настроения, характерные для большей части российского офицерства, и, что важнее, предвосхищали (с учетом юношеского эпатажа) его военно-политические отношения к внешнему миру в 20-30-е гг., получившие свое выражение в формуле «революция извне» или «коммунистический империализм», творцом и разработчиком которых он стал в соответствии с духом эпохи.

«...Главные положения стратегии классовой, т.е. гражданской войны, на которых приходится строить все расчеты, — писал М.Тухачевский в 1920-21 гг., — будут таковы: война может быть окончена лишь с завоеванием всемирной диктатуры пролетариата, так как социалистическому острову мировая буржуазия не даст спокойно существовать... Социалистический остров никогда не будет иметь с буржуазными государствами мирных границ...»¹⁹⁴.

В феврале 1923 г. М.Тухачевский прочитал в Военной академии РККА курс лекций «Поход за Вислу», в котором, делясь своим политическим и военным опытом лета 1920 г., утверждал возможность реализации теории «революции извне». «Наше стремительное наступление, — отмечал М.Тухачевский, — взбудоражило, всколыхнуло всю Европу и загнилотизировало всех и вся, привлекая общие взоры на Восток... Германия революционно клокотала и для окончательной вспышки только ждала соприкосновения с революционным потоком революции. В Англии рабочий класс точно также был охвачен живейшим революционным движением...

Во всех странах Европы положение капитала зашаталось... Нет никакого сомнения, что если бы на Висле мы одержали победу, то революция охватила бы огненным пламенем весь Европейский материк... Революция извне была возможна. Капиталистическая Европа была потрясена до основания, и если бы не наши стратегические ошибки, не наш военный проигрыш, то, быть может, польская кампания явилась бы связующим звеном между революцией Октябрьской и революцией западноевропейской»¹⁹⁵.

Основная роль в развитии мировой революции отводилась Германии. Установка на германо-советское сближение, формирование «модели» будущего «мирового порядка», цивилизационной парадигмы, покоящейся на своеобразном синтезе советско-германских социокультурных и политико-экономических «несущих» элементах этой конструкции предопределила упрочение «оси» геополитической и геостратегической ориентировки СССР и той части военной элиты, которая получила репутацию «бонапартистов».

В этой связи необходимо выяснить, как оценивала Германию советская военная элита, в первую очередь М.Тухачевский. Он пять раз ездил в Германию, многократно встречался с высшими офицерами Рейхсвера, приезжавшими с официальными поручениями в Москву. Таким образом, Тухачевский формировал свои представления о Германии и выработывал отношение к ней на основе личного общения с немцами, преимущественно с офицерами. Его впечатления условно можно разделить на два уровня — эмоционально-личный и деловой.

Характеризуя эмоционально-личные впечатления Тухачевского о немцах и его к ним отношение, следует отметить, что еще в гимназические и юнкерские годы, весьма увлеченный образом М.Скобелева, М.Тухачевский, естественно, воспринял и скобелевскую «германофобию». Неприязненное отношение к немцам и Германии укрепилось под влиянием его пребывания в немецком плену, сломавшем его карьеру в старой армии. Позднее, в частных разговорах (в 1927 г.), М.Тухачевский по-прежнему обнаруживал свою неприязнь к Германии, без тени сомнения утверждая неминуемость столкновения России и Германии примерно к началу 40-х гг.

«Но мы отучим Германию мечтать о нашей земле, — заключал он, — она тогда узнает, что такое Россия»¹⁹⁶.

Докладывая о своих впечатлениях по поводу посещения маневров Рейхсвера осенью 1925 г., М.Тухачевский так характеризовал немецкий офицерский корпус: «Бросается в глаза громадный процент аристократов среди офицеров как строевых, так и генерального штаба... В офицерских кругах бросается в глаза упадок духа... Германские офицеры ничего не читают, кроме уставов»¹⁹⁷. Отмечая, что «германские офицеры, особенно генерального штаба, относятся одобрительно к идее ориентации на СССР», что «немцы старались нам внушить мысль о том, что они считают нас своими неминуемыми союзниками», М.Тухачевский тут же выразил сомнения: «Насколько искренне все это, трудно судить, ввиду того, что на маневрах немцы далеко не все желали нам показать...»¹⁹⁸.

Есть много свидетельств того, что на протяжении многих лет военного сотрудничества между Рейхсвером и Красной Армией отношения между М.Тухачевским и высшими чинами Рейхсвера сохранялись настороженными. Неудивительно, что уже с 1935 г. М.Тухачевский в новой международной ситуации стал одним из тех, кто пытался проводить политику сближения с Францией. К осени 1933 г. сотрудничество Рейхсвера с Красной Армией перестало представляться полезным советскому руководству — не без влияния настроений и позиции М.Тухачевского — и было свернуто.

В то же время на деловом уровне на протяжении 20-х и в начале 30-х гг. Тухачевский пытался осуществлять курс политического сотрудничества и союза с Германией, прекрасно осознавая выгоды и геополитическую обреченность взаимозависимости России и Германии. «...Всегда думайте вот о чем, — говорил М.Тухачевский германскому военному атташе генералу Кестрингу в 1933 г., — вы и мы, Германия и СССР, можем диктовать свои условия всему миру, если мы будем вместе»¹⁹⁹.

Впрочем, среди лидеров Красной Армии были и последовательные германофилы. В письме к своему другу фон Бюлову 17 октября 1931 г. германский посол фон Дирксен сообщал: «Я особенно много беседовал с Тухачевским... Он

далеко не является тем прямолинейным и симпатичным человеком, столь открыто выступавшим в пользу германской ориентации, каковым являлся Уборевич...»²⁰⁰. Итак, «прямолинейный и симпатичный», «выступающий в пользу германской ориентации» Иероним Петрович Уборевич — второй из двух «гениев» Красной Армии 20-30-х гг. Если М.Тухачевский в глазах многих — «элегантный офицер французского генштаба», то И.Уборевич — его противоположность, тип «германского генштабиста»: аккуратный, пунктуальный, корректный, с высокоразвитым профессиональным самосознанием, граничащим с мировоззрением военно-корпоративного свойства.

Отношение И.Уборевича к Германии, Рейхсверу, немцам и их офицерскому корпусу во многом предопределялось его происхождением, воспитанием и духовной ориентацией. И.Уборевич, литовский крестьянин по происхождению, своеобразно проявлявшейся индивидуальностью самостоятельного «хуторянина», получивший техническое образование и артиллерийскую военную специальность в старой армии, воспринимал Германию и Рейхсвер прежде всего с позиций технически ориентированного военного профессионала. Следует также отметить, что М.Тухачевский бывал в Германии многократно, но с кратковременным в ней пребыванием, явно недостаточным ни для проникновения в глубь германского духа и культуры, ни для восприятия немецкого воздействия на себя, а И.Уборевич сравнительно долго там учился (с конца 1927 до начала 1929 г.) Этого времени было вполне достаточно для многостороннего знакомства с Рейхсвером, завязывания знакомств, приятельских отношений, усвоения определенных военно-профессиональных навыков, тем более, что он свободно владел немецким языком, да и по своему национальному менталитету был более близок к немецкой культурной и духовной традиции.

Практика обучения советских военных деятелей в Германии вообще была широко распространена. Так, в 1927-33 гг. через германскую военную академию (в основном старший, третий курс) прошло свыше сотни советских представителей высшего командования. Обзор и анализ их впечатлений позволяют утверждать, что наибольшее влияние на формиро-

вание их представлений о Германии произвела система подготовки личного состава Рейхсвера — офицеров, унтер-офицеров, солдат. В этом, кажется, они усматривали способ воспитания немца вообще, ибо волей-неволей представители советской военной элиты качества немецкого народа рассматривали сквозь призму его военно-профессиональной пригодности.

Почти все побывавшие в Германии и учившиеся там советские командиры, оценивая политические настроения и симпатии офицеров Рейхсвера, в один голос отмечали, что в подавляющем большинстве они ориентируются на правый радикализм фашистского толка и резко отрицательно относятся к социал-демократам. «Политические ориентировки офицеров, это — правее, много правее социал-демократии, — сообщал И.Уборевич в 1929 г. — Основная масса за твердую буржуазную диктатуру, за фашизм... Отношение к социал-демократии в основном ненавистное...»²⁰¹.

Известный пиетет в отношении Рейхсвера в сочетании с особенностями мировоззрения и политических настроений многих представителей советской военной элиты позволяют предполагать терпимость с их стороны к профашистской ориентации рейхсверовских офицеров, особенно в условиях явной дискредитации первоначальных революционно-коммунистических идей даже у тех офицеров Красной Армии, кто их сначала искренне исповедовал.

Кроме И.Уборевича, который среди немецкого генералитета считался самым «большим другом» Рейхсвера и «лучшим учеником», по мнению руководства Рейхсвера и немецких внешнеполитических деятелей, наиболее дружественное отношение к немцам демонстрировали нарком К.Ворошилов и начальник Штаба РККА А.Егоров. Вряд ли это суждение безусловно верно, хотя бы потому, что К.Ворошилов иногда высказывал подозрительность в отношении рейхсверовских генералов, считая, что они «в душе нас ненавидят»²⁰². Часть представителей советской военной элиты, такие как П.Дыбенко, а особенно М.Левандовский, в своих сообщениях из Германии в 1933 г. делали акцент на антисоветской истерии в нацистских органах массовой информации, высказывали сомнения в необходимости обучения у немцев, ссылаясь на

то, что концепции германского Генштаба устарели, что у немцев нет ни мощных бронетанковых войск, ни многочисленной авиации и в этом плане советский генералитет сам может их многому научить²⁰³.

Анализируя отношение советской военной элиты к Германии, следует остановить внимание на еще одном аспекте, влиявшем на эти отношения: взаимоотношения СССР и Польши.

Итоги советско-польской войны 1920 г. и задачи «германской революции» 1923 г. обнаружили и обусловили одну из главных проблем, лишь при успешном разрешении которой могла бы быть возможна победоносная «германская революция» и реализация «революции извне». «Главнейшим врагом германской революции окажется Польша», — утверждалось в тезисах Г.Зиновьева осенью 1923 г.²⁰⁴ «Революция в Германии и наша помощь немцам продовольствием, оружием, людьми и пр., — считал в августе 1923 г. И.Сталин, выражая мнение высшего политического руководства СССР, — означает войну России с Польшей, а может быть и с другими лимитрофами, ибо ясно, что без победоносной войны, по крайней мере с Польшей, нам не удастся не только подвозить продукты, но и сохранить связи с Германием... Дело будет идти в конце концов о существовании Советской федерации и о судьбах мировой революции в ближайший период»²⁰⁵. Итак, одним из кардинальных аспектов советской внешней политики, а значит и отношения советской военной элиты к внешнему миру, в контексте перспектив германской революции, отношений СССР и Германии, оказывалась война СССР с Польшей. Антипольские настроения и вообще моральная готовность к войне против лимитрофов стимулировались наличием в составе советской военной элиты, особенно в 20-начале 30-х гг., значительного процента лиц прибалтийско-польского (И.Уборевич, В.Путна, Р.Эйдеман, И.Вацетис, Я.Фабрициус, А.Лапин, Я.Лацис, А.Корк, А.Кук, Р.Лонгва и др.) и бессарабского (Г.Котовский, М.Фрунзе, И.Федько, И.Якир, И.Криворучко и др.) происхождения. Многие из названных лиц, а также советские «генералы», принимавшие активное участие в советско-польской войне 1920 г., ощущали потребность «военного ре-

ванша» за Варшаву и Львов. То обстоятельство, что один из лидеров советской военной элиты И.Уборевич был литовцем, способствовало «нетерпению» в развязывании войны против Польши, учитывая исторические традиции польско-литовского соперничества, оккупацию Польшей Виленского края, а также превосходные отношения Литвы и литовской армии с Германией и Рейхсвером, дружеские отношения Литвы с СССР. Несомненно «полонофобом» и «реваншистом № 1» считался М.Тухачевский, для которого Варшавская катастрофа была сильнейшим ударом.

Обострение советско-польских отношений, чреватое войной, происходило неоднократно и одним из факторов, периодически стимулировавшим настроения реванша в истолковании международной ситуации у советской военной элиты, была позиция Рейхсвера и Германии. «Офицерство [*рейхсвера* — *авт.*] ориентируется на СССР, как на союзника в борьбе с Польшей и частично с западом», — утверждал в 1928 г. А.Тодорский²⁰⁶. Однако реальная ситуация была гораздо сложнее, и на германо-советский военный союз против Польши рассчитывать не приходилось.

В 1924 г. на пленуме РВС СССР М. Фрунзе в своем докладе отметил, что «наиболее вероятными и наиболее серьезными противниками» СССР являются Румыния и Польша²⁰⁷. В начале 1925 г. М.Тухачевский был назначен командующим Западным военным округом. В мае 1925 г. на VII Всебелорусском съезде Советов он заявил, что «Красная Армия с оружием в руках сумеет не только отразить, но и повалить капиталистические страны... Да здравствует Советская зарубежная Белоруссия!» Он же, обращаясь к белорусскому правительству, потребовал: «Нам нужно только чтобы советское правительство Белоруссии поставило в порядок своего дня вопрос о войне»²⁰⁸. На Всеукраинском съезде Советов, тоже в мае 1925 г., близкий друг М.Тухачевского, председатель Крестинтерна Т.Домбаль говорил о «праве на отделение от Польши и соединении с советскими республиками» украинцев и белорусов западных украинских и белорусских земель²⁰⁹. Командир 3-го конного корпуса Г.Котовский заявил о «готовности Красной Армии в любой момент пойти по призыву рабочих и крестьян на помощь братскому

населению Бессарабии от насилия румынских бояр... Вопрос об освобождении Бессарабии... мог бы быть разрешен хорошим ударом нашего корпуса, или, в крайнем случае, еще парой наших корпусов»²¹⁰.

Мысли о войне против Польши не оставляли высшее советское руководство и позже. 1 февраля 1930 г. в Берлине на обеде, устроенном в его честь германским командованием, И.Уборевич, возлагая большие надежды на помощь Рейхсвера и Германии в модернизации Красной Армии, сказал: «Не продвинемся ли мы за два года настолько, что сможем поставить вопрос о ревизии границ и избиении поляков? В самом деле — мы должны еще раз разделить Польшу...»²¹¹. Уже в 1932 г. М.Тухачевский лично разработал подробнейший план операции по разгрому Польши, который предусматривал нанесение «ударов тяжелой авиации по району Варшавы»²¹². Обращаясь в связи с этим к К.Ворошилову, М.Тухачевский заявлял: «Операцию подобного рода очень легко подготовить против Бессарабии...»²¹³. Работа в этом направлении, по некоторым сведениям, была продолжена и в 1933 г. Однако летом 1933 г. советско-германское сотрудничество стало сворачиваться. Произошло это не в результате решений, выработанных внутри военной элиты СССР, и не по инициативе немецких генералов. Резкое изменение геостратегических ориентиров СССР, начиная с 1933 г., неустойчивое их состояние в продолжении 1933-1937 гг., в числе других последствий повлиявшее и на «дело Тухачевского» 1937 г., имело несколько причин и породило весьма неоднозначное по оценкам поведение военной элиты, в частности в ее отношениях к «внешнему миру».

Не останавливаясь подробно на общеизвестных фактах и событиях международных отношений и внешней политики СССР в 30-е гг., ограничусь лишь отдельными штрихами, характеризующими основные аспекты, которые свидетельствовали о произошедших изменениях и представляют «фон» для анализа проблемы отношения советской военной элиты к внешнему миру в этот новый период. Главным, по-видимому, было начавшееся еще с переворота Чан Кайши весной 1927 г. осложнение ситуации на Дальнем Востоке, открытый и крупный военный конфликт на КВЖД в 1929 г.,

формирование в связи с этим Отдельной Дальневосточной армии, а затем начавшаяся с 1931 г. активная японской экспансия в Манчжурии. Уже в 1934 г. в официальных выступлениях советских политических лидеров (Сталина, в частности) были обозначены основные координаты международной ситуации и положения СССР: два очага войны — Япония и Германия, и перспектива для СССР возможной войны на два фронта. Наряду с Японией, гитлеровская Германия с 1934 г. вполне определенно обозначалась как возможный противник. На этом фоне во внешнеполитическом курсе СССР обозначились метания, борьба двух позиций — «профранцузской» М.Литвинова (нарком по иностранным делам) и «пронемецкой» Н.Крестинского (заместитель наркома).

Исследователи, особенно западные, пораженные абсурдностью истребления Сталиным высшего и старшего состава Красной Армии в 1936-1938 гг., пытались найти какую-то рациональную причину этих массовых чисток советской военной элиты и часто находили объяснение этому в некоей самостоятельной политической линии советского генералитета в международных отношениях и внешней политике, расходившейся с «генеральной линией» И.Сталина. В подтверждение этой гипотезы анализировались позиции лидеров Красной Армии того времени — М.Тухачевского, И.Уборевича, И.Якира.

Рассматривая вопрос о степени влияния на политический курс СССР со стороны советской военной элиты, сразу же отметим: реальный политический вес, реальная политическая самостоятельность трех вышеуказанных «вождей» Красной Армии в 30-е гг. были различны и роль их в политической, в том числе внешнеполитической, жизни страны у каждого была весьма своеобразна.

Обратимся прежде всего к И.Уборевичу, главному проводнику германского влияния в Красной Армии, откровенно симпатизировавшему своим немецким наставникам. Сила его политической позиции предопределялась несколькими факторами: во-первых, его персональными военными талантами; во-вторых, поддержкой И.Сталина, в конце 20-х гг. вознамерившегося сделать И.Уборевича своим способным, но послушным «солдатом» в военном ведомстве; в-третьих,

мощной поддержкой, которую он имел в Рейхсвере, а значит и в Германии. Однако к 1935-1936 гг. Уборевич уже перестал пользоваться прежней поддержкой И.Сталина как из-за своей «непослушности», так и из-за неудач в деле модернизации Красной Армии в 1929-1931 гг. В условиях растущего ослабления зависимости мощи Красной Армии от Рейхсвера, нарастания идеологических и геостратегических противоречий между СССР и Германией, И.Уборевич перестал быть влиятельной фигурой во внешней политике. Он сохранил лишь свой авторитет военачальника. У Уборевича, пожалуй, никогда не было своей «партии», как, скажем, у Тухачевского. Та часть советской военной элиты, которая группировалась вокруг Уборевича в 30-е гг., была представлена преимущественно молодыми командирами, либо получившими образование в Германии, либо его собственными воспитанниками в Белорусском военном округе (к примеру, К.Мерецков, Г.Жуков, И.Конеv, М.Захаров, А.Новиков, Д.Павлов, А.Василевский и др.) Эта часть новой военной элиты еще не имела собственного авторитета, не отличалась самостоятельными политическими суждениями, тем более стремлением как-то повлиять на политику. Это были профессиональные (можно сказать, аполитичные) советские генералы новой формации. Вследствие этого И.Уборевич подчас оказывался совершенно беспомощным в отстаивании собственных интересов, что вынуждало его искать покровительства у высокопоставленных лиц из партийной элиты. Примечательно, что когда в августе 1936 г. по инициативе И.Сталина возник вопрос о назначении И.Уборевича на должность зам.наркома по военно-воздушным делам, переходить на которую он категорически не желал, Уборевич обращается к Г.Орджоникидзе с просьбой «защитить» его и походатайствовать перед Сталиным об оставлении на прежней должности командующего Белорусским военным округом. В этом письме И.Уборевич сам признается, что «у меня нет достаточного политического авторитета в стране», опасается «быть смешным и без авторитета за границей»²¹⁴.

В случае с Тухачевским дело обстояло иначе. Вплоть до 1930 г. у него были свои сторонники и в военной элите, и в

Красной Армии в целом, он был популярен в стране и за рубежом. Особое внимание уделяла ему белая эмиграция.

Один из руководителей РОВС, бывший сослуживец М.Тухачевского по Семеновскому полку, еще в 1920 г. в дневнике записал по поводу Тухачевского «Не Наполеон ли?..»²¹⁵. Известный философ И.Ильин в своей записке П.Врангелю осенью 1923 г. писал: «Тухачевский — очень честолюбив, фаталистичен, молчалив... может стать центром заговора»²¹⁶. Большие надежды в этом отношении возлагал на Тухачевского и А.Гучков²¹⁷. Лидер белого движения, председатель РОВС генерал А.Кутепов в конце 1920-х гг. соглашался с мнением, бытовавшим в его окружении, что в СССР «нет человека, пользующегося в армии и у населения такой популярностью и симпатией, как М.Тухачевский»²¹⁸. Имевший несомненный вкус к политике, М.Тухачевский именно по этой причине пробудил к себе ранний, но болезненный интерес со стороны советской партийно-политической элиты и спецслужб ОГПУ-НКВД. В ходе фактически начатого еще в 1922 г. «дела Тухачевского», впервые обвинения в «бонапартизме» прозвучали в 1924 г., но его защитил М.Фрунзе²¹⁹. Второй мощный удар по М.Тухачевскому, обвиненному опять же в «бонапартизме», в антисоветском заговоре, стремлении захватить власть, в связях с РОВС и А.Кутеповым, в намерениях убить И.Сталина (в основе обвинения лежали «свидетельства», добытые следствием у арестованных генштабистов — приятелей М.Тухачевского — Н.Какурина, И.Троицкого и др.), был нанесен в 1928-1930 гг. От ареста, подготовленного В.Менжинским и И.Сталиным, Тухачевского спасли Я.Гамарник (начальник ПУ РККА), И.Якир (командующий Украинским военным округом), И.Дубовой (зам.командующего Украинским военным округом), отчасти Г.Орджоникидзе (председатель ЦКК), а также ряд высокопоставленных чекистов, усомнившихся в достоверности обвинений против тысяч военспецов-генштабистов, арестованных в 1929-1931 гг.²²⁰ Тем не менее, прежнее окружение М.Тухачевского, а также ориентировавшиеся на него представители военной элиты были «вычищены» из руководящих структур РККА. Лишившись своей политической опоры и приобретя устойчивую репутацию «потенциального Наполе-

ончика», М.Тухачевский в своих поступках и решениях вынужден был действовать с оглядкой и на своих «спасителей», и на других политически влиятельных лиц. Его политический иммунитет оказался крайне ослабленным, что позволяло Сталину привлекать Тухачевского для реализации весьма сложных и хитроумных маневров нового внешнеполитического курса.

Несмотря на то, что в июне 1931 г. М.Тухачевский был назначен заместителем наркома обороны по вооружениям, до 1932 г. его положение с точки зрения политической благонадежности было весьма зыбким, т.к. главный свидетель обвинения, Н.Какурин, все еще находился под следствием. После осуждения в феврале 1932 г. Н.Какурина на 10 лет тюрьмы ситуация изменилась. В мае того же года Сталин прислал Тухачевскому письмо, в котором извинился за обвинения в «красном милитаризме», брошенные еще весной 1930 г.²²¹ Программа модернизации вооруженных сил, предложенная Тухачевским, была принята. Популяризация личности Тухачевского, очевидно инспирированная свыше, началась с 1935 г., когда чуть ли не в каждом номере газет «Правда» и «Красная Звезда» появлялась информация о нем, публиковались его статьи и фотографии, на него ссылались как на главного эксперта по военно-политическим проблемам. 23 февраля 1935 г., в «Красной Звезде» был помещен фотомонтаж из портретов руководителей Красной Армии, в котором М.Тухачевский занимал третье место после К.Ворошилова и Я.Гамарника, в то время как Уборевич и Якир оказались на последних местах. Наконец, осенью 1935 г. М.Тухачевскому в числе первых пяти человек было присвоено звание Маршала Советского Союза. Очевидно, все это было обусловлено поворотом во внешней политике СССР, смещением ее доминанты на Дальний Восток, где ожидалась война, и стремлением правительства обеспечить мир на западных границах СССР. Руководство страны считало, что этого можно было добиться путем заключения союза с Францией, стержнем которого должна была стать военная конвенция, сдерживающая Германию и Польшу от активных действий против Советского Союза. Мощным стимулом, подталкивающим Францию к сближению с СССР, должна

была стать угрозой ее границам со стороны Германии, или, по крайней мере, симуляция этой угрозы путем всякого рода слухов и дезинформации. Для достижения этих целей в качестве одного из эффективных орудий и решено было использовать М.Тухачевского, точнее, «легенду Тухачевского»: его репутацию «красного Наполеона», лучшего знатока немецкой армии, аристократа, императорского гвардейца, наконец его выдающиеся внешние данные, интеллект, воспитание, т.е., по выражению одного немецкого генерала, «тип элегантного офицера французского генерального штаба»²²². М.Тухачевский должен был сыграть роль «вывески», «парадного образа», «рекламного плаката» Красной Армии и СССР перед Западом и Францией. Кроме того, уникальная ситуация, когда М.Тухачевский имел широкий круг знакомых и приятелей среди германской и среди французской военной элиты, свободное владение французским и немецким языками, должны были обеспечить доверие к нему там, где официальные контакты терпели неудачу или наткнулись на осторожность.

Весьма сильные позиции И.Якира, занимавшего с 1925 г. пост командующего самым большим и насыщенным войсками Украинским военным округом, и пользовавшегося особым влиянием в 1930-33 гг., оказались к 1935 г. поколеблены. Отчасти это было следствием «самовольного» вмешательства И.Якира в «дела военспецов-генштабистов» и М.Тухачевского, отчасти достаточно ясно прозвучавшим требованием прекратить злоупотребления коллективизации²²³, но все же главной причиной стало все то же перемещение внешнеполитической доминанты на Дальний Восток и утрата западными округами своей ведущей роли. Очевидно, это повлияло и на понижение рейтинга И.Якира, И.Уборевича, и на присвоение им недостаточно высоких званий.

С 1923 по 1927 гг. фактически официальной стратегической доктриной Красной Армии являлись геостратегические и оперативно-стратегические взгляды и позиции М.Тухачевского, занимавшего с 1925 по 1928 г. должность начальника Штаба РККА. Они нашли выражение в «континентализме», «стратегии разрушения» и «революции извне». Исходя из опыта 1-й мировой войны, М.Тухачевский считал, что СССР — ог-

ромная континентальная держава — должен руководствоваться, как и Германия, «континентальной» геостратегической концепцией, которая и определяла иерархию «партнеров» и противников СССР, направления его интересов. Враги — «лимитрофы»: Польша, Румыния, страны Балтии, Финляндия и стоящие за ними Великобритания и Франция. Союзники — Германия, отчасти Италия, Венгрия. Интересы — Восток, Китай, Индия.

С начала 1932 г. отмечаются признаки внешнеполитической переориентации советской военной элиты. Так, К.Ворошилов выражал сожаление, что недостаточно активно развивались военно-технические связи французской и Красной Армии²²⁴. Такого рода настроения, вероятно, были присущи не только Ворошилову, но и С.Буденному, А.Егорову, П.Дыбенко, М.Левандовскому.

Усиление опасности войны на Дальнем Востоке в 1934 г. в сочетании с подписанием польско-германского пакта о ненападении и неприкосновенности границ в январе 1934 г., воспринятого советским руководством как агрессивный альянс, направленный против СССР, вынуждало форсировать процесс франко-советского сближения. В связи с этим в центральной советской прессе, начиная с января 1935 г., появляется серия публикаций, имевших цель подтолкнуть Францию и Великобританию к сближению с СССР²²⁵.

В январе 1935 г. в выступлении М.Тухачевского на VII съезде Советов, напечатанном в газетах и изданном отдельной брошюрой, внимание было сосредоточено, во-первых, на том, что СССР ввиду угрозы на Дальнем Востоке отказывается от какой-либо военной активности на Западе и передислоцирует войска и свои интересы на Восток. Во-вторых, М.Тухачевский показал, что Красная Армия — это мощная сила, достойная того, чтобы с ней считались: он одновременно и пугал, и вызывал интерес. В-третьих, приводя цифровые данные о расходах на оборону, М.Тухачевский продемонстрировал, что они растут (увеличились за один год в 5 раз), но в то же время сравнительно невелики (всего 10% от всех государственных расходов). Это свидетельствовало о том, что Красная Армия пользуется уважением в стране, а советская социалистическая система обеспечивает при срав-

нительно небольших расходах высокую эффективность. То, что этот экстраординарный по содержанию доклад сделал именно М.Тухачевский, должно было показать Западу «восходящую звезду», нового «вождя» Красной Армии²²⁶.

Тогда же, с января по март 1935 г. в «Красной звезде» была помещена серия публикаций о трениях между Гитлером, его окружением и военной элитой германской армии²²⁷. Речь шла о том, что генералитет Рейхсвера — это влиятельная и пока еще доминирующая политическая сила, что Рейхсвер «стремится к тому, чтобы восстановить прежние отношения с Россией», что «союз с Россией и Италией должен быть краеугольным камнем внешней политики» Германии, что господствующая группа немецких генералов «предвидит в первую очередь военное столкновение с Францией»²²⁸. Все это должно было продемонстрировать, в частности, французскому руководству, что в Германии существует влиятельная сила, настроенная антифранцузски и готовая к восстановлению союза с Россией для сокрушения Франции.

31 марта 1935 г. в «Правде», а 1 апреля в «Красной звезде» была напечатана нашумевшая статья М.Тухачевского «Военные планы нынешней Германии», из текста которой, как недавно стало известно, был изъят заключительный большой абзац, отражавший собственные геостратегические позиции М.Тухачевского. Вместо него появилось заключение, написанное И.Сталиным и отражавшее взгляды, диаметрально противоположные изложенным первоначально М.Тухачевским²²⁹. От имени Тухачевского Сталин писал следующее: «...Антисоветское острие является удобной ширмой для прикрытия реваншистских планов на Западе (Бельгия, Франция) и на юге (Познань, Чехословакия, аншлюс)»²³⁰. Так устами М.Тухачевского, лучше всех знавшего военно-политические настроения в руководстве Германии и военные планы Рейхсвера ненавязчиво подтверждался антифранцузский политический курс Германии.

Однако, хотя политические выгоды союза с Францией были очевидны, французскую армию советская военная элита оценивала невысоко. Поддерживавший идею советско-французского военного альянса командарм 1-го ранга И.Якир, побывавший с визитом во Франции в сентябре 1936 г., хорошо

там принятый и внешне выразивший французской стороне удовлетворенность и похвалы французской армии, у себя дома, в СССР, дал военной доктрине, степени технической оснащенности, уровню оперативно-стратегического мышления и концепций французского генералитета и французской армии крайне негативную оценку²³¹.

Еще более откровенен в оценках французской армии был заместитель начальника Генерального штаба Красной Армии А.Седякин, побывавший во Франции на маневрах в сентябре 1935 г. Он считал, что советской стороне нечему учиться у французов ни в степени технического оснащения, ни в оперативно-стратегическом плане²³². Таким образом видные представители советской военной элиты и руководства РККА не выступали против военного союза с Францией, однако они видели в нем выгоды политического, а не военнотехнического или военно-научного характера. Это обстоятельство не могло не повлечь за собой слабую активность военной элиты в деле заключения военной конвенции, которая могла стать стержнем сближения с Францией и одновременно орудием давления на Германию и Польшу. Ситуация не изменилась и после посещения в 1936 г. Франции М.Тухачевским и И.Уборевичем. В феврале 1936 г. советско-французский пакт был ратифицирован французской палатой депутатов, однако военная конвенция так и осталась неосуществившейся мечтой.

Надо сказать, что в стремлении достичь максимального тесного сближения с Францией, понравиться Западу, вызвать у него доверие руководство СССР во главе со Сталиным и советская военная элита, по крайней мере ее часть — К.Ворошилов, М.Тухачевский, И.Уборевич, И.Якир — стремились показать, что в СССР уже идет замена ценностей интернационально-коммунистических национально-великодержавными с намеком на первые признаки «наполеонизма»: осенью 1935 г. были введены персональные воинские звания и высшие чины на французский манер («Маршал Советского Союза»), напоминавшие о наполеоновской Франции. Был даже разработан проект восстановления в Красной Армии погон для всего личного состава по образцу старой русской армии, причем на параде 7 ноября 1935 г.

войска на Красной площади, включая маршалов К.Ворошилова, М.Тухачевского и других, впервые появились в золотых офицерских и солдатских погонах²³³.

В связи с выяснением отношения советской военной элиты к «внешнему миру», особого внимания заслуживает вопрос о так называемом «заговоре Тухачевского», слухи о котором достаточно активно циркулировали в политических кругах Европы на протяжении всего 1936 и начала 1937 г.

Уже заслуживший репутацию «врага Германии», в начале 1936 г. Тухачевский вдруг позволил себе несколько неожиданных и странно откровенных высказываний. «На обеде в советском посольстве [в январе 1936 г. — авт.] на другой день после похорон английского короля Георга, — сообщала известная журналистка Ж.Табуи, — русский маршал [т.е. М.Тухачевский — авт.] много разговаривал с Политисом, Титулеску, Эррио и Бонкуром... Он только что побывал в Германии и рассыпался в пламенных похвалах нацистам. Сидя справа от меня и говоря о воздушном пакте между великими державами и Гитлером, он, не переставая, повторял: «Они уже непобедимы, мадам Табуи!..». В тот вечер я не одна была встревожена его откровенным энтузиазмом»²³⁴. В разговоре с румынским министром иностранных дел Н.Титулеску в Париже в феврале 1936 г., М.Тухачевский заметил: «Напрасно вы, господин министр, связываете свою карьеру и судьбу вашей страны с судьбой таких старых, конченных государств, как Великобритания и Франция. Мы должны ориентироваться на новую Германию. Германии, по крайней мере в течение некоторого времени, будет принадлежать гегемония на европейском континенте. Я уверен, что Гитлер означает спасение для всех нас»²³⁵. Одновременно появились (в том числе в ОГПУ) сведения о попытках Тухачевского наладить контакты с германским руководством.

Можно предположить, что сведения о так называемом «заговоре Тухачевского» не только блеф и мистификация, но более того — мистификация и инсценировка, организованная в строгой секретности по меньшей мере тремя лицами — И.Сталиным, М.Тухачевским и Г.Ягодой. Она могла иметь одну главную цель — нормализацию отношений с Германией (с обещанием грядущего прогерманского «национального»

военного переворота) и обеспечение вследствие этого относительной безопасности советских западных границ в условиях резко обострившейся ситуации на Дальнем Востоке и крушения расчетов на заключение советско-французского военного союза или системы коллективной безопасности.

По поводу и геостратегической ситуации и мер по подготовке страны к войне в военной элите СССР возникли весьма существенные разногласия. Несомненно отражая настроения членов Военного Совета при Наркоме Обороны, один из его членов, комкор С.Кутяков, записал в своем дневнике еще 9 января 1936 г.: «Конечно, к ведению войны СССР не готов ни политически, ни экономически, нам нужно выиграть хотя бы 3-5 лет...»²³⁶. Позиция И.Уборевича определилась к зиме 1935 г.: 19 февраля 1935 г. в докладной записке на имя К.Ворошилова он уже исходил из перспективы совместной германо-польской агрессии против СССР, определяя основные направления ударов противника на Москву и Ленинград²³⁷. Более развернуто свое видение геостратегической ситуации и перспективы ее развития в ближайшие 2-3 года И.Уборевич изложил в середине марта 1936 г., вскоре по возвращении из поездки по Западной Европе²³⁸. В соответствии с мнением И.Сталина, он говорил о двух очагах военной опасности — Японии и Германии, подчеркнув при этом, что «острее сегодня является Япония». Разворачивая далее это утверждение, И.Уборевич считал, что «мы не можем дольше не сопротивляться наступлению Японии (имеется в виду участвовавшие с начала 1936 г. вторжения японо-маньчжурских отрядов на территорию Монголии) и должны показать, что мы будем очень жестоко драться». Он выразил уверенность в готовности Красной Армии к войне и заявил, что мы «должны на Дальнем Востоке ждать войны в любой момент». Упомянув о другом источнике военной опасности для СССР, Германии, И.Уборевич сказал: «Неизбежно в этом году или в следующем, или через 2-3 года, но мы встретимся с германским фашизмом... Фашисты не могут не развязать войну. Без войны они долго существовать не могут. Это разлагающая форма, и она может жить 2-3 года»²³⁹.

В 1936 г. советскому военному и политическому руководству уже были известны некоторые прогнозы относительно

готовности германской армии к войне с СССР. Сами немцы считали, что это произойдет не ранее 1938 г. На одном из совещаний с командованием Белорусского военного округа И.Уборевич сказал, что ни в 1936 г., ни в 1937 г. войны на советских западных границах не будет, и считал, что она может начаться не ранее 1939 г.²⁴⁰ Этой же точки зрения придерживался в основном и К.Ворошилов.

Оценка геостратегической ситуации М.Тухачевским несколько отличалась от вышеизложенной. Еще в январе 1934 г., затем зимой 1935 г. и наконец в марте 1936 г. он предлагал Наркомату и Генштабу провести большую военную игру для проверки вариантов развертывания боевых событий в начальный период войны на Западном театре военных действий²⁴¹. У него возникли принципиальные разногласия с И.Уборевичем и А.Егоровым, начальником Генштаба Красной Армии. И Уборевич, и Егоров придерживались старого оперативного плана, составленного в 1931-1932 гг. и предполагавшего войну против Польши. Тухачевский доказывал, во-первых, что ситуация с 1934 г. изменилась и теперь следует рассматривать в качестве противников и Германию, и Польшу, и, во-вторых, что если до 1933 г. вся работа по подготовке Красной Армии и ее технического оснащения была рассчитана на наступательную войну против Польши и других «лимитрофов» в союзе с Германией, то теперь стало ясно, что грядущая война будет оборонительной²⁴².

Еще в конце марта 1935 г., готовя к печати свою знаменитую статью «Военные планы нынешней Германии», М.Тухачевский следующим образом излагал свою стратегическую концепцию в предвидении войны: «Правящие круги Германии основную стрелу своих операций направляют против СССР», при этом, по его мнению, Гитлер рассчитывал на нейтралитет Франции и Великобритании²⁴³. Тухачевский считал, что в середине 1930-х годов в Европе сложилась ситуация, напоминая ситуацию перед Первой мировой войной, причем в роли Австро-Венгрии, союзницы кайзеровской Германии, должна была выступить Польша. Однако в плане войны, разработанном перед 1914 г. германским генеральным штабом, была допущена принципиальная ошибка, которая и повлекла за собой поражение Германии: нане-

сение первого удара на Западе против Франции. М.Тухачевский был убежден, что эту ошибку Гитлер вновь не повторит и первый удар нанесет по СССР. И хотя М.Тухачевский считал безумной идею полного сокрушения и завоевания России, однако, «в случае осуществления своей безнадежной мечты о разгроме СССР, — писал он, — конечно, германский империализм обрушится бы всеми силами на Францию»²⁴⁴. И только после сокрушения Франции и овладения ее экономическими и сырьевыми ресурсами, Германия, по мысли М.Тухачевского, начала бы войну против Великобритании. «Без прочного обладания портами Бельгии и северными портами Франции морское соперничество с Великобританским империализмом Германии не по плечу»²⁴⁵. Эта геостратегическая концепция была в статье заменена Сталиным на изложение собственного (возможно, М.Литвинова) видения перспектив развития международной ситуации, что и было опубликовано за подписью М.Тухачевского²⁴⁶. Суть этого видения: Германия наносит первый удар по Франции и Чехословакии, совершает аншлюс и лишь затем начинает войну с СССР. Эта схема в основном повторяла шлиффеновский план 1912-1914 гг. и предположения, сделанные генералом А.Свечиным в 1926-1927 гг.²⁴⁷ Нет необходимости доказывать, что концепция М.Тухачевского предполагала более активные действия на западных границах.

Весной 1936 г. Тухачевский предлагал еще до начала крупномасштабных военных действий на Западе оккупировать советскими войсками территорию Прибалтики, прежде всего — Литву, чтобы лишить немецкие войска стратегического преимущества. В сущности М.Тухачевский считал возможным сделать то, что сделали немцы в 1914 г., нарушив нейтралитет Бельгии и нанеся удар по Франции там, где его не ожидали. Впоследствии он неоднократно возвращается к данной проблеме, предупреждая, что «нейтралитет прибалтов играет для нас очень опасную роль»²⁴⁸. Тухачевский аргументировал свою точку зрения в отношении Прибалтики еще и тем, что «этот вариант станет совершенно необходимым, когда нами будет построен на Балтике большой линейный флот. Такой флот во время войны не может базироваться ни в Кронштадте, ни на Лужской губе. Ему потребу-

ются базы в открытом море, и эти базы имеются на территории Эстонии и Латвии: Ревель, Рига, Виндава, Либава»²⁴⁹. Примечательно, что М.Тухачевский, затрагивая вопрос о возможных военных действиях против Финляндии, отмечал, что «война с Финляндией представляет для нас совершенно самостоятельную проблему, в достаточной мере сложную»²⁵⁰.

Эта концепция Тухачевского, отражавшая в общих чертах его отношение к Западу в середине 1930-х годов, разделялась и начальником Академии им.М.В.Фрунзе А.Корком²⁵¹. И.Уборевич, еще в апреле 1936 г. в целом поддерживавший позиции А.Егорова и Генштаба, постепенно начал склоняться к концепции М.Тухачевского, во всяком случае это было заметно уже в январе 1937 г.²⁵² То же самое можно сказать о позиции И.Якира²⁵³.

Таким образом, суть разногласий внутри советской военной элиты (в частности, между М.Тухачевским, с одной стороны, и А.Егоровым, с другой), выражалась в том, что А.Егоров и Генштаб не считали необходимым вести активные боевые действия в Прибалтике и вообще на западном театре, полагая, что старый оперативный план вполне обеспечивает границы СССР на Западе от военных случайностей²⁵⁴. М.Тухачевский с этим был не согласен и видел спасение в небольшой «превентивной» войне в целях улучшения стратегического положения СССР.

В целом восприятие Запада советской военной элитой претерпело на протяжении 1920-30-х гг. определенную эволюцию. «Красные маршалы» в значительной степени избавились от иллюзий относительно «мировой революции» и стали гораздо прагматичнее относиться к международным отношениям. К середине 1930-х гг. большинство советской военной элиты ориентировалось на геостратегические интересы СССР, исходя фактически из дореволюционной «имперской парадигмы», хотя многие аспекты отношений СССР и Запада ими, отчасти под влиянием «синдрома интервенции», рожденного еще гражданской войной, в определенной степени упрощались и схематизировались.

4. Советская интеллектуальная элита и Запад на рубеже 1930-40-х гг.

В отечественной литературе было высказано мнение, что сформировавшиеся к концу 30-х гг. в общественном сознании внешнеполитические стереотипы не соответствовали реальности, что и проявилось в кризисной ситуации 1939-41 гг., когда СССР стоял на пороге большой войны. Сделана попытка раскрытия механизма подобной аберрации, причем определенное внимание было уделено специфике восприятия внешнего мира так называемой политической и интеллектуальной элитой²⁵⁵.

Но остается недостаточно изученным вопрос, в какой мере интеллектуальная часть советского общества (интеллигенция) сама являлась проводником взглядов на внешний мир, определявшихся идеологическими постулатами сталинского руководства, т.е., какова была вовлеченность ее в процесс формирования подобных стереотипов. Чтобы ответить на него, выбран насыщенный событиями огромной исторической значимости и в то же время ограниченный небольшими временными рамками период — конец 30-х — начало 40-х гг. Объектом исследования явилось функционирование государственных учреждений (НКВД, ТАСС, Государственные комитеты при СНК по делам искусств, по кинематографии), средств массовой информации, научных учреждений и так называемых общественных организаций (ВОКС, Союз советских писателей), участвовавших в условиях тоталитарного режима в организации пропаганды, в том числе внешнеполитической. Именно в рамках подобных структур, находившихся под неусыпным контролем Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), действовали те представители интеллигенции, которые прямо или косвенно влияли на формирование в общественном сознании образа внешнего мира и осуществляли пропагандистское обеспечение внешнеполитического курса СССР накануне Великой Отечественной войны.

В конце 30-х — начале 40-х гг. при активном участии Управления пропаганды и агитации было проведено несколько идеологических кампаний и «проработок» творческой интеллигенции²⁵⁶. На совещании в ЦК 9 сентября 1940 г. Сталин

заявил: «Партия, литература, армия — все это организмы, у которых некоторые клетки надо обновлять, не дожидаясь того, когда отомрут старые»²⁵⁷. Термин «литература» трактовался в данном случае расширительно, ибо на упомянутом совещании рассматривались вопросы, связанные не только с деятельностью советских писателей, но, главным образом, с кинематографом как важным инструментом внедрения большевистских идей в сознание масс.

Использование мощных рычагов воздействия на интеллигенцию — карательного аппарата (НКВД) и разветвленной системы политико-идеологического контроля за ее деятельностью (УПА и разного рода государственные учреждения и общественные организации) сталинский режим сочетал с применением методов поощрения. Проявившие, с точки зрения властей, наибольшую «благонадежность» (как правило, эти люди одновременно отличались талантом), имели хорошее материальное обеспечение и обладали рядом привилегий (становились «орденоносцами», лауреатами Сталинской премии, имели дачи, были социально защищены и т.д. и т.п.).

В.В.Вишневский записал в дневнике 7 мая 1940 г.: «Стимул заработка отсутствует, мы обеспечены, многие писатели, прочно, на годы»²⁵⁸. Действительно, ежегодные доходы некоторых деятелей литературы и искусства многократно превосходили денежное содержание тех, кто осуществлял идеологический контроль над ними. Например, в 1939 г. известный писатель и драматург Н.Погодин, автор пьесы «Человек с ружьем», имел заработок 732 тыс. руб. Для сравнения, годовой доход назначенного начальником Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г.Ф.Александрова составил в 1940 г. лишь 27 тыс. руб., т.е. в 28 раз (!) меньше²⁵⁹. Постепенно в среде художественной интеллигенции, главным образом проживавшей в крупных городах страны и «приближенной» к большевистской власти, формировалась немногочисленная элита, которая так и самоидентифицировала себя. В.В.Вишневский, имея в виду «мир верхней интеллигенции» Москвы, подчеркивал, что она «скромно сохраняет свое положение «элиты»²⁶⁰.

На исходе 30-х гг. большевистское руководство оказалось перед выбором дальнейшего внешнеполитического курса.

Мир или война — такие альтернативы имелись в распоряжении Сталина перед лицом агрессивных устремлений нацистской Германии, которая после Мюнхенского договора 1938 г. оккупировала большую часть территории Чехословакии, реально угрожала Польше. Сталин выбрал третий путь — с Германией 23 августа 1939 г. был подписан договор о ненападении, но, в соответствии с секретным протоколом к пакту, СССР был вовлечен в процесс раздела «сфер интересов». На практике это означало применение сил Красной Армии против сопредельных государств, прежде всего — Польши и Финляндии, т.е. участие Советского Союза в локальных вооруженных конфликтах, несмотря на официально провозглашенный нейтралитет, и постоянную готовность к началу большой войны.

В данной связи целесообразно подробнее остановиться на анализе двух определяющих моментов, оказавших несомненное влияние на восприятие советской интеллигенцией внешнего мира на рубеже 30-х — 40-х гг. Первый из них — сближение СССР с Германией после пакта о ненападении и особенно — после договора о дружбе и границе от 28 сентября 1939 г. между двумя странами, ранее находившимися в состоянии настоящей идеологической войны друг против друга. Второй — метаморфозы, проистекавшие из подобного сближения и официального отказа большевистского руководства от антифашистской пропаганды, которые относились к «ключевым» дефинициям: «капиталистическое окружение», «агрессия», «агрессор», «враги», «друзья», «союзники».

Для большинства представителей советской интеллигенции, воспитанных (и воспитывавших других) в здоровом антифашистском духе, пакт Риббентропа-Молотова стал настоящим шоком²⁶¹. И.Эренбург, работавший тогда в Париже, узнал о подписании советско-германского соглашения по радио. Писатель был настолько поражен известием о пакте с нацистами, что, по его собственному свидетельству, «в течение восьми месяцев не мог есть, потерял около двадцати килограммов». В книге мемуаров Эренбурга «Люди, годы, жизнь» находим такое признание: «Умом я понимал, что случилось неизбежное. А сердцем не мог принять»²⁶².

Сходным образом описывал на склоне лет свои впечатления от этого события К.Симонов: оно «психологически, особенно после всего, что произошло в Испании, после открытой схватки с фашизмом, которая была там, потрянуло меня так же, как и моих сверстников, — многих, наверное, довольно сильно. Что-то тут невозможно было понять чувствами. Может быть, умом — да, чувствами — нет. Что-то перевернулось и в окружающем нас мире, и в нас самих. Вроде бы мы стали кем-то не тем, чем были; вроде бы нам надо было продолжать жить с другим самоощущением после этого пакта»²⁶¹.

Представители технической интеллигенции, инженерные работники г.Кемерово, узнав о подписании пакта, по словам одного из современников, «были совершенно потрясены и обескуражены и никак не могли в это поверить»²⁶⁴.

Чувство недоумения и даже внутреннего протеста, связанное с данной дипломатической акцией сталинского руководства, присутствовало и в сознании представителей советской интеллектуальной элиты в те памятные дни конца августа 1939 г. В.В.Вишневский, в антифашистских настроениях которого сомневаться не приходится, узнал о советско-германском договоре, находясь в длительной командировке на Дальнем Востоке. Один из главных вопросов, которым он задавался уже 24 августа 1939 г., был следующий: «Как с общей идейно-философской и политической оценкой фашизма, блока агрессоров?»²⁶⁵. Подобного рода вопросы, ответ на которые искали тогда миллионы людей в СССР, свидетельствовали о сомнениях в истинности недавних внешнеполитических сталинских установок, прозвучавших, например, на XVIII съезде ВКП(б). Еще в конце августа в войсковой части, где находился В.В.Вишневский во время своей дальневосточной командировки, ему приходилось в ожидании новых газет довольствоваться устаревшими, за 15-17 августа. Тогда, до пакта, в них продолжали публиковаться, по его словам, «очерки о «каннибалах»²⁶⁶, т.е. о немецких фашистах.

31 августа Председатель Совета Народных Комиссаров и глава внешнеполитического ведомства СССР В.М.Молотов выступил на внеочередной сессии Верховного Совета Советского Союза. В своей речи он, в частности, дал некоторые «разъяснения» относительно мотивов большевистского руко-

водства при подписании договора о ненападении с Германией. Он упомянул о непонимании некоторыми людьми «самых простых основ» начавшегося улучшения политических отношений СССР «с государством фашистского типа». Молотов «признал», что раньше в стране были «некоторые близорукие люди», якобы «увлекавшиеся» «упрощенной антифашистской агитацией», из чего следовало: теперь с этим покончено²⁶⁷. Действительно, вскоре антифашистская пропаганда в СССР начала сворачиваться.

Слова Молотова, прозвучавшие 31 августа 1939 г. как своеобразное предупреждение тем, кому было присуще «непонимание» сущности поворота в сторону сближения с нацистами, еще не воспринимались в качестве официальной установки советского руководства. И.Эренбург не без иронии писал по этому поводу в своих мемуарах: «Слова Молотова о «близоруких антифашистах» меня... резанули. В ту зиму [1939-1940 гг. — авт.] мне пришлось впервые обзавестись очками, но признать себя «близоруким» я не мог: свежи были картины испанской войны; фашизм оставался для меня главным врагом»²⁶⁸.

Германский посол Ф.Шуленбург, обобщая свои наблюдения относительно эффективности пропагандистского обеспечения курса большевистского руководства на сближение с Третьим рейхом, 6 сентября 1939 г. телеграфировал в МИД Германии: «Недоверие, проявляемое в отношении Германии в течение нескольких лет, несмотря на эффективную контрпропаганду, которая проводится на партийных и производственных собраниях, не может быть уничтожено так быстро»²⁶⁹. Аналогичный характер имеет свидетельство одного из очевидцев, который вспоминал впоследствии: «Наши политсобрания, на которых ораторы из столицы объясняли нам новое положение вещей, проходили сдержанно и спокойно»²⁷⁰.

Не случайно во время переговоров с И.Риббентропом 23 августа 1939 г. Сталин подчеркнул необходимость «считаться с общественным мнением» в обеих странах — СССР и Германии, не преувеличивая уровня только возникавших «дружественных» отношений. Сталинская аргументация сводилась к следующему: в течение ряда лет большевики и нацисты «поливали грязью друг друга». «Подобные вещи не

проходят так быстро», — заключил Сталин. По его мнению советское и германское правительства должны были с большой осмотрительностью информировать свои народы о перемене, происшедшей в отношениях между обеими государствами²⁷¹.

Сталин был прав. В общественном мнении СССР присутствовала сильная неприязнь к Германии как к фашистской, т.е. враждебной стране. Год за годом советским людям внушали ненависть к нацистам. Ведущие военачальники Красной Армии (М.Тухачевский, В.Блюхер и др.) были репрессированы, потому что они, якобы, были связаны с рейхсвером. На политических процессах 1937-1938 гг. многие обвиняемые проходили как «германские шпионы». Советские дети играли в фашистов-и-коммунистов, причем первые всегда носили немецкие имена и им приходилось страдать от побоев своих сверстников. Мишенями в советских тирах часто служили силуэты в национал-социалистских коричневых рубашках со свастикой.

Поэтому, когда по воле большевистского руководства в августе 1939 г. самый ненавистный враг Советского Союза — Германия — вдруг превратилась в его «друга», потребовалось какое-то время, чтобы люди поняли: это не шутка. Действительно, фашизм, представлявшийся им с комсомольского и даже с пионерского возраста как явление враждебное, злое, опасное, вдруг оказался как бы «нейтральным». События 1939-1941 гг., связанные с пактом, оставались для большинства «странными, непонятными»²⁷².

В упомянутой телеграмме Ф.Шуленбурга от 6 сентября 1939 г. говорилось, что неожиданное изменение политики советского правительства «после нескольких лет пропаганды, направленной именно против германских агрессоров, все-таки не очень хорошо понимается населением»²⁷³.

На склоне лет Ю.М.Лотман изложил точку зрения очевидцев, к числу которых принадлежал и сам, на эти события: «Для нас союз с Гитлером был чем-то противоестественным, ощущением опасности в полной темноте»²⁷⁴.

В действиях большевистского руководства и в советской пропаганде тем временем все навязчивее проводилась мысль о новых, дружественных отношениях с прежними врагами — нацистами. Уже 24 августа 1939 г. в «Правде» появилась передовая

статья, содержащая следующее утверждение: «Дружба народов СССР и Германии... отныне должна получить необходимые условия для своего развития и расцвета». Спустя неделю данная мысль прозвучала в выступлении В.М.Молотова на внеочередной сессии Верховного Совета СССР: «Мы стояли и стоим за дружбу народов СССР и Германии, за развитие и расцвет дружбы между народами Советского Союза и германским народом»²⁷⁵.

28 сентября 1939 г. в Москве Риббентроп и Молотов подписали советско-германский договор о дружбе и границе. 23 декабря того же года Гитлер прислал Сталину поздравительную телеграмму по случаю шестидесятилетия. В ней были высказаны пожелания доброго здоровья большевистскому лидеру и «счастливого будущего народам дружественного Советского Союза». Сталин не остался в долгу и направил 25 декабря ответную телеграмму, адресованную Гитлеру и Риббентропу. Содержание ее по степени кощунства не уступало гитлеровской. Гитлер желал счастливого будущего народам СССР, против которых спустя год запланировал войну. В тексте, подписанном Сталиным, утверждалось: «Дружба народов Германии и Советского Союза, скрепленная кровью, имеет все основания быть длительной и прочной»²⁷⁶.

Подобного рода «дружественные» излияния большевистских лидеров и советской пропаганды, причем сделанные от имени всего народа, не вызывали у многих представителей интеллигенции ничего, кроме раздражения. Уже 24 августа 1939 г. в дневниковых записях В.В.Вишневского зафиксирован недоуменный вопрос: «Как рассматривать фразу передовой «Правды» [от 24 августа — авт.] о «расцвете дружбы» народов СССР и Германии?». Спустя три дня писатель и драматург анализировал сводки ТАСС. В них содержалась информация из германских и итальянских газет, в которых упоминалось о насчитывавшей сотни лет дружбе русских и немцев. Вишневскому подобного рода информация показалась сомнительной: «а 8 веков борьбы России и Германии на Востоке?»²⁷⁷.

Спустя месяц после пакта Вишневский все еще сохранял уверенность, что новые пропагандистские лозунги, взятые на вооружение большевистским руководством, — отнюдь не являлись руководством к действию. Он считал, что объяв-

ленная дружба с Германией никак не развивалась и не формировалась «сверху». «Старые определения фашизма нигде не сняты» — с уверенностью констатировал в сентябре 1939 г. Вишневский²⁷⁸. Ю.П.Шарапов, автор исследования по истории ИФЛИ, свидетельствует, что после советско-германских договоренностей 1939 г. разительного перелома в отношении к гитлеровской Германии, к новоявленным «друзьям» в его сознании не запечатлелось²⁷⁹. Этому способствовало привившееся в ИФЛИ, студентом которого Ю.П.Шарапов являлся в предвоенные годы, уважение к культуре всех народов, включая немецкий²⁸⁰.

В те осенние дни 1939 г. в сознании представителей советской интеллигенции возникали сомнения в перспективности «дружественных» отношений с нацистской Германией. 30 октября 1939 г. В.В.Вишневский записал в дневнике: «В прочность «дружбы» с Гитлером не верю»²⁸¹. В дневниковой записи М.М.Пришвина от 5 октября 1939 г. читаем: «Открывается политика, похожая на борьбу двух зверей. Коварство необычайное, но дипломатические, военные и охотничьи хитрости — явление обычное между зверьми. Вот чего боится наш русский человек, когда слышит о «дружбе» с фашистами». Знаменателен вывод, сделанный писателем в другой дневниковой записи, от 15 ноября 1939 г.: «Теперь становится ясным, какую опасную игру затеял Гитлер»²⁸².

И.Эренбург вспоминал, что был буквально потрясен, когда узнал о содержании телеграммы Сталина Риббентропу от 25 декабря 1939 г.: «Раз десять я перечитал эту телеграмму, и, хотя верил в государственный гений Сталина, все во мне кипело. Это ли не кощунство! Можно ли сопоставлять кровь красноармейцев с кровью гитлеровцев? Да и как забыть о реках крови, пролитых фашистами в Испании, в Чехословакии, в Польше, в самой Германии?»²⁸³.

Конечно, внутреннее неприятие начавшейся пропагандистской кампании в духе «дружбы» с нацистской Германией далеко не всегда высказывалось открыто. 15 ноября 1939 г. М.М.Пришвин записал в дневнике: «По-прежнему у нас не говорят люди между собой о политике, но она так велика, что вошла внутрь каждого, и каждый про себя является политиком, живет внутри великих событий»²⁸⁴.

Быть «политиком про себя» вынуждала действительность сталинского тоталитарного режима, уроки репрессий. Атмосфера недоверия была настолько распространенной, что даже в разговорах с близкими и друзьями люди боялись высказываться слишком откровенно. Политика сближения с нацистской Германией и даже дружбы с ней была выбрана Сталиным, а, следовательно, открыто противопоставлять ей свое личное мнение было просто опасно. Господствовало убеждение в том, что вождь не может совершать ошибок.

Выпускница ИФЛИ Р.Д.Орлова (Либерзон) считала, что в 1939 г. большевистский режим имел крепкий, «очищенный страхом» тыл. Страх, в свою очередь, способствовал «очищению» от мыслей, сомнений, благородства²⁸⁵. К этому времени «вождь», по словам К.Симонова, «обеспечил себе такое положение в партии и государстве, что если он твердо решал нечто, то на прямое сопротивление ему рассчитывать не приходилось, отстаивать свою правоту ему было не перед кем, он заведомо был прав, раз он принимал решение»²⁸⁶.

Но достаточно обратиться к дневниковым записям В.В.Вишневого августа-ноября 1939 г., чтобы понять, насколько сложным был процесс восприятия происходившего процесса сближения с нацистской Германией. В конце августа 1939 г., как уже отмечалось выше, Вишневецкий находился в длительной командировке на Дальнем Востоке и фактически был лишен доступа к широкой информации о происходившем. «Я многого не знаю, т.к. не в Москве», — констатировал он тогда²⁸⁷. Но как ни парадоксально, еще до первого официального выступления В.М.Молотова от 31 августа, где излагались мотивы большевистского руководства при подписании пакта о ненападении, В.В.Вишневецкий в своих размышлениях был весьма близок к аргументации главы советского правительства. Так, 24 августа Вишневецкий записал в дневнике: «Сколько было в нашей среде прямолинейных, «солдатских» соображений о Германии, фашистах и пр. Не все поняли места речи Сталина на XVIII партсъезде о СССР и Германии»²⁸⁸. Сравнивая первую часть этой записи с рассуждениями о неких «близоруких людях», увлекавшихся «упрощенной антифашистской агитацией», которые прозвучали спустя неделю из уст Молотова, легко обнаружить, на-

сколько верно уловил Вишневский настроения «верхов». Нашлось место в выступлении Молотова 31 августа 1939 г. и разъяснению «мест» сталинской речи на XVIII съезде ВКП(б). Ближайший соратник Сталина задним числом трактовал ее таким образом, что уже в марте 1939 г. «вождь» поставил вопрос о возможности «невраждебных добрососедских отношений между Германией и СССР»²⁸⁹. В сентябре 1939 г. (после официального выступления Молотова, появления многочисленных материалов о пакте с Германией в советских средствах массовой информации) В.В.Вишневский уже склонен к апологии этого соглашения. Он неоднократно характеризует его в своих дневниковых записях как несомненно позитивное во всех отношениях событие в истории страны: «СССР выиграл свободу рук, время. Полностью мы оценим пакт позже». Внешнеполитические акции Сталина, направленные на сближении с Германией, Вишневский приравнивает по значению не только к Октябрьской революции и Брестскому миру, но и к коллективизации (естественно, все перечисленные события воспринимаются писателем исключительно в позитивном плане). «Это новая глава в истории партии и страны», — с восторгом восклицал Вишневский²⁹⁰.

Другие современники событий из числа представителей интеллигенции, может быть, относились к пакту с меньшим восторгом, чем Вишневский, но, не принимая внутренне новый сталинский курс на сближение с Германией, находили в советско-германском договоре о ненападении позитивное начало. Ведь с его подписанием устранялась опасность удара в спину с запада в то время, как продолжались бои против Японии на р.Халхин-Гол в Монголии. Поскольку Япония была связана дипломатическим соглашением (Антикоминтерновским пактом 1936 г.) с Германией, то последняя, как представлялось, могла нанести подобный удар. Но после 23 августа 1939 г., по словам К.Симонова, «вдруг наступила странная, неожиданная, оглушающая свою новизной эра предстоящего относительного спокойствия»²⁹¹. В телеграмме Ф.Шуленбурга от 6 сентября 1939 г. подобные настроения переданы следующим образом: «Так как страх перед войной, и прежде всего перед германским нападением оказал за последние годы глубокое воздействие на психологию

[советского населения — авт.] заключение пакта о ненападении было встречено с большим облегчением и удовлетворением»²⁹².

В условиях начавшегося курса на сближение и даже на «дружбу» с нацистской Германией особенно двусмысленным было положение тех представителей интеллигенции, которые по долгу службы участвовали или должны были участвовать в его пропагандистском обеспечении. Сотрудник иностранного отдела газеты «Известия» Д.Ф.Краминов вспоминал, что «известинцы» восприняли пакт о ненападении как коренной поворот в германской и советской политике. Сам Краминов, получивший задание на другой день после подписания пакта Риббентропа-Молотова подготовить первый вариант передовой статьи в газете об этом событии, не знал, что именно следует писать, ибо сохранял свои антифашистские настроения. Потребовалось вмешательство и.о. редактора «Известий» Я.Селиха, который, в свою очередь, обратился за разъяснениями к маршалу К.Е.Ворошилову, члену Политбюро ЦК ВКП(б) и тогдашнему наркому обороны. Последний расценил договор о ненападении как некую передышку, подобную по значению Брестскому миру 1918 г.²⁹³ Вполне вероятно, подобного рода трактовка советско-германского соглашения 23 августа 1939 г. первоначально была «спущена сверху» (не исключено, что самим Сталиным), поскольку именно в таком ключе подавалась она и «по горячим следам» события (В.В.Вишневский, сентябрь 1939 г.²⁹⁴), и спустя десятилетия (запись под диктовку К.Симонова 2 марта 1979 г., хотя в последнем случае высказывалось лишь предположение, что Сталин накануне пакта с Германией ставил себя «мысленно на место Ленина в период Брестского мира»²⁹⁵).

Знаменательной была реакция советского дипломатического посланника в Париже Я.З.Сурица на сталинскую телеграмму на имя Риббентропа от 25 декабря 1939 г. Когда И.Эренбург упомянул о ее содержании, Суриц вначале призвал писателя не придавать ей значения, поскольку «это — дипломатия». Но затем Сурица «прорвало». Он восклицал, обращаясь к Эренбургу: «Вся беда в том, что мы с вами люди старого поколения. Нас иначе воспитывали... Вот вы взволновались из-за телеграммы. Есть вещи и похуже»²⁹⁶. Что имел в виду советский дипломат, когда упоминал о су-

ществовании вещей «похуже» телеграммы Сталина Риббентропу, узнать, вероятно, уже невозможно. Однако в его рассуждении о «людях старого поколения», которые были воспитаны «иначе», звучит, на наш взгляд, некий упрек «новому» поколению, привыкшему воспринимать как должное деяния своего руководства.

Порой наличие такой «привычки» приводило к печальным последствиям. В данной связи несомненный интерес представляет инцидент, который произошел после появления в газете «Известия» материалов, связанных с договором о дружбе и границе с Германией от 28 сентября 1939 г. В газете была помещена карта с обозначением демаркационной линии между двумя странами²⁹⁷. Поскольку «Известия» являлись официальным печатным органом Верховного Совета СССР, то многие другие газеты (начиная от «Пищевой индустрии» и кончая «Кино») именно оттуда перепечатали вышеупомянутую карту. Согласно разграничительной линии, нанесенной на карту, в частности, бывшие польские городки Крыстынополь и Остроленка были обозначены как находящиеся на советской территории.

Но уже через день после публикации упомянутой карты заместитель начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) П.Н.Поспелов сообщал своему «шефу», секретарю ЦК А.А.Жданову, что последняя «содержит две грубые ошибки». По утверждению Поспелова, города Остроленка и Крыстынополь обозначались на ней «на советской стороне», в то время как они, оказывается, входили... «в германскую территорию»! Скандал был настолько велик, что уже 5 октября 1939 г. данный вопрос обсуждался на Оргбюро ЦК ВКП(б). Оргбюро постановило: за опубликование в газете «Известия» 29 сентября 1939 г. карты границы между СССР и Германией, «содержащей грубые ошибки», и.о. редактора газеты Я.Г. Селиху был объявлен выговор. Последнему было предложено наложить взыскание и снять с работы картографа редакции Г.М.Хомзор-Хомутова, «представившего неправильную копию карты границы между СССР и Германией». 7 октября 1939 г. картографу был объявлен выговор и он лишился работы²⁹⁸.

Почему же оказался возможным столь вопиющий случай, выходящий за рамки обыкновенного головотяпства и, на первый взгляд, грозивший дипломатическим скандалом? Трудно понять причину промаха Я.Селиха, любившего, по свидетельству Д.Ф.Крамина, «показать свою осведомленность». Степень его осведомленности была такой, что, он, например, уже 24 августа 1939 г. рассказывал подчиненным, как Риббентроп предлагал вписать в текст пакта о ненападении слова о советско-германской дружбе, которые были отвергнуты Сталиным²⁹⁹. Эта подробность, не зафиксированная советскими источниками, подтверждается германскими³⁰⁰. Более того, Я.Селих даже знал, какие тосты произносились во время ужина в Кремле после подписания пакта и какие рассказывались анекдоты!³⁰¹

Причина «политических ошибок», допущенных газетой «Известия» при публикации карты с обозначением границы между СССР и Германией, на наш взгляд, заключалось в следующем. В ходе переговоров с Риббентропом Сталин в пользу Германии отказался от небольшой территории, куда, в частности, был включен и городок Остроленка (Крыстынополь оставался на советской стороне). Тут же были внесены соответствующие коррективы в немецкую карту, которые Сталин и Риббентроп подтвердили собственноручными подписями на ней³⁰². Советский вариант этой карты, очевидно, был скорректирован позднее. «Известия» пользовались при публикации неправленным ее вариантом, что и вызвало немедленную реакцию Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) и повлекло совершенно незаслуженное наказание редактора газеты и картографа.

Данный случай лишний раз свидетельствует о сложностях, возникавших в ходе подготовки советскими средствами массовой информации материалов на внешнеполитические темы, а также о постоянной опасности, которой подвергались представители интеллигенции, работавшие в них.

Итак, вслед за заявлениями представителей большевистского руководства и советской пропаганды, в общественном сознании пакт Риббентропа-Молотова постепенно стал восприниматься как акция, в которой была своя необходимость. Но официальная трактовка его означала, что был как бы

разрушен некий фундамент, на котором основывалось восприятие внешнего мира большинством советских людей, в том числе — представителями интеллигенции.

Вместе с пактом и свертыванием антифашистской пропаганды в стране СССР уже терял свой прежний образ в мире как надежного гаранта продолжения борьбы с фашистской опасностью. К.Симонов говорил по этому поводу: «С точки зрения самоощущения себя как человека той страны, которая была надеждой всего мира, вернее, не всего мира, а всех наших единомышленников в мире, главной надеждой в борьбе с мировым фашизмом — мы говорили тогда о мировом фашизме, он был для нас не только немецким, — было что-то не то. В этом прежнем самоощущении было что-то утрачено, потеряно. И я это чувствовал и знал, что это чувствуют другие»³⁰³.

Сталин уже 7 сентября 1939 г., после нападения Германии на Польшу, заявил своим ближайшим соратникам, что война идет между двумя группами капиталистических стран («бедные» и «богатые»). По его словам, неправильным в условиях начавшейся войны было противопоставление фашистских и демократических государств. В то же время он занял резко враждебную позицию в отношении Польши. Сталин охарактеризовал ее как фашистское государство, которое угнетало украинцев, белорусов и другие национальные меньшинства³⁰⁴.

Этот враждебный образ Польши создавался с целью подготовки общественного мнения к ее разделу, который должен был осуществиться совместно с Германией согласно секретного протокола к пакту о ненападении. 17 сентября 1939 г. Красная Армия вступила на территорию Польши. Большевицское руководство объявило данный практический шаг по освоению «сфер интересов» за счет территории этой страны «освободительным походом» на помощь украинцам и белорусам, проживавшим на территориях, отошедших от Советской республики к Польше в результате Рижского мира 1921 г. Благодаря этому «освободительному походу» удалось превратить демаркационную линию разделения советских и германских войск в границу между двумя государствами. Тем самым Польша как самостоятельное государство прекратила

временно свое существование, что было закреплено советско-германским договором о дружбе и границе от 28 сентября 1939 г.

После нападения Германии на Польшу некоторые представители советской интеллигенции внутренне симпатизировали ей. 2 сентября М.М.Пришвин записал в дневнике, что, находясь в метро, прочитал известие об этом нападении, «потрясенный, пораженный, поднял голову» и встретил горящие глаза незнакомых попутчиков, понимающие его настроение³⁰⁵.

Когда немцы начали войну против Польши, вспоминал К.Симонов, все его сочувствие, так же, как и сочувствие его товарищей по редакции военной газеты, где он работал, было на стороне поляков, во-первых, «потому что сильнейший напал на слабого», а во-вторых, поскольку даже несмотря на наличие пакта с Германией никто не желал победы гитлеровцам³⁰⁶.

Р.Д.Орлова вспоминала, что в дни, когда Польша «была стерта с карты мира», перед ней не возникало вопроса о нравственности столь драматического события, совершившегося при «половинном участии» Советского Союза. Ее воспитывали в духе теории: «нравственно все то, что служит пролетариату». Захват западнопольских областей Красной Армией в сентябре 1939 г., рассуждала Р.Д.Орлова в то время, «служит пролетариату, значит — это нравственно». При наличии «крепкого очищенного тыла», по ее мнению, «мало было возможностей сочувствия полякам — и по разуму, и по сердцу». В те дни вряд ли кто-либо даже «в стол» писал о растерзанной Польше, выражала сомнение Р.Д.Орлова³⁰⁷.

Советско-польская война 1920 г. и вся последующая почти двадцатилетняя история натянутых взаимоотношений СССР и Польши оставили отпечаток в общественном сознании. После ее раздела активизировалась работа по созданию фильмов на польскую тематику, авторами которых являлись видные советские режиссеры. Эти ленты являлись своеобразной демонстрацией печально известного тезиса В.М.Молотова, прозвучавшего в его докладе на заседании Верховного Совета СССР 31 октября 1939 г. (советский лидер назвал тогда Польшу «уродливым детищем Версальского договора, живущим за счет угнетения непольских национальностей»³⁰⁸).

Уже на другой день после упомянутого выступления В.М.Молотова, 1 ноября 1939 г., на заседании Комитета по

делам кинематографии при СНК СССР рассматривался вопрос об улучшении качества звуковых фильмов. Было упомянуто и о недостатках в звукозаписи художественного фильма В.Пудовкина «Минин и Пожарский». Председатель Комитета по делам кинематографии И.Г.Большаков в данной связи подчеркнул в своем заключительном слове на заседании, что этой картине придавалось «большое значение и с точки зрения художественной, и с точки зрения идейной». Киноленту «Минин и Пожарский» было намечено демонстрировать в массовых копиях по всему Советскому Союзу, а главное — она, как сказал Большаков, *«перекликается с международными событиями»* [курсив мой — авт.]³⁰⁹.

Этот фильм вышел в установленные сроки, а за ним последовали и другие ленты сходной тематики: «Ветер с Востока» А.Роома (1940 г.), «Голос Тараса» В.Файнберга (1940 г.), «Богдан Хмельницкий» И.Савченко (Комитет по кинематографии при СНК СССР приступил к производству картины в IV квартале 1939 г., выпуск 1941 г.)³¹⁰. В контексте конкретных обстоятельств конца 30-х — начала 40-х гг., а также в соответствии со сложившимся на протяжении предыдущих десятилетий стереотипом враждебности по отношению к Польскому государству, подобные кинокартины имели совершенно определенную политико-пропагандистскую значимость, несмотря даже на первоначальный замысел их создателей³¹¹.

Вероятно, антипольские мотивы, звучавшие в них, проявлялись слишком навязчиво, бросались в глаза. На заседании комитета по делам кинематографии при СНК СССР, состоявшемся 11 ноября 1939 г., один из его сотрудников, Семенов, даже заявил, что Польша стала своеобразным козлом отпущения: какая бы тема ни бралась для экранизации, «все переносится» на нее. По его словам, некоторые советские режиссеры стали действовать по принципу: «давайте валить все на Польшу», но при этом «Германию брать нельзя»³¹².

Последняя фраза наряду с неприятием антипольской направленности советского кинематографа, активно начавшей проявляться осенью 1939 г., выявляет, на наш взгляд, глухое недовольство по поводу резкой смены враждебного образа Германии на «дружественный». Но подобного рода настроения вслух тогда высказывались крайне редко. Основная

часть представителей интеллигенции, которые были задействованы в работе политико-пропагандистского аппарата тоталитарного режима, должна была участвовать в обеспечении на своем участке курса на «дружбу» с нацистской Германией. С этой целью было прежде всего обращено внимание на развитие советско-германских культурных связей. Не случайно уже 10 ноября 1939 г. во Всесоюзном обществе культурной связи с границей (ВОКС) состоялся большой прием, как указывал его участник, заведующий Литературным агентством объединения «Международная книга» А.Г.Соловьев, «в честь установления дружеских отношений с Германией». На этом приеме помимо «работников разных ведомств» присутствовали представители интеллигенции: писатели, артисты, композиторы, художники. Организован он был для того, чтобы продемонстрировать немецкой стороне искреннее желание расширить культурные связи³¹³.

Исходя из указаний, спущенных «сверху», активизировало свою деятельность Главное управление по контролю за репертуаром и зрелищами (ГУРК) Комитета по делам искусств при СНК СССР. Его сотрудники, так называемые политические редакторы (писатель М.А.Булгаков, изрядно настрадавшийся от общения с ними, характеризовал их так: «люди с идеологическими глазами»), зорко следили за тем, чтобы проходившие через их руки произведения не омрачали начавшейся советско-германской «дружбы».

В июне 1939 г. в ГУРК был направлен после авторской доработки текст пьесы В.Азовского (Гавриша) «Двойным ударом». Заголовок пьесы был навеян высказыванием Сталина на XVIII съезде ВКП(б), где он утверждал, что СССР готов «ответить двойным ударом на удар поджигателей войны»³¹⁴. Политический редактор ГУРК Л.Дирик так определил тему пьесы: будущая война СССР с фашистской Германией и героизм советских людей. Но за время, пока текст находился в Главреперткоме, внешнеполитическая обстановка изменилась, и произведение В.Азовского (Гавриша) не было одобрено. После авторской доработки пьеса была «улучшена»: из текста оказались снятыми указания на то, что война будет вестись против Германии. Тем не менее ситуация не благоприятствовала постановке этой пьесы. Полити-

ческий редактор ГУРК 29 августа 1939 г. дал следующее заключение о ней: «Сама тематика, рисующая будущую войну с Германией, в данное время политически нежелательна». После заявления В.М.Молотова, прозвучавшего в выступлении 31 октября 1939 г. о том, что «оказалось достаточно короткого удара по Польше со стороны сперва германской армии, а затем — Красной Армии», чтобы от Польского государства «ничего не осталось»³¹⁵, В.Азовский (Гавриш) попытался провести через ГУРК свое новое детище под названием «Коротким ударом». Однако по сути была предложена прежняя пьеса, и 14 февраля 1940 г. Главрепертком отверг и ее³¹⁶.

Из Москвы в союзные республики были направлены соответствующие распоряжения ГУРК о контроле за театральным репертуаром на местах. Ряд спектаклей запретили на Украине, однако выявились разногласия относительно оперы «Щорс», где одним из действующих лиц был... немец. Из Москвы пришло распоряжение прекратить показ оперы. Однако на месте в ее либретто лишь внесли купюры, не оставив ни одного упоминания о злополучном немце. После этого опера продолжала идти в Киеве и Одессе³¹⁷.

В архиве журнала «Знамя» сохранились письма, направлявшиеся редакцией авторам, чьи произведения не принимались, в том числе — исходя из качественно нового состояния взаимоотношений с Германией. Член редколлегии этого «оборонного» журнала Ан.Тарасенков 26 сентября 1939 г. сообщал писателю Е.Я.Хазину: «Я думаю, что Вы сами понимаете невозможность печатать в нынешнее время Вашу рукопись о русско-прусской войне. *Это сейчас совсем неуместная тема*» [курсив мой — авт.]. 10 октября аналогичный ответ был направлен И.Л.Кремлеву-Свэн, избравшему в качестве сюжета для своего рассказа «Дед» гипотетическую советско-германскую войну 1940 г. Ан.Тарасенков аргументировал свой отказ тем, что произведение не может быть опубликовано в «Знамени» «по внелитературным причинам»³¹⁸.

В начале ноября 1939 г. в журнал «Знамя» обратился Б.Л.Пастернак. Он просил убедить В.В.Вишневского, являвшегося ответственным редактором журнала, опубликовать свой перевод драмы немецкого писателя XIX в. Г.Клейста «Принц Гомбургский», осуществленный еще в 1936 г., но не

вышедший в свет по политическим причинам. Как считал Б.Пастернак, в связи с подписанием советско-германского договора о дружбе эти причины отпали сами собой. Примечательно, что основная идея пьесы «Принц Гомбургский» — необходимость беспрекословного повиновения приказам — активно использовалась нацистами: в 1939–1940 гг. она с успехом шла в берлинском театре. Пастернаковская же версия ее перевода так и не была опубликована в 1940 г. в «Знамени», но тогда же вошла в книгу избранных переводов поэта³¹⁹.

Синдром «дружбы с Германией» стал проникать в сознание людей. 13 ноября 1939 г. студенты ГИТИСа В.Королев и О.Левин, обратившись с письмом к главе советского правительства, сообщили об их присутствии на просмотре пьесы П.Д.Маркиша «Пир» в Московском государственном еврейском театре. События, происходившие в ней, относились ко времени гражданской войны. Атаман «белобандитов», покусившийся на честь еврейской девушки, был убит ею, в ответ «белобандиты» хотели устроить погром в местечке, но «красные» предотвратили его. Королев и Левин считали: пьеса «подставляет» Германию, что являлось «возмутительным преступлением» и писали Молотову: «В своей речи недавно [подразумевалось выступление 31 октября 1939 г. — авт.]. Вы... указывали на необходимость отказаться от многих прежних установок, не соответствующих современной политической обстановке. Этот спектакль не может не вызвать ярость зрителя, в особенности еврейского, против национал-социалистской Германии». Оказывается, присутствовавшие на просмотре пьесы представители ГУРК заявили Королеву и Левину, что она является ответом театра на еврейские погромы 1938 г. в Германии. Из секретариата Молотова поступило распоряжение проверить и доложить. Пьесу вторично просмотрела специально созданная комиссия. Выводы этой комиссии сводились к следующему: неизвестно, кто надоумил авторов письма выявить аналогию событий в пьесе с погромами в Германии, и председатель Комитета по делам искусств М.Б.Храпченко в ответе, направленном в секретариат В.М.Молотова, отметил, что обвинения Королева и Левина необоснованны³²⁰.

Описанный случай, конечно, является беспрецедентным, но дает представление о сумятице, царившей в умах интеллигенции на начальном этапе сближения СССР и Германии. В той ситуации особенно щекотливым оказалось положение немецких эмигрантов-антифашистов, проживавших в Москве.

Р.Д. Орлова вспоминала, насколько мучителен для нее был вставший после подписания договора о дружбе с нацистской Германией вопрос: если СССР — «за Гитлера», то «как же с антифашистами, с романами Бределя и Фейхтвангера»?³²¹

Своеобразный ответ на него можно найти в отчете немецкой секции Союза советских писателей. В документе подчеркивалось, что с августа 1939 г. все ее члены «по независящим от них обстоятельствам должны *перестроить* [курсив мой — авт.] свое творчество»³²². Активно сотрудничавшие в журнале «Интернациональная литература» И.Бехер, Э.Вайнерт, В.Бредель уже не могли свободно высказывать свои антифашистские настроения на страницах этого издания. Э.Вайнерт сосредоточился на переводах на немецкий язык стихотворений М.Ю.Лермонтова и Т.Г.Шевченко. В.Бредель взялся за написание романа о прошлом рабочего класса Германии³²³.

Их земляк и коллега А.Курелла расценил сложившуюся обстановку благоприятной для реализации своего замысла, изложенного в специальной записке, направленной в Союз советских писателей 4 сентября 1939 г. Он предлагал обширный план популяризации пропагандистского лозунга развития и расцвета дружбы между советским и германским народами, провозглашенного В.М.Молотовым. При воплощении в жизнь этого плана А.Курелла считал необходимым использовать прежде всего радиопередачи. При отборе материала для этих радиопередач он рекомендовал «одинаково решительно отбросить как всякие упрощенные антифашистские установки, так и уступки фашистскому толкованию культурного наследия германского народа». Он предлагал использовать в передачах советского радио не только произведения далекого прошлого, но и литературу Германии последних 30 лет. При этом А.Курелла указывал на необходимость «исключить открыто антифашистские произведения»³²⁴.

В новой атмосфере, наступившей в советско-германских отношениях, иным было отношение и к произведениям, искусственно трактованным как антифашистские, но не являвшимся таковыми по сути. Еще в 1933 г. был опубликован перевод пьесы немецкого писателя Г.Гауптмана «Перед заходом солнца», осуществленный под редакцией тогдашнего наркома просвещения А.В.Луначарского³²⁵. При редактировании текста перевода А.В.Луначарский ввел в пьесу образ Кларота — штурмовика и доверенного лица самого Гитлера. В 1938 г. в Ленинграде приступили к постановке спектакля по пьесе Г.Гауптмана, однако она «не была осуществлена по причинам общеполитического порядка». В 1940 г. идея подобной постановки возникла вновь, причем за основу был взят текст, содержащий антифашистские мотивы. В отзыве на этот текст, подписанном Л.З.Копелевым, отмечалась необходимость «снятия социологической редакции». Это относилось прежде всего к «явно неудачной — и не только в силу изменившихся обстоятельств» трактовке образа Кларота. Л.З.Копелев предлагал рекомендовать для сцены перевод пьесы, сделанный в 1933 г., при условии снятия всех добавлений к подлиннику, принадлежавших А.В.Луначарскому и имевших целью сделать драму Г.Гауптмана «антифашистской»³²⁶.

Нельзя не отметить правильности рекомендаций Л.З.Копелева, ибо хорошо известно, что сам Гауптман вряд ли имел антинацистские взгляды, поскольку смирился с гитлеровским режимом и пользовался покровительством самого министра пропаганды Третьего рейха. Геббельс же в пропагандистских целях не устал напоминать, что крупнейший немецкий драматург не только остался при нацистах в Германии, но и продолжал писать свои пьесы, которые шли на немецкой сцене³²⁷.

В письме А.Куреллы на имя председателя Иностранной комиссии ССП Аплетина от 11 января 1940 г. отмечалось, что немецкие писатели-переводчики в Москве работают с целью ознакомления германской публики с русской и советской поэзией. При общей установке на «культурное сближение» СССР и Германии эта деятельность определялась им как очень важная. Он просил обратить внимание правления

Союза советских писателей на политическое значение и необходимость привлечения членов немецкой секции к переводам такого рода произведений на язык Гете и Гегеля, на язык 80-миллионного «дружественного нам немецкого народа»³²⁸.

Аналогичные предложения выдвигались эмигрантами из Германии, сотрудничавшими в журнале «Интернациональная литература». В октябре 1939 г. редакция его немецкого издания выступила с инициативой отражения лозунга дружбы между русским и германским народами, «как это нашло выражение в докладе тов. Молотова»³²⁹. Данная инициатива, однако, не имела практического воплощения. Директор экспортной конторы «Международной книги» Любарская 22 октября 1939 г. сообщала, что в Германии немецкое издание «Интернациональной литературы» в ближайшее время распространять нет возможности³³⁰. Причина была весьма прозаической: нацистские цензоры из «дружественной» Германии с огромным подозрением относились к журналу, в названии которого содержалась прямая аналогия с Коммунистическим Интернационалом.

Таким образом, некоторым немецким писателям удалось адаптироваться к новым условиям и даже «вписаться» в пропагандистскую кампанию, начавшуюся после речи В.М. Молотова 31 августа 1939 г. Другим везло гораздо меньше, поскольку специфика их творчества не позволяла проделывать подобную эволюцию. Руководство немецкой секции Союза советских писателей в марте 1940 г. с тревогой сообщало в Литературный фонд, что эмигрант из Германии драматург Г. Вангенгейм «оказался в совершенно безвыходном материальном положении». После пакта Риббентропа-Молотова его пьеса «Захватчики», которую ставили театры Москвы и Ростова-на-Дону, ряда других городов, была снята с репертуара. Г. Вангенгейм зарекомендовал себя как драматург, режиссер и сценарист, автор сценария антифашистского фильма «Борцы», демонстрировавшегося в СССР³³¹.

Определенные трудности в подборе материалов для публикации возникли перед редколлегией журнала «Интернациональная литература». Исполнявший обязанности ответственного редактора журнала Т. Рокотов сразу же после подписания пакта от 23 августа 1939 г. понял, насколько боль-

шая ответственность легла на него в новых внешнеполитических условиях. Он попытался найти поддержку в правлении ССП. На заседании президиума Союза советских писателей 8 сентября 1939 г. с повесткой дня «О литературно-художественных журналах» Т.Рокотов заявил, что для журнала «Интернациональная литература», связанного с зарубежной читательской аудиторией, наступил «очень острый и сложный период». Он пытался убедить руководство ССП в лице его Иностранной комиссии проявить инициативу и определить основные направления издательской политики журнала в новой обстановке, опасаясь «сделать ту или иную ошибку, тот или иной ляпсус», ибо не исключена была вероятность, что «потом позовут нас редакторов и, задним числом, будут греть»³³². Но и ССП не пожелал, очевидно, брать ответственность на себя.

День спустя после речи В.М. Молотова, прозвучавшей 31 октября 1939 г., Т.Рокотов обратился за разъяснениями относительно характера деятельности «Интернациональной литературы» в более высокую инстанцию. Он направил письмо в Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), пытаясь там найти ответ на волновавший его вопрос о характере деятельности редактируемого им журнала, однако ответа не получил³³³. Действуя на свой страх и риск Т.Рокотов отказался после 23 августа 1939 г. от сотрудничества с активными корреспондентами из числа антифашистов, эмигрировавших на Запад³³⁴. Это привело к потере самой основы популярности «Интернациональной литературы» в СССР и за рубежом. В советской историографии снижение активности издания в 1939-1941 гг. объяснялось исключительно тем, что началась Вторая мировая война, в результате которой невозможно было поддерживать традиционные связи журнала с западной читательской аудиторией³³⁵. Думается, наряду с этой причиной следует учитывать и влияние советско-германской «дружбы», начавшейся после подписания пакта о ненападении.

Переключение внимания на пропагандистское обеспечение курса на сближение с нацистской Германией происходило одновременно с нагнетанием антианглийских и антифранцузских настроений, что также делалось, исходя из ука-

заний Сталина и Молотова. Для начала они свалили всю вину за срыв советско-англо-французских переговоров в Москве в августе 1939 г., прерванных с приездом Риббентропа, на представителей Великобритании и Франции. Эти обвинения не были безосновательны, но и сам Сталин не проявлял особого желания заключать военный союз с западными державами, направленный против экспансии Германии в Европе, о чем свидетельствует его инструкция главе советской делегации на переговорах, наркому обороны К.Е.Ворошилову от 7 августа 1939 г.³³⁶

После заключения пакта о ненападении с Германией большевистское руководство поспешило отмежеваться от западных держав. Молотов с присущим ему иезуитством в выступлении 31 августа 1939 г. назвал Англию и Францию «зарвавшимися поджигателями войны», уже заранее отводя удар от своих новых «друзей» — нацистов³³⁷.

После того как обе западные державы оказались действительно в состоянии войны с Германией, Сталин в беседе с Г.Димитровым, Молотовым и Ждановым 7 сентября 1939 г. цинично заявил: «Мы не прочь, чтобы они подрались хорошенько и ослабили друг друга. Неплохо, если [бы] руками Германии было расшатано положение богатейших капиталистических стран (в особенности Англии)»³³⁸. Возможно сам не зная того, Сталин почти дословно повторил высказывание премьер-министра Великобритании С.Болдуина, который в 1936 г. выражал сходную надежду на войну между русскими и немцами.

Антибританская направленность советской пропаганды начала проявляться практически сразу после подписания пакта Риббентропа-Молотова. Ю.П.Шарапов вспоминал, что и визиты Риббентропа в Москву в 1939 г. и ответный визит Молотова в Берлин 1940 г., «события довольно странные, учитывая природу гитлеровского фашизма», подавались советской пропагандой в то время «под соусом сталинской дипломатии и нелестных слов по адресу Англии и Франции, отношение к которым было прежним, т.е. по меньшей мере настороженным»³³⁹. Другой очевидец событий, инженер из Кемерово, подчеркивал: «На пропагандистских карикатурах толстяк Джон Буль и дядя Сэм по-прежнему восседали на толстых денежных мешках, но нацисты были избавлены от

таких издевательств». Если и говорилось об «империализме», то с прямым указанием или косвенными намеками на «англо-французских империалистов»³⁴⁰.

В дневнике В.Вишневого зафиксировано чувство глубокого удовлетворения, прямо-таки нескрываемого восторга, по поводу того, что благодаря пакту будет нанесен морально-политический удар Англии и Франции. Вот запись от 31 августа 1939 г.: «Франция рвет и мечет... Англия — в тяжелом положении. Мы опрокинем ей на голову, то что она сама собиралась опрокинуть на нас: германскую злобу, ярость»³⁴¹.

В беседе со своими ближайшими соратниками 7 сентября 1939 г. Сталин заметил: «Гитлер, сам того не понимая, расшатывает, подрывает капиталистическую систему». При этом он имел в виду, что Германия, ведя войну, прежде всего наносит удары по Британской империи³⁴².

Данная сталинская мысль немедленно стала основой для новых пропагандистских установок. 10 ноября 1939 г. начальник Политического управления РККА Л.З.Мехлис собрал совещание писателей, работавших в армии и на флоте, членов так называемой Оборонной комиссии ССП. На совещании довольно откровенно говорилось о сложившейся международной ситуации и о перспективах развития событий. Исходя из этой информации, Л.З.Мехлис поставил перед присутствовавшими конкретные задачи по освещению внешней политики СССР. На совещании начальник ПУРа прямо заявил: «Германия делает в общем полезное дело, *расшатывая британскую Империю* [курсив мой — авт.]. Разрушение ее [т.е. Британской империи — авт.] поведет к общему краху империализма — это ясно». И чтобы не оставалось уже никаких сомнений, Л.З.Мехлис подчеркнул, что главный враг СССР, «конечно — Англия»³⁴³.

В.В.Вишневецкий адекватно воспринял подобные указания, исходившие «сверху», и постарался немедленно донести их до других. На следующий день после упомянутого совещания в ПУРе он присутствовал на заседании сценарного совета Комитета по делам кинематографии при СНК СССР, где обсуждалась тематика кинофильмов на 1940-1941 гг. В.В.Вишневецкий заявил там буквально следующее: «Очень остро встанет вопрос о британской империи, о разгроме этой

гигантской колониальной империи и здесь, как это ни парадокс[ально]... Германия делает свое прогрессивное дело»³⁴⁴.

Представители интеллектуальной элиты не могли не учитывать новых сталинских установок об «агрессивности» Англии и Франции в начавшейся мировой войне. Зачастую это «понимание момента» принимало уродливые формы. Осенью—зимой 1939 г., в разгар дискуссии по проблемам художественной литературы, были пущены в ход внешнеполитические аргументы: один из ее участников обвинил оппонентов... «в пособничестве англо-французскому империализму»³⁴⁵.

Член редколлегии журнала «Знамя» Ан.Тарасенков 19 декабря 1939 г. писал Р.З.Миллер-Будницкой, рукопись статьи которой готовилась к публикации, что из текста была сделана «выкидка». Объясняя причину, по которой была произведена купюра, он, в частности, подчеркивал: «В сегодняшней международной ситуации было бы ошибочным делать акцент на французских революционных традициях... Франция сегодня агрессор, в ней сегодня хозяйничают реакционеры. Вы это сами знаете не хуже меня и потому, думаю, согласитесь с этой купюрой»³⁴⁶.

Неудача советского руководства, связанная с созданием Финляндской Демократической Республики и советизацией Финляндии, и то обстоятельство, что Англия и Франция поддержали финнов не только морально, но и помогли им вооружением, привели к еще большему ухудшению отношений СССР с западными державами. С началом финской войны, антианглийская и антифранцузская направленность советской пропаганды еще более обострилась. В этих условиях как никогда было необходимо наличие острого «политического чутья».

Об этом, в частности, свидетельствует письмо и.о. ответственного редактора «Интернациональной литературы» Т.Рокотова в Управление пропаганды и агитации от 13 января 1940 г. Рокотов критически оценил опубликованную в «Литературной газете» статью Я.Семенова³⁴⁷, в которой автор, якобы, выступал «с защитой Киплинга, пресловутого певца английского империализма». Редактор «Интернациональной литературы» подчеркивал в своем письме, что имя Р.Киплинга было использовано «самыми реакционными кругами

Англии и Франции в целях пропаганды и приукрашивания ведущейся этими странами империалистической войны». В подтверждение своей мысли Т.Рокотов ссылаясь на газету «Известия», сообщавшую, что представители российской эмиграции во Франции («российские белогвардейцы») всячески подчеркивали заслуги английского поэта «перед англо-французским империализмом в период первой империалистической войны». Естественно, дело было вовсе не в Киплинге: руководивший редакцией «Интернациональной литературы» Т.Рокотов, посылая письмо в УПА ЦК ВКП(б), хотел лишь узнать: правильную ли позицию он занял и соответствовала ли эта позиция «международной литературной политике» и интересам СССР³⁴⁸.

К лету 1940 г. политические пристрастия большевистских руководителей оказались более-менее ясны. Мирный договор с Финляндией 12 марта 1940 г. трактовался советской пропагандой не только как дипломатический акт, закрепивший «передвижение» границы с этой страной на север от Ленинграда, но и как неудача англо-французских империалистов, стоявших за спиной Финляндии и замышлявших войну против СССР. Оккупация Германией Дании и Норвегии была воспринята в Москве с одобрением. В.М.Молотов 9 апреля 1940 г. поспешил заявить германскому послу Ф.Шуленбургу, что СССР желает своим партнерам полной победы в подобного рода «оборонительных мероприятиях», ибо, по его словам, англичане «зашли слишком далеко»³⁴⁹. А.А.Жданов выразился еще более откровенно. Выступая на собрании актива Ленинградской партийной организации с докладом об итогах мартовского (1940 г.) Пленума ЦК ВКП(б) 13 апреля 1940 г., он остановился и на оценке событий в Норвегии и Дании. Оценивая их «с точки зрения СССР», Жданов подчеркнул, что гораздо «приятнее, полезнее и ценнее иметь под боком не антисоветских англо-французских союзников с намерением напасть либо на Германию, либо на Ленинград, а иметь под боком страну, которая с нами в дружественных отношениях»³⁵⁰. Несомненно, в качестве «дружественной» страны он рассматривал Германию.

Важной составляющей частью в процессе формирования внешнеполитических стереотипов на рубеже 30-х — 40-х гг.

было определение позиций и ближайших задач Советского Союза. Осенью 1939 г. большевистское руководство пустило в ход безотказную идею об освободительной миссии СССР и расширении границ социализма и сокращения за этот счет сферы влияния капитализма.

Еще до начала так называемого «освободительного похода» Красной Армии в Польшу, 7 сентября 1939 г. Сталин, наставляя своих соратников, подчеркивал, что уничтожение ее «означало бы одним буржуазным фашистским государством меньше». «Что плохого было бы, если бы в результате разгрома Польши *мы распространили социалистическую систему на новые территории и население*» [курсив мой — авт.]³⁵¹.

В общественном сознании идея «распространения социалистической системы на новые территории и население» нашла живой отклик. Раздел Польши даже воспринимался как «начало мировой революции»³⁵². Жители Западной Украины и Западной Белоруссии представлялись как бедные, несчастные люди, которые «одну спичку делили на четыре части». Советские средства массовой информации восхваляли «освободительный поход» в западные области. День его начала — 17 сентября 1939 г. — подавался пропагандой как преддверие «величественного эпоса», в котором должна была выразиться вся современная история, «весь смысл передовых идей человечества»³⁵³.

К.Симонов рассказывал, что встретил известие о вступлении Красной Армии на новые территории «с чувством безоговорочной радости». Вспоминая напряженную атмосферу предшествовавших этому событию десятилетий напряженности в советско-польских отношениях, писатель спрашивал: почему же ему было тогда не радоваться, что СССР шел освобождать Западную Украину и Западную Белоруссию? Правда этого сталинского шага еще более подтверждалась тем обстоятельством, что ни Англия, ни Франция, объявив войну Германии, так и не пришли вопреки своим заверениям на помощь полякам³⁵⁴.

«Эпос освобождения» была призваны освещать советские кинооператоры-документалисты. Большая бригада кинохроникеров отправилась вместе с частями Красной Армии в Западную Белоруссию и в Западную Украину. Итоги ее работы

обсуждались 11 ноября 1939 г. на совещании Комитета по делам кинематографии при СНК СССР. «Красная Армия — освободительница своих братьев украинцев — вот основная задача, поставленная перед нашей группой», — так охарактеризовал цели кинодокументалистов во время поездки один из ее участников. Эта задача, по его словам, была сформулирована в речи В.М.Молотова 17 сентября 1939 г. Во избежание недостатков и накладок, имевших место в освещении «освободительного похода», кинооператоры настаивали на том, чтобы их заранее информировали, «держали наготове на границе в узле будущих столкновений». И.Г.Большаков, подытоживая результаты работы кинооператоров в западных областях, подчеркнул необходимость укрепления аппарата Комитета по делам кинематографии «авторитетными товарищами, которые были бы вхожи в ЦК партии и в ПУР»³⁵⁵.

Между тем в начале ноября 1939 г. В.М.Молотов уже во всеуслышание озвучил сталинский тезис о «распространении социалистической системы на новые территории и население». В своей речи по поводу очередной годовщины Октябрьской революции он заявил, что в результате «освободительного похода» Красной Армии границы социалистического мира расширились, а это заставило капиталистический мир «немного потесниться и отступить»³⁵⁶.

Таким образом, одно из основополагающих понятий мифологического сознания — понятие границы, как некоей магической линии, определяющей пределы освоенной территории, за пределами которой таилась опасность и действовали враждебные силы³⁵⁷, в конце 30-х гг. стало деформироваться. Эта граница *начала двигаться*, тем самым расширялась сфера советского влияния и сужался ареал капиталистического.

Большевистское руководство, готовясь к новым акциям по освоению «сфер интересов», заботилось о том, чтобы они воспринимались общественным сознанием как закономерный процесс дальнейшего «расширения границ социализма». На упоминавшемся совещании с писателями, работавшими в армии и на флоте, были даны соответствующие указания на сей счет. В частности, начальник ПУРа Л.З.Мехлис подчеркнул, что нельзя упускать «исключительный случай на Балтике», имея в виду заинтересованность СССР в увеличении

своих территорий за счет Прибалтийских республик и Финляндии. По поводу последней Мехлис бросил реплику, что в конфликте с ней советская сторона добьется своего «не добром, так кровью». «Армия наша на границе, в готовности», — такое признание сделал начальник ПУРа присутствовавшим писателям, по существу раскрывая замысел войны, которую намеревался развязать Сталин против финнов³⁵⁸.

11 ноября 1939 г. В.В.Вишневский, усвоивший подобного рода наставления, поспешил выступить с соответствующей интерпретацией их на заседании Комитета по делам кинематографии. Среди других тем, которые, по его мнению, следовало освещать в кинематографе, Вишневский назвал следующую: «Наши бойцы за границей в капиталистическом окружении». Она, подчеркнул Вишневский, тесно связана с Прибалтикой, а, следовательно, — с темой «большой европейской войны», в которую готовился вступить и Советский Союз. Ссылаясь на прозвучавшую в речах В.М.Молотова уверенность о неизбежном превращении этой войны в мировую, писатель поставил перед присутствовавшими кинематографистами задачу — учитывать в тематике фильмов 1940–41 гг. «вопросы выхода нашего в Атлантический океан, в Тихий океан»³⁵⁹.

30 ноября 1939 г. СССР напал на Финляндию. По словам Р.Д.Орловой, в советской пропаганде в период кампании 1939–40 гг. была произведена «простейшая филологическая операция»: финны назывались белофиннами. Эта метаморфоза способствовала упрощению понятий и как бы расставляла все на свои места: «захватническая война превращалась в другую». К тому же, опять «отодвинулась граница» социализма³⁶⁰.

«Передвижение границы», связанное с «освободительным походом» 1939 г. и финской войной, способствовало тому, что представители советской интеллигенции (преимущественно работавшие в средствах массовой информации и участвовавшие в пропагандистском обеспечении этих внешнеполитических акций) смогли воочию познакомиться с «иным» миром. Это давало возможность сравнивать его со «своим» миром, видеть сходства и коренные различия. Порой подобного рода наблюдения наводили на грустные размышления, поскольку открывалась изначальная сторона «освободительной миссии». В.В.Вишневский писал в днев-

нике 2 января 1940 г. о своих впечатлениях после пребывания на фронте финской войны: «Мне до ужаса стыдно видеть как загадили наши многие дома в Финляндии, как растаскивали подряд все вещи»³⁶¹.

Дальнейший процесс «расширения границ социализма», теперь уже за счет Прибалтики, Бессарабии и Северной Буковины летом 1940 г., сопровождался разрастанием подобных негативных тенденций. Изобилие товаров, в частности, ширпотреба, на фоне хронического недостатка их в СССР, просто поражало. Естественно, трудно было удержаться от соблазна и не заразиться «приобретательством».

Так, писатель А.Авдеенко, получивший в подарок от С.Орджоникидзе «эмку», после командировок в Западную Украину и Северную Буковину в 1939-40 гг., где он находился в качестве специального корреспондента газеты «Правда», уже имел новый «бьюик»³⁶². По злой иронии судьбы именно А.Авдеенко был избран в качестве объекта очередной идеологической проработки в 1940 г.³⁶³ Кульминацией ее стало совещание в ЦК ВКП(б) 9 сентября 1940 г. На этом совещании против Авдеенко был выдвинут ряд обвинений, но всего страшнее и обиднее прозвучало роковое сталинское: «барахольщик». Писатель жестоко пожалел о том, что приобрел для себя добротные вещи в Черновцах, когда находился там в командировке по заданию газеты «Правда».

Именно с Черновцами было связано и другое обвинение, которое фигурировало во время совещания 9 сентября 1940 г. Ассистировавший Сталину Жданов вдруг завел речь о содержании заметки Авдеенко о Черновцах, опубликованной в «Правде». Жданову не понравилось, что в заметке этот город описывался как культурный центр со своим театром и рядом кинотеатров. Вступивший затем в разговор Сталин нашел, что у Авдеенко «хватило красок» на описание «старых Черновиц», которые противопоставлялись «нашим» городам явно не в пользу последних³⁶⁴.

Сталин счел необходимым подчеркнуть, что расширение «фронта социалистического строительства» благоприятно для всего человечества, ибо «счастливыми себя считают литовцы, западные белорусы, бессарабцы, которых мы избавили от гнета помещиков, капиталистов, полицейских и всякой

другой сволочи»³⁶⁵. Между тем, процесс подобного рода «расширения» после того, как были исчерпаны секретные договоренности с нацистами от 23 августа 1939 г. о разделе «сфер интересов», становился проблематичным. Гитлер весной-летом 1940 г. оккупировал, помимо двух скандинавских стран, также Бельгию и Голландию, нанес сокрушительное поражение Франции. Победы вермахта означали только одно: нацистский «новый порядок» стал распространяться более быстрыми темпами, чем «фронт социализма».

Ноябрьский (1940 г.) визит В.М.Молотова в Берлин показал, что советско-германские отношения уже вступили в фазу ухудшения и могут привести к непосредственному военному столкновению двух держав, связанных договорами о ненападении и дружбе.

Падение Франции и последовавшие за этим события привели к переменам в настроениях, в том числе и в сознании интеллигенции. В тревожные дни германского наступления на Париж представители московской литературной элиты внимательно следили за событиями. Их симпатии были на стороне французского народа. Когда 17 мая 1940 г. стало известно, что немцам удалось преодолеть «линию Мажино», В.В.Вишневский записал в своем дневнике следующее суждение о жестокой и всесокрушающей силе фашизма: «Душа не принимает этой железной, чуждой, милитаризованной системы. Чванливой, расистской, нетерпимой, уничтожающей все, кроме немецкой национальной культуры». Естественно, он желал, как и многие другие представители советской интеллигенции, победы французам, ибо прекрасно понимал: в случае разгрома Франции нацисты неминуемо переключат свои усилия на подготовку войны против СССР.

В те дни, когда Франция стала терпеть военное поражение, вновь возникают серьезные сомнения относительно незыблемости пакта Риббентропа-Молотова. «Дружба с Германией, пакт и пр. — все это временный ход, это тактические приемы», — сделал для себя вывод В.В.Вишневский, ранее являвшийся явным апологетом договора о ненападении с Германией. «Выиграем ли мы? Или только дадим немцам время, передышку, снабжение?». Ответ на данный вопрос повисал в воздухе... «Не знаю», — честно отвечал на него

писатель в мае 1940 г.³⁶⁶ Но для него было совершенно ясно: «На мирное сосуществование боевой, озлобленной и хитрой фашистской силы с СССР надеяться нельзя»³⁶⁷. Обуреваемый жаждой схватки с ненавистными фашистами, Вишневский наталкивался на крайне неприятное для него обстоятельство: Советский Союз и Германия находились в дружественных отношениях (по крайней мере, именно такова была официальная их трактовка). Поэтому он просил, а порой даже требовал (как это было на совещании 25 июня 1940 г., где присутствовали члены оборонной комиссии Союза советских писателей и представитель Наркомата обороны, ответственный редактор «Красной звезды» Е.А.Болтин), чтобы «руководящие инстанции» довели «до каждого гражданина, бойца знание возможных врагов». По мнению Вишневского, высказанному на этом совещании, неизбежной была прежде всего война против немцев и это, отмечал он — «большая историческая перспектива».

Подобные суждения, а по сути высказанные вслух «несвоевременные мысли» вызвали неприятие со стороны присутствовавших на совещании «официальных лиц». Ответственный редактор «Красной звезды» Е.А.Болтин резонно заметил, что советская цензура вряд ли станет пропускать материалы антигерманского характера. Кроме того, в Берлине внимательно следили за содержанием материалов советской прессы, почти ежедневно германским радио цитировались публиковавшиеся в СССР военные обзоры³⁶⁸.

Подобная двойственность в восприятии Германии и немцев с лета 1940 г. стала характерна для общественного сознания. Она весьма озадачила И.Эренбурга, который после капитуляции Франции вернулся в Москву и намеревался публиковать статьи в советской прессе о трагедии французского народа. Но будучи убежденным противником нацизма (и не скрывая этого), Эренбург столкнулся в Москве с большими затруднениями. На приеме у заместителя наркома иностранных дел С.А.Лозовского писатель пытался довести до него свои наблюдения об опасности гитлеровского «нового порядка», но в ответ услышал, что подобный рассказ сам по себе интересен, однако «у нас политика другая», т.е. антифранцузская, а не антигерманская.

Обратившись в газету «Известия» с просьбой опубликовать свои статьи, Эренбург получил ответ от заведующего иностранным отделом газеты, что печататься они не будут. В «Труде» его вещи хотя и проходили, но с большими купюрами. Заведующий иностранным отделом «Труда» З.С.Шейнис объяснил И.Эренбургу, что тот «не должен писать о немцах», однако волен ругать «французских предателей»³⁶⁹.

В начале октября 1940 г. в советской прессе все чаще стали публиковаться материалы о бомбардировках немецкой авиацией английских городов. В общественном сознании стало проявляться сочувствие упорному сопротивлению англичан Гитлеру: в тот период Англия практически оказалась один на один с Германией. В письме О.Фрейденберг 15 ноября 1940 г. Б.Пастернак, делясь своими впечатлениями от европейских событий, с восторгом восклицал: «молодцы англичане, что ты скажешь!»³⁷⁰. Сочувствие англичанам проявлялось, в частности, в поэзии А.Ахматовой и Н.Тихонова³⁷¹.

И.Эренбург также написал тогда стихотворение — отклик на сообщения о бомбардировках германской авиацией столицы Англии. Он обратился к В.В.Вишневскому с просьбой опубликовать это стихотворение в журнале «Знамя». Но Вишневский, несмотря на его антифашистские настроения, не смог удовлетворить данную просьбу, ибо хорошо представлял позицию Главлита. Он посоветовал И.Эренбургу никому не читать больше этого стихотворения.

В сентябре 1940 г. Эренбург начал работу над романом «Падение Парижа». В феврале 1941 г. В.В.Вишневский сообщил, что первая часть романа будет опубликована в журнале «Знамя», но после основательной цензуры. Хотя в романе описывались события в Париже 1935-37 гг., везде необходимо было снять из текста упоминания о «фашистах»³⁷².

Сам В.В.Вишневский был крайне раздражен тем, как освещались в советских средствах массовой информации европейские события. 31 декабря 1940 г. он записал в дневнике: «Хотелось бы говорить о враге, подымать ярость против того, что творится в распятой Европе. Надо пока молчать»³⁷³.

Между тем после ноябрьского 1940 г. визита В.М.Молотова в Берлин на фоне все нараставшего напряжения в советско-германских отношениях в пропагандистских доку-

ментах, правда, пока еще закрытых, стали появляться анти-немецкие нотки. В пространной докладной записке председателя правления ВОКС В.С.Кеменова на имя секретаря ЦК ВКП(б) Г.М.Маленкова (26 декабря 1940 г.), в частности, говорилось, что в Германии вышли тысячи статей с критикой теории и практики английского империализма. Но эта критика, по словам Кеменова, «переходит в бесстыдную демагогию, как только немцы начинают излагать «социальные цели» войны, обещая земной рай в «перестроенной» Европе для трудящихся»³⁷⁴.

В конце 1940 г. объектом тщательной проверки со стороны Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) был избран журнал «Интернациональная литература». Специальная комиссия анализировала организацию его работы и содержания публикаций. В январе 1941 г. результаты проверки были изложены в письменном отчете. Членам комиссии представлялась излишне откровенной пропаганда Германии и ее культуры на страницах «Интернациональной литературы». Например, совершенно неуместной показалась им информация о праздновании в Германии 500-летия изобретения европейского книгопечатания. Был сделан вывод-рекомендация, что немецкоязычное издание журнала должно стать органом, пропагандирующим в «нейтрально»-художественной форме советскую культуру, используя для этой цели возможности, вытекавшие из наличия советско-германского договора о дружбе и границе³⁷⁵.

С весны 1941 г. напряженность во взаимоотношениях с Германией все нарастала. Вступление германских войск в Болгарию после присоединения ее к державам «оси» (март), нападение Германии на Югославию, подписавшую дружественное соглашение с СССР буквально за несколько часов до этого события, уже прямо затрагивали его внешнеполитические интересы.

Хотя официальных заявлений с прямым осуждением германских акций на Балканах не последовало, был проведен, по словам А.Верта, «ряд маленьких и subtilных антигерманских демонстраций, среди которых было присуждение Сталинской премии явно антинемецкому фильму С.Эйзенштейна «Александр Невский»³⁷⁶.

Лауреатами Сталинской премии стали тогда и создатели фильма «Если завтра война», где в качестве вероятных противников СССР были прямо показаны немцы. Но обе эти ленты после пакта Риббентропа-Молотова не демонстрировались открыто в СССР (исключение составляли их «закрытые» просмотры среди красноармейцев).

Балканские события имели значительный резонанс среди советской интеллигенции. В.В.Вишневский зафиксировал в начале апреля 1941 г. «подъем, нервное возбуждение» окружающих. Они задавали друг другу недоуменные вопросы: как понимать договор с Югославией, как расценивать взаимоотношения с Германией в сложившихся условиях? Представители интеллектуальной элиты Москвы не отходили от радиоприемников, ловя передачи из Белграда, Лондона, Берлина и даже из Бейрута³⁷⁷. В их среде, несмотря на наличие пакта и договора о дружбе и границе 1939 г., оставались довольно стойкими антигерманские настроения.

12 апреля 1941 г., во время приема группы кинематографистов заместителем Председателя СНК СССР, председателем Комитета обороны при СНК маршалом К.Е.Ворошиловым участвовавший в нем В.В.Вишневский прямо заявил ему о наличии подобных настроений, привитых в прошлые годы³⁷⁸.

В этой обстановке малейшее проявление изменения сталинского отношения к немцам воспринималось как начало подлинного поворота к конфронтации с ними. Очевидно понимая это, Сталин 24 апреля 1941 г. позвонил И.Эренбургу и сказал, что одобряет его работу над третьей частью романа «Падение Парижа». До этого, 20 апреля 1941 г., писатель узнал, что цензура не пропустила рукопись второй части произведения. Эренбург выразил в телефонном разговоре со Сталиным опасение, что не будет опубликована и третья часть романа, поскольку в ней изображены первые недели нацистской оккупации Франции, а автору не позволялось даже в диалогах героев употреблять слово «фашист». Сталин пообещал содействие в публикации второй и третьей частей «Падения Парижа». Эренбург верно подметил, что дело вовсе не в литературе: о сталинском телефонном звонке будут говорить повсюду и поймут его как намек на приближающиеся перемены в отношении к Германии³⁷⁹.

Так и получилось, причем слух об этом событии распространился не только в столице, но и за ее пределами. Студент из Ярославля Ю. Баранов в мае 1941 г. записал в дневнике: «Сталину книга (*«Падение Парижа»* — авт.) понравилась. Он предложил Эренбургу писать все, как он думает [*подчеркнуто автором дневника — авт.*], т.е. попросту говоря, взял под покровительство эту антифашистскую книгу. Поворот, давно ожидаемый, начался»³⁸⁰.

Однако дело обстояло не так просто, как представлялось молодому человеку, не искушенному в делах «большой политики». Прямые указания Сталина о необходимости «поворота» в пропаганде последовали лишь 5 мая 1941 г. А в 20-х числах апреля большинство «ответственных товарищей» еще продолжало придерживаться прежних установок относительно взаимоотношений с немцами. Как вспоминал Л.З.Копелев, в те дни он готовился к защите своей кандидатской диссертации о драматургии Ф.Шиллера. За месяц до защиты Копелев был вызван в комитет комсомола ИФЛИ, где она должна была состояться. Член бюро комсомольской организации института убеждал диссертанта, что надо «почистить» рукопись, поскольку в ней присутствовала полемика с немецкими учеными. Л.З.Копелев так передавал слова своего собеседника: «Ну я тебе верю, что это реакционеры, нацисты, фашисты. Но надо же понимать, какой сейчас исторический момент. Ты знаешь, что говорил т.Молотов о примитивном антифашизме. Так что уж — почисть». Несмотря на несогласие с аргументацией, выдвинутой членом бюро, Л.З.Копелев, по его собственному признанию, скрепя сердце удалил из автореферата один абзац как «примитивно антифашистский»³⁸¹.

В данном случае приверженность пропагандистским установкам, выдвинутым после пакта Риббентропа-Молотова, была выражена в более-менее «мягкой» форме. Но бывали случаи, когда представителям интеллигенции приходилось расплачиваться, и порой очень дорого, за свои антигерманские и антифашистские убеждения. Осенью 1941 г. в Лефортовской тюрьме по решению «Особого совещания» были расстреляны два журналиста Всесоюзного радио за то, что они вслух усомнились в целесообразности заявлений ТАСС (от 8 мая и 14 июня 1941 г.) о приверженности Германии

пакту о ненападении с СССР. Арестовали журналистов в середине июня, а осуждены они были за *антинемецкие* настроения.

Ночной редактор Всесоюзного радиокомитета, узнавший о нападении Германии на СССР после телефонного звонка из Киева, тут же сообщил об этом своему начальнику. И услышал в ответ: «Не порите ерунды!.. У нас с немцами полная договоренность... Категорически запрещаю распространять вздорные и ложные слухи!»³⁸²,

Таковы были трагические последствия слепой веры в правоту сталинских установок о «приверженности» Германии духу и букве пакта о ненападении и панического страха проявить какую-либо инициативу, идущую вразрез с подобными установками.

Подытоживая наблюдения, сделанные в данной главе, следует отметить следующие особенности восприятия внешнего мира советской интеллигенцией, которые проявились на рубеже 30-х — 40-х гг.

Во-первых, он представлялся главным образом, как враждебное «капиталистическое окружение», которое постоянно угрожало СССР. Во-вторых, договор о ненападении и кратковременное сближение с нацистской Германией, приведшие к свертыванию антифашистской пропаганды в стране, оказали существенное влияние на общественное сознание и внесли некоторую сумятицу в умы интеллигенции. В то же время благодаря советско-германской «дружбе» 1939-41 гг. Сталину удалось осуществить приращение территорий СССР и отодвинуть на запад его границы под лозунгом «расширения фронта социализма». В-третьих, внешнеполитическая активность Советского Союза на рубеже 30-х — 40-х гг. поставила новые задачи перед культурной дипломатией, и в создавшейся ситуации представители интеллигенции, занимавшие ответственные посты в партийных, государственных и общественных структурах, причастных к ее осуществлению, продемонстрировали приверженность существующему режиму, понимание этих задач и умение предугадывать и даже опережать намерения сталинского руководства.

ОБРАЗ ЗАПАДА В КОНТЕКСТЕ МИРОВЫХ ВОЙН

1. «Образ врага» в сознании участников мировых войн

Для объективного исторического анализа проблемы необходимо предварительно очертить ее границы. Они непосредственно связаны с использованными в названии главы понятиями. Прежде всего под участниками двух мировых войн автор понимает непосредственных участников боевых действий в составе армии. Рассмотрение первой мировой войны ограничено дореволюционным временем, так как революция привнесла в сознание людей много специфических моментов. Слово «враг» более точно, нежели его нейтральные синонимы, отражает восприятие противника или неприятеля, так как содержит и определенную эмоциональную составляющую, оно более «психологично». Сложнее с категорией «образ». Это достаточно многозначный термин, но главное, что можно в нем выделить, — это обобщенность представления о чем-то, некоторая его схематичность, хотя и с элементами конкретного, индивидуального восприятия, с сильной эмоциональной окраской. Это определенная психологическая конструкция, а значит, очень индивидуальная, из чего следует, что образ врага был у каждого человека свой, во многом основанный на собственном опыте. Но это еще и категория социальная, потому что противник воспринимался также через стереотипы общественного, в том числе национального сознания, формировался под влиянием государственных идеологий, непосредственного пропагандистского воздействия на население и армию.

Образ врага, безусловно, имел каждый участник военных действий. И категория эта является не статичной, но динамичной. И у каждого человека, и у армии, и у общества в целом он менялся под влиянием множества факторов. Прежде всего, факторов восприятия. Их можно подразделить на несколько основных групп, а именно, — относящиеся:

1) к субъекту восприятия; 2) к объекту восприятия; 3) к условиям и обстоятельствам восприятия. Наша задача представить обобщенный образ врага, насколько его можно реконструировать из индивидуальных образов, отраженных в исторических источниках.

Образ врага формировался в процессе восприятия, через конкретный опыт каждого человека. А это значит, что личностные факторы имели огромное значение. Безусловно, социальное положение военнослужащего, уровень его образования и культуры, национальная и религиозная принадлежность, непосредственный служебный статус в армии, — все это не только накладывало свой отпечаток на это восприятие, но и во многом его определяло, потому что эти параметры решающим образом воздействовали на мировоззрение человека, а значит, и на оценочно-аналитическую часть этого образа. Следует отметить, что образ противника у каждого военнослужащего в определенной мере сложился уже до войны, а непосредственно в ходе боевых действий он менялся, переходя от абстрактно-обобщенных очертаний к более конкретным, приобретая глубоко личностную, эмоциональную окраску.

По-разному виделся противник из солдатского окопа, через орудийный прицел, смотровую щель танка или из кабины самолета. Не только род войск, но и принадлежность к рядовому, младшему и старшему командному составу влияла на это восприятие. И уж тем более расстояние до передовой. И естественно, чем выше были должность и звание, тем большей информацией о противнике располагал человек, тем выше была его ответственность, тем сильнее в его индивидуальном образе врага было представлено не эмоциональное, а аналитическое начало.

Но и сам объект восприятия, то есть противник, не был однородным и статичным. В начале и в конце войны он был далеко не одним и тем же. То, какого противника непосредственно воспринимал конкретный человек, влияло на формирование у него образа врага в целом. Например, по-разному воспринимался противник на русско-австрийском и русско-германском фронте в первую мировую войну; или в боевых действиях против немецких, финских, румынских

частей в Великую Отечественную. Вместе с тем, противник также по-разному воспринимал членов неприятельской коалиции, выражая большую или меньшую антипатию к России и ее союзникам. И говоря о взглядах и представлениях своей стороны, нельзя игнорировать соответствующие взгляды на нее со стороны неприятеля.

В качестве объекта данного исследования мы рассматриваем преимущественно образ врага-немца. И в первую, и во вторую мировые войны у Германии было немало союзников-сателлитов разных национальностей, и на них естественно переносились основные негативные характеристики противника в целом, хотя и в ослабленной, по сравнению с главным врагом — Германией, форме. Немцы и их союзники в сознании российских участников обеих войн воспринимались дифференцированно. Так, на тех участках фронта, где приходилось иметь дело непосредственно с союзниками Германии, негативных моментов в отношении к ним было больше, чем в других местах.

Была и третья группа факторов, определявших формирование этого образа, а именно — условия и обстоятельства восприятия противника. В этой связи нужно сказать о самых главных из них, то есть об общих чертах и специфике двух мировых войн. Они имели много общего: обе отличались от всех предшествующих войн вовлечением в боевые действия огромных масс населения, высокой степенью жесточенности, многочисленностью жертв, длительностью, особой ролью технических факторов. Вместе с тем, чрезвычайно велика была их специфика. Прежде всего, они характеризуются столкновением разных типов государств: в первом случае — империй, во втором — праворадикального и леворадикального тоталитарных режимов. Первая мировая война имела преимущественно национально-государственную окраску, вторая — мощную классово-идеологическую. Отличались они и по тяжести, количеству жертв, степени ожесточения, — Великая Отечественная была для СССР войной не только на государственное, но и на национальное выживание. Различались эти войны и по типу: первая была преимущественно позиционной, вторая — мобильной. Соответственно, разной была и степень взаимного проникновения стран-участниц в

глубь национальных территорий. Таким образом, первая мировая была преимущественно войной армий, окопной войной, а вторая была войной тотальной, войной народов, с уничтожением огромных масс не только живой силы противника, но и гражданского населения, с развертыванием со стороны СССР массового партизанского движения в тылу врага. Иными были формы борьбы, а значит, и взаимодействия, контактов и восприятия противника. Наконец, различной была динамика, ход и результаты войны: первая для России развивалась от ситуационных побед к общему поражению, вторая для СССР — от временных поражений к конечной победе.

Но условия и обстоятельства восприятия врага были не только общими для всех, но и индивидуальными для каждого из участников войны. Это и место в боевых действиях, и включенность в них на том или ином этапе войны, и участие в конкретных операциях, и принадлежность к роду войск, и многое другое. К этим обстоятельствам можно отнести и моменты личной биографии: например, были ли погибшие от рук врага в семье, остался ли кто-нибудь из близких на оккупированной территории, побывал ли человек в плену и т.п.

Тот факт, что существовало многообразие субъектов, условий и обстоятельств восприятия противника, определяло и многообразие этих образов, которые формировались в общественном сознании. Среди них (по времени возникновения) выделяются две больших категории, которые, в свою очередь, можно условно подразделить на несколько основных типов, хотя в индивидуальном сознании они, как правило, сливались и присутствовали в разной пропорции. Так, обобщенный образ врага, формировавшийся в ходе самой войны, включал в себя официально-пропагандистский, служебно-аналитический и личностно-бытовой образы. А ретроспективный, послевоенный образ соединяет в себе индивидуальный образ-воспоминание ветеранов-участников событий, художественно-обобщенный, историко-аналитический и другие типы образа. Нас будет интересовать в первую очередь тот образ врага, который формировался непосредственно по ходу событий и отражен в соответствующих источниках, хотя как дополнение будут использованы и ретроспективные оценки, зафиксированные в мемуарах. Офи-

циально-пропагандистский элемент преобладал до приобретения человеком личностного опыта общения, контакта с врагом; служебно-аналитический, как правило, преобладал у командного состава и разного рода спецслужб, которым требовался адекватный образ врага на основе объективной и большой по объему информации для принятия оперативных и стратегически важных решений; наконец, личностно-бытовой тип образа оказывался самым распространенным и присутствовал как доминирующий на всех армейских уровнях, непосредственно вовлеченных в боевые действия.

Можно говорить и об определенной эволюции образа врага на протяжении войны с точки зрения пропорций этих типов в индивидуальном сознании. Основной тенденцией в его развитии был переход от доминировавших пропагандистских стереотипов накануне и в начале войны к личностно-бытовому, эмоционально-конкретному образу, формировавшемуся в результате индивидуального опыта.

* * *

Любая война начинается задолго до ее объявления, которому обязательно предшествует идеологическая и психологическая обработка населения официальными пропагандистскими структурами, внушающими народу мысль о необходимости и неизбежности грядущей войны, о защите национальных интересов, происках врагов, внешней угрозе и т.д. и т.п. Играя на патриотизме, национальных чувствах, традициях и предрассудках, объявляя свои цели благородными и справедливыми, а цели потенциальных противников — низменными и корыстными, пропаганда каждой из сторон — участниц будущей войны закладывает в сознание своего народа образ врага, воскрешая старые обиды и выискивая новые, на которые можно опереться в современной ситуации. Психология «свой — чужой» в кризисный период обостряется до предела, проходя путь от высокомерно-пренебрежительного отношения до полного неприятия иной культуры, носителем которой является враг.

Каким же предстает образ врага в сознании современников и участников первой мировой войны? Существуют три основных вида источников, в которых зафиксированы представления людей того времени о неприятеле, причем освеще-

щение в каждом из них «образа врага» существенно различается. Первый вид источников, отражающий официальную точку зрения, носит в основном пропагандистский характер. Это в первую очередь периодическая печать, в том числе фронтовые, армейские газеты и листовки, адресованные непосредственно солдатам. Для такого рода материалов характерно изображение врага в образе зверя, чудовища, дикаря, варвара, отрицается сама принадлежность его к «культурному миру», и здесь, используя подлинные или мнимые факты, преуспели обе воюющие стороны. Достаточно сравнить заголовки русских и немецких газетных статей того времени: «Невероятное зверство германцев» и «Казачьи козни», «Христиане ли немцы?» и «Мародерство русских при Эйткунене», «Германские неистовства» и «Люди или звери», «Как воюют палачи» и «Партизанская война в России»¹. Каждая из сторон старается представить истинным виновником войны своего противника, выставляя себя невинной жертвой. Немецкие газеты называют главной причиной войны «зависть других держав к Германии, которая могла бы сделаться самым могущественным государством, а чтобы этому воспрепятствовать, нужно было ее уничтожить». Далее следует убийственная характеристика членов неприятельской коалиции: «С этой целью [уничтожения Германии — авт.] и соединились такие противоположности, как Россия, представительница самого крайнего абсолютизма, и мать революции и гильотины Франция. Россия, в которой каждый монарх без исключения погибает насильственной смертью, протягивает руку Сербии, оскверненной цареубийством, самое старое на свете конституционное государство Англия не стыдится стать в одном ряду с царскими живодерами, подавляющими свободу при помощи кандалов, кнута и виселицы. Англия, связанная с Германией узами крови, разыгрывает до последнего момента роль приятеля, чтобы в конце концов погрузить свои руки в братскую кровь»². В свою очередь газеты государств Антанты возлагают ответственность за развязывание войны на Германию с ее «извечной агрессивностью», нацеленной на миролюбивых соседей, и не жалеют ярких эпитетов для нее и ее союзниц. В печати обоих враждующих блоков всячески подчеркиваются систематические

нарушения противником законов и обычаев войны, определенных международным правом. При этом нарушение «правил игры» своей стороной либо отрицается, либо объявляется актом возмездия за аналогичные действия неприятеля. Так, пытки, издевательства и изощренные убийства пленных казаков немецкая сторона пыталась оправдать жестокостью самих казаков в отношении мирных жителей на оккупированных русской армией территориях, а расправы над гражданским населением во Франции и Бельгии — массовым партизанским движением в этих странах. Французы, в свою очередь, поднимали вопрос о необходимости ответного применения отравляющих газов против германских войск, использовании разрывных пуль и другого запрещенного Гаагской конвенцией оружия по принципу «око за око, зуб за зуб».

Другой официальный источник отличается большей сдержанностью и объективностью оценок и часто носит аналитический характер. Это боевые донесения и доклады, содержащие информацию о настроениях в войсках неприятеля и внутри враждебного государства, наблюдения о боевых качествах врага, его стратегии и тактике, основанные на данных разведки и показаниях военнопленных. Так, опросные листы свидетельствуют о том, что германские и австрийские офицеры запугивали солдат русским пленом, утверждая, будто русские всех расстреливают и добивают раненых³. То же самое говорилось в русской армии о немецком плене, что, в отличие от предыдущего заявления, подтверждалось многочисленными фактами. По признанию одного из военнопленных, рядового австро-венгерской армии, от 2 декабря 1914 г., «сказкам о русской жестокости теперь уже мало верят, так как в действительности она почти нигде не подтвердилась, а лично с пленным кубанские казаки, его захватившие, обращались хорошо: накормили и, узнав, что он болен, приказали хозяину той избы, где он находился тогда, запрячь коня и на возу довели до русского госпиталя»⁴. Между тем, по утверждению лейтенанта австрийского пехотного полка, издевательства над русскими пленными в немецкой и австро-венгерской армиях было возведено в систему. «В конце апреля и в мае [1915 г. — авт.], при отходе русских к реке Сан, ко мне неоднократно прибегали мои солдаты —

чеши, поляки и русины — и с ужасом докладывали, что где-нибудь поблизости германские и часто австрийские солдаты-немцы занимаются истязанием русских пленных, замучивая их до смерти, — рассказывал он. — Сколько раз я обращался по указанному направлению и видел действительно ужасную картину. В разных местах валялись брошенные обезображенные и изуродованные трупы русских солдат. Находившиеся поблизости германские солдаты каждый раз мне объявляли, что они лишь исполняют приказания своих начальников. Когда я обращался к германским офицерам с вопросом, правда ли это, то они мне отвечали: «Так следует поступать с каждым русским пленным, и пока вы, австрийцы, не будете делать того же, вы не будете иметь никакого успеха. Только озверелые солдаты хорошо сражаются, но для этого наши солдаты должны упражняться в жестокости на русских пленных, которые, как изменники своей Родины и добровольно сдавшиеся в плен, ничего, кроме пытки, не заслуживают»⁵.

Несмотря на подобные факты, характеризующие облик врага, русские войска в основном придерживались «рыцарского кодекса» ведения войны, в традициях которого был воспитан офицерский корпус. Отступление от кодекса считалось не только позорным, но и вредным для успеха на поле боя. Нарушители немедленно призывались к порядку⁶.

Примером такого отношения к врагу (впрочем, не одобренного ни начальством, ни общественным мнением) может служить поведение генерал-майора В.П.Форселя, командира порта Императора Александра III в г.Либаве, который неоднократно нарушал специальные распоряжения командования «не допускать проявления особого внимания и поблажек по отношению к военнопленным» и чуть было не организовал торжественный обед в честь немецких офицеров со сбитого «Цеппелина», по поводу чего органы контрразведки провели особое расследование⁷.

«Несанкционированное» уважение к врагу проявлялось порой и с немецкой стороны. Так, в письме неизвестного офицера с французского фронта есть любопытный эпизод, в котором даны восторженные оценки мужеству неприятеля: «Французов гораздо больше, чем нас, и они безумно храбры... Что это за люди! Идут на верную смерть... Сегодня был

такой случай. Начали, как всегда. Впереди — офицер. Но солдаты замялись. Половина осталась в траншеях. Другую половину мы моментально смели, как метлой. Остался целым один офицер. Машет шпагой и бежит на нас... И вот мгновенно без команды затихла стрельба. Ни мы, ни французы, не стреляем. Храбрец постоял перед жерлами наших пулеметов, рука со шпагой бессильно повисла. Повернулся и сконфуженно, как провинившийся школьник, пошел к своим...»⁸. Но в целом для немецкой армии такие настроения были нетипичны.

Третий вид источников (кстати, последний из приведенных выше документов относится именно к этому виду) содержит субъективные оценки частных лиц, в которых тесно переплелись взгляды, сложившиеся под влиянием пропаганды, и зачастую противоречащий этим первоначальным убеждениям собственный жизненный опыт. Это источники личного происхождения — письма, дневники, воспоминания. Причем в письмах с фронта отражаются взгляды той части народа, которая ведет непосредственную вооруженную борьбу с врагом, находясь с ним в постоянном прямом контакте, а письма из тыла отражают опосредованное влияние военных событий на сознание людей, для которых противник по-прежнему остается обезличенной символической фигурой.

Приведем для сравнения несколько писем, найденных у военнопленных и убитых немецких солдат и офицеров. 21 августа 1914 г. командир 33 эрзац-батальона капитан фон Бессер пишет о боях в Восточной Пруссии: «Мои люди были настолько озлоблены, что они не давали пощады, ибо русские нередко показывают вид, что сдаются, они поднимают руки вверх, а если приблизишься к ним, они опять поднимают ружья и стреляют, а в результате большие потери»⁹. В ответе его жены от 11 сентября 1914 г. мы находим следующий отклик: «Ты совершенно прав, что не допускаешь никакого снисхождения, к чему? Война — это война, и какую громадную сумму денег требует содержание в плену способных к военной службе людей! И жрать ведь тоже хочет эта шайка! Нет, это слишком великодушно, и если русские допускали такие ужасные гнусности, какие ты видел, то нужно этих скотов делать безвредными! Внуши это также своим

подчиненным»¹⁰. Но если в письмах начала войны, преисполненных бодрости и патриотического подъема, отношение к врагу чаще всего высокомерно-презрительное, то чем дольше длится война, чем сильнее проявляется усталость, тем чаще неприятель воспринимается в облике такого же измученного, уставшего от войны человека. Характерно, что подобные настроения распространяются как на фронте, так и в тылу. Вот что пишет жена немецкого солдата 17 декабря 1914 г. из Берлина: «Ты боишься, как ты мне пишешь, что когда-нибудь можешь попасть в плен? Я не думаю, дорогой Вилли, но когда случится, ведь русские тоже люди и с вами тоже будут обращаться, как с людьми. Я говорила с русскими беглецами, и они мне описывали русских как добродушных людей, но я все-таки прошу тебя — не попадайся в плен. Слышали ли вы про великую победу в Польше? Сегодня весть эта стала распространяться у нас. Но сколько людей, вероятно, опять при этом должны были погибнуть? Не захотят ли русские скоро мира? Когда подумаешь, не поймешь, почему, почему все это?»¹¹.

Жизнь на передовой постоянно создавала ситуации, когда сходство солдатского быта, повседневных житейских мелочей волей-неволей заставляли почувствовать некую «общность» с противником, таким же «пушечным мясом», бесправной «пешкой» в непонятной ему игре. В письмах с фронта унтер-офицера И.И.Чернецова говорится о том, как немцы и русские отмечали на передовой Рождество и Новый год, заключив что-то вроде негласного перемирия на все время праздников. «Немецкое Рождество прошло на нашем фронте вполне спокойно, без выстрелов оружейных и ружейных, а также спокойно прошла и ночь на их Новый год, только сами немцы сильно шумели: пели песни, свистали, хлопали в ладоши и прыгали, не смущаясь присутствием нас, а мы очень близко находились в это время от них. Сейчас уже вот несколько дней на фронте так же спокойно, но только интересно, как-то пройдет наше Рождество и не потревожат ли нас сами немцы на наш праздник или на Новый год», — пишет он сестре 22 декабря 1914 г., а уже 29 декабря сообщает: «Рождество Христово нам пришлось встречать на передней позиции, как я и писал ранее вам. Немцы нас со-

вершено не тревожили ни в сочельник, ни в самый праздник. В сочельник у артиллеристов была зажжена елка, поставленная перед землянками. Вечер был тихий и свечей не задувало. Потом им раздавали подарки и заказанные ими вещи»¹². Так под влиянием личных впечатлений, приобретенных на войне, образ врага-зверя, воспитанный средствами пропаганды, постепенно трансформировался в образ врага-человека.

Невольное сравнение себя с противником можно обнаружить во многих немецких письмах и дневниках, особенно там, где речь идет о снабжении армии обмундированием и продовольствием (по свидетельствам документов, немецкие и австрийские войска на Восточном фронте часто голодали). Так, солдат 51 пехотного полка пишет 19 ноября 1914 г.: «Вечером выступили и по дороге опять встретили несколько больших партий военнопленных русских. Это довольно крепкие и, можно сказать, хорошо кормленные люди»¹³. А в одной из немецких газет за 5 апреля 1915 г. не без зависти говорится: «Русский пехотинец хорошо одет и обут. Что касается питания, то много жаловались после сдачи в плен, что несколько дней ничего не ели, имея при этом внешний вид очень хороший. У немецких офицеров сложилось уже давно мнение, что русские солдаты это говорят для вызова к ним чувства сожаления. При обыске у русских военнопленных при каждом пехотинце всегда находили кусок хлеба»¹⁴. Но вот автор доклада русской военной разведки, отмечая факты плохого снабжения австрийской армии, негодует совсем по другому поводу: «Офицеры и интенданты объясняли отсутствие провианта действиями русской кавалерии, постоянно взрывающей в тылу у неприятеля мосты и портившей дороги, благодаря чему своевременный подвоз был невозможен. Офицеры были в изобилии снабжены консервами и даже вином. Когда на привале они начинали пиршествовать, запивая еду шампанским, голодные солдаты приближались к ним и жадно смотрели на это, когда же кто-нибудь из них просил дать хоть кусочек хлеба, офицеры отгоняли их ударами сабель»¹⁵. В каждой строке этого официального документа сквозит сочувствие к вражеским солдатам.

Особый интерес вызывает характеристика боевых качеств неприятеля, которая в той или иной форме встречается в

каждом из перечисленных видов источников. При этом даже в официальных докладах наряду со взвешенными деловыми оценками имеются высокомерные выпады в адрес противника вплоть до обвинения его в трусости. Вот лишь некоторые из оценок, данных немцами русской армии: «Недостаток образования и военной подготовки у русского пехотинца заменяется его выносливостью, т.е. способностью легко переносить все невзгоды природы... Русский пехотинец, послушный и исполнительный, не имеет, однако, жилки желания победы»; «У русских не хватает духа офензивы [*наступления — авт.*], тогда как они отлично обороняются и очень способны к партизанской войне»; «Русские казаки рыщут везде, но лихости у них никакой. Зато они отлично умеют прятаться, их укрытия совсем нельзя заметить»; «Русские очень хитры, но зато трусливы»¹⁶. Впрочем, и русские не остаются в долгу, делая свои заключения по поводу стойкости и боевого духа неприятеля. И здесь особенно показательны выводы, сделанные армейской разведкой на основе показаний военнопленных и наблюдений за ними: «Офицеры запаса [*австрийской армии — авт.*], проявляя в бою малодушие и растерянность и совершенно не умея руководить своею частью, в то же время не менее строевых офицеров пользовались саблею и особой плетью для поддержания своего престижа и дисциплины, которая начинала падать»; «Офицеры австрийские, в числе 14 человек, взятые в плен Златоустовским полком, произвели, за исключением одного, удручающее впечатление своей неинтеллигентностью вообще, внешним видом и грубостью манер»; «Вместо прежнего упорства при допросах и высокомерного тона у германских офицеров, на смену явились покорный тон, сравнительная откровенность и плохо скрываемая удовлетворенность, что попали в плен»; «Нижние чины германской армии, за малыми исключениями, охотно отвечают на все вопросы. Нижние чины в последнее время имеют очень исхудалый и измученный вид, обмундирование оборвано, а вместо нижнего белья одно отрепье»; «Настроение германских солдат неважное, но офицеры подбадривают их ложными сообщениями о победах»; «По словам пленных, настроение в войсках угнетенное»¹⁷.

Впрочем, «угнетенное настроение» постепенно зреет в армиях всех воюющих государств, а вместе с ним, вместе с усталостью и желанием скорейшего мира, растет озлобление против «виновников войны». Вопрос в том, кого считать виновником и каким теперь видится образ врага. Декабрь 1914 г., Восточный фронт: «Австрийские войска недовольны этой войной, которая надоела как нижним чинам, так и офицерам. Против Германии существует довольно сильное озлобление, так как войска теперь убеждены, что война возникла по проискам и наущению соседки. Офицеры желали бы во что бы то ни стало заключить мир, но Германия не позволяет этого, и потому недовольство ею только растет»¹⁸. Июль 1915 г., Восточный фронт: «Все пленные германские офицеры и нижние чины убежденно говорят, что Россия объявила войну и имеет завоевательные стремления, а офицеры, кроме того, уверяют, что русская армия была за две недели до объявления войны мобилизована»¹⁹. Июль 1915 г., из письма немецкого офицера с французского фронта: «Зачем, почему этот ад?! Душит злоба на тех, кто вызвал катастрофу. Я умолял перевести меня на английский фронт. Хочу упиться муками этого трижды проклятого народа. О, да, трижды, сто раз проклятого!!! Ибо они одни всему причиной. Они зажгли пожар»²⁰.

Таким образом, психология «свой — чужой» остается в силе: «Свой всегда прав, чужой всегда виноват». Правда, обостряются отношения между союзниками в блоке центральных держав, но они всегда были довольно натянутыми. Образ врага претерпевает некоторые изменения на «бытовом» уровне и сохраняется в прежнем виде на уровне «глобальном»: ни один народ не готов признать свою страну зачинщицей конфликта, он ищет и находит для нее оправдания — из патриотических чувств, национальной гордости или инстинкта самосохранения. Но пройдет еще немного времени — и усталость возьмет свое, недовольство перейдет в революционное брожение, ненависть масс перекинется с врага внешнего на «врага внутреннего», обрушится на собственные правительства. Одна всемирная катастрофа повлечет за собой другую, не менее страшную, которая будет стоить человечеству еще большего числа жертв. А пока в перерыве между боями на Восточном фронте 23 декабря 1914 г.

немецкий офицер записывает в своем дневнике: «Мы теперь все устали от войны. Самая сокровенная наша мечта, о которой мы часто говорим, — это мир. Мирные переговоры для всех нас были бы избавлением от этого кошмара. Но куда ни помотришь — нет выхода, нет надежды»²¹. Впрочем, политиков не волнует, о чем думает «пушечное мясо».

Итак, в сознании участников первой мировой войны существовало два основных образа врага. Первый, «глобальный», сформировавшийся под воздействием пропаганды, включал в себя представления о враждебном государстве или блоке государств; второй, «бытовой», возникал в результате непосредственных контактов с лицами из противоположного лагеря — военнопленными и интернированными, неприятельскими солдатами в бою и мирным населением оккупированных территорий. На изменение образа врага влияли такие факторы, как продолжительность войны, ход и характер боевых действий, победы и поражения, настроения на фронте и в тылу, причем, более «мобильным» был именно второй образ. Что касается первого, то он закрепляется в сознании нескольких поколений, приобретая характер стойкого «послевоенного синдрома».

Именно в период 1914–1918 гг. «рыцарский кодекс» в соблюдении законов и обычаев войны постепенно уходит в прошлое, открывая дорогу оружию массового уничтожения, задавая зловещую «программу» грядущим войнам XX века.

Вторая мировая война реализовала все наиболее страшные тенденции, заложенные в первой.

* * *

Как и в первой мировой войне, начало Великой Отечественной отличалось доминированием пропагандистских стереотипов в восприятии противника. Однако принципиальным отличием на этот раз было то, что в смертельном противоборстве сошлись совершенно иные типы государств — два тоталитарных режима противоположных политических полюсов. Поэтому и роль идеологической составляющей в массовом общественном сознании, а значит, и в сознании армии, была на порядок выше. Советский солдат был воспитан в классовой пролетарской идеологии и через эту призму пытался воспринимать врага, вычленяя рабочего и крестья-

нина из общей массы врагов, отделяя их от «господ-эксплуататоров». Но уже в первые дни войны рассеялись иллюзии, наивные надежды на сознательность «братьев по классу», воспитанные в довоенное время и быстро вытравлявшиеся беспощадной реальностью. Вот что записал в своем фронтовом дневнике М.И.Березин: «20 июля 1941 года поджигаем два танка, взяв в плен трех танкистов. Какими же мы были наивными человеколюбцами, пытаясь при их допросе добиться от них классовой солидарности. Нам казалось, что от наших бесед они прозреют и закричат: «Рот фронт!» Мы хорошо знали произведения из времен гражданской войны и совершенно не знали современного немца-фашиста. А они, нажравшись нашей каши из наших же котелков, накурившись из наших же добровольно подставленных кисетов, с наглой, ничего не выражающей рожой отрыгивают нам в лицо: «Хайль Гитлер!» Кого мы хотели убедить в классовой солидарности — этих громил, поджигающих хаты, насильников и садистов, с губной гармошкой во рту убивающих женщин и детей? Мы стали понимать и с каждым днем боев все больше убеждаться, что только тогда фашист становится сознательным, когда его бьешь»²².

Как оказалось, с противной стороны тоже работала мощная идеология, но с иной направленностью. Она ориентировалась не на классовую солидарность, а на немецкую исключительность, национально-расовое и государственное превосходство Германии. Советский официально-идеологический стереотип восприятия врага отразился и в пропаганде на войска противника, которая оказалась абсолютно неэффективной. Вот что говорил об этом в 1943 г., уже находясь в советском плену, немецкий фельдмаршал Ф.Паулюс: «Ваша пропаганда в первые месяцы войны обращалась в своих листовках к немецким рабочим и крестьянам, одетым в солдатские шинели, призывала их складывать оружие и перебежать в Красную Армию. Я читал ваши листовки. Многие ли перешли к вам? Лишь кучка дезертиров. Предатели бывают в каждой армии, в том числе и в вашей. Это ни о чем не говорит и ничего не доказывает. И если хотите знать, кто сильнее всего поддерживает Гитлера, так это именно наши рабочие и крестьяне. Это они привели его к власти и провозгла-

сили вождем нации. Это при нем люди из окраинных переулков, парвеню, стали новыми господами. Видно, в вашей теории о классовой борьбе не всегда сходятся концы с концами»²³.

Классово-идеологические иллюзии рассеивались с каждым шагом врага в глубь советской территории. Война приобретала характер смертельной схватки за выживание, причем не только существовавшей системы и государства, но и населявших огромные пространства СССР народов. Война действительно становилась Отечественной и национально-освободительной. И образ врага-фашиста также все сильнее принимал национальную окраску, превращаясь в массовом сознании в образ врага-немца.

На этот феномен общественного сознания неоднократно обращал внимание Константин Симонов, очень чуткий к исторической правде. В одном из своих писем в 1963 г. он отмечает: «Что касается фразеологии военного времени, то я думаю, что писатель должен употреблять ее без политиканства, употреблять исторически верно. Как тогда говорили — так и писать. Чаще всего тогда говорили «немцы», говорили «немец», говорили «он». «Гитлеровцы» больше писали в сводках и всяких официальных донесениях об уничтожении противника. «Фашист», «фашисты» говорили, и довольно часто, хотя, конечно, гораздо реже, чем «немец» или «немцы». В особенности часто говорили про авиацию: «Вон, фашист полетел». Тут почему-то чаще говорили именно «фашист», а не «немец»²⁴. Обращался К.Симонов к этому вопросу и позднее. В другом письме он пишет: «По поводу упоминаний слов «фашисты» и «немцы» в романе «Живые и мертвые». Я принципиальный противник того, чтобы вводить в книгу, написанную об одном времени, — фразеологию, взятую из другого времени. Это режет мне ухо. В моем романе люди говорят о немцах так, как мы говорили о них тогда, в разных случаях и в разных обстоятельствах называя их по-разному. И когда в романе немцы называются то «немцами», то «фашистами» — это реальный язык того времени»²⁵.

В самом деле, два этих обозначения врага существовали как бы параллельно. Вот что писал родным 10 сентября 1941 г. из-под Ельни капитан П.М.Себелев: «Красивая панорама наступления!.. Радостно было смотреть, как за передним

краем взлетали фонтаны земли, клубы огня и дыма. Я говорю это как командир батальона, а как человек думаю о другом: чем грандиознее панорама боя, тем больше земля пропитывается человеческой кровью, тем больше материнских слез с обеих сторон, тем больше отцов, сжимающих кулаки. Мы знаем, что не все немцы — фашисты, но война есть война!»²⁶.

Разделение врага на «фашистов» и «немцев» по инерции продолжало существовать в начале войны, но по мере нарастания ее ожесточенности эти понятия в сознании народа все более сливались. Если в первую мировую представление о противнике прошло путь от образа «врага-зверя» к образу «врага-человека», то теперь все было наоборот: недавние «братья по классу» превратились в «бешеных псов», которых нужно убивать.

«Черная тень легла на нашу землю, — писал 18 октября 1941 г. Алексей Толстой. — Вот поняли теперь: что жизнь, на что она мне, когда нет моей Родины?.. По-немецки мне говорить? Подогнув дрожащие колени, стоять, откидывая со страху голову перед мордастым, свирепо лающим на берлинском диалекте гитлеровским охранником, грозящим добаться кулаком до моих зубов? Потерять навсегда надежду на славу и счастье Родины, забыть навсегда священные идеи человечности и справедливости — все, все прекрасное, высокое, очищающее жизнь, ради чего мы живем... Видеть, как Пушкин полетит в костер под циническую ругань белобрысой фашистской сволочи и пьяный гитлеровский офицер будет мочиться на гранитный камень, с которого сорван и разбит бронзовый Петр, указавший России просторы беспредельного мира?

Нет, лучше смерть! Нет, лучше смерть в бою! Нет, только победа и жизнь!»²⁷.

Такой образ врага куда больше соответствовал реалиям военного времени. А затем появился лозунг, брошенный Ильей Эренбургом, — «Убей немца!» — и различия стерлись уже окончательно.

На восприятие врага, безусловно, оказала влияние основная эмоциональная доминанта на разных этапах войны. Естественным был шок от чудовищного несоответствия доверенных легковесных представлений о будущей войне, сфор-

мированных пропагандой («малой кровью», «на чужой территории»), и реального хода событий. Такая недооценка образа врага и переоценка собственных сил в ходе катастрофических поражений 1941 года обернулась сначала недоумением от обманутых ожиданий («Как посмели на нас, непобедимых, напасть?!»), затем широким распространением подавленности, страха, представлений о враге как о хорошо отлаженной машине, которая прет стальной обезличенной лавиной, и ее невозможно остановить. «О немце, как о противнике, можно сказать, что это был сильнейший противник, — вспоминает полный кавалер ордена Славы К.Мамедов. — Я думал над этим, — кто бы еще был в состоянии таким противником оказаться? И не могу найти хотя бы ближайшего сравнения. Это была вымуштрованная, владевшая боевой техникой военная машина, которой, пожалуй, не было, — да не пожалуй, а просто не было равной в мире...»²⁸.

Конечно, была и героическая оборона многих городов, и попытки контрнаступлений местного значения, но в целом ощущение, что «мы бежим», неоднократно переходившее в панические настроения, с соответствующим формированием образа врага как огромной сокрушительной силы, стали доминировать в массовом сознании на первом, самом трудном этапе войны. И многочисленные «котлы», в которых оказались целые дивизии и корпуса регулярной армии, несколько миллионов попавших и сдавшихся в плен за первые месяцы, казалось, лишь подтверждали складывавшийся образ непобедимого фашистского рейха. Перелом наступил лишь тогда, когда убедились, что врага можно бить, — особенно во время контрнаступления под Москвой. «Произошла гораздо более важная вещь, чем взятие десяти или двадцати населенных пунктов, — писал в декабре 1941 г. К.Симонов. — Произошел гигантский, великолепный перелом в психологии наших войск, в психологии наших бойцов... Армия научилась побеждать немцев. И даже тогда, когда ее полки находятся в трудных условиях, когда чаша военных весов готова заколебаться, они все равно сейчас чувствуют себя победителями, продолжают наступать, бить врага. И такой же перелом в обратную сторону произошел у немцев. Они чувствуют себя окруженными, они отходят, они непрерывно пытаются вы-

ровнять линию фронта, они боятся даже горстки людей, зашедших им в тыл и твердо верящих в победу... Пусть не рассчитывают на пощаду. Мы научились побеждать, но эта наука далась нам слишком дорогой и жестокой ценой, чтобы щадить врага»²⁹. А вот аналогичная запись в его фронтовом дневнике со слов простого солдата: «Немец, если на него не нахрапом, конечно, а ловким ходом насесть, немец боится. Немец, когда чувствует, что на него идет человек, который не боится, он его сам боится. А если от него тикают, ясно, он бьет! Кто-то кого-то должен бояться»³⁰.

Изменение отношения к себе у советских бойцов, появление у них веры в собственные силы вызвало и соответствующее изменение их отношения к врагу. А это, в свою очередь, вместе с первыми крупными успехами советской армии, изменило настроения и самооценку армии вражеской. «Как переменялись за шесть месяцев эти солдаты «непобедимой» армии! — отмечали наши газеты в разгар контрнаступления под Москвой, говоря о поведении немецких военнопленных. — В июле было непонятно, кто из них храбр, кто труслив. Все человеческие качества в них заглупил, перекрывал гонор — общая, повсеместная наглость захватчиков. Видя, что их не бьют и не расстреливают, они корчили из себя храбрецов. Они считали, что война кончится через две недели, что этот плен для них, так сказать, вынужденный отдых и что с ними по-человечески обращаются только от страха, что боятся их мести впоследствии. Сейчас это исчезло. Одни из них дрожат и плачут, говорят, захлебываясь, все, что они знают, другие — таких единицы, — угрюмо молчат, замкнувшись в своем отчаянии. Армия наглецов в дни поражения переменялась... Это естественно в войске, привыкшем к легким победам и в первый раз подвергшемся поражениям»³¹.

И в целом образ врага становился более конкретным и одушевленным: это уже не была несокрушимая машина. По мере роста страданий и бедствий народа враг-фашист все больше воспринимался как свирепый зверь — сильный, жестокий, опасный, но, тем не менее, вполне уязвимый, с которым и следует обращаться как с диким зверем. Чем дольше длилась война, тем яснее становилась глубина народного горя, тем сильнее разгоралась ненависть к захватчикам —

особенно, когда советская армия перешла в наступление и собственными глазами увидела те зверства, которые творил враг на оккупированной им земле.

Образ врага-зверя, безусловно, имел под собой основания: воспитанные фашистской идеологией, немцы воспринимали себя как расу господ, «сверхчеловеков», а по отношению к другим народам вели себя как худшие из варваров.

«Что ты делаешь в России? Где находишься? — спрашивал своего приятеля в письме из-под Сталинграда от 16 ноября 1942 г. немецкий солдат Герман. — Ты пишешь о партизанах — я еще ни одного не видел. Особенно не возитесь с ними, самое лучшее — сразу расстреливать. Мы еще слишком гуманно обращаемся с этим свинским народом»³². Другой немецкий солдат писал своему знакомому 26 мая 1942 г.: «Я сейчас надзирателем над русскими женщинами. Каждое утро в пять часов забираю сто таких деревенских красоток из коммандатуры, и мы отправляемся на работы. Очень спокойное занятие. Настоящих женщин я среди них еще не видел: слишком много помесей. Черные, желтые, китайцы, монголы, и кто знает, какие там еще расы. Все они очень ленивы»³³.

Разительный контраст между представлением о европейской культуре и поведением «носителей» этой культуры в лице немецких оккупантов очень четко фиксировался простыми советскими людьми, даже малограмотными крестьянами. Вот как в октябре 1942 г. передает разговор местных жителей о немцах в недавно освобожденном от оккупантов селе в районе Ржева Алексей Сурков:

«... Вот они, немцы, культурными считались. А культура у них какая-то неладная. Остудят в избе, и все зябнут. Велят круглые сутки печь топить. И жарить до тех пор, пока пожар не случится. Ты им говоришь — почто зря дрова изводить, лучше дверь в сени закройте... Гневаются, того гляди, тумака дадут — «молчи, матка!» — и опять велят за дровами идти.

— А когда они, бесстыжие, при женщинах голиком раздеваются, в корыте плещутся, когда они за столом воздух портят, когда они под себя в избе ходят, — это культура поихнему называется?

— Опять же на девок и молодых, как жеребцы стоялые, набрасываются... Каторжная ихняя культура, бесстыжая... Неужели они и у себя дома такие?»³⁴,

Как видно из этих свидетельств, такое поведение оккупантов во многом диктовалось именно идеологией расового превосходства, отношением как к полноценным людям только к «своим». И шло оно не столько от специфики национальной культуры, сколько от фашистской пропаганды и политики рейха в отношении славянских народов. Лишь немногие немцы в начале войны оценивали ситуацию и противника более адекватно. «Война — это не только наши победы, у нее есть много других сторон. Здесь разыгрываются настоящие трагедии, а мы, их виновники, ни о чем не думаем, и делаем то, что приказано. Приказано считать, что истреблять русских — это гуманно, ведь они люди «второго разряда»... — писал 28 июля 1942 г. с Восточного фронта домой немецкий солдат Хайнрик Линднер, и далее признавал: — Русские — хорошие солдаты, хотя у них ничего нет, только пехота и танки. Русская пехота выросла как единственное оружие против нашей армии. Она воюет, чтобы спасти свою страну, и верит, что имеет на это право. Мы тоже надеемся победить, чтобы все это, наконец, закончилось»³⁵.

О роли гитлеровской пропаганды в формировании образа советских людей и соответствующего к ним отношения среди немецкого населения, включая, естественно, армию, свидетельствует еще один немецкий документ, а именно — служебный циркуляр СД «Сообщения из рейха» об образе русского у населения Германии, составленный в апреле 1943 г. В нем отмечается, что до начала войны с СССР немецкий народ узнавал о жизни в Советском Союзе исключительно из прессы, кино, подцензурной литературы и других каналов, проводивших пропагандистскую линию нацизма. Поэтому большинство немцев видело в СССР лишь бездушную систему подавления, а народ представляло как «полуголодную и тупую массу». Поток военнопленных и оstarбайтеров (восточных рабочих), вывезенных в Германию, существенно изменил данные представления, поскольку эти люди воспринимались как «живые свидетели большевистской системы, на которых можно проверить существовавший до сих пор

образ России и порожденные пропагандой представления о советском человеке». Реальность, как отмечается в циркуляре, оказалась во многом противоположной пропагандистскому образу. В основе его было представление о большевистском безбожии, искоренении интеллигенции и оболванивании масс, о низком интеллекте, неграмотности русских, разрушении семьи как ячейки общества, жестоких методах господства и системе наказаний в СССР. Оказалось, что многие остарбайтеры из Советского Союза носили нательные крестики и были религиозны, поражали немцев своими способностями и технической сообразительностью, чрезвычайно низким процентом неграмотных, причем «сравнение знаний немецких и русских сельских рабочих показывает, что русские образованнее», «что именно у остарбайтеров ярко выражены чувство семьи и высокая нравственность поведения», и что они «не знают телесных наказаний». «Из-за этих выводов, — отмечается в циркуляре, — ...значительно меняется представление о Советском Союзе и его людях. Сталкиваясь с противоречиями такого рода, немцы начинают задумываться. Там, где антибольшевистская пропаганда работает старыми методами и знакомыми аргументами, она не находит доверия и интереса, как это было до и в начале войны с Советским Союзом». Вместе с тем, в циркуляре СД делается вполне утешительный для фашистской пропаганды вывод, что «контакты с людьми, попавшими в рейх, недостаточны для того, чтобы изменить существовавший до сих пор образ России, не говоря уже о том, что многие не дают себе труда поразмышлять об этом»³⁶.

У фашистской армии эти контакты были значительно более тесными и двоякого рода — с населением оккупированных территорий и с советскими Вооруженными Силами. Отсюда и более точный образ советских людей, формировавшийся у представителей действующей немецкой армии. «Подавляющее большинство населения не верит в победу немцев, — отмечает в секретном донесении «Настроение местного населения» командир Судетской дивизии генерал-лейтенант Детлинг в 1943 г., — ...Молодежь обоего пола, получившая образование, настроена почти исключительно просоветски. Она недоверчиво относится к нашей пропаган-

де. Эти молодые люди с семилетним и выше образованием ставят после докладов вопросы, позволяющие сделать заключение об их высоком умственном уровне. Обычно для маскировки они прикидываются простачками. Воздействовать на них чрезвычайно трудно. Они читают еще сохранившуюся советскую литературу. Эта молодежь сильнее всего любит Россию и опасается, что Германия превратит их родину в немецкую колонию... Молодые люди чувствуют себя с начала немецкой оккупации лишенными будущего»³⁷.

И все сильнее были сомнения в собственной победе, ощущение мощи и естественной правоты загадочного русского народа, который воспринимался немцами как часть природной стихии, противостоящей им: «Из этой борьбы против русской земли и против русской природы едва ли немцы выйдут победителями... — писал 5 сентября 1943 г. в своем дневнике лейтенант К.-Ф.Бранд. — Здесь мы боремся не против людей, а против природы... Это — месть пространства, которой я ожидал с начала войны»³⁸.

В зависимости от этапа войны отношение к врагу у советских людей приобретало различные оттенки. «Пусть те, кто начал войну, те, кто принес столько горя и страданий, те, кто покрыл нашу землю огнем и кровью, на своей гнусной шкуре чувствуют, что несет с собой война», — записал в сентябре 1942 г. в своем фронтовом дневнике М.Т.Белявский. А спустя ровно два года появились там такие строки: «В Германию придут суровые солдаты справедливости. Теперь это не пророчество, не предсказание, не надежда. Теперь это справка о близком будущем»³⁹.

Ненависть к врагу, принесшему столько горя, была естественным доминирующим чувством и в тылу, и особенно на фронте. В ряде случаев она распространялась и на пленных. «В тыловых районах нашей страны отношение к немцам было различным, — вспоминает Р.А.Медведев. — Это зависело от дальности фронта или длительности оккупации. Оно было более терпимым в тех городах, которые не знали немецкой оккупации. В некоторых районах Москвы немецкие военнопленные строили небольшие дома. В Тбилиси, где жила в годы войны моя семья, группы немецких военнопленных ремонтировали трамвайные пути. Они работали молча, но

без охраны. Их не жалели, но и не оскорбляли. Однако в Кие-
ве, где в конце 1943 г. немецкие военнопленные расчищали
разрушенный центр города, их приходилось охранять»⁴⁰.

На фронте ненависть к врагу являлась важнейшим усло-
вием боеспособности наших войск, мощной мотивацией их
готовности к самопожертвованию, к битве не на жизнь, а на
смерть. Почти каждый советский солдат имел личный счет к
фашистским оккупантам. У многих погибли родные, были
захвачены и разрушены их города и села, многие сами были
свидетелями жестокости противника на оккупированной
территории. «Мне лично довелось видеть своими глазами
следы зверств и поголовного уничтожения фашистскими вы-
родками всего на нашей земле, — говорил на красноармейс-
ком собрании своей роты в августе 1944 г. пулеметчик 279
стрелкового полка 19 Армии Карельского фронта ефрейтор
Соловьев. — Я видел сожженные дотла деревни и села, уби-
тых и замученных наших людей, поруганную нашу русскую
землю. Немцы ничего не оставляли в живых, кругом сеяли
смерть и разорение... Кровь замученных советских людей
зовет нас к кровной мести. Я клянусь, что совершенствую
свою выучку, в первом же бою жестоко отомщу фашистским
зверям за их злодеяния»⁴¹.

Ненависть к врагу и жажда мести были естественной ос-
новой политической работы и пропаганды в Советской Ар-
мии вплоть до разгрома фашистов на их собственной терри-
тории. Советским политработникам не нужно было ничего
выдумывать, чтобы возбудить у людей эти чувства. Они и так
были сильны, и чтобы подкрепить их, достаточно было со-
брать и обобщить личный опыт каждого. И этим достаточно
широко пользовались, собирая «счета мести». Об этой форме
политической работы в войсках говорится в политдонесении
об опыте работы комсомольской организации 28 гв. Красно-
знаменного Киркинесского стрелкового полка 10 гв. стрел-
ковой дивизии 19 Армии 2-го Белорусского фронта от 5 ап-
реля 1945 г.: «24 февраля незадолго до атаки было проведено
комсомольское собрание роты с вопросом «За что я мщу не-
мецким захватчикам?» К этому собранию ... провели боль-
шую подготовительную работу, собрали у всех комсомольцев
и молодежи счета мести гитлеровским громилам, а также

другие материалы, показывающие чудовищные злодеяния немецко-фашистских захватчиков. Счета мести собирались так. В каждой роте была сделана тетрадь, в которую все солдаты, сержанты и офицеры записали, какое несчастье им лично принесли фашисты. Затем этот материал суммировался и представлял внушительный обвинительный акт на немецких палачей»⁴².

Факты зверских убийств и истязаний гитлеровцами советских военнопленных также включались в счета мести, тем более, что свидетельств такого рода было предостаточно: «В связи с проводимыми раскопками могил расстрелянных и замученных немцами советских людей и работой Государственной комиссии Карело-Финской ССР по установлению и расследованию совершенных немцами злодеяний, во всех частях проведены беседы о зверствах немцев на Севере, — говорится в донесении политотдела одной из армий Карельского фронта. — Вопросам мести немецко-фашистским захватчикам посвящены выпущенные боевые листки и наглядная агитация. При раскопках могил в Сальском лагере присутствовали бойцы и командиры частей, расположенных вблизи этого района, которые рассказали в подразделениях о тех зверствах, истязаниях, которым подвергали немцы наших бойцов, попавших к ним в плен. Рассказы бойцов, видевших следы зверств, взволновали личный состав и еще больше усилили ненависть к врагу. Так, когда в 279 стрелковом полку коммунист Буряга рассказал бойцам о том, что он видел при раскопках могил, то беспартийный красноармеец Платонов не вытерпел и заявил: «О, зверюга немец! Не уйдешь от расплаты! Мы будем в Германии, твоей берлоге, все вспомним, за все ответишь своей кровью. После этой войны немцы будут помнить русских тысячелетиями. Мы выполним волю Сталина, волю всех народов. Скорее бы в бой»⁴³.

Как видно из этого документа, оснований для ненависти к врагу и жажды праведной мести хватало. И приведенные в нем слова бойца о том, что «мы будем в Германии ... и все вспомним», отражали общее настроение народа и армии.

На протяжении Великой Отечественной войны тема возмездия была одной из центральных в агитации и пропаганде, а также в мыслях и чувствах советских людей. Задолго до

того, как армия приблизилась к вражеской границе, проходя по истерзанной оккупантами родной земле, видя замученных женщин и детей, сожженные и разрушенные города и деревни, советские бойцы клялись отомстить захватчикам сторицей и часто думали о том времени, когда вступят на территорию врага. И когда это произошло, были — не могли не быть! — акты мести, психологические срывы, особенно среди тех, кто потерял свои семьи, убитые оккупантами.

В январе-феврале 1945 г. советские войска развернули Висло-Одерскую и Восточно-Прусскую наступательные операции и вступили на немецкую землю. «Вот она, проклятая Германия!» — написал на одном из самодельных щитов около сгоревшего дома русский солдат, первым перешедший границу⁴⁴. День, которого так долго ждали, наступил. И на каждом шагу встречались советским воинам вещи с нашими фабричными клеймами, награбленные гитлеровцами; освобожденные из неволи соотечественники рассказывали об ужасах и издевательствах, которые испытали в немецком рабстве. И «гражданские» немцы, испуганные и заискивающие, с белыми повязками на руках, боялись смотреть в глаза, ожидая расплаты за все, что совершила их армия на чужой земле.

Жажда мести врагу «в его собственном логове» была одним из доминирующих настроений в войсках, тем более, что оно долго и целенаправленно подпитывалось официальной пропагандой. Еще накануне наступления в боевых частях проводились митинги и собрания на тему «Как я буду мстить немецким захватчикам», «Мой личный счет мести врагу», где вершиной правосудия провозглашался принцип «Око за око, зуб за зуб!».

Однако после выхода нашей армии за государственную границу СССР у советского правительства появились соображения иного рода, диктовавшиеся, прежде всего, необходимостью достойно и цивилизованно выглядеть в глазах союзников, а также планами на послевоенное устройство в Европе. Известная политическая оценка «Гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское остается», данная в Приказе № 55 Наркома обороны еще 23 февраля 1942 г., была активно взята на вооружение пропагандой и имела немалое значение для формирования новой

(а в сущности, реанимированной старой, довоенной) психологической установки советских людей в отношении противника⁴⁵. Но одно дело умом понимать эту очевидную истину, и совсем другое — стать выше своего горя и ненависти, не дать волю слепой жажде мести. Последовавшие в начале 1945 г. разъяснения политотделов о том, «как следует себя вести» на территории Германии, явились для многих неожиданностью и часто отвергались.

Вот как вспоминал об этом писатель-фронтовик Давид Самойлов: «Лозунг «Убей немца!» решал старинный вопрос методом царя Ирода. И все годы войны не вызывал сомнений. «Разъяснение» 17 апреля (статья Александрова, тогдашнего руководителя нашей пропаганды, где критиковалась позиция Ильи Эренбурга — «Убей немца!» — и по-новому трактовался вопрос об ответственности немецкой нации за войну) и особенно слова Сталина о Гитлере и народе как бы отменяли предыдущий взгляд. Армия, однако, понимала политическую подоплеку этих высказываний. Ее эмоциональное состояние и нравственные понятия не могли принять помилования и амнистии народу, который принес столько несчастий России»⁴⁶.

Закономерность ненависти к Германии со стороны вступавших на ее территорию советских войск понимали и сами немцы. Вот что записал в своем дневнике 15 апреля 1945 г. о настроении берлинского населения 16-летний Дитер Борковский: «В полдень мы отъехали в совершенно переполненном поезде городской электрички с Анхальтского вокзала. С нами в поезде было много женщин — беженцев из занятыми русскими восточных районов Берлина. Они тащили с собой все свое имущество: набитый рюкзак. Больше ничего. Ужас застыл на их лицах, злость и отчаяние наполняло людей! Еще никогда я не слышал таких ругательств... Тут кто-то заорал, перекрывая шум: «Тихо!» Мы увидели невзрачного грязного солдата, на форме два железных креста и золотой Немецкий крест. На рукаве у него была нашивка с четырьмя маленькими металлическими танками, что означало, что он подбил 4 танка в ближнем бою. «Я хочу вам кое-что сказать,» — кричал он, и в вагоне электрички наступила тишина. «Даже если вы не хотите слушать! Прекратите ны-

ть! Мы должны выиграть эту войну, мы не должны терять мужества. Если победят другие — русские, поляки, французы, чехи — и хоть на один процент сделают с нашим народом то, что мы шесть лет подряд творили с ними, то через несколько недель не останется в живых ни одного немца. Это говорит вам тот, кто шесть лет сам был в оккупированных странах!» В поезде стало так тихо, что было бы слышно, как упала шпилька»⁴⁷.

Акты мести были неизбежны. И нужно было прилагать специальные усилия, чтобы не допустить их широкого распространения. Не случайно, выйдя на земли Восточной Пруссии, командующий 2-м Белорусским фронтом маршал К.К.Рокоссовский вынужден был издать приказ № 006, призванный «направить чувство ненависти людей на истребление врага на поле боя», карающий за мародерство, насилия, грабежи, бессмысленные поджоги и разрушения. Отмечалась опасность такого рода явлений для морального духа и боеспособности армии.

Впрочем, бесчинствовали в основном тыловики и обозники. Боевым частям было просто не до того — они воевали. Их ненависть выплескивалась на врага вооруженного и сопротивляющегося. А с женщинами и стариками «сражались» те, кто старался быть подальше от передовой. Вспоминая бои в Восточной Пруссии, Л.Копелев, бывший политработник, впоследствии писатель, рассказывал: «Я не знаю статистики: сколько там было среди наших солдат негодяев, мародеров, насильников, не знаю. Я уверен, что они составляли ничтожное меньшинство. Однако именно они и произвели, так сказать, неизгладимое впечатление»⁴⁸. Следует отметить, что многие солдаты и офицеры сами решительно боролись с грабежами и насилиями. Их пресечению способствовали и суровые приговоры военных трибуналов. Однако судили они не только за мародерство и насилие, но и за «буржуазный гуманизм» по отношению к побежденным⁴⁹.

На противоречие политических установок до и после вступления на вражескую территорию обращали внимание и сами политработники. Об этом свидетельствует выступление от 6 февраля 1945 г. начальника Политуправления 2-го Белорусского фронта генерал-лейтенанта А.Д.Окорокова на

совещании работников отдела агитации и пропаганды фронта и Главпура РККА о морально-политическом состоянии советских войск на территории противника: «Вопрос о ненависти к врагу. Настроение людей сейчас сводится к тому, что говорили, мол, одно, а теперь получается другое. Когда наши политработники стали разъяснять приказ № 006, то раздавались возгласы: не провокация ли это? В дивизии генерала Кустова при проведении бесед были такие отклики: «Вот это политработники! То нам говорили одно, а теперь другое!» Причем, надо прямо сказать, что неумные политработники стали рассматривать приказ № 006 как поворот в политике, как отказ от мести врагу. С этим надо повести решительную борьбу, разъяснив, что чувство ненависти является нашим священным чувством, что мы никогда не отказывались от мести, что речь идет не о повороте, а о том, чтобы правильно разъяснить вопрос. Конечно, наплыв чувств мести у наших людей огромный, и этот наплыв чувств привел наших бойцов в логово фашистского зверя и поведет дальше в Германию. Но нельзя отождествлять месть с пьянством, поджогами. Я сжег дом, а раненых помещать негде. Разве это месть? Я бессмысленно уничтожаю имущество. Это не есть выражение мести. Мы должны разъяснить, что все имущество, скот завоеваны кровью нашего народа, что все это мы должны вывезти к себе и за счет этого в какой-то мере укрепить экономику нашего государства, чтобы стать еще сильнее немцев. Солдату надо просто разъяснить, сказать ему просто, что мы завоевали это и должны обращаться с завоеванным по-хозяйски. Разъяснить, что если ты убеешь в тылу какую-то старуху-немку, то гибель Германии от этого не ускорится. Вот немецкий солдат — уничтожь его, а сдающегося в плен отведи в тыл. Направить чувство ненависти людей на истребление врага на поле боя. И наши люди понимают это. Один сказал, что мне стыдно за то, что я раньше думал — сожгу дом и этим буду мстить. Наши советские люди организованные и они поймут существо вопроса. Сейчас имеется постановление ГКО о том, чтобы всех трудоспособных немцев-мужчин от 17 до 55 лет мобилизовать в рабочие батальоны и с нашими офицерскими кадрами направлять на Украину и в Белоруссию на восстановительные

работы. Когда мы по-настоящему воспитаем у бойца чувство ненависти к немцам, тогда боец на немку не полезет, ибо ему будет противно. Здесь нам нужно будет исправить недостатки, направить чувство ненависти к врагу по правильному руслу»⁵⁰.

И действительно, пришлось немало потрудиться для изменения сформировавшихся ходом самой войны и предшествующей политической работы установки армии на месть Германии. Пришлось опять разводить в сознании людей понятия «фашист» и «немец». «Политотделы ведут большую работу среди войск, объясняют, как надо вести себя с населением, отличая неисправимых врагов от честных людей, с которыми нам, наверное, еще придется много работать. Кто знает, может быть, еще придется им помогать восстанавливать все то, что разрушено войной, — писала весной 1945 г. работник штаба 1-й гвардейской танковой армии Е.С.Катукова. — Сказать по правде, многие наши бойцы с трудом принимают эту линию тактичного обращения с населением, особенно те, чьи семьи пострадали от гитлеровцев во время оккупации. Но дисциплина у нас строгая. Наверное, пройдут годы, и многое изменится. Будем, может быть, даже ездить в гости к немцам, чтобы посмотреть на нынешние поля боев. Но многое до этого должно перегореть и перекипеть в душе, слишком близко еще все то, что мы пережили от гитлеровцев, все эти ужасы»⁵¹.

Особую проблему являла собой психология восприятия советскими людьми границы, прежние представления о которой сильно расходились с увиденным в действительности. Годами внушаемые идеологические догмы пришли в противоречие с реальным жизненным опытом. Недаром так тревожили политотделы «новые настроения», когда в письмах домой солдаты описывали жизнь и быт немецкого населения «в розовых красках», сравнивая увиденное с тем, как жили сами до войны, и делая из этого «политически неверные выводы». Бедные по европейским стандартам дома казались им зажиточными, вызывая, с одной стороны, зависть и восхищение, а с другой озлобляя своей, по их понятиям, роскошью. Так, в документах того периода часто упоминаются разбитые часы, рояли, зеркала. Не трудно понять чувства солдата, крушившего предметы быта, дававшего выход

своей горечи. Или отправлявшего домой, в разрушенную родную деревню разрешенную командованием посылку из трофейных вещей. «Фриц бежит, все свое бросает, — писала родным 20 февраля 1945 г. из действующей армии В.Герасимова. — Невольно вспоминается 41-й год. В квартирах все оставлено — шикарная обстановка, посуда и вещи. Наши солдаты теперь имеют право посылать посылки и они не теряются. Я уже писала, что мы были в барских домах, где жили немецкие бароны. Они бежали, оставляя все свое хозяйство. А мы питаемся и поправляемся за их счет. У нас нет недостатка ни в свинине, ни в пище, ни в сахаре. Мы уже заелись и нам не все хочется кушать. Теперь перед нами будет Германия, и вот иногда встречаются колонны фрицев, как будто чем-то прибитых, с котомками за плечами. Пусть на себе поймут, как это хорошо. Иногда встречаются и наши, возвращающиеся на Родину люди. Их сразу можно узнать. И вот невольно сравниваешь 41-й год с 45-м и думаешь, что этот 45-й должен быть завершающим»⁵².

Конечно, дошедшие до нас документы не могут охватить все многообразие взглядов, мыслей и чувств, которые возникли у советских людей, когда они перешли государственную границу СССР и двинулись на запад. Но и в них ясно видны и новые политические настроения, и отношение к ним сталинской системы, и проблемы дисциплинарного характера, которые возникают перед любой армией, воюющей на чужой территории, и целый ряд нравственных и психологических проблем, с которыми пришлось столкнуться советским солдатам в победном 1945 году.

Для подавляющего большинства советских воинов на этом этапе войны характерным стало преодоление естественных мстительных чувств и способность по-разному отнестись к врагу сопротивляющемуся и врагу поверженному, тем более к гражданскому населению. Преобладание ненависти, «ярости благородной», справедливой жажды отмщения вероломно напавшему, жестокому и сильному противнику на начальных этапах войны сменилось великодушием победителей на завершающем этапе и после ее окончания. «Перешли границу — Родина освобождена, — вспоминает бывший санинструктор Софья Кунцевич. — Я думала, что

когда мы войдем в Германию, то у меня ни к кому пощады не будет. Сколько ненависти скопилось в груди! Почему я должна пожалеть его ребенка, если он убил моего? Почему я должна пожалеть его мать, если он мою повесил? Почему я должна не трогать его дом, если он мой сжег? Почему? Хотелось увидеть их жен, матерей, родивших таких сыновей. Как они будут смотреть нам в глаза?.. Все мне вспомнилось, и думаю: что же будет со мной? С нашими солдатами? Мы все помним... Пришли в какой-то поселок, дети бегают — голодные, несчастные. И я, которая клялась, что всех их ненавижу, я соберу у своих ребят все, что у них есть, что осталось от пайка, любой кусочек сахара, и отдам немецким детям. Конечно, я не забыла, я помнила обо всем, но смотреть спокойно в голодные детские глаза я не могла»⁵³.

Гуманность советских войск по отношению к немецкому населению после всего, что совершили гитлеровские войска на оккупированной ими территории, была удивительна даже для самих немцев. Тому есть немало свидетельств. Вот одно из них, зафиксированное в донесении от 15 мая 1945 г. члена Военного совета 5-й ударной армии генерал-лейтенанта Ф.Е.Бокова командующему войсками 1-го Белорусского фронта о политическом настроении жителей Берлина в связи с проводимыми советским командованием мероприятиями: «Домохозяйка Елизавета Штайм заявила: «Я имею троих детей. Мужа у меня нет. Я предполагала, что всем нам придется погибнуть от голодной смерти. Нацисты говорили, что большевики расстреливают все семьи, в которых кто-нибудь участвовал в войне против России. Я решила открыть вены своим детям и покончить самоубийством. Но мне было жалко детей, я спряталась в подвал, где мы просидели голодными несколько суток. Неожиданно туда зашли четыре красноармейца. Они нас не тронули, а маленькому Вернеру даже дали кусок хлеба и пачку печенья. А сейчас мы видим, что все советское командование беспокоится о том, чтобы население не умирало с голоду. Больше того, выдают всякие нормы и беспокоятся о восстановлении наших жилищ. Я беседовала со всеми жильцами нашего дома. Все они очень довольны таким отношением русского командования к нам. От радости мы завели патефон и танцевали целый вечер.

Некоторые высказывали только такую мысль — неужели так и будет дальше, неужели так и дальше будут снабжать. Если будет так, то остается только одно — устроиться на работу и восстанавливать разрушенное...»⁵⁴.

Вряд ли только политические директивы и грозные приказы могли остановить праведный гнев побеждавшей Советской Армии, который имел достаточно оснований вылиться в слепую месть поверженному врагу. И такие случаи, конечно же, были. Но они не превратились в систему. Причины этого, на наш взгляд, достаточно точно определил Д.Самойлов: «Германия подверглась не только военному разгрому. Она была отдана на милость победного войска. И народ Германии мог бы пострадать еще больше, если бы не русский национальный характер — незлобливость, немстительность, чадолюбие, сердечность, отсутствие чувства превосходства, остатки религиозности и интернационалистического сознания в самой толще солдатской массы. Германию в 45-м году пощадил природный гуманизм русского солдата»⁵⁵.

Эти качества проявились и по отношению к немецким военнопленным. «Народ мой и в запальчивости не переходит границ разума и не теряет сердца, — писал 19 июля 1944 г. Леонид Леонов после того, как по Москве провели многотысячную колонну немцев. — В русской литературе не сыскать слова брани или скалозубства против вражеского воина, плененного в бою. Мы знаем, что такое военнопленный. Мы не жжем пленных, не уродуем их: мы не немцы. Ни заслуженного плевка, ни камня не полетело в сторону врагов, переправляемых с вокзала на вокзал, хотя вдовы, сироты и матери замученных ими стояли на тротуарах, во всю длину шествия. Но даже русское благородство не может уберечь от ядовитого слова презренья эту попавшуюся шпану: убивающий ребенка лишается высокого звания солдата...»⁵⁶. И символом этого народного презрения стали десятки поливочных машин, пушенных за колонной пленных, чтобы смыть самый след, самый дух их с московских улиц. Даже в гуманном обращении с пленными согласно международному праву содержалось подчеркнутое противопоставление собственного образа человека и образа фашистского врага-зверя, находящегося за рамками всех цивилизованных норм.

Итак, в ходе Великой Отечественной войны и образ врага, и отношение к нему прошли достаточно сложную эволюцию. Перед войной и в самом ее начале имели существенное значение идеологические стереотипы. Так, если в предвоенные годы в сознание масс была внесена идея о некоей «исторической миссии страны победившего социализма» — лидера мирового пролетариата, а характер будущей войны виделся наступательным и победоносным, при безусловной поддержке со стороны трудящихся Европы, и, прежде всего, Германии, то с началом войны, принявшей сразу характер оборонительный, при жестокой борьбе за само выживание, на первый план выдвинулись национально-патриотические чувства. Иллюзии, в том числе порожденные идеологическими догмами, в столкновении с жестокой реальностью прямого противоборства с фашизмом рассеялись, а идея мировой революции и освобождения «братьев по классу», принесенного на штыках Красной Армии, быстро сменилась ненавистью к врагу, независимо от его классового происхождения, несшему разрушения и смерть, попрание национального достоинства и святынь. Под знаком этих чувств — любви к Родине и ненависти к врагу — советский солдат прошел всю войну. Однако, в плане психологическом с ненавистью к врагу не все обстояло так просто. Нужно было пережить первый трагический период войны, горький опыт потерь друзей и близких, чтобы советский солдат проникся этим чувством к агрессору, принесшему смерть и кровь на родную землю. Наивысшим его выражением стало стихотворение К.Симонова «Убей его!». В дальнейшем тема ненависти к врагу становится обычной для листовок, фронтовых и центральных газет, политзанятий, публицистики.

Справедливая цель, во имя которой боролся наш народ, — защита Родины от агрессора, — по своему морально-политическому и социально-психологическому воздействию на массы оказалась сильнее идеологии фашизма, умело насаждавшейся милитаристской психологии и теории расового превосходства. Они внушались хорошо отлаженной системой гитлеровской пропаганды целому поколению немцев, принимавших участие в грабительских, завоевательных походах, за которые каждому были обещаны крупная сумма денег и

участок земли с рабами из числа жителей покоренных стран⁵⁷. Гитлер возвел низменные инстинкты в ранг государственной морали и политики, «освободил» немецких солдат от «химеры совести», а фашистская пропаганда формировала в сознании своего народа образ русского человека как низшего, ущербного существа, недостойного европейской цивилизации и неспособного противостоять натиску «избранной» арийской расы. Но хотя немецкая армия сражалась с огромным упорством и ожесточением и показала достаточно примеров храбрости, нет свидетельств совершения немецкими солдатами и офицерами ни воздушных таранов, ни актов самопожертвования, подобных подвигам Александра Матросова и Николая Гастелло. Напрасно уже в конце войны фашистское правительство призывало немецкий народ развернуть партизанскую войну против советских войск на территории Германии, а участникам обороны Берлина ставило в пример стойкость защитников Москвы. Когда пропаганда не находит других средств, кроме как сослаться на пример героизма собственного противника, это говорит о многом. Французский историк М.Ларан, занимающийся изучением истории России и Советского Союза, констатирует в своей книге, что «самоотверженность, которую в войне проявили советские люди, достойна самого искреннего восхищения. Духовно они оказались неизмеримо выше своего врага»⁵⁸. И это духовное превосходство проявилось, в частности, на последнем этапе войны, когда чувства ненависти и праведного гнева советских воинов не переросли в слепую месть поверженному противнику, не вылились в массовую резню гражданского населения и немецких военнопленных.

* * *

Таким образом, и в первой, и во второй мировой войне было нечто общее в эволюции представлений о противнике — «образе врага», хотя имелись и весьма существенные отличия. Общим было, прежде всего, развитие этого образа от преимущественно пропагандистского, абстрактно-стереотипного, сформированного на расстоянии через официальные каналы информации, прессу, специальные агитационно-пропагандистские материалы, к более конкретно-бытовому, лично-эмоциональному образу, который возникал у ар-

мии и народа в первую очередь при прямом соприкосновении с противником. На особенности в этом формировании повлияли рассмотренные выше принципиальные различия двух мировых войн: столкновение разных типов государств, ход войны, степень ожесточенности и т.д. Особенностью первой мировой войны был переход от стереотипа «врага-зверя» к образу «врага-человека». Этой эволюции способствовал ряд факторов: прежде всего, не слишком понятный с обеих сторон смысл войны, относительная ограниченность (по сравнению со второй мировой) вовлечения в орбиту военных действий собственно национальной территории Германии и России и степень проникновения в тыл противника, хотя бы частичное соблюдение немецкой стороной норм международного права при ведении войны и, соответственно, меньшая степень ожесточенности. Во второй мировой войне с обеих сторон принципиально большую роль играл идеологический момент. Однако, господствовавший в советской пропаганде классовый подход и сформированный на его основе стереотип немецкого пролетария — друга страны Советов, который повернет штыки против своего правительства сразу же после начала войны, а также образ собственной непобедимости, представления о доблестной Красной Армии, которая будет бить врага на чужой территории, мгновенно рухнули в первые же дни столкновения с фашистской Германией. Уже на бытовом уровне на начальном этапе войны у советских людей неумолимо складывался образ обезличенной военной машины, победоносно проехавшейся по всей Европе и вот теперь уютившей гусеницами танков огромные пространства нашей страны. Образ врага-машины, хорошо отлаженного военного механизма (особенно учитывая техническую оснащенность и организованность немецкой армии), сохранялся до конца войны. Однако он очень быстро был дополнен образом врага-зверя. Причем этот образ формировался как «сверху», на уровне пропаганды (в терминах «фашистский зверь», «фашистская гадина» и т.п.), так и «снизу», на бытовом уровне, исходя из личного опыта людей, оказавшихся на оккупированной территории, в плену, в действующей армии, наблюдавших или испытавших в прямом смысле зверства фашистских захватчиков. И на

уровне пропаганды, и на личностно-бытовом уровне понятие «немец» было отождествлено с понятием «фашист», а понятие «фашист» было равно понятию «зверь».

Степень горя и страданий, принесенных врагом нашему народу в ходе Великой Отечественной войны, была неизмеримо выше, чем в первую мировую. Поэтому эволюция в сторону чисто человеческого восприятия противника происходила значительно медленнее и труднее, оценки его на личностно-бытовом уровне хотя и были в обоих случаях негативными, но в первую мировую войну менее эмоционально окрашенными, более нейтральными, часто даже беззлобными и просто ироничными, тогда как в Великую Отечественную войну преобладало личностно-эмоциональное, жестко враждебное отношение, с доминированием чувства ненависти и полного неприятия. Вот, например, оценка врага в письме прапорщика А.Н.Жиглинского от 22.06.1916 г.: «Окопы немцев очень тщательно отделаны — стенки даже бетонированы. Вообще все укрепления рассчитаны на долгое сидение — то-то они так отчаянно дрались. Артиллерия у них, если не меньше, чем у нас, то снарядов меньше и качество их хуже, чем наших. Когда немцам приходится плохо, то они начинают очень неважно стрелять — пускают таких «журавлей» — слишком высокие разрывы шрапнелей, не причиняющие вреда, не наносящие ущерба своими пулями и осколками»⁵⁹. Это довольно типичное высказывание в адрес противника содержит оценку скорее в негативно-ироническом, даже снисходительном духе. Заместитель политрука Ю.И.Каминский более категоричен, враждебен и беспощаден в своей характеристике: «Перед нами опытный и матерый враг — есть и эсэсовцы, и прочая сволочь, — пишет он 29 апреля 1942 г. брату. — Они здесь сильно зарылись в землю и укрепились, надеясь отсидеться. Вообще эти немцы — сволочный народ. Когда мы заняли этот пункт (а они и здесь солидно окопались, понастроили ДЗОТов и блиндажей и т.д.), то не нашли ни одного убитого немца. Все были очень огорчены. Но теперь выяснилось, что они взрывом сделали большой котлован, свалили туда, как собак, всех своих покойников и кое-как засыпали глыбами земли и снегом. Сколько их тут гниет и сколько таких «могил» — бог знает.

Обстреливают они нас постоянно, но толку от их огня мало»⁶⁰. Казалось бы, оба офицера говорят почти об одинаковых ситуациях и поведении противника. Однако, насколько во втором случае сильнее элемент эмоционального его отторжения, личностного неприятия. И это далеко не самая жесткая оценка врага, которая давалась в письмах советских людей в годы Великой Отечественной.

Даже когда официальная советская пропаганда, руководствуясь сугубо политической и военной целесообразностью при вступлении на вражескую территорию, попыталась разорвать эту жесткую связку «фашист-немец-зверь», сделать это на бытовом личностном уровне оказалось чрезвычайно сложно. Фашистского зверя нужно было «добить в его собственном логове». Так призывал советский вождь свой народ, так призывали командиры и политработники шедших в атаку бойцов, для которых Германия, немец были синонимами «фашистского зверя».

Не случайно и после войны в народном сознании еще очень долго сохранялось это тождество. Немцы были «фашисты», а фашисты значило «немцы». Это чувство зачастую распространялось даже на российских немцев, тем более, что сама власть репрессиями против немецких этнических групп, отправкой их на спецпоселения из родных мест давала для этого повод. И в этом тоже существенное отличие второй мировой войны от первой, в ходе которой, тем не менее, также имели место антинемецкие настроения и репрессивные акции государства (высылки из прифронтовой полосы, погромы и т.п.) Это отношение теперь было гораздо более враждебным, стойким и длительным, причем не только в самой России, но и за рубежом.

«Известно, что уже через десять лет после окончания первой мировой войны в Европе регулярно проводились встречи ветеранов этой войны, — отмечает Р.А.Медведев. — Бывшие противники встречались, вспоминали боевые эпизоды. Случаи братания, когда солдаты переставали стрелять друг в друга и выходили из окопов, игнорируя окрики офицеров, случались не только на русско-германском фронте. Вторая мировая война не знает таких случаев»⁶¹. Ни о каких случаях братания во второй мировой войне не могло быть и речи: слишком велик был накал ненависти с обеих сторон. Ни с

«машиной», ни со «зверем» не братаются. Восприятие фашистского врага как человека проявлялось, быть может, только в очень редкие минуты победного торжества. Да и то современниками это воспринималось как нечто парадоксальное. «Многие из нас уже научились говорить по-немецки и многие немцы уже кое-как лепечут по-русски, — писал своим родным 2 мая 1945 г. подполковник П.М.Себелев. — Самый последний парадокс: пишу это письмо и в окно вижу, как наш и немецкий солдаты поочередно с горлышка бутылки пьют шнапс, размахивают руками и о чем-то говорят. Удивительно! Вам трудно представить себе это наше торжество, которое сейчас происходит в Берлине»⁶².

Конечно, в ходе пребывания советских оккупационных войск в Германии после войны менялось отношение к гражданскому населению, хотя достаточно быстро личный состав этих войск был сменен (в значительной степени) молодым пополнением, в боевых действиях не участвовавшим. Постепенно смягчалось и отношение к немецким пленным, несколько лет находившимся в советских лагерях. Это отмечают и сами немцы. Например, в комментариях документальной экспозиции г.Берлина «Война Германии против Советского Союза 1941-1945» к 50-летию со дня нападения Германии на СССР говорится: «Несмотря на высокую смертность, обращение с немецкими военнопленными не строилось ни на стратегии их уничтожения, ни на беспощадной эксплуатации их труда... Тяжелые условия, в которых находились немецкие военнопленные, определялись в немалой степени убытками, причиненными стране войной»⁶³. В дальнейшем на отношение к немцам влияла и установка на создание демократического, а затем и социалистического союзного немецкого государства.

Однако, различие в восприятии немцев после двух мировых войн у русского народа оставалось весьма существенным: после первой мировой недавнего противника вскоре уже не рассматривали в прежнем качестве, а после второй враждебные чувства, неприязнь к немцам во многом сохранились в сознании нескольких поколений. И прошел ряд десятилетий, прежде чем отношение к ним стало более или менее нейтральным. Весьма точно отражает его эволюцию ответ в ходе социологического опроса молодого респондента,

чей отец три года воевал на советско-германском фронте: «Тот факт, что в первой половине века наша страна дважды воевала с Германией, наложил на сознание всех советских людей определенный отпечаток. Думаю, что не ошибусь, если скажу, что вторая мировая война прочно заслонила в сознании большинства молодых людей первую, которая началась еще до революции... Последняя война в большей или меньшей степени коснулась всех, и послевоенные поколения — это дети и внуки погибших или воевавших в этой войне. Поэтому отношение к ней — плод не только приевшейся государственной пропаганды, но и семейного воспитания. Думаю, что если у старшего поколения здесь действуют не только разум, но и эмоции, то у молодежи эмоций меньше, и она винит в ужасах войны не немцев, а фашизм...»⁶⁴.

Итак, в войне психологическая антитеза «свой-чужой» реализуется в крайних негативных формах, переходящих в эмоциональную враждебность и полное неприятие представителя иного государства, этноса, носителя иной культуры. Степень этого отторжения бывает весьма различной. Вторая мировая война как раз и отличается от первой мировой доведением такого отторжения до высшей степени, переходящей в принципиально иное качество. Понятие «чужой» переходило из качества чего-то инородного, но по-человечески понятного и вполне достойного нормальных чувств, в полную противоположность «своему», в нечто, находящееся за пределами норм человеческих отношений. Образ «врага-зверя» надолго стал той призмой, через которую в российском народном сознании воспринималась не только германская армия, но и немецкая нация в целом. В российской истории со всеми ее многочисленными войнами, тем не менее, существует, пожалуй, только одна подобная аналогия — двухвековое монголо-татарское иго и соответствующее отношение на Руси к татарам, для изменения которого потребовались столетия. Тот же эффект национально-культурного отторжения немцев был достигнут всего за четыре года Великой Отечественной войны, отзвуки которой и по сей день еще слышны в сознании наших соотечественников.

2. «Образ союзника» в сознании российского общества 1914-1945 годов

В течение XX века Россия дважды в ходе двух мировых войн выступала в качестве участника могущественной коалиции, и «образ союзника» играл в сознании российского общества важную роль, причем не только в отношении к внешнему миру, но и при решении внутривосточных проблем.

Как неоднократно отмечалось выше, для мифологизированного сознания внешний мир представляет собой «*темную*», или, в лучшем случае, «*серую*» *зону*, то есть область повышенной опасности, враждебную или недоброжелательную по отношению к человеку, где все иное и все неустойчиво⁶⁵. И даже *союзник*, также принадлежащий к миру за пределами освоенной территории (то есть внешнему миру), воспринимается как нечто неустойчивое, сомнительное, потенциально враждебное. Подобное отношение к союзникам фиксируется не только в годы Великой Отечественной войны, но и на других этапах русской (и не только русской) истории.

Отношение к союзникам, реальным или потенциальным, и общая мифологизация представлений о внешнем мире в массовом сознании ярко проявились в годы русско-турецкой войны 1877-1878 гг. В частности, крестьяне разных губерний были убеждены, что «все англичанка портит дело, она помогает туркам» (Новгородская губ.), что «если бы не помешала «англичанка», то русские непременно бы взяли Константинополь» (Рязанская губ.)⁶⁶. В народном сознании в качестве союзника России (кроме славян, в частности, болгар, и греков, которые тоже считались «славянами»), выступал... Китай: «Китай за нас подымется. Царь Китаю не верит, боится, чтобы не обманул...» — говорили крестьяне⁶⁷. Характерна, при всей фантастичности этих утверждений, нотка недоверия к «союзнику».

Как в общественном мнении, так и в массовом сознании России к началу XX в. традиционным было недоверие к Англии. При этом в исторической реальности в годы самых крупных коалиционных войн, в которых участвовала Россия (в частности, наполеоновские войны, в том числе война 1812 г., 1 и 2 мировые войны) вследствие различных геополитических и прочих обстоятельств Англия становилась союзником России (что, конечно, действовало на отношение к ней), но затем все быстро возвращалось на свои места, и эта инерция

была преодолена лишь в 60-80-е годы нашего века, когда Англия потеряла статус мировой державы. Поэтому, как отмечает В.А.Емец, накануне первой мировой войны «требовалась решительная ломка стереотипов... в общественно-политическом сознании правящих кругов и целых социальных групп населения»⁶⁸. С этим связана, в частности, деятельность министра иностранных дел А.П.Извольского, который первым начал «работать» с прессой в целях изменения общественного мнения.

Тем не менее в общественном сознании недоверие к Англии в значительной степени сохранялось, к Франции же отношение было лучше. В отличие от второй мировой войны, в 1914-17 гг. военные действия велись одновременно на Западном и Восточном фронте. Союзники, как водится, склонны были недооценивать усилия друг друга, тем не менее чувство «общего дела» находило свое отражение в массовом сознании.

В годы войны предпринимались целенаправленные усилия по формированию в общественном мнении и массовом сознании «образа врага». Наряду с этим, хотя, к слову сказать, с гораздо меньшей интенсивностью, пропаганда работала и над формированием позитивного и достаточно наглядного образа союзника. Примеров множество; в частности, в России были изданы открытки с изображением симпатичных солдат в форме стран Антанты с текстами государственных гимнов, причем русский солдат ничем не выделялся в этой серии⁶⁹.

Конечно, ход многолетней, тяжелой войны не мог не отражаться в массовом сознании и помимо пропаганды. Иногда вспоминали и о союзниках. Так, стабилизация Восточного фронта после русских неудач в Восточной Пруссии и предотвращение взятия немцами Парижа в самом начале войны («чудо на Марне») тут же нашли отклик в частушке, записанной в 1914 году:

*Немец битву начинал
И в Варшаве быть желал;
Шел обедать он в Париж —
Преподнес французик шиш*⁷⁰.

Здесь следует отметить, во-первых, равнозначность событий на Западном и Восточном фронте для автора частушки, и, во-вторых, то, что уменьшительное «французик» носит явно доброжелательный, даже ласковый характер.

Постепенно, однако, по мере усталости от войны в российском общественном мнении все ярче вырисовывается тенденция к обличению корыстных союзников, стремившихся за счет России достигнуть своих целей. Вот что говорится в воспоминаниях британского генерала А.Нокса, относящихся к 1915 г., о беседе с генерал-квартирмейстером Западного фронта генералом П.Лебедевым. «Разговор коснулся доли тягот, выпавших на долю каждого из союзников... [Лебедев] упрекал Англию и Францию за то, что они взвалили основную тяжесть войны на Россию»⁷¹. К концу 1916 – началу 1917 гг. подобные взгляды получили широкое распространение, особенно среди нижних чинов и младших офицеров, причем как всегда наиболее негативные оценки относились к роли Великобритании, готовой «воевать до последнего русского солдата», для чего англичане «втайне сговорились с начальством, подкупив его на английские деньги»⁷². Весной 1918 г. видный российский публицист отмечал исчезновение симпатий к союзникам и повсеместное распространение «немецкопоклонства»⁷³.

После Октябрьской революции союзники, фактически встав на одну из сторон в гражданской войне, для победителей (и для значительной части населения) оказались врагами, организаторами интервенции и многочисленных заговоров («дело Локкарта», «дело Рейли» и т.д., и т.п.) и это, разумеется, отразилось в массовом сознании. Для другой же части населения они по-прежнему оставались союзниками, только теперь не против немцев, а против большевиков, как в прошлом, так, возможно, и в будущем. Любопытно отметить, что в 1920-е годы чаще всего в роли потенциального противника и возможного «освободителя» от власти большевиков выступала Англия. Германия, недавний враг в мировой войне и ближайший партнер советского правительства в эти годы, в массовом сознании присутствует слабо, в то время как Польша фигурирует достаточно часто, упоминаются также Франция, Япония, США, Китай.

«Союзники» избирались массовым сознанием, исходя прежде всего из внутривнутриполитических, а не внешнеполитических рассуждений (или «англичане» против коммуны, или «рабочие и крестьяне Англии» как союзники СССР). «Как только Англия объявит войну на СССР, то мы в тыл советской власти пойдем и не оставим в Москве ни одного живого

коммуниста...» — говорилось в одном из писем 1927 г. в «Крестьянскую газету»⁷⁴.

Новый образ союзника в 20-30-е годы — революционный пролетариат всего мира, в том числе Запада. Официальная пропаганда всячески поддерживала подобные представления. Так, в информационном письме агитмассотдела Орловского окружкома (июль 1930 г.) подчеркивалось: «День 1 августа в настоящем году совпадает с 16-ти летием Империалистической войны. В этот день рабочие запада свой гнев против капиталистов-поджигателей войны выразят в массовой забастовке, которая должна показать, что на случай войны рабочие сумеют остановить заводы, фабрики и остановят машины, производящие средства истребления человечества. В этот день громко будет звучать лозунг «Руки прочь от Советского Союза» и т.п.»⁷⁵.

В 1938 году вышел в свет сборник «Красноармейский фольклор», полностью состоявший из произведений того же жанра, что и частушки о подвигах Кузьмы Крючкова. В одной из вошедших в сборник «красноармейских песен» звучала такая строфа:

*К нам из Венгрии далекой,
Из баварских рудников,
Мчатся лавиной широкой
Красных тысячи полков*⁷⁶.

В этих словах отразились реальные события — появление Венгерской и Баварской советских республик. Но подобные представления часто экстраполировались и на будущее:

*От Петрограда до Вены
Тянется фронт боевой,
Скоро от Темзы до Сены
Встанет гигант трудовой*⁷⁷.

В результате возникли и прочно утвердились в массовом сознании соответствующие иллюзии, которые впоследствии мучительно изживались в годы второй мировой войны. В том же 1927 г. достаточно типичными были такие высказывания — «пусть Англия идет на нас воевать, а пока рабочие и крестьяне Англии сбросят свое правительство, как было в Германии»⁷⁸.

Но страны Запада как таковые могли выступать в качестве полноценных союзников СССР лишь в одном случае — в случае победы там социалистической революции. В тезисах доклада Г. Зиновьева на Пленуме ЦК РКП 22 сентября 1923 г. говорилось, что в случае советизации Германии, «союз со-

ветской Германии и СССР в ближайшее же время представит собой могучую хозяйственную силу... Союз советской Германии и СССР представит собою не менее могучую военную базу. Общими силами обе республики в сравнительно короткое время сумеют создать такое ядро военных сил, которое обеспечит независимость обеих республик от каких бы то ни было посягательств мирового империализма...»⁷⁹.

Однако после неудачной попытки «подтолкнуть» революцию в Германии, надежд на скорую советизацию Европы не было, и в будущей войне союзниками могли быть только капиталистические страны. В опубликованной в начале 20-х гг. брошюре И.И.Вацетиса предполагалось, что в будущей войне столкнутся два блока — Великобритания, Франция, Япония и Америка, с одной стороны, и Россия, Германия, Австрия (страны, оказавшиеся после мировой войны в состоянии внешнеполитической изоляции) — с другой⁸⁰. Но уже к концу 1920-х гг. ситуация в Европе изменилась, и в опубликованном в 1928 г. исследовании в число потенциальных противников СССР были включены практически все западные страны, за исключением традиционно нейтральных Швейцарии и Швеции, а в качестве потенциальных союзников выступали лишь Китай и колониальные владения⁸¹. После поражения китайской революции и конфликта на КВЖД в 1929 г. и Китай на время был исключен из списка возможных союзников.

В результате при разработке планов на 2-ю пятилетку была поставлена задача «обеспечить Красной Армии возможность вести борьбу с *любой коалицией мировых капиталистических держав* и нанести им сокрушительное поражение, если они нападут на СССР [*курсив мой — авт.*]»⁸². Даже страны Восточной Европы воспринимались как потенциальные противники.

И после прихода нацистов к власти в Германии и подписания в мае 1935 г. советско-французского и советско-чехословацкого договоров о взаимопомощи ни в пропаганде, ни в общественном сознании эти страны почти не фигурировали в качестве союзников⁸³.

Если политическая элита не доверяла потенциальным союзникам из соображений в первую очередь идеологических, то военная элита весьма критически относилась к боепособности западных армий, чему есть ряд свидетельств. В частности командарм 2-го ранга А.И.Седякин, занимавший в разное время посты начальника Управления ПВО РККА,

заместителя начальника генштаба, командующего ПВО Бакинского района, вернувшись из поездки во Францию в 1935 г., заявил, что на маневрах «находился рядом с Гамеленом и другими генералами, и я чувствовал, что мне нечему у них учиться, а они, несомненно, чувствовали наше военное превосходство»⁸⁴. Впрочем и советские дипломаты скептически относились к идее союза с Западом, исходя из своих представлений о настроениях западной политической элиты. И все эти настроения, бытовавшие «наверху», проникали по различным каналам в массовое сознание.

В предвоенный период традиционное недоверие советского руководства к европейским державам, бывшим и, одновременно, потенциальным союзникам, стало одной из причин неудачи политики коллективной безопасности. С началом второй мировой войны вопрос о выборе союзников приобрел особую актуальность. После подписания пакта Риббентропа-Молотова на роль потенциального союзника, казалось, могла претендовать Германия. Во всяком случае, на Западе противники Германии советско-германское партнерство рассматривали как нечто, весьма близкое к союзническим отношениям. Но в советском общественном сознании фашистская Германия все равно оставалась скорее наиболее опасным и вероятным противником, чем союзником; пакт 1939 года и последовавшие за ним соглашения воспринимались в лучшем случае как тактический ход советского правительства, чему имеется достаточно свидетельств.

В 1939-1940 годах в официальной пропаганде Англия и Франция рассматривались как главные виновники войны, агрессоры, потенциальные противники. Подобная пропаганда не могла не отразиться в массовом сознании. Но, вместе с тем, сохранялась и память о союзе в первой мировой войне; с другой стороны, память о прошлой германской войне и немецкой оккупации Украины, образы и представления, внедрявшиеся антифашистской пропагандой 30-х годов, вели к росту антинемецких настроений.

Постепенно, по ходу войны, в советском массовом сознании, наряду с традиционным недоверием к Англии, складывается уважительное и сочувственное отношение к ее борьбе с фашизмом; отношение же к Франции, которую традиционно воспринимали в России с симпатией, было тем более позитивным несмотря на все зигзаги официальной пропа-

ганды. Британский журналист А.Верт приводит такие высказывания своих собеседников в СССР, относящиеся к 1940 году: «Знаете, сама жизнь научила нас быть против англичан — после этого Чемберлена, Финляндии и всего прочего. Но постепенно, как-то очень незаметно мы начали восхищаться англичанами, потому, очевидно, что они не склонились перед Гитлером»⁸⁵.

Повороты в пропаганде и полная неопределенность в общественных настроениях хорошо иллюстрируются в воспоминаниях современника: «...помню газеты с портретами улыбающихся вождей В.М.Молотова и И.Риббентропа, мамины слезы, чей-то успокаивающий голос: «Это — ненадолго. Там, наверху, соображают». Еще помню разговоры такого рода: будем ли мы сражаться с Англией?.. Уже с зимы 40-го года пошли разговоры, что Гитлер на нас непременно нападет. Но в окнах ТАСС — плакаты с совсем иным противником. На одном из них изображен воздушный бой; наши самолетики красные, а вражеские — из них половина уже сбита и горит — черные, с белыми кругами на крыльях (белый круг — английский опознавательный знак)»⁸⁶.

Ни политическое, ни военное руководство по-прежнему не рассчитывало в будущем столкновении с Германией, которое становилось все более вероятным, ни на каких союзников. Об этом говорит, в частности, тот факт, что на стратегических играх в Генштабе РККА в январе 1941 г. никакие союзники СССР не фигурировали во вводных (союзником «западных», то есть Германии, во второй игре выступали «южные», очевидно, Румыния)⁸⁷.

В первые дни войны в речи И.В.Сталина 3 июля 1941 г. говорилось о том, что советский народ имеет «верных союзников в лице народов Европы и Америки, в том числе в лице германского народа»; сочувственные заявления западных правительств были упомянуты лишь вскользь⁸⁸.

12 июля в Москве было подписано советско-английское соглашение о совместных действиях против гитлеровской Германии, положившее начало оформлению антигитлеровской коалиции. Тон советской прессы и пропаганды стал меняться в благоприятную для союзников сторону. Например уже в августе 1941 г. на 1-м Всеславянском митинге писатель А.Толстой говорил о «могучей союзнице», «могущественной и свободолюбивой Великобритании»⁸⁹. В сборнике пословиц, выпущенном в 1942 г. Управлением пропаганды и агит-

тации ЦК ВКП(б), на первой же странице было приведено несколько пословиц (с пометкой «новая»), говорящих о «близости» Америки и СССР. Одна из них звучала так: «Эка благодать — от Москвы до Америки стало рукой подать»⁹⁰.

Выступая на торжественном заседании 6 ноября 1941 года, Сталин упомянул о существующих в США и Англии демократических свободах и подчеркнул, что «Великобритания, Соединенные Штаты Америки и Советский Союз объединились в единый лагерь, поставивший себе целью разгром гитлеровских империалистов и их захватнических армий»⁹¹.

Изменения в советской пропаганде, конечно, не остались незамеченными. Московский врач Е.И.Сахарова 6 января 1942 г. записала в дневнике: «Газеты наши стали очень интересны, читаешь их с захватывающим желанием прочесть все, что есть, — и из области наших событий, и сообщения наших могучих союзников. Сегодня очень интересна речь по радио Идена о поездке в СССР, даже не лишена некоторой поэзии»⁹².

Впрочем, отмеченные изменения в пропаганде не стоит преувеличивать. Выше упоминалось о попытках формирования «образа союзника» в годы первой мировой войны. Во время второй мировой войны такие усилия предпринимала, в частности, пропаганда США; так, вышел комплект фотоплакатов с изображением английского, канадского, австралийского, русского и других солдат с общей надписью — «Этот человек твой друг. Он воюет за свободу». Плакаты были явно рассчитаны на образное, эмоциональное восприятие, характерное для массового сознания, причем образ союзника отличался не только привлекательностью, он был *персонифицирован*. В советской же пропаганде военных лет эта тема развития практически не получила.

Помощь союзников, их участие в войне с общим врагом порой недооценивались советской прессой и официальными лицами; об этом, как правило, не говорил в своих речах Сталин. Одним из немногих исключений явилось его выступление 6 ноября 1941 г., где было упомянуто о поставках военной техники и стратегического сырья и предоставлении займа СССР.

Подобная позиция советского руководства не раз вызывала дипломатические осложнения. Например, в марте 1943 г. посол США в СССР У.Стэндли на специальной пресс-конференции заявил, что советская информация по проблемам ленд-лиза необъективна⁹³. Характерно, что советские

средства массовой информации на первый план выдвигали поставки продовольствия, хотя по стоимости поставки вооружения и военных материалов их намного превосходили. Необходимый «внутренний» результат был таким образом достигнут: подавляющее большинство советских граждан, лишенных альтернативных источников информации и обладавших достаточно устойчивым, сформированным еще в предвоенные годы набором негативных стереотипов относительно Запада в целом, имело весьма слабое представление о реальном вкладе союзников в войну, о боевых действиях в Северной Африке или на Тихом океане и о гуманитарной помощи (справедливости ради нельзя не отметить, что послевоенная западная историография в свою очередь принижала значение Восточного фронта для общей победы; с другой стороны, в современной отечественной публицистике роль союзников вообще и «ленд-лиза» в частности порой явно преувеличивается). Плохо представляли себе советские люди повседневную жизнь американцев и англичан.

Выступая на совещании Совинформбюро в феврале 1943 г. его глава С.А.Лозовский заявил: «В Англии, США, Канаде возникли комитеты помощи Советскому Союзу. Правда, эти комитеты посылали некоторые вещи, например: медикаменты, продукты и т.д. Так вот, эти комитеты посылают запросы с просьбой сообщить им, каким образом оказанная ими помощь воздействовала на победу Красной Армии. Это значит, нужно им сообщить, как их 5 банок консервов помогли угробить 300 тыс. немцев под Сталинградом»⁹⁴. В результате гуманитарная помощь союзников воспринималась, в соответствии с существующими стереотипами, как «подарки рабочих и крестьян» США и Великобритании, а порой даже как товары, *закупленные* Советским правительством⁹⁵.

Конечно, изменился не только тон, но и содержание советской пропаганды. По подсчетам одного из исследователей, общий объем материалов о жизни союзных стран в газетах и журналах увеличился в среднем в четыре раза, при этом вместо сюжетов об обострении классовой борьбы, росте эксплуатации, агрессивности внешней политики Запада появились более объективные и нейтральные материалы об истории и культуре, системе образования и военной экономике этих стран, их действиях на различных фронтах⁹⁶. Вместе с тем непропорционально большое место занимали публикации о рос-

те авторитета СССР на Западе, о положительных высказываниях в его адрес как западных лидеров, так и рядовых трудящихся, о позитивном восприятии советской культуры, и так далее.

Любые осложнения в отношениях с союзниками вызывали изменение тона советской прессы, появление различного рода критических комментариев и карикатур. С другой стороны, при необходимости тон прессы мгновенно менялся в благоприятную для союзников сторону. Так, накануне конференции в Тегеране в СССР была развернута пропагандистская кампания по поводу 10-летия установления дипломатических отношений между СССР и США. По этому поводу новый посол США А.Гарриман выразил В.М.Молотову «большое удовлетворение»⁹⁷.

Еще более активная кампания развернулась после успешного завершения Тегеранской конференции. «Весьма знаменательными были полученные от американского посольства в Москве сообщения о реакции русских газет, которая свидетельствовала о «почти революционном изменении» в отношении Советов к Соединенным Штатам и Великобритании. Казалось, что вся пропагандистская машина была направлена на то, чтобы вызвать энтузиазм по поводу «исторических решений» в Тегеране...» — отмечал американский мемуарист Р.Шервуд⁹⁸.

Вместе с тем перелом на фронте заставил советское руководство задуматься об очертаниях послевоенного мира и перспективах межсоюзнических отношений. Уже в 1943 г. советская пропаганда получает указания об усилении ее «наступательного характера» — в первую очередь в отношении союзников по антигитлеровской коалиции⁹⁹.

Что касается массового сознания, то в нем в годы войны образ союзника предстает в самых различных ипостасях. Наряду с позитивными представлениями часто встречаются и проявления традиционного недоверия (особенно в отношении Англии), которое лишь усугубилось в предвоенные годы. Вместе с тем нельзя не согласиться с современным исследователем, который пришел к выводу, что «советской внутренней пропаганде удалось добиться многих из поставленных перед нею целей... ей удалось отделить в массовом сознании советского народа «простых людей» этих стран от их политических и государственных структур»¹⁰⁰.

Уже в первые дни войны в сводках НКВД были отмечены высказывания о том, что политика Литвинова, направленная

на союз с Англией и Францией, была верной. Характерно, что эти высказывания проходили по разделу «антисоветских», один из говоривших это был арестован¹⁰¹. Очевидно, «органы» еще не успели осознать новую международную реальность, несмотря на заявления с обещаниями помощи со стороны правительств США и Англии, прозвучавшие 22 июня. Впрочем, в дальнейшем, особенно в 1941-1942 гг., в таких же сводках НКВД, сомнения относительно результативности отношений с союзниками, не совпадающие с тоном прессы на данный день, также проходили по разряду «антисоветских»¹⁰².

В информационных документах НКВД были отмечены высказывания о том, что речь Сталина 3 июля 1941 г. была рассчитана на завоевание симпатии в Англии и Америке, «которых мы объявили союзниками». Были, впрочем, и обратные высказывания, например: «Надеяться на помощь Англии и Америки — безумие»¹⁰³. Подобные настроения существовали и в офицерском корпусе. Так, генерал-майор М.И.Потапов, попавший в плен к немцам, на допросе в сентябре 1941 г. безапелляционно заявил, что «русские считают Англию плохим союзником»¹⁰⁴.

Разноречивые отклики вызвал доклад И.В.Сталина 6 ноября 1941 г., где он впервые говорил о реальной помощи союзников. Наряду с удовлетворением и надеждами на скорое открытие «второго фронта» были и такие высказывания: «Сталин теперь открыто расписался в полном бессилии СССР в войне с Германией. Из доклада следует понимать, что теперь все зависит от помощи Америки и Англии»¹⁰⁵.

По свидетельству А.Верта, в СССР в 1942 г. постоянно «делались нелестные сравнения между отчаянным сопротивлением русских в Севастополе и «малодушной» капитуляцией англичан в Тобруке», высказывалось убеждение, что «англичанам верить нельзя» и так далее¹⁰⁶. Уже в октябре 1941 г. московский журналист Н.К.Вержицкий записал в дневнике: «На нас обрушилась военная промышленность всей Европы, оказавшаяся в руках искуснейших организаторов. А где английская помощь? А может быть, английский империализм хочет задушить нас руками Гитлера, обессилить его и потом раздавить его самого? Разве это не логично, с точки зрения английских империалистов? Весь мир знает, как тонко умеет «англичанка гадить»...»¹⁰⁷.

Подписание англо-советского и американско-советского соглашений в мае-июне 1942 г. вызвало следующие комментарии: «Договору с Америкой нельзя придавать существенного значения, так как он составлен в крайне запутанных выражениях и предусматривает главным образом выгоды Америки, а не интересы СССР... Договор означает предоставление американским банкирам концессий, а стало быть и расширение частной инициативы внутри Советского Союза... В нашей смертельной борьбе против Германии у нас нет другого выхода, чем этот тесный союз с Англией, но боюсь, что договор все же более выгоден Англии, чем нам. Англия основательно связывает нас по рукам и ногам не только на время войны, но и на послевоенное время...»¹⁰⁸.

Своеобразным напоминанием о пропаганде и утвердившихся массовых стереотипах предвоенных лет служили довольно распространенные высказывания о том, что «для американцев и англичан одинаково ненавистен гитлеризм и коммунизм», что «Англия изменит нам и воевать придется долго — пока не ослабнет и Советский Союз и Германия, тогда Англия и Америка продиктуют свои условия и нам, и Германии», что, наконец, у нас такие союзники, которые в одинаковой степени ненавидят и Германию, и Советский Союз»¹⁰⁹.

Порой в народном сознании образ союзника сливается с образом врага:

*Ты, Германия и Англия,
Чего наделала!
Мою буйную головушку
Без дроли сделала!*

*Ты, Германия и Англия,
Давайте делать мир!
По последнему милому
Все равно не отдадим!*¹¹⁰

По свидетельству того же Верта, отношение к союзникам со стороны населения временами было намного более прохладным, чем отношение властей. «Обычно предполагается, что «добрый русский народ» настроен гораздо больше в пользу Запада, чем его правительство. В тот момент наблюдалось обратное», заключает он, имея в виду 1943 г.¹¹¹ Это было связано с ожиданиями «второго фронта».

И в пропаганде, и в массовом сознании тема «второго фронта» занимала особое место. Хотя боевые действия против Италии и затем Германии велись союзниками в Север-

ной Африке, а с 1943 г. и на Апеннинском полуострове, то есть в Европе, в качестве настоящего «второго фронта» советское руководство соглашалось признать лишь массивную высадку союзных войск на территории Франции. Как известно, подобная высадка была осуществлена в Нормандии летом 1944 г. Тем временем тема задержки «второго фронта» стала одной из любимых для «официальных» сатириков. Важное место заняла она и в массовом сознании, тем более что отсутствие «настоящего второго фронта» было объявлено одной из основных причин тяжелых поражений Красной Армии летом 1942 года. По мнению многих, открытие «второго фронта» означало скорый конец войны. «Второго фронта» ждали постоянно. Так, уже в декабре 1941 г. московский врач Е. Сахарова записала в своем дневнике: «Сегодня Англия объявила войну Финляндии, Румынии и Болгарии. Это очень хорошо. Это очень хорошо. Это то, что т. Сталин назвал «вторым фронтом». Если активна будет деятельность Англии, то нам, безусловно, станет значительно легче и не будут так дробиться наши военные силы»¹¹². Политрук Ю. И. Каминский писал домой с фронта в июне 1942 г.: «Поздравляю вас всех с договором 26 мая и соглашением о втором фронте. Это сразу вернет войне ее первоначальные темпы, но только в другую сторону, с нашей земли в Европу»¹¹³.

Однако, вслед за официальной пропагандой, большинство советских граждан к идее второго фронта относилось скептически. Так, физик В. С. Сорокин писал в апреле 1944 г. в частном письме: «Наши проклятые союзники собираются продемонстрировать, что они собираются предпринять демонстрацию, что они собираются... (и так далее) предпринять наконец вторжение. Они описывают с величайшей обстоятельностью корабль, который они построили для перевозки войск, искусство своих будущих операций и все, относящееся к делу, из чего следует, что это все одни разговоры»¹¹⁴.

Виновниками в задержке «второго фронта» считали все тех же англичан, в первую очередь У. Черчилля. Один из собеседников А. Верта в 1942 г. утверждал, что русские должны были быть благодарны Черчиллю уже за то, что он не встал на сторону немцев, и предсказывал, что пока Черчилль остается у власти, «второго фронта» не будет¹¹⁵.

Бомбардировки, которым подвергали союзники территорию Германии, вызывали в общем удовлетворение. Вот как эта нетрадиционная тема преломляется в традиционном народном творчестве:

*Ой, яблочко,
Да из Америки,
Довело ты врага
До истерики.*

*Ой, яблочко,
Да из Британии,
Будет помнить тебя
Вся Германия* ¹¹⁶.

Но, конечно, подобные действия, так же, как и кампания в Северной Африке, не могли заменить открытия «второго фронта», под которым, вслед за официальной пропагандой, советские граждане подразумевали либо массовое вторжение союзнических войск на континент через Ла-Манш, либо (это особенно характерно для ленинградцев) в Финляндии, упоминались также южная Франция, Италия, Балканы.

Помимо «второго фронта», еще два конкретных аспекта отношений с союзниками были зафиксированы в массовом сознании военного времени. Это тема ленд-лиза, поставок продовольствия, снаряжения, военной техники. И кроме того — осмысление перспектив, которые открывал на будущее сам факт возникновения антигитлеровской коалиции. В 1942-44 гг. постепенно укрепляется ожидание позитивных изменений после войны, и в значительной степени это было связано как раз с ролью союзников. Предполагалось, что союз с США и Великобританией должен привести к некоторой демократизации советского общества, тем более, что продолжение союза военных лет казалось многим необходимым для послевоенного восстановления СССР (об этом, в частности, в своих письмах и дневниках писал академик В.И.Вернадский¹¹⁷).

Впрочем, и здесь были разные мнения. Так, уже упоминавшийся В.С.Сорокин писал в январе 1944 г.: «Насчет того, что планируют союзники, прочти в № 10-11 «Мирового хозяйства» о том, что они собираются сделать в Европе после войны. Вот уж кто мерзавцы, так это они. Ханжи и бандиты, каких больше не найдешь нигде. Не далее как в 1947 г. мы будем иметь с ними дело»¹¹⁸.

Иногда в массовом сознании на союзников возлагались совсем уже невероятные надежды. Например, в Ленинграде в 1942 г. появились слухи о том, что ведутся переговоры о сдаче города «в аренду» на 25 лет. В результате «скоро будет изобилие продуктов и разных товаров, так как город сдают в аренду англичанам и американцам»¹¹⁹.

Изменения политического строя под давлением союзников ожидала не только интеллигенция. Подобные настрое-

ния существовали и в деревне. Так, один из крестьян Тихвинского района Ленинградской области в 1944 г. говорил, что «после войны у нас коммунистов не будет. Партия большевиков должна отмереть и отомрет, потому что наши союзники Англия и Америка капиталисты, поставят дело так, как им нужно»¹²⁰. Особенно вероятным представлялась ликвидация колхозов. Характерно, что и здесь надежды во многом возлагались на союзников. Вот примеры подобных высказываний: «Они требуют, чтобы не было больше колхозов, а наши не соглашаются. Возникнет новая война и нам тоже уж не справиться, заберут нас англичане и не будет больше колхозов... Скоро дождемся того момента, когда будем работать на себя и жить самостоятельно, без палки. Так хотят наши союзники Англия и Америка»¹²¹. Любопытно, что в межсоюзнической полемике (в частности, в западных средствах массовой информации) на первый план выступали требования свободы вероисповедания в СССР, а отнюдь не ликвидации колхозов. В советском массовом сознании все было как раз наоборот.

Многие ожидали, что в результате ленд-лиза и заключенных в годы войны соглашений, «все наши ценности союзники заберут и мы на них работай»¹²².

Конечно, наиболее симпатичным образ союзника рисовался в тех случаях, когда основывался на личных впечатлениях. В условиях войны появились элементы так называемой «народной дипломатии». Однако, если со стороны союзников это была, как правило, инициатива отдельных лиц или небольших групп (например, мать троих погибших на фронте сыновей, группа английских моряков, лечившихся в советском госпитале), то с советской стороны ответные письма, как отмечает современный исследователь, «составлялись в коллективах, на митингах и общих собраниях трудящихся, публиковались в газетах»¹²³. Любопытно, что этот же исследователь устроенные для иностранных моряков «встречи со знатными советскими людьми, экскурсии на предприятия и в учебные заведения, посещение госпиталей» расценивает как «общение и контакты неформального характера»¹²⁴. Вообще именно контакты с иностранными моряками в портах Архангельска, Мурманска, Владивостока всегда приводятся в качестве примера, хотя количественно и территориально они носили ограниченный характер.

Подобные контакты рядовых советских граждан с представителями союзников на протяжении почти всей войны, происходили также на некоторых участках фронта (челноч-

ные полеты американцев, французские летчики знаменитой эскадрильи «Нормандия-Неман»), на территории Ирана, и, наконец, в немецком плену. Пожалуй, лишь в последнем случае они были и достаточно массовыми, и неформальными.

В воспоминаниях офицера-политработника рассказывает, что при освобождении Данцигского лагеря им были найдены многочисленные рукописные сборники песен, принадлежавшие содержащимся в лагере советским девушкам. Офицер использовал их для политбесед с бойцами. По его словам, помимо известных, в сборниках было много песен, сочиненных в лагере. Они по своей тематике делились на несколько групп, и одну из них составляли песни, где выражалось сочувствие военнопленным из славянских и союзных стран, особенно чехам, югославам, французам¹²⁵. Необходимо помнить, что в подобного рода фольклоре находит отражение лишь то, что представляется для безымянного автора жизненно важным.

В последний период войны Советская Армия, перейдя границу, заняла территорию сначала стран Восточной Европы, затем Германии. В 1944-45 гг. союзниками СССР стали такие вчерашние противники как румыны; на территории Германии в 1945 г. миллионы советских солдат встретились с американскими и английскими товарищами по оружию. Образ союзника стал меняться, конкретизироваться; одновременно размывались, теряя жесткость и однозначность, пропагандистские стереотипы.

Не в первый уже раз в истории России победоносный заграничный поход привел к серьезным изменениям внутриполитической ситуации. «Новое знание представляло для режима реальную угрозу, но это знание уже нельзя было просто перечеркнуть, изолировав от общества всех, кто побывал по ту сторону государственной границы. Тогда пришлось бы помимо репатриированных изолировать еще и всю армию. Так или иначе, но после 1945 г. один из цементирующих советскую идеологию мифов — миф о безоговорочных преимуществах социализма перед капитализмом — теперь нуждался в дополнительных серьезных аргументах»¹²⁶ — справедливо отмечает Е.Ю.Зубкова. Впечатления военных лет, в том числе и от прямого контакта с союзниками, сыграли свою роль в дальнейшей постепенной эрозии господствующей мифологии.

Заключение

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ЛОГИКА ТРАНСФОРМАЦИИ ОБРАЗА ЗАПАДА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX В.

Глубокая качественная неоднородность входившего в XX век российского общества являлась прямым следствием модернизационного расслоения. Доминанта социокультурных процессов, составивших содержание отечественной истории в нынешнем столетии, состояла в стремлении если не ликвидировать, то минимизировать разрыв (последний понимался как социальный, но по существу был цивилизационным) между двумя полюсами общества – патриархально-изоляционистским, представленным российской деревней и низовыми слоями города с одной стороны, и вписанным в контекст цивилизации и историческую динамику – с другой. Этот, второй полюс, лучше всего покрывался понятием «образованное общество», представлял городскую культуру и социально совпадал с «хозяевами жизни».

Обращаясь к русской истории первой половины XX в. надо помнить, что после 1917 г. общество было гораздо менее однородным в социокультурном плане, нежели во второй половине века, когда из активной жизни ушли люди, сформировавшиеся до революции, и абсолютное доминирование перешло к человеку советского чекана.

Анализируя массовые представления о Западе советского этапа, мы обращаемся к анализу идеологически значимого сюжета в реальности тоталитарного общества. Здесь возникает сложнейшая задача – расслоения обязательных деклараций и собственных мыслей объекта исследования. Любые самые яркие факты не могут в этом случае выступать в качестве исчерпывающих. В такой ситуации возможно лишь корректное изложение панорамы идей и образов. Любые реконструкции и качественные суждения требуют величайшей осторожности. А выводы можно рассматривать лишь как результаты первого, предварительного этапа исследования.

Итак, к началу XX в. существовал целый «пакет» образов Запада, причем «вверху» – достаточно дифференцированных и рациональных. С каждой ступенью по пути к низовой культуре образ Запада становился все более обобщенным и пронизанным мифологическими токами.

По существу инверсия, политическим выражением которой стала Октябрьская революция, может рассматриваться как очередной шаг (или даже скачок) в движении процесса модернизации вширь. Объективный исторический итог революции состоял в принятии всем обществом ценностей развития и исторической динамики — то есть, в широком смысле, ценностей урбанизма. Но, при этом, идеи развития ассимилировались массами людей с глубоко архаическим, в лучшем случае средневековым сознанием. А потому сами эти идеи переживают радикальную метаморфозу, в процессе которой они «вписываются» в контекст подобного сознания.

Традиционный для русской народной культуры сюжет сказочного «Опонского царства» переходит из трансцендентного пространства, недостижимой дали, и объявляется реально воплотимым социальным проектом. Огромная эсхатологическая энергия народа устремляется на построение прекрасного будущего. Причем именно техника, Технология с большой буквы, оказывается одним из главных, если не самым главным, инструментом реализации этого проекта. Для традиционного сознания не могло быть мотива более мощного и императивного, соображения более убедительного и ценности более безусловной, нежели стремление к воплощению Правды Небесной на земле. Таким образом ценности урбанизма обрели высшую из возможных в русской реальности санкций.

Вместе с тем технология и урбанизм получали специфическую трактовку. Трактовка эта утопична, противоречит самой природе, онтологии технотронной цивилизации, но в этом — диалектика истории. Суть ее состоит в том, что новое приходит в одеждах старого, и мыслится как инструмент для реализации целей, которые сущностно противостоят этому новому. А далее инструмент перерастает начальную целостность, взламывает ее и отрицает исходную доктрину.

В полном соответствии с традицией, эсхатологический проект мыслился как путь к достижению вожделенного синкретизиса, который и понимался как идеальное состояние: новый человек, новая культура, бесклассовое общество. В традиционалистском сознании все несовершенства мира трактуются как результаты «грехопадения», то есть нарушения изначальной синкретической целостности архаического общества. Идеальное общество крестьянской утопии не знает социальной структуры. Оно гомогенно и однородно, иными словами синкретично. Новым в большевистском проекте было то, что идеал достигается не только уничтожением

«оборотней» и изведением «бояр», эксплуататоров и тунеядцев. Для воплощения идеала требовалось построить технический рай, который принесет изобилие, а изобилие сделает людей «хорошими», благими и честными.

Инверсия в России привела к гомогенизации общества и культуры. С одной стороны, были «выбиты» целые социальные группы, уничтожен эшелон наиболее продвинутых, вестернизованных, лично оформившихся субъектов. С другой — в историческую динамику включались, не подневольно, но в соответствии с собственной волей и устремлениями, десятки миллионов людей. Надо сказать, что рядом с этими миллионами существовала огромная масса тех, кто не желал нового. Последние вошли в новую жизнь, повинувшись неизбежности.

Так или иначе, но модернизация, хотя бы и осознанная как средство достижения ретроспективной утопии, принимается, наконец, всем обществом. Это был качественный скачок огромной важности. Кровь и страдания миллионов заслоняют для нас значимость этого исторического события. К сожалению, таков преискуртант истории. Ментальность российского общества, объективные характеристики сознания подавляющего большинства россиян обрекали страну на этот путь перехода из средневековья в новое время.

Обычно коммунистическая инверсия трактуется как изоляционистский поворот в историческом развитии страны. Для подобной трактовки есть некоторые основания. Но это — лишь самый первый уровень понимания. Переживаемые Россией процессы были неоднозначными и несли в себе глубокие внутренние противоречия. Противоречивость исторической эволюции сказалась и в рассматриваемой нами проблеме. Если говорить об идеологии, о самоосознании культуры, надо признать, что изоляционизм и противостояние Западу в конечном счете, на рубеже 1920-30-х гг., побеждают. Антиизоляционистская доминанта главенствует в начале становления советского общества, когда его онтология еще не выявилась, и на закате — когда эта онтология утратила свои интегрирующие потенции и превратилась в мертвую форму. Изоляционизм же доминирует на основных пространствах советского этапа отечественной истории, а во времена кульминации холодной войны (1940-50-е гг.) достигает предельных значений.

Тем не менее, в своем глубинном существе коммунистическая инверсия была принятием Запада, пусть частичным и фрагментарным, «перелицованным» на местный манер. Вся

предшествующая история российской модернизации отрабатывала одну основную схему: модернизационные процессы ограничивались определенным сектором общества. И хотя сам этот сектор рос и расширялся, модернизация оставалась локальным явлением. Рядом с новой, вошедшей в трансформацию частью общества, располагалась неоглядная российская деревня. Царское правительство, насколько это возможно, ограждало мир патриархальной деревни от неизбежного разлагающего воздействия модернизационных процессов. Лишь на самом последнем этапе, связанном с именем П.А.Столыпина, можно наблюдать попытки смены генеральной стратегии.

К началу XX в. возможности «раздельного» развития городского и сельского секторов общества были исчерпаны. Городская революция готовила кардинальный «прыжок» ценностей развития вширь. И главным общеисторическим итогом революции 1917 г. было принятие этих ценностей всем обществом. Но, поскольку модернизация неотделима от вестернизации, хотя и не равнозначна ей, это означало принятие фундаментальных элементов западной онтологии. Хотя бы некоторых, задающих экономический и социальный прогресс.

Показательно, что сама революционная инверсия происходит на фоне эсхатологических чаяний всемирной пролетарской революции и создания «Земшарной республики». И это была специфическая, задаваемая новой идеологией, форма антиизоляции. Л.Троцкий, К.Радек и другие энтузиасты раздувания «мирового пожара» продуцировали замешанную на революционной эсхатологии интенцию к преодолению национальной ограниченности и выходу за рамки традиционной замкнутости. Другое дело, что идеологическое обоснование, предполагаемые формы и цели интернационального единения трудящихся были утопичны и малопродуктивны. Истории свойственно перемалывать утопические цели и сохранять продуктивные моменты, заложенные в основаниях религиозных и социальных движений.

Однако, после достаточно продолжительной и драматичной борьбы, в СССР победила противостоящая тенденция, связанная с именем И.В.Сталина. Она нашла свое теоретическое выражение в концепции «построения социализма в отдельно взятой стране». Причины, по которым изоляционистская парадигма возобладали, многообразны. В ряду первых причин этого лежит крах революционной эсхатологии. Революция в Европе не получилась ни сразу, ни в ближай-

шие за Октябрем годы. Развитие событий требовало отказа от ожиданий скорой победы и пересмотра стратегии. Жизнь заставляла готовиться к длительной и сложной борьбе. А это располагало к концентрации на собственных проблемах.

Однако существовал и другой уровень причинности. Его можно описать в образах колебательного процесса или «отмашки» маятника. История свидетельствует, что вслед за революционными взрывами, выбивающими общество и культуру из состояния устойчивости, с необходимостью следует обратный направленный, стабилизирующий процесс. Он снимает нежизнеспособные и деструктивные моменты, рожденные революционной эпохой, убирает на периферию общественной жизни (или на гильотину) идеалистов эпохи «бури и натиска», приглушает эсхатологические настроения, структурирует общество, восстанавливает институты государства и другие устойчивые характеристики общественного целого. Главная задача «отмашки» — возвращение общества из странствия революционных мифов в реальную историю.

Восстановление российского изоляционизма и актуализация противостояния Западу задавались этим широким процессом и происходили в его рамках.

Истоки процессов, задававших логику советского этапа нашей истории, лежат в событиях рубежа веков. В последнем десятилетии XIX — начале XX в. в России разворачивается городская революция. Миллионы вчерашних крестьян разом расстаются с крестьянски-изоляционистской установкой и связывают свою судьбу с городом. В необозримой массе выделился значительный слой людей, отказавшихся от традиции неприятия города. Понятно, что сам этот переход не меняет качества сознания. Оно остается патриархально-синкретическим и сохраняет фундаментальные характеристики традиционной культуры.

Доминирующим персонажем российских городов становится мигрант — вчерашний житель села, порвавший с деревней и ценностями патриархальной культуры. Для него освоение города, хотя бы самое поверхностное — дело жизни и смерти. Такое освоение возможно только на путях отказа от ценностей и стереотипов своей прошлой жизни. С этих позиций традиционная культура, ее установки, в том числе и антигородская, то есть онтологически антизападная интенция, осознаются как смешной и нелепый пережиток. Это — одна сторона процессов, вызванных массовой миграцией.

Переход из деревни в город — сложный и в высшей степени болезненный процесс. Мигрант переживает устойчивый стресс. Перед ним стоит мучительная задача адаптации к качественно иной реальности. В результате возникает естественное, лежащее за гранью осознаваемого, стремление трансформировать городскую реальность, сделать ее похожей на привычную, привести устойчивые константы традиционной культуры. Идеально отвечающий интенциям мигранта город воплощает структурообразующие связи и ценности традиционного сознания, которые трансформированы в той мере, как этого требует переход от локального мира к городу, а также от архаических технологий к промышленным. Таким образом массовая миграция задает новую, адекватную эпохе индустриализации модель культуры, в которой традиционное сознание воспроизводится в новом контексте и непривычной оболочке. Это — другая сторона тех же миграционных процессов.

Мигрант представлял собой социальную и культурную основу большевистской революции. Характерный облик массового мигранта, его проблемы и интенции задали специфику советского этапа русской истории. Русская культура переживает один из важнейших переломных этапов. Ценности урбанизма и динамики становятся фундаментальными для стремительно растущей части общества. Повторимся и подчеркнем еще раз, что, разрывая с сельской культурой, мигранты остаются ее сущностным наследниками. Эсхатологизм, синкретический идеал, сакрализация власти, тяга к упрощению мира и многое другое связывают его с традиционной ментальностью. Увязывание базовых ценностей традиционной культуры и урбанизма вершится в пространстве большевистской идеологии, которая связала между собой несоединимые интенции, разрывавшие сознание массового человека.

Коммунистическая инверсия произошла в городе и городом была навязана традиционному миру. Только на фоне тотального подавления деревни, социальной базы традиционной культуры, могли отойти на второй план рефлексы отторжения «латины и лоторы». Утвердившийся в 30-е годы сталинский режим отработывал стратегию последовательного разложения и «проедания» деревни, которая служила для него источником ресурсов и социальной энергии. При этом один из значимых моментов разложения сельского мира состоял в уничтожении фобии города.

Если старая деревня традиционно изолировала себя от мира урбанистической цивилизации, то большевизм вносит

в сознание народных масс новую, революционную идею. Промышленная технология в широком смысле и все вырастающие в результате ее внедрения элементы культуры и образа жизни наделяются высшим сакральным статусом и осознаются как технология построения Царства Небесного. Образ Запада расслаивается и из него выделяется актуальнейшая ценность: технология. И хотя, вслед за Октябрьской революцией, первоначально мыслившейся как пролог революции всемирной, происходит откат к изоляционизму, роль большевизма как могильщика противостояния Западу в исторически сложившихся формах этого явления огромна. Новый, переосмысленный образ технологии выражается в широчайшем спектре явлений культуры, искусства, образа жизни.

Можно сказать, что в первые послереволюционные десятилетия советское общество переживает эпоху своеобразной технологической эйфории. Наука и техника осознаются как величайшие ценности, как рычаги преобразования мира. Вспомним наиболее яркие события и имена тех лет: челюскинцы, перелет через Северный полюс, Папанин, аэростаты, Стаханов, ДнепрогЭС, Турксиб, Магнитка и т.д., и т.п. В этом смысловом ряду лежит, например, массовая эйфория, связанная с авиацией, образ летчика и танкиста как героя своего времени, такие фильмы, как «Истребители», «Парень из нашего города», «Трактористы». Заданный идеологией образ мира формируется так, что любая социальная перспектива, все сколько-нибудь значимое и героическое связывается с миром техники. Но это лишь — одна из сторон мифологии научно-технического прогресса по-советски. Мир науки и техники имел и другую, оборотную сторону.

Отказавшись от дореволюционных форм российского изоляционизма, советское общество создает свои собственные. В итоге противостояние Западу воспроизводится в совершенно ином идеологическом контексте, в рамках других организационных и культурных форм.

Революция принесла с собой громадный объем инноваций. Крах монархии и православия, смена идеологии, установление нового общественного строя и многое другое — все это требовало времени на адаптацию, побуждало к замыканию в знакомых и привычных пределах. Эта естественная, коренящаяся в природе общества потребность накладывалась на сильнейшую изоляционистскую традицию. Вскоре появилось и идеологическое обоснование изоляции: поскольку революция победила только в СССР, внешнее окружение,

прежде всего Запад, представляло собой смертельных противников Советской власти. Запад обретает новую номинацию и встраивается в устойчивую схему в своем вечном качестве носителя мирового зла.

Тенденция к обособлению, и замыканию на себя коренилась и в других, достаточно иррациональных, импульсах массового сознания. Человеку, родившемуся и выросшему в мире машин и динамики, трудно осознать масштабы стресса, связанного с качественным скачком от патриархального мира к миру городской цивилизации. Для последнего патриархального поколения, на которое обрушилась социокультурная революция, поколения, которое по своей или по чужой воле приняло мир машинной цивилизации, жизнь бесконечно тревожна. Эта острая тревожность неподотчетна сознанию, но пронизывает собой все мироощущение. Для традиционалиста мир городской цивилизации не просто непонятен. Урбанистическая культура перечеркивает, обесмысливает весь традиционный опыт. В результате возникает ощущение, что мир радикально уклонился от «должного» и, в соответствии с эсхатологическими стереотипами средневекового сознания («по грехам нашим»), в этом виноваты все. В этой ситуации активизируется патерналистский инстинкт. Традиционный человек требует жесткой власти. И он ее получает. Большевицкая диктатура отвечала этой не вполне осознанной, не вербализуемой, но актуальной потребности.

Эсхатологическая идеология, в которую в качестве компоненты встроена индустриализация, оправдывает и обосновывает преображение мира. Но это — уровень идеологии. Тревожное чувство не иссякает. В стрессовой ситуации всегда актуализуются архаические стереотипы. Вычеркнутый из атеистической картины мира Дьявол получает новую номинацию — мирового империализма. Мифологема империализма сложна и многослойна, но собирательный образ Запада присутствует в ней обязательно. Тогда сама индустриализация обретает высшую санкцию борьбы с Дьяволом.

Но и это не все. Стресс дискомфорта, рожденного жизнью в неуютном, необжитом и непонятном мире требует семантического наполнения. Страхи рождают образы зла и опасностей. А, поскольку традиционная культура чужда абстракций, эти образы требуют персонализации. Иррациональная тревожность находит разрешение в постоянном поиске и избиении «оборотней» — кулаков, шпионов и вредителей, слуг империализма. Террор и фобии оказываются ес-

тественным, социально-психологически обусловленным фоном массового принятия машинной цивилизации. Природа машины, ее потенции еще переживаются как амбивалентные. Живо ощущение того, что с машиной связана какая-то иррациональная опасность. В этой ситуации особенно важно избавиться от всех «оборотней», которые могут принести беду в новом, необжитом мире.

Показательно, что уже в следующем поколении, рожденном и выросшем в промышленной среде, для которого город — естественное и обжитое пространство, доминируют совершенно иные настроения. Не удивительно, что пароксизмы эпохи террора не находят рационального объяснения ни у кого, в том числе и у прямых участников событий — они уже обжили город, а иррациональные комплексы, терзавшие некогда их сознание, не могут быть внятно вербализованы.

В такой атмосфере изоляционизм и демонизация Запада (мирового империализма и его наймитов) как традиционно-источника опасности встречает самый искренний и массовый отклик. Простой человек всей душой припадает к единственному в этом мире заступнику — народной власти — и требует: «смерть фашистским шпионам». Аналогичным образом, массовая тревожность, связанная с концом европейского средневековья, вылилась в последний всплеск охоты на ведьм, рост социального протеста, национальной и религиозной нетерпимости, возникновение биологического расизма и т.д.

Расслоение единого прежде образа города (он же Запад) на нужную и вождевленную технологию и опасные буржуазные ценности было сложной и противоречивой операцией. Оно требовало специальных идеологических процедур и оговорок, своеобразной системы противовесов. Дело в том, что, принимая «чужую» технологию, можно было, незаметно для себя, принять вместе с ней и самого Дьявола. Новая волна изоляционизма и фобий неизбежно задается этой психологической и культурной ситуацией.

Взятая «оттуда» технология меняет свою природу, пресуществляется и становится «нашей», поставленной на службу новообретенным целям общества. Отсюда утверждение новой, пролетарской науки и пролетарской культуры. Это совсем не «та» буржуазная дореволюционная или западная культура и наука, а наша, кровная. Она находится под постоянным присмотром. Гарантом ее правильности и идеологической чистоты выступает высшая сакральная инстанция — Центральный Комитет.

В научной и инженерной среде с устойчивой периодичностью идут кампании и разоблачения, погромы тайных и явных врагов, и в этом — гарантия общей безопасности. Пойманные за руку враги принародно каются и изобличают мировой империализм, стремящийся погубить Страну Советов с помощью науки и инженерии. Как порождение Запада, технология несет в себе неустранимые потенции зла и опасностей. Она нуждается в самом пристальном внимании Власти, не выпускающей из своих рук карающего меча. И только очищенные от извращений, от тайных и явных врагов наука и технология станут нашей подлинной опорой. Наши, советские станки и машины, наши новые инженеры и агрономы, наши мосты и заводы проложат путь в светлое будущее.

Освоение чуждой и опасной технологии возможно только в атмосфере острого противостояния породившему ее Западу. Только в атмосфере непримиримой борьбы и ненависти к слугам гибели можно сохранить свои души и победить Дьявола его же оружием. Как представляется, здесь — самый глубокий уровень мотиваций, задававший изоляцию, пароксизмы страха и ненависти. Стресс, связанный с принятием города и социокультурной динамики, включением в индустриальную эпоху, рождал потребность в компенсации психологических нагрузок.

Изоляционизм воспроизводится в новом контексте достаточно быстро, в ответ на идущие снизу, из «толщи жизни», настойчивые импульсы и разворачивается во весь рост. Уже во время советско-польской войны советская пропаганда использует заложенные в глубине культурной памяти антипольские инстинкты. Весь спектр изоляционистских и антизападных настроений был хорошо известен советским правителям и идеологам. Они используют эти импульсы и интенции по мере необходимости. Временами раскручивают фобии и разгоняют антизападную истерию, временами приглушают их. Политика балансирования между отдельными странами и силовыми блоками Европы (использование «межимпериалистических противоречий») ведет к тому, что звание «*Главного Дьявола*» оказывается переходящим. На определенном этапе это английский империализм, на другом германский фашизм, затем, с началом холодной войны, Соединенные Штаты. Эти зигзаги политической линии послушно повторяет «политически грамотный» обыватель. В годы террора фобия шпиономании и вредительства достигает размеров массового психоза. В периоды относительного за-

тишья спадает. Чуткий к нюансам пропагандистских кампаний обыватель быстро угадывает, над чьей головой собираются тучи божественного гнева, кто, космополиты, евреи, бухаринцы, троцкисты, буржуазные националисты, немцы Поволжья или эсперантисты, будут объявлены агентами фашизма или пособниками империализма.

В этой тревожной атмосфере советское общество ранжируется с точки зрения классовой чистоты. Свидетельством высшего статуса становится пролетарское происхождение и рабочая биография. Однако общество не исчерпывается счастливыми обладателями пролетарской родословной, и в нем выделяется слой потенциально неблагонадежных. При этом неблагонадежность увязывается с некоей (культурной, классовой, национальной) связью с миром капитала, то есть с Западом.

Следующий естественный отряд слуг мирового империализма — инородцы (евреи, латыши, российские немцы, поселившиеся в СССР западные коммунисты и т.д.) Здесь ход мысли настолько естествен и настолько укоренен в традиционной ментальности, что лица иностранного происхождения просто обречены на роль эмиссаров Дьявола.

Существует еще одна группа, малоблагонадежная и сохраняющая в массовом сознании некую связь с Врагом. Она выделяется не по классовому (или идеологическому) и не национальному, а скорее культурному признаку. Речь идет о деятелях науки и культуры.

Враги правящего режима лишаются статуса самостоятельных субъектов, хотя бы и вредоносных. Каноническая версия советского исторического мифа, «Краткий курс истории ВКП(б)», превращает всех идеологических противников Сталина в наймитов мировой буржуазии. Все они не просто вредители, но ведомые иностранной рукой агенты классового врага.

В идеологической картине мира образ Запада — мировой буржуазии, империализма, фашизма, мира капитала — заполняет огромное поле. Он превращается в генеральный символ, в универсальный объяснительный принцип. Анализ показывает, что образ Запада занимает в советской мифологии одно из центральных мест.

Функции этого образа многообразны. Запад постоянно использовался как мобилизующий фактор. Пред лицом империалистов не может быть споров и дискуссий, не место расхлябанности. В ответ на очередные происки мирового капитала советские люди должны еще крепче сплотиться вокруг Коммунистической Партии и Центрального Комитета-

та, работать еще больше и самоотверженнее. Любые пороки — эгоизм, рвачество, зазнайство, мягкотелость — особенно нетерпимы и преступны, если вспомнить о том, что всем противостоит Враг. В этой перспективе всякий, казалось бы, мелкий порок оказывается преступным пособничеством. Контексты, в которых империализм использовался как мобилизующая и объединяющая общество сила, неисчислимы.

Столь же постоянно Запад использовался для клеймления политических и идеологических противников. Обвинение в пособничестве империализму — самое страшное из возможных. За ним как минимум следовала профессиональная и гражданская смерть.

Запад используется как универсальное объяснение любых трудностей, экономических и политических провалов, хозяйственных неурядиц и стихийных бедствий. Империализм был главным объяснением и оправданием любых беззаконий, террора, сверхэксплуатации, снижения жизненного уровня, тотальной слежки, подавления инакомыслия и т.д. На борьбе с Западом выросла и окрепла советская номенклатура. Ее место в обществе, власть и бесконтрольность, права и привилегии находили свое обоснование в существовании империализма. Империализм, то есть Запад, оказывается силой, конституирующей мобилизационную модель общества.

Особое место в советской мифологии занимал собственный образ Запада. Он был ужасен. Мир бесправия и нищеты, в котором негры и безработные роются в мусорных баках, а горстка богатеет купается в безумной роскоши. Мир, где полиция подавляет несчастного маленького человека и гноит в тюрьмах мужественных борцов с тиранией капитала.

Подводя итоги, можно сказать, что Запад оказывался одним из стержневых концептов, с которым соотносилось, отталкиваясь от которого самоосознавалось, по отношению к которому структурировалось советское общество. Образ мирового зла занимал слишком большое место в сознании советских людей, и в этом обстоятельстве скрывалась одна из причин гибели социалистического мифа.

Расслоение целостного, безусловно негативного образа Запада на чуждую социально-политическую систему, с одной стороны, и заслуживающую копирования и присвоения технологию — с другой, в стратегической перспективе было началом конца. Борьба с Дьяволом возможна лишь до тех пор, пока он отрицается целиком и безусловно. Советское общество постоянно заимствовало, догоняло, соотносило себя с

Западом. Задачи модернизации делали образ Запада амбивалентным, наделяли его ценными и вождельными коннотациями. Идеология и карающие органы делали свое дело, постоянно подавляя и пресекая тенденции так называемого «низкопоклонства». Но в стратегическом плане борьба с ним была бесперспективна.

Существует определенная логика изживания противостояния. По мере освоения города снимаются и изживаются фобии, присущие раннему мигранту. Город, городская цивилизация осваивается не только на уровне технологии, а как некая целостность. Традиционная мифология все более пропитывается позитивными знаниями, замещается рационализированными версиями мифа. Образ мира начинает усложняться, обретает объем. Город и индустриальная культура диктуют рациональные познавательные процедуры, формируют объективистский стиль мышления.

В обществе происходили важные социокультурные процессы. Год от года вырастала доля людей, живущих в городе более десяти лет, входило в жизнь поколение, родившееся там. Восемилетнее и среднее образование все более изменяет страну. Малограмотный, абсолютно управляемый мигрант постепенно утрачивает лидирующие позиции. В пятидесятые годы в городах, захлестнутых миграцией и вычищенных террором, начинает заново формироваться собственно городская культура. Первые «западники» рождаются в недрах пятидесятых. Пик противостояния Западу, падающий на послевоенное десятилетие (1945-55 гг.), несет в себе зерна самоотрицания.

Не менее важные для нашего исследования метаморфозы происходили в деревне. Эти процессы в значительной степени определяли перипетии массового отношения к Западу. Ученые, исследующие судьбы послереволюционной крестьянской общины (К.Мяло, С.Лурье), пишут о растерянности и подавленности, о покорности судьбе и отсутствии потенциала сопротивления, с которыми русское крестьянство приняло коллективизацию. На рубеже тридцатых годов традиционная русская деревня исчезает как социокультурная целостность. Последующие годы были временем «жизни после смерти». Подавленные и дезориентированные, наследники великой патриархальной традиции с трудом, пассивно вписывают себя в новую реальность.

По мере того как нарастает чувство безысходности в деревенской среде, кардинально меняется и отношение к городу. В сознании советского колхозника доминируют две идеи —

острое ощущение второсортности и бесперспективности всего, что связано с сельской жизнью, и представление о городе, как единственном выходе. Бегство в город было бегством от абсолютного бесправия и нищеты к относительной свободе и достатку городской жизни. Снова, как в средневековой Европе, воздух города делал человека свободным.

Таким образом, кардинально переигрались все фундаментальные параметры социокультурного целого, препятствовавшие и тормозившие включение необозримого мира российской деревни в урбанистическую динамику. Мир города одержал окончательную победу.

Отрицание Запада как символа города и исторической динамики составляло одну из фундаментальных черт уничтоженного патриархального крестьянства. Но со смертью деревни изоляционистская интенция утрачивает питающий ее источник, теряет энергию. Человек городской цивилизации по своему существу не может противостоять Западу. Природа горожанина, суть городской ментальности ориентируют его на ценности, модели и идеалы, нашедшие свое полное воплощение в западной цивилизации. Зрелого горожанина нельзя заставить искренне бояться, трепетать и ненавидеть то, что отвечает его культурной онтологии.

Социокультурная логика развития, присущая второй четверти века, задавала противостояние Западу. Однако процессы, порождавшие такое противостояние, несли в себе и собственное отрицание. Окончательное размывание традиционной деревни поставило страну перед следующей исторической задачей — последовательного усложнения социальных и культурных структур общества. Эти процессы начинаются после смерти Сталина. Линия на эсхатологическое упрощение вселенной естественно требовала противостояния. Противоположная тенденция с необходимостью задает иные, более сложные отношения советского общества с западным миром. Медленно, но неотвратимо фобия Запада изживает себя.

Примечания

Введение

- 1 Подробнее об этом см.: *Голубев А.В.* Мифологическое сознание в политической истории XX в. // Человек и его время. М., 1991. С. 48-56.
- 2 *Левин-Стросс К.* Структура мифов // Вопросы философии. 1970. № 7. С. 152-164.
- 3 О законах индивидуального восприятия см.: *Роберт М.-А., Тильман Ф.* Психология индивида и группы. М., 1988. С. 85-86.
- 4 См.: Социальная психология. М., 1975. С. 98-99.
- 5 См.: *Узнадзе Д.Н.* Психологические исследования. М., 1966.
- 6 Цит. по: *Васильева Т.Е.* Стереотипы в общественном сознании: Социально-философские аспекты. М., 1988. С. 14.
- 7 Там же. С. 16.
- 8 *Егорова Е., Плеваков К.* Бэконовские «призраки» в современном мире // Международная жизнь. 1988. № 8. С. 93.
- 9 *Ерофеев Н.А.* Туманный Альбион: Англия и англичане глазами русских. 1825-1853 гг. М., 1982. С. 9.
- 10 Там же. С. 21.
- 11 *Коллингвуд Р.* Идея истории. М., 1984. С. 32.
- 12 *Curtis M.* Totalitarianism. New Brunswick-L., 1980. P. 4.
- 13 Подробнее см.: *Борисов Ю.С., Голубев А.В.* Тоталитаризм и отечественная история // Свободная мысль. 1992. № 4. С. 61-71; *Голубев А.В.* Мифологизированное сознание как фактор российской модернизации // Мировосприятие и самосознание русского общества (XI-XX вв.) М., 1994. С. 187-204; *Он же.* Россия, век XX-й... // Отечественная история. 1997. № 5. С. 80-92.
- 14 *Kenez P.* The Birth of the Propaganda State. Soviet Methods of Mass Mobilisation. 1917-1929. Cambridge, 1985. P. 4.
- 15 Историографию проблемы см.: *Зак Л.А.* Западная дипломатия и внешнеполитические стереотипы. М., 1976.
- 16 *Высочина Е.* К проблеме диалога культур и роли искусства в этом процессе // Искусство и искусствознание на пути преодоления мифов и стереотипов. М., 1990; *Голубев А.В.* Мифологизированное сознание и внешний мир // Бахтинские чтения. Философские и методологические проблемы гуманитарного познания. Орел, 1994; *Егорова Е., Плеваков К.* Бэконовские «призраки» в современном мире // Международная жизнь. 1988. № 8; *Он же.* Концепция образа и стереотипа в международных отношениях // Мировая экономика и международные отношения. 1988. № 12; *Чугров С.В.* Этнические стереотипы и их влияние на формирование общественного мнения // Мировая экономика и международные отношения. 1993. № 1; *Он же.* Идеологемы и внешнеполитическое сознание // Там же. № 2; и др.
- 17 Восприятие русской литературы за рубежом. XX век. Л., 1990; *Голубев А.В.* Формирование образа внешнего мира в СССР 1930-х годов // Русская история: проблемы менталитета. М., 1994; *Ерофеев Н.А.* Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских. 1825-1853 гг. М., 1982; *Зашихин А.Н.* «Глядя из Лондо-

- на»: Россия в общественной мысли Британии: Вторая половина XIX – начало XX века. Очерки. Архангельск, 1994; *Карацуба И.В.* Некоторые историко-ведческие аспекты изучения записок английских путешественников по России. (Стереотипы их восприятия и оценок российской действительности) // История СССР. 1985. № 4; *Лельчук В.С., Пивовар Е.И.* Менталитет советского общества и «холодная война» (к постановке проблемы) // Отечественная история. 1993. № 6; *Медведев Р.А.* Русские и немцы через 50 лет после мировой войны // Кентавр. 1995. № 1; *Оболенская С.В.* Образ немца в русской народной культуре XVIII-XIX вв. // Одиссей. Человек в истории. 1991. М., 1991; Россия и Запад: диалог культур. Тезисы конференции. М. 1994; Россия и Запад: диалог культур. Материалы 2-й международной конференции. М., 1996; Россия и Запад: диалог культур. 3-я международная конференция. М., 1997; Союзники в войне. 1941-1945. М., 1995; и др.
- 18 *Невежин В.А.* Идея наступательной войны в советской пропаганде 1939-1941 гг. // Преподавание истории в школе. 1994. № 5; *Он же.* Метаморфозы советской пропаганды в 1939-1941 годах // Вопросы истории. 1994. № 8; *Нежинский Л.Н., Челышев Н.А.* О доктринальных основах советской внешней политики в годы «холодной войны» // Отечественная история. 1995. № 1; *Поздеева Л.В.* Межсоюзнические переговоры о координации пропаганды (1941-1945 гг.) // Ялта. 1945 г. Проблемы войны и мира. М., 1992; *Позняков В.В.* Внешняя политика трех великих держав и образ союзников в советской пропаганде в годы второй мировой войны. 1939-1945 // Там же; и др.
- 19 Помимо уже упомянутых работ см.: *Голубев А.В.* Запад глазами советского общества. (Основные тенденции формирования внешнеполитических стереотипов в 30-х годах) // Отечественная история. 1996. № 1. См. также: Россия и Европа в XIX-XX вв.: Проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур. М., 1996; Россия и внешний мир: диалог культур. М., 1997.
- 20 Взаимодействие культур СССР и США XVIII-XX вв. М., 1987; *Иванов Р.Ф., Петрова Н.К.* Общественно-политические силы СССР и США в годы войны 1941-1945. Воронеж, 1995; *Куропятник Г.П.* Россия и США: экономические, культурные и дипломатические связи, 1867-1881. М., 1981; *Николюкин А.Н.* Литературные связи России и США: становление литературных контактов. М., 1981; *Позняков В.В.* Советско-американские отношения и общественное мнение в Соединенных Штатах (декабрь 1941 – октябрь 1943) // Американский ежегодник 1989. М., 1990; *Шестаков В.П.* Русское открытие Америки // Россия и Запад: диалог культур. М., 1994; *Уткин А.И.* Внешняя политика СССР глазами американской элиты // США: Экономика, политика, идеология. 1989. № 5; *Александр Ч.С.* «Дядя Джо»: Образы Сталина в период наивысшего развития анти-гитлеровской коалиции // Американский ежегодник 1989. М., 1990; *Allen R.U.* Russia Looks at America. The View to 1917. Wash., 1988; *America through Russian Eyes. 1874-1926.* New Haven, 1988; *Barghoorn F.C.* The Soviet Image of the United States. A Study in Distortion. NY, 1969; *Cohen S.F.*

- Sovieticus: American Perceptions & Soviet Realities. NY, 1985; *Filene P.G.* Americans & the Soviet Experiment, 1917-1933. Cambridge, 1967; *Levering R.* American Opinion & the Russian Alliance. 1939-1945. Chapel Hills, 1976; *Rosenberg E.S.* Spreading the American Dream. American Economic and Cultural Expansion, 1890-1945. NY, 1982; etc.
- 21 *Архипов И.Л.* Общественная психология петроградских обывателей в 1917 году // Вопросы истории. 1994. № 7; *Буганов А.В.* Русская история в памяти крестьян XIX века и национальное самосознание. М., 1992; *Зубкова Е.Ю.* Общество, вышедшее из войны: русские и немцы в 1945 году // Отечественная история. 1995. № 3; *Козлов Н.Д.* Общественное сознание в годы Великой Отечественной войны (1941-1945). СПб., 1995; *Сенявская Е.С.* Человек на войне: опыт историко-психологической характеристики российского комбатанта // Отечественная история. 1995. № 3; и др.

Глава I

- 1 *Громыко М.М.* Мир русской деревни. М., 1991. С. 209.
- 2 *Демин А.С.* Художественные миры древнерусской литературы. М., 1993. С. 36.
- 3 Там же. С. 42.
- 4 Памятники литературы Древней Руси: XII век. М., 1980. С. 107.
- 5 Там же. С. 111.
- 6 См. там же. С. 615-619.
- 7 *Демин А.С.* Путешествие души по загробному миру (В древнерусской литературе) // Российский литературоведческий журнал. 1994. № 5-6. С. 355-376.
- 8 *Карташев А.В.* Очерки по истории русской церкви. Т. I. М., 1993. С. 263-266.
- 9 Памятники литературы Древней Руси: XIV — середина XV в. М., 1981. С. 471-489.
- 10 Книга хождений. Записки русских путешественников XI—XV вв. М., 1984. С. 334.
- 11 *Казакова Н.А.* Западная Европа в русской письменности XV—XVI веков. Из истории международных культурных связей России. Л., 1980. С. 42.
- 12 *Шмеман А.* Исторический путь православия. Париж, 1985. С. 360.
- 13 *Бочкарев В.Н.* Московское государство XV—XVII вв. по сказаниям современников-иностранцев. СПб., 1914. С. 3.
- 14 *Казакова Н.А.* Указ. соч. С. 223-226.
- 15 *Шмеман А.* Указ. соч. С. 367-368.
- 16 См.: Проезжая по Московии: Россия XVI—XVII веков глазами дипломатов. М., 1991. С. 71-72.
- 17 Памятники литературы Древней Руси: Вторая половина XVI в. М., 1986. С. 175, 115.
- 18 *Ключевский В.О.* Сказания иностранцев о московском государстве. М., 1991. С. 46.
- 19 Там же.

- 20 Подробнее см.: *Морозова Л.Е.* Образ «чужого» в эпоху Смутного времени начала XVII в. // *Россия и внешний мир: Диалог культур.* М., 1997. С.28-39.
- 21 См., например: *Богданов А.П.* Русь и Вселенная в период формирования имперской концепции (последняя четверть XVII в.) // *Россия и внешний мир: Диалог культур.* М., 1997. С.185-206.
- 22 *Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев.* М., 1986. С.490.
- 23 *Поссевино А.* Исторические сочинения о России XVI в. М., 1983. С.28.
- 24 *Россия XVIII в. глазами иностранцев.* Л., 1989. С.198.
- 25 Подробнее см.: *Долгих Е.В.* Восприятие внешнего мира представителями административной элиты николаевского времени (М.А.Корф, Д.Н.Блудов) // *Россия и внешний мир...* С.41-49.
- 26 Цит. по: *Ерошкин Н.П.* Крепостническое самодержавие и его политические институты. М., 1981. С.54-55.
- 27 *Буганов А.В.* Русская история в памяти крестьян XIX века и национальное самосознание. М., 1992. С.171.
- 28 *Энгельгардт А.Н.* Из деревни. 12 писем. 1872-1887. М., 1960. С.216
- 29 *Лурье С.* Метаморфозы традиционного сознания. СПб., 1994. С.142.
- 30 *Подосинов А.В.* Античность и Россия // *Древний мир глазами современников и историков. Книга для чтения. Часть II. Греция и Рим.* М., 1994. С.264,266.
- 31 См.: *Иванов Вс.Н.* Огни в тумане. М. 1990. С.57.
- 32 *Островский А.Н.* Сочинения. М., 1987. Т.1. С.358.
- 33 *Оболенская С.В.* Образ немца в русской народной культуре XVIII –XIX вв. // *Одиссей. Человек в Истории.* 1991. М., 1991. С.181.
- 34 *Блок М.* Апология истории или ремесло историка. М., 1986. С.77.
- 35 *Крестьянское движение в России в 1826-1849 гг.* Сборник документов. М., 1961. С.347.
- 36 Подробнее см.: *Ерофеев Н.А.* Указ.соч.; *Гелла Т.Н.* Англия конца 60-х – начала 70-х годов XIX века глазами русских // *Россия и Европа в XIX–XX веках. Проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур.* М., 1996. С.155-165; *Сергеев Е.Ю.* Образ Великобритании в представлении российских дипломатов и военных в конце XIX – начале XX века // Там же. С.166-174.
- 37 *Русская политическая мысль второй половины XIX в.* Сборник обзоров. М., 1989. С.188.
- 38 Подробнее см.: *Куприянов А.И.* Поляки в представлениях русских (1760-1860-е гг.) // *Россия и внешний мир...* С.31-40.
- 39 И откровенной пародией на подобные романы звучит в «Истории одного города» М.Е.Салтыкова-Щедрина упоминание о «недремлющей польской интриге».
- 40 Об этом свидетельствуют, в частности, многолетние наблюдения смоленского помещика А.Н.Энгельгардта. См.: *Энгельгардт А.Н.* Указ.соч.
- 41 *Извольский А.П.* Воспоминания. М., 1989. С.32.
- 42 *История дипломатии.* Т.II. М., 1963. С.575-576.
- 43 *Витте С.Ю.* Воспоминания. Т.2. М., 1960. С.312.
- 44 *Переписка Вильгельма II с Николаем II.* М., 1923. С.151.

- 45 История дипломатии. Т. II. С. 564.
- 46 Великий князь Александр Михайлович: книга воспоминаний. М., 1991. С. 214.
- 47 Извольский А. П. Указ. соч. С. 51.
- 48 Великий князь Александр Михайлович... С. 123.
- 49 См.: Извольский А. П. Указ. соч. С. 50.
- 50 Россия, Европа и мы // Федотов Г. П. Судьба и грехи России. Т. 2. СПб., 1992. С. 5.
- 51 В частности, см.: ГАВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1147 (циркуляры воронежского губернатора об отмене и утверждении арестов на печатные произведения, 1911 г., и др.)
- 52 ГАОО. Ф. Р-1570. Оп. 1. Д. 1. Л. 36 об, 134 и др.
- 53 История СССР. Т. IV. М., 1968. С. 729.
- 54 Россия в конце XIX века. СПб., 1900. С. 61.
- 55 Переписка Вильгельма II с Николаем II... С. 98.
- 56 ГАОО. Ф. 883. Оп. 1. Д. 749. Л. 31.
- 57 Там же. Ф. Р-1570. Оп. 1. Д. 1. Л. 4.
- 58 Переписка Вильгельма II с Николаем II... С. 88.
- 59 Там же. С. 89.
- 60 Там же. С. 92.
- 61 Герцен А. И. Собрание сочинений. Т. XXI. М., 1961. С. 336.
- 62 Попов П. И. В Америке. СПб., 1906. С. 130.
- 63 Там же. С. 251.
- 64 Там же. С. 135.
- 65 Там же. С. 259.
- 66 Бородин Н. А. Северо-Американские Соединенные Штаты и Россия. Пг., 1915. С. 62-63.
- 67 Allen R. V. Russia Looks at America. The View to 1917. Washington, 1988. P. 110.
- 68 Озеров И. Х. Чему учит нас Америка? М., 1908. С. 44-45.
- 69 АВПРИ. Ф. 148. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 1439. Л. 18, 20-28 (донесение российского консула в Сан-Франциско П. Рождественского в МИД, 25 ноября (8 декабря) 1913 г. и 5 (18) февраля 1914 г.)
- 70 Rosenberg E. S. Spreading the American Dream. American Economic and Cultural Expansion, 1890-1945. N. Y. - Toronto, 1982. P. 33-34.
- 71 Попов П. И. Указ. соч. С. 178.
- 72 Бородин Н. А. Указ. соч. С. VIII-IX; Попов П. И. Указ. соч. С. 113.
- 73 Попов П. И. Указ. соч. С. 115.
- 74 См. например: Roz F. L'energie americaine. Paris, 1911. P. 56-109; Ross E. A. Changing America. N. Y., 1912. P. 111-136.
- 75 Попов П. И. Указ. соч. С. 113.
- 76 Allen R. V. Op. cit. P. 263-264.
- 77 America Through Russian Eyes. 1874-1926. New Haven-L., 1988; etc.
- 78 Известия. 16 сентября 1923 г.
- 79 Butler N. M. The American As He Is. N. Y., 1915. P. 97.
- 80 См. подробнее: Govorchin G. From Russia to America with Love: A Study of the Russian Immigrants in the United States. Kingston, 1990.
- 81 См.: Суворин А. Дневник. М., 1992. С. 367.
- 82 Переписка Вильгельма II с Николаем II... С. 62.

- 83 Родина. 1904. № 1. С.17.
- 84 Новое время. 1904. Январь. С.23.
- 85 Переписка Вильгельма II с Николаем II... С.138-139.
- 86 Там же. С.142.
- 87 Там же. С.172.
- 88 Там же. С.147.
- 89 Подробнее см. главу IV.
- 90 Цит.по: *Bordihn F.* Die Rechtsverhältnisse und der Rechtsschutz des Auslandsdeutschtums. Dissertation. Berlin,1920. S.60.
- 91 См. подробнее: *Sanders M.L., Taylor P.M.* Britische Propaganda im Ersten Weltkrieg, 1914-1918. Berlin,1990.
- 92 *Brändström E.* Unter Kriegsgefangenen in Rußland und Sibirien. Berlin,1927. S.16; *Kohn S.* The Cost of the War to Russia: the Vital Statistics of European Russia during the World War. New Haven,1932. P.37-41; *Клеванский А.* Военнопленные Центральных держав в царской и революционной России (1914-1918) // Интернационалисты в боях за власть Советов. М.,1965. С.23.
- 93 *Бостунич Г. (Шварц Г.В.)* Из вражеского плена. Очерки спасшегося. Пг.,1915. С.228.
- 94 *Бируков Б.Г.* В германском плену (отголоски пережитого). Саратов,1915. С.104.
- 95 *Есинов В.В.* Славяне, немцы и турки. Отклики войны. Пг.-М.,1914. С.8.
- 96 В германском плену. Записки сестер милосердия Е.Ч. и Н.К. Пг.,1915. С.59.
- 97 *Бостунич Г.* Указ.соч. С.229.
- 98 В немецком плену. Рассказы. М.,1915. С.93.
- 99 ГАОО. Ф.883. Оп.1. Д.793. Л.48.
- 100 Там же. Л.107.
- 101 Там же. Д.792. Л.156.
- 102 Там же. Ф.Р-1570. Оп.1. Д.1. Л.210.
- 103 Там же. Ф.883. Оп.1. Д.792. Л.296-296 об.
- 104 Там же. Д.749. Л.54.
- 105 *Brändström E.* Op.cit. S.188.
- 106 Россия в мировой войне. 1914-1918 (в цифрах). М.,1925. С.4,39.
- 107 Уровень грамотности для населения России в 1913 г. определялся 30%, что было выше, чем в начале века, но ниже, чем, например, в Англии середины XVIII в. См.: *Bushnell J.* Peasants in Uniform: The Tsarist Army as a Peasant Society // Journal of Social History. 1980. Vol.13. P.565-576. В военно-статистическом ежегоднике русской армии за 1912 г. указывалось, что грамотность солдат составляла 47,41%. См.: *Мальков А.А.* Деятельность большевиков среди военнопленных русской армии (1915-1919). Казань,1971. С.28.
- 108 Русские военнопленные о своих впечатлениях в Германии. Сборник писем военнопленных в редакцию "Русского вестника". Берлин,1917. С.75; *Шамурин Ю.* Два года в германском плену. М.,1917. С.23-24,45.
- 109 РСФСР. Труды военно-исторической комиссии. Русские военнопленные в мировой войне. 1914-1918. М.,1920. С.355.

- ¹¹⁰ Шуберская Е.М. Дневник командировки в Германию для осмотра русских военнопленных в июле-октября 1916 г. Пг., 1917. С.3,4,10; Шамурин Ю. Указ.соч. С.31; РСФСР. Труды военно-исторической комиссии... С.230-231; Кири Ю. Под сапогом Вильгельма (из записок рядового военнопленного № 4925), 1914-1918. М.-Л., 1925. С.51-52; Левин К. Записки из плена. М., 1930. С.65-73,93-98.
- ¹¹¹ Шамурин Ю. Указ.соч. С.25.
- ¹¹² Там же. С.26.
- ¹¹³ РЦХИДНИ. Ф.351. Оп.2. Д.180. Л.198-199 об. (письмо военнопленного А. Грисмина Г.Л. Шкловскому, 14 (27) марта 1917 г.); Писарев Ю.А. Русские военнопленные в Австро-Венгрии в 1917-1918 гг. // История СССР. 1966. № 4. С.171; Мальков А.А. Указ.соч. С.75.
- ¹¹⁴ РЦХИДНИ. Ф.351. Оп.2. Д.174. Л.178-182; Д.179. Л.203.
- ¹¹⁵ Шамурин Ю. Указ.соч. С.23-24,27-28.
- ¹¹⁶ Румша К.Ю. Пребывание в германском плену и геройский побег из плена. Пг., 1916. С.21.
- ¹¹⁷ Моисеенко И. В плену у немцев. М., 1916. С.53-54.
- ¹¹⁸ Положение русских военнопленных в Австро-Венгрии и меры к улучшению его. Астрахань, 1918. С.18.
- ¹¹⁹ РЦХИДНИ. Ф.351. Оп.2. Д.179. Л.259-260 об. (письмо военнопленного Б. Виноградова Г.Л. Шкловскому, Мюнстер, 5 (18) декабря 1916 г.)
- ¹²⁰ Кири Ю. Указ.соч. С.54.
- ¹²¹ Пирейко А. В тылу и на фронте империалистической войны (воспоминания рядового). Л., 1926. С.4.
- ¹²² Арамилев В. В дыму войны. Записки вольноопределяющегося (1914-1917). М., 1930. С.104-105.
- ¹²³ Там же. С.221; Яблоновский А. Страшная правда (в германском плену). М., 1917. С.3.
- ¹²⁴ Fleischhauer I. Die Deutschen im Zarenreich. Zwei Jahrhunderte deutsch-russische Kulturgemeinschaft. Stuttgart, 1986. S.532.
- ¹²⁵ Нелипович С.Г. Генерал от инфантерии Н.Н.Янушкевич: "Немецкую пакость уволить, и без нежностей" // Военно-исторический журнал. 1997. № 1. С.42-53.
- ¹²⁶ ГАОО. Ф.Р-1570. Оп.1. Д.1. Л.250.
- ¹²⁷ Подробнее см.: Голубев А.В. Россия, век XX-й... // Отечественная история. 1997. № 5. С.80-92; Голубев А.В., Яковенко И.Г. Запад глазами русских (межвоенный период) // Россия и современный мир. 1997. № 1. С.119-135.

Глава II

- ¹ См.: Kenez P. The Birth of the Propaganda State. Soviet Methods of Mass Mobilisation. 1917-1929. Cambridge, 1985. P.8-10.
- ² Суханов Н.Н. Записки о революции. Т.3. М., 1992. С.214.
- ³ Цит. по: Михутина И.В. СССР глазами польских дипломатов (1926-1931 гг.) // Вопросы истории. 1993. № 9. С.46.

- 4 Всесоюзная перепись населения 1939 года: основные итоги. М., 1992. Табл. 28, 32.
- 5 *Петров Ю. П.* Партийное строительство в Советской Армии и Флоте. Деятельность КПСС по созданию и укреплению политических органов, партийных и комсомольских организаций в Вооруженных Силах (1918-1961 гг.) М., 1964. С. 310.
- 6 1941 год — уроки и выводы. М., 1992. С. 48.
- 7 Всесоюзная перепись населения 1939 года. Табл. 35.
- 8 Справочник партийного работника. М., 1922. Вып. 2. С. 62.
- 9 Там же. М., 1932. Вып. 7. Ч. 2. С. 170.
- 10 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 539. Л. 20.
- 11 *Марьямов Г. Б.* Кремлевский цензор: Сталин смотрит кино. М., 1992. С. 11.
- 12 Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева // Вопросы истории. 1990. № 4. С. 62-63.
- 13 *Вернадский В. И.* Дневник 1940 года // Дружба народов. 1993. № 9. С. 174.
- 14 РЦХИДНИ. Ф. 73. Оп. 2. Д. 44. Л. 19.
- 15 Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева // Вопросы истории. 1990. № 6. С. 89-90.
- 16 *Варга Е. С.* «Вскрыты через 25 лет» // Полис. 1991. № 1. С. 157.
- 17 ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 1. Д. 397. Л. 19 об.
- 18 *Шарапов Ю. П.* Лицей в Сокольниках. Очерк истории ИФЛИ — Московского института истории, философии и литературы имени Н. Г. Чернышевского (1931-1941 гг.). М., 1995. С. 122-124.
- 19 См.: *Бабиченко Д. Л.* Писатели и цензоры. Советская литература 1940-х годов под политическим контролем ЦК. М., 1994. С. 17; «Литературный фронт». История политической цензуры 1932-1946 гг. Сборник документов. М., 1994. С. 265; РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 53. Л. 33; Д. 61. Л. 37.
- 20 История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. VII. М., 1967. С. 683-684; Т. VIII. М., 1967. С. 653; Т. IX. М., 1971. С. 371.
- 21 По мнению английского историка Дж. Хэслама, в освещении международных событий 1930-х гг. «Правда» строго следовала линии ЦК, в то время как «Известия» были более прагматичны и находились под очевидным влиянием НКВД. См.: *Haslam J.* The Soviet Union & the Threat from the East, 1933-1941. L., 1992. P. 81.
- 22 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 53. Л. 46.
- 23 *Коржихина Т. П.* Извольте быть благонадежны! М., 1997. С. 114-116, 138.
- 24 Цит. по: Совершенно секретно. 1990. № 8. С. 12.
- 25 История СССР с древнейших времен... Т. VIII. С. 656; Т. IX. С. 371.
- 26 Великая Отечественная война 1941-1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 1. Суровые испытания. М., 1995. С. 46.
- 27 *Пикер Г.* Застольные разговоры Гитлера. Смоленск, 1993. С. 434.
- 28 *Позняков В. В.* Внешняя политика трех великих держав и образ союзников в советской пропаганде в годы Второй мировой войны. 1939-1945 гг. // Ялта. 1945 год. Проблемы войны и мира. М., 1992. С. 166, 169.
- 29 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 57. Л. 59-74.

- ³⁰ Там же. Оп.116. Д.61. Л.62-63.
- ³¹ *Бажанов Б.* Воспоминания бывшего секретаря Сталина. М.,1990. С.132-133.
- ³² Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева // Вопросы истории. 1990. № 7. С.76.
- ³³ Военная Энциклопедия. Т.3. М.,1995. Ст.194.
- ³⁴ *Петров Ю.П.* Указ.соч. С.330,331.
- ³⁵ Известия ЦК КПСС. 1990. № 3. С.198,202; РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.117. Д.58. Л.150 об.
- ³⁶ *Петров Ю.П.* Указ.соч. С.331; Известия ЦК КПСС. 1990. № 3. С.198.
- ³⁷ См. об этом: *Crowl J.W.* Angels in Stalin's Paradise. Western Reporters in Soviet Russia, 1917 to 1937: A Case Study of Louis Fischer & Walter Duranty. Wash.,1984.
- ³⁸ Ibid. P.84.
- ³⁹ Ibid. P.160-161.
- ⁴⁰ По мнению заведующего отделом печати Е.А.Гнедина, корреспонденты как правило находили возможность переправить вычеркнутую цензором информацию на Запад по неофициальным каналам, в то время как сам выбор «нежелательной» информации служил для них дополнительным источником сведений. См.: *Гнедин Е.А.* Выход из лабиринта. М.,1994. С.17.
- ⁴¹ «Социализм – это рай на земле». Крестьянские представления о социализме в письмах 20-х гг. // Неизвестная Россия. XX век. Кн.3. М.,1993. С.212.
- ⁴² ЦАОДМ. Ф.3. Оп.11. Д.440. Л.86 об.
- ⁴³ *Чугров С.В.* Идеологемы и внешнеполитическое сознание. // Мировая экономика и международные отношения. 1993. № 2. С.40.
- ⁴⁴ *Пальгунов Н.Г.* Тридцать лет. (Воспоминания журналиста и дипломата). М.,1964. С.5-6.
- ⁴⁵ Цит. по: *Соколов В.В.* Неизвестный Г.В.Чичерин. Из рассекреченных архивов МИД РФ // Новая и новейшая история. 1994. № 2. С.14.
- ⁴⁶ Подробнее см.: *Нежинский Л.Н.* Была ли военная угроза СССР в конце 20-х – начале 30-х годов? // История СССР. 1990. № 1; *Sontag J.P.* The Soviet War Scare of 1926-27. // The Russian Review. Vol.34. № 1.
- ⁴⁷ *Tucker R.C.* The Emergence of Stalin's Foreign Policy // Slavic Review. Vol.36. № 4. P.566. «Предположения, основанные на фактах, были преувеличены вне всяких пропорций благодаря искреннему страху, и были также использованы для внутривнутриполитических целей», - отметил другой американский исследователь. См.: *Sontag J.P.* Op.cit. P.76.
- ⁴⁸ История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М.,1945. С.269-270.
- ⁴⁹ *Haslam J.* Soviet Foreign Policy, 1930-33. The Impact of the Depression. Lnd.,1983. P.3.
- ⁵⁰ Партийно-политическая работа в Красной Армии: Документы. Июль 1929 г. - май 1941 г. М.,1985. С.80.
- ⁵¹ РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.85. Д.444. Л.114.

- ⁵² Там же.
- ⁵³ ГАРФ. Ф.5283. Оп.1. Д.100. Л.119.
- ⁵⁴ См.: ВОКС в 1930-1940-е годы // Минувшее: Исторический альманах. 14. М.,СПб.,1993. С.317-318.
- ⁵⁵ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М.,1985. Т.6. С.181.
- ⁵⁶ В Наркоминделе. 1922-1939. Интервью с Е.А.Гнединым // Память. Исторический сборник. Вып.5. М.,1981; Париж,1982. С.366,383.
- ⁵⁷ *Haslam J.* The Soviet Union & the Struggle for Collective Security in Europe. 1933-1939. Lnd.,1984. P.233.
- ⁵⁸ РЦХИДНИ. Ф.88. Оп.1. Д.397. Л.422.
- ⁵⁹ Там же. Д.998. Л.46. См. также: *Позняков В.В.* Указ. соч. С.177.
- ⁶⁰ В Наркоминделе... С.383.
- ⁶¹ РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.3. Д.1014. Л.62.
- ⁶² Так, в 1943 г. было решено создать новый журнал «Война и рабочий класс», чтобы иметь возможность критически высказываться в адрес союзников, не давая повода для официальных претензий. Формально журнал считался профсоюзным изданием, однако фактическим его редактором был В.М.Молотов. Как вспоминает бывший помощник Молотова В.М.Бережков, «я мог видеть, как тщательно не только он, но порой и Сталин дозировали критические статьи». См.: *Бережков В.М.* Как я стал переводчиком Сталина. М.,1993. С.255. Уже после войны, в 1947 г., на встрече с руководителями Союза писателей Сталин предложил «выпускать такую газету, которая остро, более остро, чем другие газеты, ставила бы вопросы международной жизни... в том числе и такие, которые мы не можем или не хотим поставить официально». При этом было оговорено, что «Литературная газета», о которой шла речь, не должна была согласовывать свои внешнеполитические статьи с МИД. См.: *Симонов К.М.* Глазами человека моего поколения. Размышления о И.В.Сталине. М.,1988. С.134.
- ⁶³ *Кузьмин М.С.* Деятельность партии и советского государства по развитию международных научных и культурных связей СССР (1917-1932 гг.) Л.,1971. С.103.
- ⁶⁴ См.: *Горяева Т.М.* Журналистика и цензура. (По материалам советского радиовещания 20-30-х годов. Источниковедческий аспект) // История СССР. 1990. № 4. С.113-123.
- ⁶⁵ Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 г. // Вопросы истории. 1993. № 5. С.19.
- ⁶⁶ Там же. № 7. С.5.
- ⁶⁷ РЦХИДНИ. Ф.88. Оп.1. Д.1015. Л.5.
- ⁶⁸ Там же. Ф.17. Оп.85. Д.444. Л.118.
- ⁶⁹ Там же. Д.373. Л.7,22,143,201.
- ⁷⁰ В Наркоминделе... С.365.
- ⁷¹ *Новиков Н.В.* Воспоминания дипломата. (Записки о 1938-1947 гг.) М.,1989. С.37.
- ⁷² РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.85. Д.446. Л.261.
- ⁷³ *Uldricks T.J.* The Impact of the Great Purges on the People's Commissariat of Foreign Affairs // *Slavic Review*. Vol.36. № 2. P.190.

- 74 Краминов Д.Ф. В орбите войны. Записки советского корреспондента за рубежом. 1939-1945 гг. М., 1986. С.79.
- 75 ГАРФ. Ф.5283. Оп.1. Д.358. Л.125.
- 76 Рубцов Ю.В. «Уничтожать, как бешеных собак» // Военно-исторический журнал. 1994. № 4. С.79-80.
- 77 Read A, Fisher D. The Deadly Embrace: Hitler, Stalin and the Nazy-Soviet Pact, 1939-1941. Lnd.-N.Y., 1988. P.618; Эндрю К., Гордиевский О. КГБ. История внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева. М., 1992. С.258, 271.
- 78 Вернадский В.И. Дневник 1940 года... С.173.
- 79 Сталин И.В. Сочинения. М., 1947. Т.7. С.282.
- 80 XVII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М., 1934. С.8.
- 81 См.: Великая Отечественная война 1941-1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн.1. Суровые испытания. М., 1995. С.45.
- 82 XVII съезд... С.9-10.
- 83 Год великих сдвигов // Коммунистический Интернационал. 1935. № 1. С.5.
- 84 Webb S. & B. Soviet Communism: A New Civilisation? Lnd., 1935.
- 85 Майский И.М. Воспоминания советского дипломата. 1925-1945 гг. М., 1987. С.205.
- 86 Глазами иностранцев, 1917-1932. М., 1932. С.685.
- 87 См., например: Гости пролетариата СССР. Декларации, заявления, письма, отчеты иностранных рабочих делегаций, побывавших в СССР. М., 1932; Фин В. Письма иностранных рабочих на страницах нашей печати. М., 1933; и др.
- 88 См.: Иголкин А. Пресса как оружие власти // Россия XXI. 1995. № 11-12. С.68-86.
- 89 Айрапетян М.Е. Этапы внешней политики СССР. (1917-1940). М., 1941. С.93.
- 90 Молотов В.М. О ратификации советско-германского договора о ненападении. М., 1939. С.15.
- 91 Валентинов Н. Наследники Ленина. М., 1991. С.170.
- 92 Первый Всесоюзный съезд колхозников-ударников. Стенографический отчет. М.-Л., 1933. С.276.
- 93 ГАРФ. Ф.5283. Оп.1. Д.358. Л.48.
- 94 Рохлин Я.Г. Как научиться играть в шахматы. М.-Л., 1932. С.5.
- 95 Иголкин А. Указ.соч. С.74.
- 96 О подготовке Германии к войне. Записка М.М.Литвинова И.В.Сталину. 3 декабря 1935 г. // Известия ЦК КПСС. 1990. № 2. С.211.
- 97 Подробнее см.: Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера? Незапланированная дискуссия. Сборник материалов. М., 1995; Невежин В.А. Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии священных боев, 1939-1941 гг. М., 1997.
- 98 См.: Сталин И.В. Речь в Большом Кремлевском Дворце 5 мая 1941 года // Искусство кино. 1990. № 5. С.10-16; «Современная армия – армия наступательная». Выступление И.В.Сталина на приеме в Кремле перед выпускниками военных академий, май 1941 г. // Исторический архив. 1995. № 2. С.23-31.

- 99 И.В.Сталин о «Кратком курсе истории ВКП(б)» // Исторический архив. 1994. № 5. С.222.
- 100 РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.3. Д.1039. Л.13.
- 101 Правда. 1941. 7 мая; Известия. 1941. 7 мая.
- 102 «Современная армия – армия наступательная»... С.30.
- 103 *Спирин Л.М.* Сталин и война // Вопросы истории КПСС. 1990. №5. С.95.
- 104 «Современная армия – армия наступательная»... С.28,29.
- 105 Правда. 1941. 3 мая.
- 106 *Позняков В.В.* Внешняя политика трех великих держав и образ союзников в советской пропаганде в годы Второй мировой войны // Ялта. 1945 год. Проблемы войны и мира. М.,1992. С.168.
- 107 «Современная армия – армия наступательная»... С.28.
- 108 РЦХИДНИ. Ф.77. Оп.1. Д.913. Л.65-66.
- 109 *Шарапов Ю.П.* Лицей в Сокольниках. Очерк истории ИФЛИ – Московского института истории, философии и литературы имени Н.Г.Чернышевского (1931 – 1941 гг.) М.,1995. С.122.
- 110 РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.116. Д.97. Л.12.
- 111 *Ликер Г.* Застольные разговоры Гитлера. М.,1993. С.289,434.
- 112 *Невежин В.А.* Сталинский выбор 1941 г.: оборона или... «лозунг наступательной войны»? (По поводу книги Г.Городецкого «Миф «Ледокола») // Отечественная история. 1996. № 3. С.63-64.
- 113 Правда. 1941. 9 мая.
- 114 *Хорьков А.Г.* Грозовой июнь: Трагедия и подвиг войск приграничных военных округов в начальном периоде Великой Отечественной войны. М.,1991. С.171.
- 115 *Витман Б.* Шпион, которому изменила родина. Казань,1993. С.100.
- 116 РЦХИДНИ. Ф. 88. Оп.1. Д.927. Л.33.
- 117 *Фляйшхауэр И.* Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии 1938-1939. М.,1990. С.37-38.
- 118 РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.121. Д.128. Л.35-44.
- 119 «Современная армия – армия наступательная»... С.27-29.
- 120 Там же. С.28-29.
- 121 Оглашению подлежит: СССР – Германия. 1939-1941: Документы и материалы. М.,1991. С.326-327.
- 122 *Юмашева О.Г., Лепихов И.А.* Феномен «тоталитарного либерализма» (опыт реконструкции реформы советской кинематографии 1939-1941 гг.) // Киноведческие записки. 1993/1994. № 20. С.125-144.
- 123 РЦХИДНИ. Ф.88. Оп.1. Д.927.
- 124 Сталин и кино // Искусство кино. 1993. № 3. С.101; *Бабиченко Д.Л.* Писатели и цензоры. Советская литература 1940-х годов под политическим контролем ЦК. М.,1994. С.24; Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сборник документов. М.,1995. С.73.
- 125 *Юмашева О.Г., Лепихов И.А.* Указ.соч. С. 125.
- 126 РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.121. Д.115. Л.3-7.
- 127 Там же. Л.8,10,46,159,162; Ф.77. Оп.1. Д.919. Л.1-а,3,39-40,152,153; *Юмашева О.Г., Лепихов И.А.* Указ.соч. С.136-137.
- 128 РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.121. Д.115. Л.124.

- 129 Там же. Д.128. Л.35.
- 130 Там же. Д.115. Л.162.
- 131 Посетители кремлевского кабинета И.В.Сталина // Исторический архив. 1996. № 2. С.47.
- 132 *Некрич А.М.* 1941 год, 22 июня. М.,1995. С.128-131; *Мельтюхов М.И.* Идеологические документы мая-июня 1941 г. о событиях Второй мировой войны // Отечественная история. 1995. № 2. С.70-85.
- 133 *Некрич А.М.* Указ.соч. С.131; *Мельтюхов М.И.* Указ.соч. С.80.
- 134 *И.В.Сталин* о «Кратком курсе»... // Исторический архив. 1994. № 5. С.13.
- 135 *Некрич А.М.* Указ.соч. С.131.
- 136 Цит. по: *Готовил ли Сталин...?* С.68.
- 137 *Некрич А.М.* Указ.соч. С.129.
- 138 «Современная армия – армия наступательная»... С.28.
- 139 РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.125. Д.60. Л.58-60.
- 140 Там же. Оп.121. Д.128. Л.35.
- 141 Там же. Л.36.
- 142 Там же. Оп.125. Д.65. Л.1.
- 143 Там же. Д.60. Л.58.
- 144 Там же. Л.59.
- 145 Там же. Оп.121. Д.128. Л.36.
- 146 Цитата приведена Н.Г.Пальгуновым по: *Ленин В.И.* Соч. Изд.3-е. Т.26. С.49-50.
- 147 РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.125. Д.60. Л.59,60.
- 148 *Эренбург И.Г.* Люди, годы, жизнь: Воспоминания. Т.2. Кн.4-5. М.,1990. С.224-225; *Шейнис З.С.* Перед нашествием. Из записной книжки 1939-1941 гг. // Новая и новейшая история. 1990. № 1. С.107.
- 149 *Шейнис З.С.* Указ.соч. С.107.
- 150 РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.125. Д.58. Л.1-3; *Невежин В.А.* Сталинский выбор 1941 г... С.64.
- 151 РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.125. Д.58. Л.4-13.
- 152 Там же. Л.1.
- 153 Там же. Д.28. Л.21-40.
- 154 Там же. Д.58. Л.6,8.
- 155 Там же. Л.1.
- 156 Известия. 15 мая 1941.
- 157 РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.121. Д.128. Л.36.
- 158 Политучеба красноармейца. 1941. № 10. С.1-2.
- 159 РЦХИДНИ. Ф.71. Оп.25. Д.4004. Л.1.
- 160 *Мельтюхов М.И.* Указ.соч. С.54-85; *Готовил ли Сталин?..* С.122-168.
- 161 РГАЛИ. Ф.1038. Оп.1. Д.2079. Л.31.
- 162 И еще один тост «вождя народов» // Искусство кино. 1991. № 5. С.141.
- 163 *Вишнев О.В.* Почему медлил Сталин в 1941 г.: Из германских архивов // Новая и новейшая история. 1992. №1. С.89; № 2. С.76.

- 164 *Хоффман Й.* Подготовка Советского Союза к наступательной войне // Отечественная история. 1993. № 4. С.27.
- 165 Готовил ли Сталин?.. С.166-167.
- 166 *Баграмян И.Х.* Так начиналась война. М.,1971. С.116.

Глава III

- ¹ См.: *Высочина Т.Е.* К проблеме диалога культур и роли искусства в этом процессе // Искусство и искусствоведение на пути преодоления мифов и стереотипов. М.,1990. С.96-97.
- ² РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.85. Д.345. Л.50.
- ³ *Егорова-Гантман Е., Плеваков К.* Концепции образа и стереотипа в международных отношениях // Мировая экономика и международные отношения. 1988. № 12. С.25.
- ⁴ По подсчетам западных социологов, речь может идти примерно о 4-5% населения.
- ⁵ *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М.,1990. С.87.
- ⁶ Там же. С.149.
- ⁷ *Сталин И.В.* Сочинения. М.,1955. Т.13. С.121.
- ⁸ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т.26. С.325,254 и др.
- ⁹ Там же. Т.32. С.337.
- ¹⁰ Там же. Т.31. С.93.
- ¹¹ Там же. Т.34. С.321.
- ¹² Там же. С.323.
- ¹³ См.: Известия. 1918. 3 сентября; АВП МИД РФ. Ф.069. Оп.3. Д.10. Папка 3. Л.18.
- ¹⁴ АВП МИД РФ. Ф.069. Оп.3. Д.10. Папка 3. Л.12.
- ¹⁵ «Назначить революцию в Германии на 9 ноября» // Источник. 1995. № 5. С.134.
- ¹⁶ ВЦДНИ. Ф.1. Оп.1. Д.708. Л.1.
- ¹⁷ Там же. Л.3.
- ¹⁸ АВП МИД РФ. Ф.069. Оп.4. Д.7. Папка 3. Л.4; Д.13. Папка 3. Л.3.
- ¹⁹ См. подробнее: *Локкерт Р.Б.* История изнутри: Мемуары британского агента. М.,1991. С.189.
- ²⁰ АВП МИД РФ. Ф.069. Оп.5. Д.3. Папка 4. Л.4.
- ²¹ Там же. Д.1. Папка 5. Л.2.
- ²² Там же. Д.25. Папка 5. Л.4.
- ²³ *Коржухина Т.П., Физатнер Ю.Ю.* Советская номенклатура: становление, механизмы действия // Вопросы истории. 1993. № 7. С.31.
- ²⁴ Правда. 1927. 14 января.
- ²⁵ Там же. 1928. 12 декабря.
- ²⁶ Цит. по: *Соколов В.В.* Неизвестный Г.В.Чичерин // Новая и новейшая история. 1994. № 2. С.14.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.85. Д.288. Л.22.
- ²⁹ Там же. Д.171. Л.37-38.
- ³⁰ Там же. Д.551. Л.143.
- ³¹ Там же.
- ³² Там же. Л.2.
- ³³ Там же. Л.178,180,184.

- 34 Чукковский К. Дневник (1918-1923) // Новый мир. 1990. № 8. С.136.
- 35 Цит. по: Самойлов В., Виноградов Ю. Иван Павлов и Николай Бухарин. От конфликта к дружбе // Звезда. 1989. № 10. С.99.
- 36 Цит. по: Красильников С.А. Политбюро, ГПУ и интеллигенция в 1922-1923 гг. // Интеллигенция, общество, власть: опыт взаимоотношений. (1917 - конец 1930-х гг.) Новосибирск, 1995. С.38.
- 37 Цит. по: Куманев В.А. 30-е годы в судьбах отечественной интеллигенции: Очерки. М., 1991. С.50.
- 38 Батыгин Г.С. Советская социология на закате сталинской эры (несколько эпизодов) // Вестник АН СССР. 1991. № 10. С.95.
- 39 РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.85. Д.321. Л.70.
- 40 Там же. Д.373. Л.159-161.
- 41 "Птицегонство надоело до смерти..." Из дневника И.И.Литвинова. 1922 г. // Неизвестная Россия. XX век. Кн. IV. М., 1993. С.95.
- 42 Там же. С.88.
- 43 Там же. С. 120.
- 44 РЦХИДНИ. Ф.78. Оп.1. Д.312. Л.1.
- 45 Там же. Ф.17. Оп.85. Д.127. Л.100.
- 46 Глазами иностранцев, 1917-1932. М., 1932. С.132.
- 47 Там же. С.209.
- 48 ВЦДНИ. Ф.1. Оп.1. Д.207. Л.13.
- 49 Там же. Л.19.
- 50 РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.85. Д.288. Л.68.
- 51 Там же. Д.289. Л.54.
- 52 Там же. Д.16. Л.367.
- 53 Там же. Д.19. Л.222.
- 54 Там же. Д.300. Л.64.
- 55 Вокруг статьи Л.Д.Троцкого "Уроки Октября" (октябрь 1924 г.- апрель 1925 г.) // Известия ЦК КПСС. 1991. № 7. С.175.
- 56 РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.85. Д.151. Л.135.
- 57 Правда. 1927. 1 января.
- 58 РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.68. Д.402. Л.4.
- 59 Фуллер А.Т. — губернатор штата Массачусетс, утвердивший смертный приговор Сакко и Ванцетти.
- 60 РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.85. Д.77. Л.117.
- 61 Там же. Д.16. Л.46.
- 62 Правда. 1927. 9 января.
- 63 Там же. 1927. 14 января.
- 64 РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.85. Д.19. Л.142.
- 65 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.49. С.418.
- 66 ГАОО. Ф.Р-27. Оп.1. Д.204. Л.13.
- 67 Цит. по: Coates W.P. & Z.K. A History of Anglo-Soviet Relations. Lnd., 1943. P.298.
- 68 Ерусалимский Е. Германия, Антанта и СССР. М., 1928. С.6.
- 69 Правда. 1927. 10 июня.
- 70 ВЦДНИ. Ф.1. Оп.1. Д.1755. Л.7.
- 71 РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.85. Д.289. Л.19.
- 72 Там же. Д.217. Л.38.
- 73 Там же. Д.289. Л.17.
- 74 Там же. Ф.78. Оп.1. Д.262. Л.140.

- 75 Там же. Ф.17. Оп.85. Д.217. Л.36.
 76 Там же. Д.289. Л.33.
 77 Там же. Д.219. Л.53.
 78 Там же. Д.289. Л.11.
 79 Там же. Д.19. Л.221.
 80 РЦХИДНИ. Ф.88. Оп.1. Д.467. Л.1.
 81 Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сборник документов. М., 1995. С.70.
 82 Там же. С.72.
 83 *Лельчук В.С., Пивовар Е.И.* Менталитет советского общества и «холодная война» (к постановке проблемы) // Отечественная история. 1993. № 6. С.75.
 84 РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.125. Д.11. Л.39. См. также: *Невежин В.А.* Советская политика и культурные связи с Германией (1939-1941 гг.) // Отечественная история. 1993. № 1. С.29.
 85 РЦХИДНИ. Ф.88. Оп.1. Д.998. Л.46.
 86 *Треппер Л.* Большая игра: Воспоминания советского разведчика. М., 1990. С.43.
 87 *Блейк О.* Московские будни - 1937 // Коммунист. 1991. № 3. С.93.
 88 *Хлевнюк О.В.* 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. М., 1992. С.78.
 89 См.: *Коржихина Т.П., Фигатнер Ю.Ю.* Советская номенклатура: становление, механизмы действия // Вопросы истории. 1993. № 7. С.33.
 90 Цит.по: *Аросева Н.А.* След на земле. М., 1987. С.232.
 91 Материалы февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории. 1994. № 8. С.15.
 92 *Соловьев А.Г.* Тетради красного профессора. 1912-1941 гг. // Неизвестная Россия. XX век. Кн. IV. М., 1994. С.178.
 93 Материалы февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории. 1993. № 9. С.26-27.
 94 РЦХИДНИ. Ф.78. Оп.1. Д.669. Бл.1. Л.1-10б.
 95 Сталинское Политбюро в 30-е годы... С.55.
 96 *Хлевнюк О.В.* Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. М., 1996. С.237-239.
 97 *Чув Ф.* Сто сорок бесед с Молотовым. С.390, 391, 416.
 98 Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева // Вопросы истории. 1990. № 7. С.80.
 99 См.: *Гареев М.А.* Неоднозначные страницы войны (Очерки о проблемных вопросах истории Великой Отечественной войны). М., 1995. С.20.
 100 В Наркоминделе. 1922-1939. Интервью с Е.А.Гнединым // Память. Исторический сборник. Вып.5. М., 1981; Париж, 1982. С.381.
 101 Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева // Вопросы истории. 1990. № 3. С.70.
 102 Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП (б) 1937 г. // Вопросы истории. 1995. № 2. С.7.
 103 *Кузнецов Н.Г.* Крутые повороты: Из записок адмирала. М., 1995. С.47.

- 104 Цит. по: *Соколов В.В.* Неизвестный Г.В. Чичерин // Новая и новейшая история. 1994. № 2. С. 14.
- 105 Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева // Вопросы истории. 1994. № 8. С. 76.
- 106 Цит. по: *Розанов Г.Л.* Сталин-Гитлер: Документальный очерк советско-германских дипломатических отношений. 1939-1941 гг. М., 1991. С. 143.
- 107 РЦХИДНИ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 1028. Л. 4.
- 108 Там же. Д. 588.
- 109 Там же. Д. 467. Л. 3-4.
- 110 ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 1. Д. 382. Л. 102.
- 111 РЦХИДНИ. Ф. 78. Оп. 1. Д. 468. Бл. 3. Л. 40.
- 112 Там же. Д. 481. Л. 24.
- 113 Там же. Ф. 74. Оп. 1. Д. 106. Л. 35, 37.
- 114 Там же. Ф. 17. Оп. 32. Д. 176. Л. 2.
- 115 *Казанович Л.М.* Памятные записки. М., 1996. С. 400. Полный текст резолюции см.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 4. М., 1984. С. 214-232.
- 116 РЦХИДНИ. Ф. 78. Оп. 1. Д. 468. Бл. 9. Л. 4.
- 117 Там же. Ф. 74. Оп. 1. Д. 106. Л. 13 об.
- 118 Там же. Ф. 80. Оп. 14. Д. 16. Л. 4.
- 119 Там же. Ф. 78. Оп. 1. Д. 508. Л. 11.
- 120 Личный архив автора.
- 121 РЦХИДНИ. Ф. 80. Оп. 14. Д. 18. Л. 47.
- 122 Там же. Ф. 78. Оп. 1. Д. 469. Л. 15.
- 123 Там же. Д. 481. Л. 12.
- 124 Там же. Д. 508. Л. 9.
- 125 Фрагменты стенограммы декабрьского пленума ЦК ВКП(б) 1936 года // Вопросы истории. 1995. № 1. С. 6.
- 126 Там же.
- 127 *Раскольников Ф.Ф.* О времени и о себе. Воспоминания, письма, документы. Л., 1989. С. 484.
- 128 Документы внешней политики СССР. М., 1973. Т. XVIII. С. 250-251.
- 129 РЦХИДНИ. Ф. 78. Оп. 1. Д. 561. Л. 21.
- 130 См.: *Ерофеев Н.А.* Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских. 1825-1953 гг. М., 1982.
- 131 Русская политическая мысль второй половины XIX века. Сборник обзоров. М., 1989. С. 187; *Витте С.Ю.* Воспоминания. М., 1960. Т. 3. С. 536; *Извольский А.П.* Воспоминания. Пг.-М., 1924. С. 43.
- 132 См., например: *Наринский М.М.* Кремль и Коминтерн в 1939-1941 годах // Свободная мысль. 1995. № 2; *Никитин М.* Оценка советским руководством событий второй мировой войны (по идеологическим документам мая-июня 1941 г. // Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера? Незапланированная дискуссия. Сборник материалов. М., 1995; *Фирсов Ф.И.* Архивы Коминтерна и внешняя политика СССР в 1939-1941 гг. // Новая и новейшая история. 1992. № 6.
- 133 *Яковлев А.С.* Цель жизни: Записки авиаконструктора. М., 1987. С. 190.

- 134 *Чуев Ф.И.* Так говорил Каганович: Исповедь сталинского апостола. М., 1993. С.58.
- 135 *Треннер Л.* Указ.соч. С.79.
- 136 РЦХИДНИ. Ф.77. Оп.1. Д.858. Л.3.
- 137 Там же. Ф.78. Оп.1. Д.636. Л.73.
- 138 *Киров С.М.* Избранные речи и статьи (1912-1934). М., 1957. С.511.
- 139 *Вернадский В.И.* Дневник 1939 г. // Дружба народов. 1992. № 11-12. С.21-22.
- 140 *Соловьев А.Г.* Указ.соч. С.187.
- 141 Цит.по: *Самойлов В., Виноградов Ю.* Иван Павлов и Николай Бухарин. От конфликта к дружбе // Звезда. 1989. № 10. С.112.
- 142 Там же.
- 143 *Вернадский В.И.* Указ.соч. С.32.
- 144 *Куллэ Р.* Мысли и заметки. Дневник 1924-1932 годов // The New Review – Новый журнал. Кн.189. 1992. С.285.
- 145 ГАРФ. Ф.5283. Оп.1. Д.382. Л.102.
- 146 *Вернадский В.И.* Указ. соч. С.26.
- 147 РГАЛИ. Ф.1038. Оп.1. Д.2077. Л.30. Подобные ссылки на партийные документы и мнение «вождей» можно найти и в записях А.Г.Соловьева.
- 148 Там же. Л.45-45об.
- 149 Там же. Л.46.
- 150 *Вернадский В.И.* Указ.соч. С.25.
- 151 Материалы февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории. 1992. №2-3. С.12.
- 152 Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. М., 1992. С.136, 138, 139.
- 153 Первый Всесоюзный съезд колхозников-ударников. М.-Л., 1933. С.174.
- 154 Там же. С.261.
- 155 Можно сравнить, например, резолюции, принятые по разным поводам в Луганском округе в 1929 г. и в Орловском округе в 1927 г. См.: РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.85. Д.359; ГАОО. Ф.П-1. Оп.1. Д.2014.
- 156 Кризис снабжения 1939-1941 гг. в письмах советских людей // Вопросы истории. 1996. № 3. С.6.
- 157 *Симонов К.М.* Глазами человека моего поколения. Размышления о И.В.Сталине. М., 1988. С.75.
- 158 *Pares M.* Moscow Admits a Critic. Lnd., 1936. P.36.
- 159 *Симонов К.М.* Собрание сочинений. М., 1979. Т.1. С.367.
- 160 *Rittersporn G.T.* The Omnipresent Conspiracy: On Soviet Imagery of Politics & Social Relations in the 1930s // Stalinist Terror. New Perspectives. Cambridge, 1994. P.99.
- 161 Об этом писали, например, А.Жид и Л.Фейхтвангер. См.: Два взгляда из-за рубежа. М., 1990. С.79-81, 172, 221 и др.
- 162 Глазами иностранцев, 1917-1932. М., 1932. С.448.
- 163 *Хьюз Э.* Визит Макмиллана в Советский Союз. М., 1959. С.52.
- 164 The God that Failed. N.Y., 1965. P.54.
- 165 ГАРФ. Ф.5283. Оп.3. Д.501. Л.107.

- 166 *Barghoorn F.C.* The Soviet Image of the United States. A Study in Distortion. N.Y.,1969. P.35.
- 167 Всесоюзная перепись населения 1939 года... С.39,49.
- 168 См.,напр.: РЦХИДНИ. Ф.88. Оп.1. Д.1039. Л.58; ГАОО. Ф.П-1. Оп.3. Д.110. Л.4 об.; Оп.1. Д.1882. Л.94,121 и др.
- 169 *Уборевич И.П.* Два очага опасности // Военно-исторический журнал. 1988. № 10. С.43.
- 170 Глазами иностранцев... С.500.
- 171 *Шкаренков Л.К.* Память о войне // Россия и современный мир. 1995. № 2. С.260.
- 172 *Зензинов В.М.* Встреча с Россией. Как и чем живут в Советском Союзе. Письма в Красную армию. 1939-1940. Нью-Йорк,1944. С.138.
- 173 *Erickson J.* The Soviet High Command. Lnd.-N.Y.,1962.
- 174 *Alexandrov V.* L'affaire Toukhatchevsky. Paris,1962; *Castellan L.* Le Rearmement Clandestin du Reich. 1930-1935. Paris,1954; *Castellan L.* Reichswehr et Armee Rouge, 1920-1939. Paris,1954; etc.
- 175 Деятели СССР и революционного движения России. Энциклопедический словарь «Гранат». М.,1989.
- 176 Протоколы заседаний чрезвычайной следственной комиссии по делу Колчака (стенографический отчет) // Арестант пятой камеры. М.,1990. С.341.
- 177 Цит.по: *Сафронов Г.П.* Неподвластное времени. М.,1976. С.148-149.
- 178 *Тухачевский М.* О стратегических взглядах профессора Свечина // Против реакционных теорий на военно-научном фронте. М.,1931. С.57.
- 179 *Литке.* Нужны ли сейчас Красной Армии военные комиссары // Революция и война. 1922. № 14-15. С.48.
- 180 Там же. С.49.
- 181 *Деникин А.И.* Очерки истории русской смуты. Крушение власти и армии. М.,1991. С.81.
- 182 *Врангель П.Н.* Воспоминания. М.,1992. С.105-106.
- 183 *Деникин А.И.* Очерки истории русской смуты // Вопросы истории. 1992. № 11-12. С.121,123.
- 184 Протоколы заседаний чрезвычайной следственной комиссии по делу Колчака... С.341.
- 185 Цит.по: *Аралов С.* Ленин вел нас к победе. М.,1989. С.53.
- 186 Коммунистическая Академия. Военная секция. Записки. М.,1930. Т.1. С.52.
- 187 А.И.Гучков рассказывает // Вопросы истории. 1991. № 9-10. С.206.
- 188 *Будберг А., барон.* Дневник // Архив русской революции. Т.11-12. М.,1991. С.227.
- 189 *Гуль Р.* Красные маршалы. М.,1990. С.92.
- 190 Цит.по: *Головин Н.Н.* Военные усилия России в мировой войне // Военно-исторический журнал. 1993. № 11. С.55.
- 191 *Fervaque P.* Le Chef de L'Armee Rouge - Mikail Toukatchevski. Paris,1928. P.19.
- 192 Ibid. P.21-22,24-25.
- 193 Ibid. P.57-59.
- 194 *Тухачевский М.* Революция извне // Революция и война. 1920. № 3. С.46.

- 195 Тухачевский М. Поход за Вислу; Ю.Пилсудский. Война 1920 года. М.,1992. С.60-63.
- 196 Гуль Р. Указ.соч. С.38; Норд Л. Маршал Тухачевский // Возрождение. 1957. № 64. С.63-64.
- 197 Доклад заместителя начальника штаба РККА М.Н.Тухачевского в Реввоенсовет СССР о результатах изучения Рейхсвера во время осенних маневров 1925 г. 2 октября 1925 г. // Совершенно секретно. 1995. № 7. С.11.
- 198 Там же.
- 199 Рейхсвер и Советы – тайный союз. (Документы) // Октябрь. 1991. № 12. С.183.
- 200 Дьяков Ю.Л., Бушуева Т.С. Фашистский меч ковался в СССР. Красная армия и Рейхсвер. Тайное сотрудничество. 1922-1933. Неизвестные документы. М.,1992. С.121.
- 201 Там же. С.255.
- 202 Там же. С.132.
- 203 Там же. С.285.
- 204 «Назначить революцию в Германии на 9 ноября» // Источник. 1995. № 5. С.133.
- 205 Там же. С.118.
- 206 Доклад заместителя начальника штаба РККА М.Н.Тухачевского в Реввоенсовет СССР о результатах изучения Рейхсвера... С.11.
- 207 М.В.Фрунзе о реорганизации Красной Армии в 1924 г. // Военно-исторический журнал. 1966. № 6. С.71.
- 208 VII Всебелорусский съезд Советов. Май 1925 г. Стенографический отчет. Минск,1925. С.231.
- 209 Красная звезда. 1925. 7 мая.
- 210 Котовский Г.И. Документы и материалы. Кишинев,1956. С.500, 502-504.
- 211 Castellan L. Le Rearmement Clandestin du Reich. 1930-1935. Paris, 1954. P.274.
- 212 РГВА. Ф.33987. Оп.3. Д.400. Л.14-29.
- 213 Там же.
- 214 Письмо И.Уборевича Г.Орджоникидзе от 17 августа 1936 г. // Факел-1990. М.,1990. С.237-238.
- 215 ГАРФ. Ф.5853. Оп.1. Д.8. Л.126; Д.9. Л.125; Д.14. Л.85.
- 216 Ильин И.А. Записка о политическом положении. Октябрь 1923 г. // Русское прошлое. 1996. № 6. СПб.,1996. С.220.
- 217 РГВА. Ф.33987. Оп.3. Д.1295. Л.1-2.
- 218 М.Н.Тухачевский и «военно-фашистский заговор» // Военные архивы России. 1993. Вып.1. М.,1993. С.99.
- 219 Там же. С.92.
- 220 Там же. С.106.
- 221 Там же. С.79-80.
- 222 Цит.по: Источники истории о маршале Тухачевском // Гутен Таг. 1988. № 10. С.38.
- 223 Командарм Якир. Воспоминания друзей и соратников. М.,1965. С.112.
- 224 Castellan L. Le Rearmement Clandestin du Reich... P.490.
- 225 См.,например: Красная звезда. 1935. № 26,42,82.

- 226 Правда. 1935. 31 января.
- 227 Красная звезда. 1935. № 10,31,40,57,59.
- 228 Там же. № 57.
- 229 *Тухачевский М.Н.* Военные планы Гитлера // Известия ЦК КПСС. 1990. № 1. С.168-169.
- 230 Правда. 1935. 31 марта.
- 231 *Орлов Б.М.* В поисках союзников: командование Красной Армии и проблемы внешней политики СССР в 30-х годах // Вопросы истории. 1990. № 4. С.50-60.
- 232 *Castellan L.* Reichswehr et Armee Rouge, 1920-1939. Paris,1954. P.254-255. См. также материалы февральско-мартовского 1937 г. пленума ЦК (Вопросы истории. 1995. № 7. С.8).
- 233 *Соловьев А.Г.* Тетради красного профессора, 1912-1941 гг. // Неизвестная Россия. XX век. Кн.4. М.,1993. С.183.
- 234 *Tabouis G.* They Called Me Cassandra. N.Y.,1942. P.257.
- 235 Ibid.
- 236 *Викторов Б.А.* Без грифа «секретно». Записки военного прокурора. М.,1990. С.258-259.
- 237 См.: *Якупов Н.* Трагедия полководцев. М.,1992. С.187.
- 238 Два очага опасности. Выступление командующего Белорусским военным округом командарма 1 ранга И.П.Уборевича на совещании в Западном обкоме ВЛКСМ в 1936 г. // Военно-исторический журнал. 1988. № 10. С.38-43.
- 239 Там же. С.38-41.
- 240 Командарм Уборевич. Воспоминания друзей и соратников. М., 1964. С.217.
- 241 М.Н.Тухачевский и «военно-фашистский заговор»... С.62; 1937. Показания маршала Тухачевского // Военно-исторический журнал. 1991. № 9. С.63.
- 242 1937. Показания маршала Тухачевского // Военно-исторический журнал. 1991. № 9. С.63.
- 243 *Тухачевский М.Н.* Военные планы Гитлера... С.168-169.
- 244 Там же. С.169.
- 245 Там же.
- 246 Правда. 1935. 31 марта.
- 247 *Свечин А.А.* Стратегия. М.,1927. С.184.
- 248 1937. Показания маршала Тухачевского // Военно-исторический журнал. 1991. № 8. С.48.
- 249 Там же. № 9. С.62.
- 250 Там же.
- 251 Там же. № 8. С.48.
- 252 Там же. С.56.
- 253 *Казиков М.И.* Над картой былых сражений. М.,1965. С.43-44.
- 254 1937. Показания маршала Тухачевского // Военно-исторический журнал. 1991. № 8. С.47,48.
- 255 *Голубев А.В.* Запад глазами советского общества (Основные тенденции формирования внешнеполитических стереотипов в 30-х годах) // Отечественная история. 1996. № 1. С.104-120.
- 256 *Бабиченко Д.Л.* Писатели и цензоры. Советская литература 1940-х годов под политическим контролем ЦК. М., 1994; «Литератур-

- ный фронт». История политической цензуры 1932-1946 гг. М., 1994.
- 257 *Латышев А.* Сталин и кино // Суровая драма народа: Ученые и публицисты о природе сталинизма. М., 1989. С. 507.
- 258 РГАЛИ. Ф. 1038. Оп. 1. Д. 2077. Л. 56.
- 259 *Бабиченко Д. Л.* Указ. соч. С. 41.
- 260 РГАЛИ. Ф. 1038. Оп. 1. Д. 2079. Л. 10.
- 261 *Леонгард В.* Шок от пакта между Гитлером и Сталиным: Воспоминания современников из СССР, Западной Европы и США. Лондон, 1989.
- 262 *Эренбург И. Г.* Люди, годы, жизнь. Воспоминания. Т. 2. М., 1990. С. 202.
- 263 *Симонов К. М.* Глазами человека моего поколения. Размышления о И. В. Сталине. М., 1988. С. 78.
- 264 Цит. по: *Леонгард В.* Указ. соч. С. 61.
- 265 РГАЛИ. Ф. 1038. Оп. 1. Д. 2077. Л. 39 об.
- 266 Там же. Л. 41.
- 267 Правда. 1939. 1 сентября.
- 268 *Эренбург И. Г.* Указ. соч. С. 204.
- 269 Цит. по: Оглашению подлежит: СССР — Германия. 1939-1941: Документы и материалы. М., 1991. С. 92.
- 270 *Леонгард В.* Указ. соч. С. 63.
- 271 *Фляйшхауэр И.* Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии. 1938-1939. М., 1990. С. 296.
- 272 Там же. С. 59-62.
- 273 Оглашению подлежит... С. 92.
- 274 *Лотман Ю. М.* Не-мемуары // Лотмановский сборник. Вып. 1. М., 1995. С. 12.
- 275 Правда. 1939. 24 августа; 1 сентября.
- 276 Оглашению подлежит... С. 166-167.
- 277 РГАЛИ. Ф. 1038. Оп. 1. Д. 2076. Л. 39 об., 40 об.
- 278 *Вишневский В. В.* Собр. соч. М., 1961. Т. 6. С. 295.
- 279 *Шарапов Ю. П.* Лицей в Сокольниках. Очерки истории ИФЛИ — Московского института истории, философии и литературы имени Н. Г. Чернышевского (1931-1941 гг.) М., 1995.
- 280 *Он же.* К началу Второй мировой войны. Рукопись (10 ноября 1992 г.) С. 2. (Архив автора).
- 281 *Вишневский В. В.* Указ. соч. С. 298.
- 282 *Пришвин М. М.* Дневники. М., 1990. С. 276-278.
- 283 *Эренбург И. Г.* Указ. соч. С. 204.
- 284 *Пришвин М. М.* Указ. соч. С. 277-278.
- 285 *Орлова Р. Д.* Воспоминания о непростедшем времени. М., 1993. С. 233.
- 286 *Симонов К.* Указ. соч. С. 82.
- 287 РГАЛИ. Ф. 1038. Оп. 1. Д. 2076. Л. 41.
- 288 Там же. Л. 39.
- 289 Правда. 1939. 1 сентября.
- 290 РГАЛИ. Ф. 1038. Оп. 1. Д. 2076. Л. 43, 48.
- 291 *Симонов К.* Указ. соч. С. 79.
- 292 Оглашению подлежит... С. 92.
- 293 *Крапинов Д. Ф.* В орбите войны: записки советского корреспондента за рубежом. 1939-1945 годы. М., 1980. С. 55.

- 294 РГАЛИ. Ф.1038. Оп.1. Д.2076. Л.43,48.
- 295 *Симонов К.* Указ.соч. С.83-84.
- 296 *Эренбург И.* Указ.соч. С.204.
- 297 Известия. 1939. 29 сентября.
- 298 РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.117. Д.38. Л.132-134.
- 299 *Краминов Д.Ф.* Указ.соч. С.55.
- 300 *Фляйшхауэр И.* Указ.соч. С.296.
- 301 *Краминов Д.Ф.* Указ.соч. С.55.
- 302 Аргументы и факты. 1989. 5 июля; Документы внешней политики. 1939. Т.ХХII. Кн.2. М.,1992. С.612.
- 303 *Симонов К.* Указ.соч. С.82.
- 304 Коминтерн и Вторая мировая война. Часть I. До 22 июня 1941 г. М.,1994. С.10-11.
- 305 *Пришвин М.М.* Указ.соч. С.276.
- 306 *Симонов К.* Указ.соч. С.79.
- 307 *Орлова Р.Д.* Указ.соч. С.232-233.
- 308 Оглашению подлежит... С.149.
- 309 РГАЛИ. Ф.2456. Оп.1. Д.422. Л.44.
- 310 Там же. Д.479. Л.158.
- 311 *Черненко М.* Портрет соседа в зеркале геополитики // Киноведческие записки. Вып.2. М.,1989. С.118-119.
- 312 РГАЛИ. Ф. 2456. Оп.1. Д.445. Л.8.
- 313 *Соловьев А.Г.* Тетради красного профессора. 1912-1941 гг. // Независимая Россия. XX век. Кн.IV. М.,1994. С.205.
- 314 XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (большеви-ков) 10-21 марта 1939 г. Стенографический отчет. М.,1939. С.15.
- 315 Оглашению подлежит... С.149.
- 316 РГАЛИ. Ф.656. Оп.3. Д.11. Л.3,4.
- 317 Там же. Ф.962. Оп.3. Д.600. Л.44.
- 318 Там же. Ф.618. Оп.2. Д.1101. Л. 114,159.
- 319 *Тарасенков А.* Пастернак: черновые записи 1934-1939 // Вопросы литературы. 1990. №4. С.96,100,101; *Пастернак Б.* Избранные переводы. М.,1940.
- 320 РГАЛИ. Ф.962. Оп.3. Д.666. Л.324-327а,329.
- 321 *Орлова Р.Д.* Указ.соч. С.232.
- 322 РГАЛИ. Ф.631. Оп.12. Д.83. Л.67.
- 323 *Мотылева Т.* Духовная драма Бехера // Иностранная литература. 1988. №11. С.218.
- 324 РГАЛИ. Ф.631. Оп.11. Д.425. Л.7-7 об.
- 325 Театр и драматургия. 1933. № 6-7.
- 326 РГАЛИ. Ф.656. Оп.3. Д. 599. Л.87,92,95,99.
- 327 *Ширер У.* Взлет и падение третьего рейха. Т.1. М.,1991. С.281.
- 328 РГАЛИ. Ф.631. Оп.11. Д.425. Л.1-2.
- 329 Там же. Оп.12. Д.83. Л.33.
- 330 Там же. Ф.1397. Оп.1. Д.8. Л.1.
- 331 Там же. Ф.631. Оп.12. Д.83. Л.97.
- 332 Там же. Оп.15. Д.346. Л.85.
- 333 Там же. Оп.5. Д.69. Л.11.
- 334 Там же. Ф.1397. Оп.1. Д.31. Л.50.

- 335 Очерки истории русской советской журналистики. 1933-1945. М., 1968. С.439-440.
- 336 Документы внешней политики СССР. М., 1992. Т. XXII. Кн. 1. С. 584; Случ С.З. Германо-советские отношения в 1918-1941 гг. (Мотивы и последствия внешнеполитических решений). М., 1995. С.42.
- 337 Оглашению подлежит... С.85.
- 338 Цит. по: Коминтерн и Вторая мировая война... С.10.
- 339 Шаранов Ю.П. К началу Второй мировой войны... С.2.
- 340 Леонгард В. Указ.соч. С.72-73.
- 341 РГАЛИ. Ф.1038. Оп.1. Д.2076. Л.31 об.
- 342 Коминтерн и Вторая мировая война... С.10.
- 343 РГАЛИ. Ф.1038. Оп.1. Д.2076. Л.69.
- 344 Там же. Ф.2456. Оп.1. Д.445. Л.23.
- 345 Померанц Г. Указ.соч. С.144.
- 346 РГАЛИ. Ф.618. Оп.2. Д.1097. Л.115.
- 347 Семенов Я. В защиту интернациональной литературы // Литературная газета. 1940. 5 января.
- 348 РГАЛИ. Ф.631. Оп.15. Д.510. Л.8.
- 349 Оглашению подлежит... С.180.
- 350 РЦХИДНИ. Ф.77. Оп.1. Д.745. Л.34.
- 351 Коминтерн и Вторая мировая война... С.11.
- 352 Орлова Р.Д. Указ.соч. С.101.
- 353 Там же. С.233-234.
- 354 Симонов К. Указ.соч. С.80-81.
- 355 РГАЛИ. Ф.2456. Оп.1. Д.440. Л.67,77,107.
- 356 Правда. 1939. 7 ноября.
- 357 Голубев А.В. Указ.соч. С.105.
- 358 РГАЛИ. Ф.1038. Оп.1. Д.2076. Л.68.
- 359 Там же. Ф.2456. Оп.1. Д.445. Л.23-25.
- 360 Орлова Р.Д. Указ.соч. С.235-236.
- 361 РГАЛИ. Ф.1038. Оп.1. Д.2076. Л.2.
- 362 Бабиченко Д.Л. Указ.соч. С.24.
- 363 Подробнее о «деле» А.Авдеенко см: Латышев А. Указ.соч. С.501-506; Авдеенко А. Наказание без преступления. М., 1991; Марьямов Г.Б. Кремлевский цензор: Сталин смотрит кино. М., 1992. С.24-32; Бабиченко Д.Л. Указ.соч. С.22-31; Киноведческие записки. 1993/1994. № 20. С.94-124.
- 364 Киноведческие записки. 1993/1994. № 20. С.105-106.
- 365 РЦХИДНИ. Ф.77. Оп.1. Д.913. Л.118.
- 366 РГАЛИ. Ф.1038. Оп.1. Д.2077. Л.63,64 об.
- 367 Там же. Л.66.
- 368 Там же. Д.1401. Л.49,54,55.
- 369 Эренбург И. Указ.соч. С.222-224.
- 370 Пастернак Б.Л. Собр.соч. Т.5. М., 1992. С.391.
- 371 Позняков В.В. Внешняя политика трех великих держав и образ союзников в советской пропаганде в годы Второй мировой войны. 1939-1945 гг. // Ялта. 1945 год. Проблемы войны и мира. М., 1992. С.177-178.
- 372 Эренбург И.Г. Указ.соч. С.224-226.
- 373 Вишневский В.В. Указ.соч. С.322.

- 374 РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.125. Д.76. Л.24.
 375 Там же. Д.32. Л.88-89,97,112.
 376 *Верт А.* Указ.соч. С.73.
 377 РГАЛИ. Ф.1038. Оп.1. Д.2079. Л.18.
 378 Там же. Л.22.
 379 *Эренбург И.* Указ.соч. С.228.
 380 *Баранов Ю.* Голубой разлив: Дневники, письма, стихотворения. Ярославль,1988. С.86-87.
 381 *Шарапов Ю.П.* Указ.соч. С.78.
 382 Семь дней. 1995. 8-14 мая. С.25.

Глава IV

- 1 РГВИА. Ф.2019. Оп.1. Д.525. (материалы разведывательного отделения, иностранная печать). Л.2,6,8,27; Д.730 (газета «Вестник X-й Армии», май 1915 г.). Л.3; Д.732 (газета «Наш вестник», июль 1915 г.). Л.3,5,23.
 2 Там же. Д.525. Л.19-20.
 3 Там же. Д.533 (материалы опроса пленных Штабом Северо-Западного фронта, 1914 г.). Л.14; Д.535 (опросные листы военнопленных). Л.129; Д.730. Л.27.
 4 Там же. Д.533. Л.76.
 5 Там же. Д.732. Л.219.
 6 *Яковлев Н.* 1 августа 1914. М.,1974. С.65.
 7 РГВИА. Ф.2020. Оп.1. Д.148 (о генерал-майоре В.П.Форселе).
 8 Там же. Ф.2019. Оп.1. Д.732. Л.32.
 9 Там же. Д.642 (дневник и письма капитана фон Бессера). Л.28.
 10 Там же. Л.48.
 11 Там же. Д.654 (солдатские письма, найденные у захваченных в плен германцев). Л.13.
 12 ЦДНА при МГИАИ. Ф.196. Оп.1. Д.61 (письма с фронта И.И.Чернецова, 1914-1915 гг.). Л.17-18,20-21.
 13 РГВИА. Ф.2019. Оп.1. Д.654. Л.22.
 14 Там же. Д.525. Л.87-88.
 15 Там же. Д.533. Л.75-76.
 16 Там же. Д.525. Л.87-88; Д.642. Л.24,30,44.
 17 Там же. Д.505 (опросные листы военнопленных и переписка разведывательного характера штаба XII-й армии). Л.118-119; Д.516 (сводки X-й армии по разведывательному отделению, 1915 г.). Л.19; Д.535. Л.75-76.
 18 Там же. Д.535. Л.75-76.
 19 Там же. Д.505. Л.118-119.
 20 Там же. Д.732. Л.32.
 21 Там же. Д.644 (Дневники военнопленных и убитых германцев, 1914-1915 гг.). Л.3.
 22 Комсомольская правда. 9 мая 1989.
 23 *Бланк А., Хавкин Б.* Вторая жизнь фельдмаршала Паулоса. М., 1990. С.173.

- 24 Из письма К.Симонова В.В.Томскому. 7 июня 1963 г. // *Симонов К.* Письма о войне 1943-1979. М.,1990. С.194.
- 25 Из письма К.Симонова С.Орту. 1970 г. // *Симонов К.* Письма о войне. С.420.
- 26 По обе стороны фронта. Письма советских и немецких солдат 1941-1945 гг. М.,1995. С.155-156.
- 27 *Толстой А.* Только победа и жизнь! // Публицистика периода Великой Отечественной войны и первых послевоенных лет. М.,1985. С.31.
- 28 *Симонов К.* На Эльбе и в Берлине // Венок Славы. Антология художественных произведений о Великой Отечественной войне. Т.П. М.,1986. С.328.
- 29 *Симонов К.* Июнь – декабрь // Публицистика периода Великой Отечественной войны и первых послевоенных лет. С.40-41.
- 30 *Песков В.* Война и люди. М.,1979. С.165.
- 31 *Симонов К.* Июнь – декабрь // Публицистика периода Великой Отечественной войны и первых послевоенных лет. С.39.
- 32 По обе стороны фронта. С.202.
- 33 Там же. С.201.
- 34 *Сурков А.* Земля под пеплом // Публицистика периода Великой Отечественной войны и первых послевоенных лет. С.139.
- 35 По обе стороны фронта. С.193.
- 36 Война Германии против Советского Союза. Документальная экспозиция города Берлина. Каталог. Berlin,1992. С.183-184.
- 37 *Эренбург И.* Душа России // Публицистика периода Великой Отечественной войны и первых послевоенных лет. С.231-232.
- 38 Немцы о русских. Сборник. М.,1995. С.39-40.
- 39 Музей Боевой Славы Исторического факультета МГУ. Личный фонд М.Т.Белявского. Фронтовые записки.
- 40 *Медведев Р.А.* Русские и немцы через 50 лет после мировой войны // Кентавр. 1995. № 1. С.12.
- 41 ЦАМО РФ. Ф.371. Оп.6570. Д.51. Л.104.
- 42 Там же. Д.76. Л.304-305.
- 43 Там же. Д.51. Л.214.
- 44 Они сражались с фашизмом. М.,1988. С.130-131.
- 45 *Сталин И.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М.,1952. С.46.
- 46 *Самойлов Д.* Люди одного варианта. (Из военных записок) // Аврора. 1990. № 2. С.91.
- 47 Война Германии против Советского Союза. Документальная экспозиция города Берлина. С.255.
- 48 Огонек. 1989. № 36. С.23.
- 49 Так, самого Л.Копелева обвинили в «жалости к противнику» и в результате он был осужден, десять лет провел в лагерях.
- 50 ЦАМО РФ. Ф.372. Оп.6570. Д.78. Л.30-32.
- 51 *Жуков Ю.* Солдатские думы. М.,1987. С.337.
- 52 ЦАМО РФ. Ф.372. Оп.6570. Д.76. Л.92,94.
- 53 *Алексиевич С.* У войны – неженское лицо. Минск,1985. С.301-302.

- ⁵⁴ Коммунист. 1981. № 8. С.71-72.
- ⁵⁵ *Самойлов Д.* Указ.соч. С.93.
- ⁵⁶ *Леонов Л.* Немцы в Москве // Публицистика периода Великой Отечественной войны и первых послевоенных лет. С.259.
- ⁵⁷ См.: *Самсонов А.М.* Знать и помнить. Диалог историка с читателем. М.,1989. С.79-81.
- ⁵⁸ Цит. по: *Волкоготовов Д.А.* Морально-политический фактор Великой Победы // Вопросы философии. 1975. № 3. С.106.
- ⁵⁹ ЦДНА при МГИАИ. Ф.118. Оп.1. Д.12. Л.38-40.
- ⁶⁰ Музей боевой славы Исторического факультета МГУ. Личный фонд Ю.И.Каминского.
- ⁶¹ *Медведев Р.А.* Указ.соч. С.12.
- ⁶² По обе стороны фронта. С.162.
- ⁶³ Война Германии против Советского Союза. Документальная экспозиция города Берлина. С.242.
- ⁶⁴ *Медведев Р.А.* Указ.соч. С.15.
- ⁶⁵ См.об этом: *Элиаде М.* Космос и история. М.,1987.
- ⁶⁶ *Буганов А.В.* Русская история в памяти крестьян XIX века и национальное самосознание. М.,1992. С.180.
- ⁶⁷ *Энгельгардт А.Н.* Из деревни. 12 писем. 1872-1887. М.,1960. С.235.
- ⁶⁸ *Емец В.А.* А.П.Извольский и перестройка внешней политики России (соглашения 1907 г.) // Российская дипломатия в портретах. М.,1992. С.344.
- ⁶⁹ Набор таких открыток экспонируется в московском Музее революции.
- ⁷⁰ *Симаков В.И.* Частушки про войну, немцев, австрийцев, Вильгельма, казаков, монополию, рекрутчину, любовные и т.д. Пг.,1915. С.9.
- ⁷¹ Цит.по: *Головин Н.Н.* Военные усилия России в мировой войне // Военно-исторический журнал. 1993. № 11. С.55.
- ⁷² Царская армия в период мировой войны и Февральской революции. Сборник писем солдат царской армии. Казань,1932. С.71-72.
- ⁷³ *Изгоев А.* Обрывки воспоминаний и заметки. Архив русской революции. Т.10. М.,1991. С.20.
- ⁷⁴ РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.85. Д.19. Л.138.
- ⁷⁵ ГАОО. Фонд П-48. Оп.1. Д.316. Л.105.
- ⁷⁶ Красноармейский фольклор. М.,1938. С.112.
- ⁷⁷ Там же. С.114.
- ⁷⁸ ВЦДНИ. Ф.1. Оп.1. Д.1755. Л.3 об.
- ⁷⁹ «Назначить революцию в Германии на 9 ноября» // Источник. 1995. № 5. С.134.
- ⁸⁰ *Вацетис И.И.* О военной доктрине будущего. М.,1923. С.48-49.
- ⁸¹ Будущая война. М.,1928. С.35-36.
- ⁸² *Захаров М.В.* Генеральный штаб в предвоенные годы. М.,1989. С.44.
- ⁸³ Подробнее см.: *Орлов Б.М.* В поисках союзников: командование Красной Армии и проблемы внешней политики СССР в 30-х годах // Вопросы истории. 1990. № 4. С.40-53.
- ⁸⁴ Материалы февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП(б) 1937 г. // Вопросы истории. 1995. № 7. С.8.
- ⁸⁵ *Верт А.* Россия в войне 1941-1945. М.,1967. С.64-65.

- ⁸⁶ *Лабас Ю.* Черный снег на Кузнецком (война глазами восьмилетнего москвича) // Родина. 1991. № 6-7. С.36.
- ⁸⁷ *Бобылев П.Н.* К какой войне готовился Генеральный штаб РККА в 1941 г.? // Отечественная история. 1995. С.6-7.
- ⁸⁸ *Сталин И.В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М.,1948. С.16.
- ⁸⁹ Москва военная. 1941-1945. Мемуары и архивные документы. М.,1995. С.74,75.
- ⁹⁰ Пословицы. Вып.1. М.,1942. С.1.
- ⁹¹ *Сталин И.В.* Указ.соч. С.33.
- ⁹² Москва военная... С.671.
- ⁹³ Союзники в войне 1941-1945 гг. М.,1995. С.377.
- ⁹⁴ Цит.по: *Иванов Р.Ф., Петрова Н.К.* Общественно-политические силы СССР и США в годы войны: 1941-1945. Воронеж,1995. С.197-198.
- ⁹⁵ См. об этом: *Позняков В.В.* Внешняя политика трех великих держав и образ союзников в советской пропаганде в годы второй мировой войны. 1939-1945 гг. // Ялта. 1945. Проблемы войны и мира. М.,1992. С.175.
- ⁹⁶ *Козлов Н.Д.* Общественное сознание в годы Великой Отечественной войны (1941-1945). СПб.,1995. С.64-65.
- ⁹⁷ Союзники в войне... С.379-380.
- ⁹⁸ Цит.по: Сталин. Рузвельт. Черчилль. Де Голль: Политические портреты. Минск,1991. С.213.
- ⁹⁹ О советской пропаганде в годы войны подробнее см.: *Козлов Н.Д.* Указ.соч.; *Невежин В.А.* Из истории культурных связей СССР с Великобританией и США в рамках антигитлеровской коалиции (1941-1945 гг.) // Духовный потенциал победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. М.,1990. С.202-226; *Поздеева Л.В.* Межсоюзнические переговоры о координации пропаганды (1941-1944 гг.) // Ялта. 1945 год. Проблемы войны и мира. М.,1992. С.144-151; *Позняков В.В.* Указ.соч.; Союзники в войне... С.326-347; и др.
- ¹⁰⁰ *Позняков В.В.* Указ.соч. С.175.
- ¹⁰¹ Москва военная... С.50-52.
- ¹⁰² См., например: Международное положение глазами ленинградцев, 1941-1945. (Из Архива Управления Федеральной Службы Безопасности по г.Санкт-Петербургу и Ленинградской области). СПб.,1996. С.23,44,48-49 и др.
- ¹⁰³ Москва военная... С.68-69.
- ¹⁰⁴ Воюющая некомпетентность // Военно-исторический журнал. 1992. № 2. С.58.
- ¹⁰⁵ Международное положение глазами ленинградцев... С.14.
- ¹⁰⁶ *Верт А.* Указ.соч. С.339.
- ¹⁰⁷ Москва военная... С.477.
- ¹⁰⁸ Международное положение глазами ленинградцев... С.52-53.
- ¹⁰⁹ Там же. С.49,53,75.
- ¹¹⁰ Эти частушки были записаны в 1943 г. в Никольском районе Вологодской области. См.: Частушки в записях советского времени. М.-Л.,1965. С.164.
- ¹¹¹ *Верт А.* Указ.соч. С.480.

- ¹¹² Москва военная... С.666.
- ¹¹³ Речь идет об англо-советском договоре о союзе и сотрудничестве от 26 мая и об англо-советском и американо-советском коммюнике относительно «второго фронта» от 12 июня 1942 г. Цит.по: *Сенявская Е.С.* Человек на войне. Историко-психологические очерки. М.,1997. С.166.
- ¹¹⁴ Данный абзац в письме написан по-английски, возможно, автор опасался цензуры. Цит.по: *Сорокин В.С.* Из военных лет // Ивановский государственный университет глазами современников. Иваново,1995. Вып.2. С.163.
- ¹¹⁵ *Верт А.* Указ.соч. С.264.
- ¹¹⁶ Русский советский фольклор. Антология. Л.,1967.
- ¹¹⁷ *Bailes K.* Soviet Science in the Stalin Period: The Case of V.I.Vernadskii & his School. 1928-1945 // *Slavic Review.* Vol.45. № 1. P.36.
- ¹¹⁸ *Сорокин В.С.* Указ.соч. С.161.
- ¹¹⁹ Международное положение глазами ленинградцев... С.44.
- ¹²⁰ Там же. С.125.
- ¹²¹ Там же. С.126.
- ¹²² Там же. С.124.
- ¹²³ *Козлов Н.Д.* Указ.соч. С.70.
- ¹²⁴ Там же. С.72.
- ¹²⁵ Русская частушка. Л.,1950. С.401-402.
- ¹²⁶ *Зубкова Е.Ю.* Общество, вышедшее из войны: русские и немцы в 1945 году // Отечественная история. 1995. № 3. С.95.

Список использованных архивов

- АВП МИД РФ — Архив внешней политики Министерства иностранных дел Российской Федерации
- АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи
- ВЦДНИ — Центр документации новейшей истории архивного отдела Воронежского облисполкома
- ГАВО — Государственный архив Воронежской области
- ГАОО — Государственный архив Орловской области
- ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации
- РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства
- РГВА — Российский государственный военный архив
- РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив
- РЦХИДНИ — Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории
- ЦАМО РФ — Центральный архив министерства обороны Российской Федерации
- ЦАОДМ — Центральный архив общественных движений г. Москвы
- ЦДНА при МГИАИ — Центр хранения документации “Народный Архив” при Московском государственном историко-архивном институте

Содержание

<i>Введение</i>	3
Глава I. Историко-культурные предпосылки формирования образа Запада	
1. Россия и Запад: возникновение образа (XI–XIX вв.)	12
2. Россия и Запад в 1900–1917 гг.	40
Глава II. Система внешнеполитической пропаганды в СССР	
1. Формирование системы внешнеполитической пропаганды в 1920–30-е гг.	69
2. Синдром «наступательной войны» в пропаганде начала 1940-х гг.	95
Глава III. Динамика образа Запада в 1917–1945 гг.	
1. Советская Россия и Запад в 1920-е годы	121
2. Внешнеполитические стереотипы советского общества 1930-х годов	145
3. Советская военная элита 1920–30-х гг. и Запад	168
4. Советская интеллектуальная элита и Запад на рубеже 1930–40-х гг.	197
Глава IV. Образ Запада в контексте мировых войн	
1. «Образ врага» в сознании участников мировых войн	235
2. «Образ союзника» в сознании российского общества в 1914–1945 гг.	275
Заключение. Социально-культурная логика трансформации образа Запада в первой половине XX в.	291
<i>Примечания</i>	305
<i>Список использованных архивов</i>	334